

ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА
НА ВОСТОЧНОМ
ФРОНТЕ

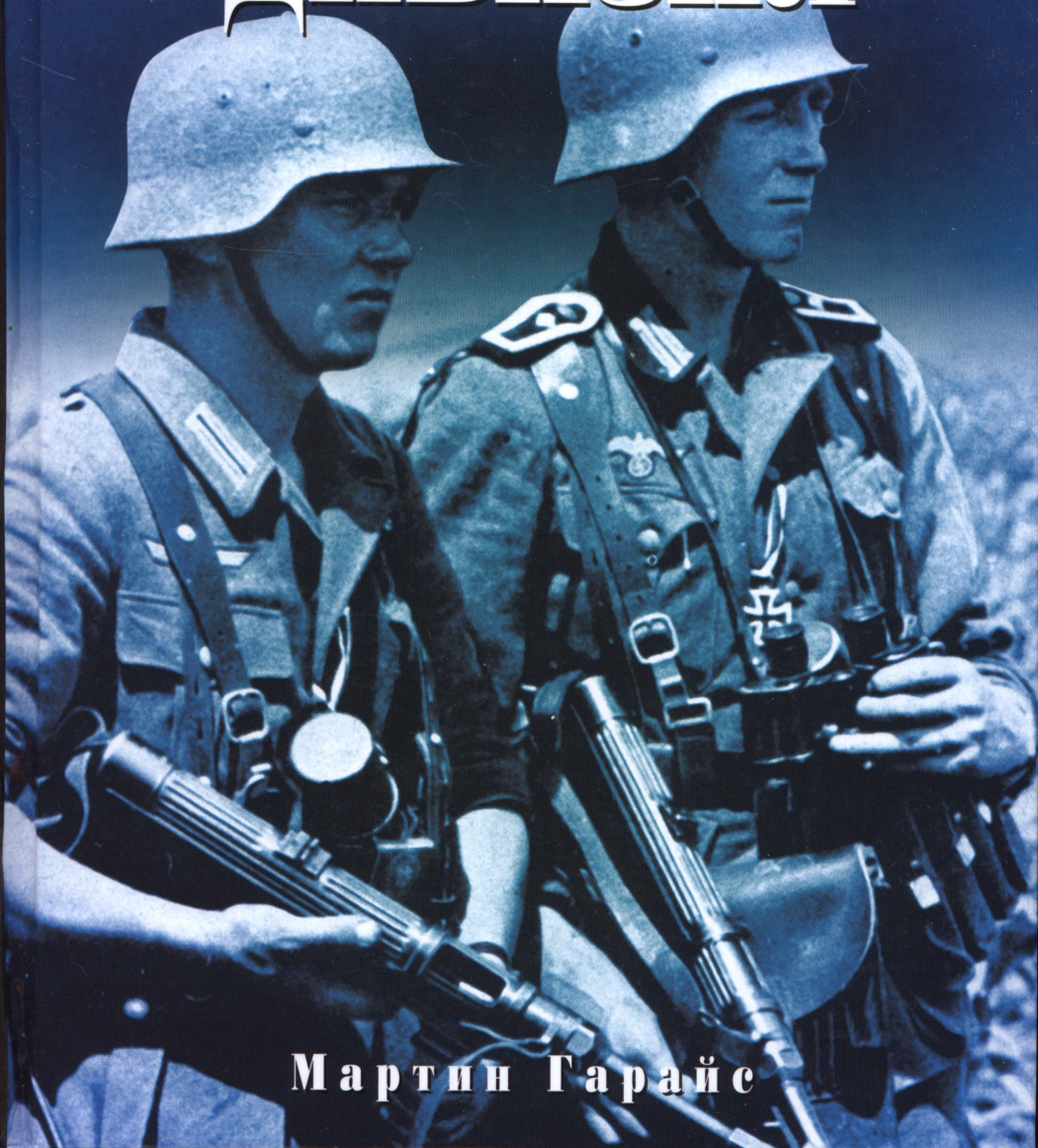
ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА
НА ВОСТОЧНОМ
ФРОНТЕ

98-я пехотная дивизия

М. Гарайс 98-я пехотная дивизия

Мартин Гарайс

**ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Martin Gareis

98. Infanterie- division

**Kampf und Ende der Fränkisch-
Sudetendeutschen**

**ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Мартин Гарайс

98-я пехотная ДИВИЗИЯ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
Г20

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Е. Ю. Шурлаповой*

Серия «Дивизии вермахта на Восточном фронте»
выпускается с 2013 года

Гарайс М.

Г20 98-я пехотная дивизия. 1939—1945 / Пер. с нем. Л. Д. Ведерниковой. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. — 351 с. — (Дивизии вермахта на Восточном фронте).

ISBN 978-5-227-04216-3

В ваших руках книга, открывающая новую серию «Дивизии вермахта на Восточном фронте». Эта серия призвана не только и не столько познакомить читателя с историей соединений вермахта периода Второй мировой войны, хотя сама по себе она очень интересна. Главная задача, которую ставит перед собой издатель, — внести новое слово в историографию Великой Отечественной войны. Не секрет, что в этой области до сих пор остается немало пробелов.

98-я пехотная дивизия — типичное пехотное соединение вермахта, прошедшее долгий и нелегкий боевой путь, начиная с довольно простой кампании во Франции и заканчивая трагическими страницами разгрома в Крыму весной 1944 г., а затем пленением союзными войсками в Италии. Пешим маршем дивизия отмеряла тысячи километров чужой земли, обильно полив ее немецкой кровью. Автор книги бывший командир дивизии генерал Мартин Гарайс тем не менее не задается вопросом, что же делал немецкий солдат в далеких землях, где ему были совсем не рады.

Привыкший за последние десятилетия к некоторой романтизации вермахта, читатель немало удивится, узнав о том, что с самых первых дней войны с Советским Союзом немцы уяснили, что легкая прогулка закончилась, что уже в августе 1941 г. немецкая пехота несла тяжелейшие потери, что 98-я дивизия (как и многие другие пехотные дивизии вермахта) сменила из-за потерь несколько составов и только без вести пропавшими в ее списках числилось более 4 тысяч человек. Советский солдат, которого М. Гарайс называет обобщающе «большевиком» и понимает как безликую серую массу, тем не менее не раз вызывает если не восхищение, то удивление автора своей стойкостью, упорством и самопожертвованием.

Книга рассчитана на историков и широкий круг читателей.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Copyright © Podzun-Pallas-Verlag GmbH,
Eggolsheim
© Перевод, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2013
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2013
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2013

ISBN 978-5-227-04216-3

От издательства

В ваших руках книга, открывающая новую серию издательства «Центрполиграф». Эта серия призвана не только и не столько познакомить читателя с историей соединений вермахта периода Второй мировой войны, хотя сама по себе эта история очень интересна. Главная задача, которую видит издатель, — внести новое слово в историографию Великой Отечественной войны. Не секрет, что в этой области остается немало пробелов. Часть архивов Красной армии навсегда исчезла в хаосе и котлах 1941 и 1942 гг. Значительное число документов засекречено до сих пор. В этом отношении большим подспорьем могут послужить летописи дивизий вермахта, отличающиеся чрезвычайной подробностью описания боевого пути, боев и обстановки, в которой им приходилось воевать на Восточном фронте. Сугубо позитивистский подход к историописанию — отличительная особенность всей историографии немецких дивизий. Во многом этому способствовала специфическая источниковая база (журналы боевых действий, донесения, отчеты) и относительно узкий охват событий в масштабах полосы действий одной дивизии, не оставлявший авторам простора для широких обобщений.

Истории соединений вермахта стали появляться вскоре после окончания Второй мировой войны. Многочисленными очагами памяти о прошедших трагических событиях стали ветеранские организации дивизий. Именно там в большинстве случаев готовились летописи дивизий. Представленная на суд читателя работа именно такова. Она была написана в начале 1950-х гг., что называется, по горячим следам. Автору книги генералу Мартину Гарайсу, бывшему командиру дивизии (с 31 декабря 1941 г. по 1 февраля 1944 г.) удалось собрать огромный фактический материал: помимо оперативных и отчетных документов самой дивизии и входивших в ее состав частей и подразделений, он воспользовался массой отчетов и личных воспоминаний офицеров дивизии, отчасти — унтер-офицеров и рядовых. В этом отношении история 98-й пехотной дивизии выгодно отличается в ряду других подобных работ, среди которых встречаются лишь слегка адаптированные для широкой публики журналы боевых действий соединений вермахта. Такие тексты весьма громоздки и сложны для чтения. Работа М. Гарайса отличается жи-

востью описания, динамичностью и, несмотря на обилие топонимики и военной терминологии, читается на одном дыхании.

Что касается самой 98-й пехотной дивизии — то это типичное пехотное соединение вермахта, прошедшее долгий и нелегкий боевой путь, начиная с довольно простой и даже где-то легкомысленной кампании во Франции и заканчивая трагическими страницами разгрома в Крыму весной 1944 г. Пешим маршем дивизия отмеряла тысячи километров чужой земли, обильно полив ее немецкой кровью. Современный читатель воспитан на укоренившемся в последние десятилетия взгляде на историю советско-германского фронта как на противостояние преобладающих численно советских войск умелому и расчетливому врагу. И победа в этом противостоянии якобы была достигнута лишь ценой громадных потерь. Сторонник подобных штампов немало удивится, читая о том, что с самых первых дней войны с Советским Союзом немцы уяснили, что легкая прогулка закончилась, что уже в августе 1941 г. немецкая пехота несла тяжелейшие потери, что 98-я дивизия (как и многие другие пехотные дивизии вермахта) сменила из-за потерь несколько составов и только без вести пропавшими в ее списках числится более 4 тысяч человек. И это у немцев, которые при любых обстоятельствах старались хоронить своих павших! Книга пронизана болью к трагедии немецкого солдата, хотя автор и не пытался объяснить: что же делал немецкий солдат в чужих краях, за что нес такие страдания? Как и многие генералы вермахта, М. Гаррайс не готов разделить ответственность за преступления гитлеровского режима, заявляя, что его дивизия «действовала по законам военного времени и перед Богом чиста». Он постарался избегать идеологических и политических оценок событий войны и противника. Советский солдат, которого автор называет обобщающе «большевиком» и понимает как безликую, убогую массу, тем не менее, что называется, «уважать себя заставил». В книге при разборе того или иного боя много раз можно отметить если не восхищение, то удивление автора стойкостью, упорством и самопожертвованием этих самых «большевиков».

В отечественной историографии не сложилось течения, сколько-нибудь сравнимого с немецким летописанием дивизий. Историй советских дивизий на порядок меньше. По содержанию (как и по объему) они существенно уступают немецким. Драматические страницы их боевого пути, каковых было немало, как правило, обозначены пунктирно, без подробностей. Издававшиеся в советское время книги перегружены героикой и идеологическими мотивами. В постсоветское время этот жанр и вовсе был практически забыт. Об этом можно лишь сожалеть, учитывая, что только стрелковых дивизий (гвардейских и негвардейских) в Красной армии в годы войны было около шестисот и почти каждая переформировывалась по нескольку раз. Своеобразная микроистория, в которой война и человеческие судьбы в ней были бы прорисованы более конкретно, а не широкими мазками стратега, — пожалуй, то, чего не хватает для подлинно глубокого понимания событий семидесятилетней давности.

Предисловие

История 98-й франконско-судетской (немецкой) пехотной дивизии дает представление о солдатских и человеческих взаимоотношениях, настроениях, самообладании и поразительной атмосфере товарищества на примере обычной пехотной дивизии вермахта. Дух пехотинцев этой дивизии был их лучшим и надежнейшим оружием. Именно он придавал солдатам силы, поддерживал веру и волю отдавать свою жизнь за свободу и целостность родины до самого горького конца.

Повествование не претендует на полноту и точность воспроизведения боевых действий. Возможно, умонастроения и убеждения тех лет несостоятельны перед критическим взглядом современности. Однако подвиги и жертвы никогда не померкнут перед лицом истории, ибо верность долгу в мыслях и поступках остается на все времена высшим законом солдатской чести.

Посвящается памяти всех павших, пропавших без вести и забытых товарищей; на память их близким и всем выжившим бойцам дивизии!

Мартин Гарайс

Формирование дивизии

9 сентября 1939 года был издан приказ Верховного командования сухопутных войск — Az 11 АНА Ia № 6081/39 под грифом «секретно», запустивший пятую волну мобилизации¹. И уже без малого через две недели из сейфа исполняющего обязанности командующего XIII военным округом в Нюрнберге извлекаются подготовленные документы и без промедления начинают осуществляться предписанные в них мероприятия, дающие жизнь 98-й пехотной дивизии.

К 20 сентября 1939 года на многочисленные призывные пункты собирается будущий личный состав подразделений. В спешном порядке прибывают новобранцы из Кобурга, Лихтенфельза, Вайдена, Регенсбурга, Нюрнберга, Фюрта, Штраубинга, Мюнхена, Бамберга, Вюрцбурга, Людвигсбурга, Хайльбронна, Мергентхайма и Штутгарта, а также из Верхнего Пфальца, Франконии и Швабии. Никто еще не догадывается, чем для них обернется эта только что начавшаяся война. После беспрепятственного вторжения в Польшу всем кажется, что она близится к концу. Того же мнения придерживаются и судетские немцы, прибывающие из Миса, Ташау, Плана, Мариенбада, Эгера, Фалькенау, Карлсбада, Комотау, Заца, Подерзама, Петерсбурга и их окрестностей. Что им за дело до этой войны? Разве что всем и каждому придется пройти военную подготовку, если уж машина запущена.

Здесь нет ни места, ни нужды рассказывать о неразберихе первых часов. Но уже после двух организационных дней разношерстные толпы, состоящие из мужчин разных возрастных групп: участники Первой мировой войны, малообученные резервисты и юнцы, только что выросшие из штанишек гитлерюгенда, — гуртом хлы-

¹ Всего с 1934 по апрель 1945 г. было 35 «волн» с разными условиями формирования. (*Примеч. пер.*)

нули на учебный плац Графенвёра, и тихие улочки с бараками превратились в роящийся улей. И этот дикий хаос вскоре должен был стать 98-й пехотной дивизией. Во всяком случае, так решили командиры во главе с генерал-майором Шрёком. А новобранцы со своей стороны, превратившись в усердных и дисциплинированных школяров, с полной самоотдачей и неослабевающим воодушевлением принялись за решение поставленной задачи.

Графенвёр

С 24 сентября по 2 ноября, за шесть недель, наполненных тяжелым, изнурительным трудом по боевой и учебной подготовке, образуется так называемая 98-я франконско-судетская (немецкая) пехотная дивизия, основой которой стали мощные пополнения из Вюртемберга и Бадена, Швабии и Нижней Баварии, а также другие, более мелкие, но не менее важные вливания из многих немецких земель. И этот костяк выдержит проверку в самых тяжелых испытаниях.

Поначалу — да и позже — все давалось невероятно трудно. Много труднее, чем в дивизиях с кадровыми полками, имевшими преимущество в полноценном оснащении и вооружении. Здесь же почти весь командный состав, вплоть до командиров высших подразделений, были офицерами запаса. Совсем недавно они имели гражданскую профессию и не носили униформы. Лишь немногие из кадровых унтер-офицеров и рядовых в первое время выделялись военной выправкой, но вскоре и они растворились в общей массе резервистов.

Оружие и материальная часть поступали в большинстве своем с чехословацких трофейных складов, а это предполагало полное переобучение и переподготовку всего личного состава, в отличие от артиллерийских и истребительно-противотанковых войск, не имевших проблем с вооружением. Инструкторы и те должны были переучиваться! По счастью, некоторые судетские немцы служили в свое время в чехословацкой армии и теперь могли обеспечить ценный инструктаж. В гужевом транспорте зачастую не подходила упряжь, и навыки ездовых на первых порах приходилось оттачивать с помощью канатов, вместо мундштуков и уздечек!

Кроме всего прочего, дивизии не хватало моторизации, чтобы отвечать современному уровню требований. Чем эта нехватка обернется в предстоящие годы, в Графенвёре никто даже не подозревал.

Одно утешало: дивизии были приписаны музыканты. Уже 30 сентября военный оркестр 73-го запасного пехотного полка Эрлангена под командованием капельмейстера Целера поступает в распоряжение 282-го пехотного полка. В ноябре 1939 года из него выделяются военные оркестры во главе с капельмейстерами Рекнагелем и Хапке в 289-й и 290-й полки.

Военные музыканты не только воодушевляли и развлекали солдат в мирных условиях, но и служили санитарями-носильщиками в боях, становясь им верными помощниками и боевыми соратниками.

Когда 24 октября был получен приказ о переводе дивизии в ведение штаба IX корпуса (генерал пехоты Гайер) для участия в боевых действиях на Западном валу¹, ее структура уже была четко упорядочена. Среди старшего и младшего командного состава некоторые офицеры поменялись местами, уступив высшие должности тем, кто принимал участие в Польской кампании.

Закончивший обучение в ускоренные сроки инженерно-саперный батальон перебрасывается в Регенсбург, где проходит подготовку по наводке мостов через Дунай, поскольку во Франции первостепенной задачей станут именно речные переправы.

Роты, батареи и прочие войсковые подразделения к этому времени сформировались и сплотились, наладив также взаимодействие между собой. Теперь каждый чувствует плечо друга и понимает, что значит дух товарищества.

1 ноября 1939 года дивизия причисляется к действующей армии. С 3 по 7 ноября она переправляется в тыловой район Германии к месту своей новой дислокации на ближайшие три месяца.

Боевое крещение на Западном валу

Штаб дивизии первоначально расквартировывается в казармах Орффа¹ в Шпайере. Первые, немного прохладные ноябрьские дни стоят погожие. Собор купается в лучах солнца. Абрис высоких башен четко выступает на фоне голубого неба. В городе небывалый наплыв людей в униформе, сквозь толпы которых опасно и терпеливо протискиваются благожелательные бюргеры².

В скором времени пехотинцам предстоит занять позиции, определенные дивизии на участке Западного вала между Вайсенбург-

¹ Западный вал, или линия Зигфрида — система укреплений вдоль западной границы нацистской Германии. (*Примеч. пер.*)

² Казармы названы в честь генерала Карла фон Орффа (1831—1915). (*Примеч. пер.*)

ской низиной и Рейном. 246-я дивизия, прежде стоявшая по Лаутеру между Оберотербахом и Лаутербургом, готовится к отводу. К 12 ноября переброска должна быть завершена.

От Вайсенбурга через Лаутербург по течению Лаутера к Рейну выдвинуты для обороны предполья боевые форпосты. Далее на три-четыре километра в тылу с запада на восток проходит передний край обороны с бетонными бункерами, несколькими дотами и противотанковыми заграждениями. Эта оборонная линия вдоль по Лаутеру однажды уже сыграла свою роль в истории. Сооруженные в 1704 году насыпные валы и окопы с траншеями защищали Верхний Эльзас и Страсбург. Здесь в октябре 1793 года разыгрывались жесточайшие битвы, закончившиеся прорывом и изгнанием французских захватчиков. С той далекой поры остались лишь названия да поросшие останки валов и редутов, которым теперь на короткое время выпало вновь пережить сумбур «Странной войны».

Через два дневных перехода рубежи, предписанные полкам, были достигнуты, и радио- и телефонные отделения 198-го батальона связи устремились к местам своих назначений: коммутационные и строительные команды, подразделения снабжения, линейно-эксплуатационные команды связи.

12 ноября передислокация была завершена: 246-я пехотная дивизия выведена, а 98-я заняла ее позиции. По правому флангу — 290-й пехотный полк, в соединении с 1-м дивизионом 198-го артиллерийского полка и 3-й ротой 189-го учебно-тренировочного саперного батальона должны были занять открытую холмистую местность между Вайсенбургом и лесом Бинвальд. Здесь было приказано возвести плотную линию долговременных огневых сооружений и противотанковых заграждений. На деле выполнить задачу оказалось не так-то просто. Характер местности напротив, с французской стороны, казался похожим, но позиция 290-го пехотного полка проигрывала в том, что с высоты Гайсберга его ближний тыл был у врага как на ладони!

Дислоцированный по большей части во влажных массивах Бинвальда 282-й пехотный полк совместно с 2-м дивизионом 198-го артиллерийского полка и 2-й инженерно-саперной ротой занимают центральную позицию. Они вместе с ответственным за левый фланг вплоть до Рейна 289-м пехотным полком и на том же рубеже со своими задачами 2-м дивизионом 198-го артиллерийского полка и 1-й инженерно-саперной ротой разделяют общую «судьбу фифи»¹.

¹ Ф и ф и (*Tringa glareola* L.), семейство бекасовых — региональный вид кулика. (*Примеч. пер.*)

В районе Дирбах-Фрекенфельд на позиции выдвигается также 4-й дивизион тяжелой артиллерии 198-го артиллерийского полка.

На левом рубеже оборона усиливалась запрудой по Лаутеру. На правом, на позиции 282-го и 290-го пехотных полков, передний край обороны с несколькими дотами в Вайсенбургской низине был готов к жесткому противостоянию. Эти железобетонные огневые точки, проложенные в три этажа, представляли собой новейшее достижение в области фортификационных сооружений. Бронебашни и бронеколпаки, убирающиеся пулеметы, вращающиеся скорострельные минометы и огнеметы многократно усиливали огневую мощь сооружений. Запасы боеприпасов, продовольствия и другого снабжения были рассчитаны на 30 дней. Собственный источник питьевой воды и автономная энергоустановка обеспечивали независимость от внешнего мира.

Установка и приведение в боевую готовность орудий стало первой трудоемкой, но вполне посильной задачей для 198-го артиллерийского полка. Все огневые позиции расположены в густом лесу, и на их оборудование уходит много времени.

Задача инженерно-саперных подразделений по возведению долговременных огневых сооружений, блиндажей, блокаузов и заграждений, равно как и закладке минных полей в предполье Западного вала, сильно затрудняется природными условиями: большая часть дивизии дислоцирована на чрезвычайно влажной местности.

Здесь, на Западном валу, закладываются подлинно товарищеские отношения между пехотой, артиллерией и саперами — отношения, которым в будущем предстоит выдержать испытание временем. Это в равной мере относится и к другим родам войск, входящим в эту дивизию.

Выдвинутые далеко в предполье пехотные роты несут сменную вахту по 14 дней. Там, в густом непроглядном лесу, долгими ночами с ноября по февраль солдаты боевых форпостов напрасно напрягают зрение, пытаясь рассмотреть, где находятся французские посты, откуда могут объявиться разведгруппы. Однако противник не проявляет себя. Тем напряженнее становится дозорная служба, тем большего внимания требует ночная тьма.

Так что ничего удивительного нет в том, что первые потери происходят на краю нейтральной полосы по причине усиленной бдительности и, как следствие, нарастающей нервозности, особенно в ночные часы. В первые же недели немецкие часовые застрелили троих своих сослуживцев, еще шестеро получили ранения от неосторожного обращения с оружием.

Тяжело ранены оказались четыре сапера — трое с последующим летальным исходом. Все они подорвались на собственных противопехотных минах, заложенных в предыдущие месяцы. Иногда на мины натыкались косули или кабаны и с грохотом взлетали к небесам, не оставляя после себя ни кусочка, пригодного в пищу.

При создавшихся метеоусловиях бетонные бункеры переднего края часто давали течь из-под грунта. Возведенные в авральных обстоятельствах в рекордно короткие сроки, они не были снабжены сточными резервуарами и поэтому подвергались затоплению. Бункеры инженерно-саперных подразделений, с более длительными сроками сооружения, оказались надежнее. Даже посреди разлившихся вод они оставались сухими внутри. Приходилось в спешном порядке прокладывать сотни метров деревянных ростверков, чтобы обеспечить доступ к жилым блиндажам и поддерживать между ними сообщение. Хорошо еще, что последние 300 м территории в зоне боевых форпостов вплоть до Лаутера представляли собой песчаные почвы с хорошим дренажем. Посты и траншеи в этом районе были постоянно пригодны к использованию. В остальных местах сырость — и сверху и снизу — превратилась в большую проблему. В конечном итоге вода грозила поглотить все, особенно в той части Бинвальда, которая на карте получила меткое название: «Заушвам»!¹ На этом участке грунтовые воды поднимались более чем на штык лопаты, а нижние твердые слои мешали просачиванию или стеканию воды. Не помогали ни бурение, ни прокладка отводных рвов — целые озера разливались по лесу. Нагромождения из дрейфующих и застрявших сучьев, коряг, поваленных деревьев являли собой причудливую картину: будто попадаешь во времена свайных построек. К тому же всепроникающая влажность добавляла других бед: печи в бункерах нещадно чадили, и, как следствие, воспаленные глаза и тяжелые головы солдат.

Часовые на постах, конечно, не пытались завязать дружеские отношения с неприятелем, но время от времени случались своеобразные «обмены информацией» с французами. В канун Рождества выяснилось, что 282-му пехотному полку на том берегу противостоит полк тоже под номером 282. Обер-лейтенант 2-й саперной роты Пфицер наблюдал, как в районе Бинвальд-Мюле происходила «мена дефицитного имущества»: за переброшенную через Лаутер пачку сигарет на немецкий берег летел жареный цыпленок!

В ходе многочисленных разведывательных операций по рекогносцировке местности на случай возможных нападений, а также на

¹ Sauschwamm (нем.) — здесь: гиблое место.

обнаружение вражеских оборонительных сооружений — что неизбежно сопровождалось «взятием языков» — пехотинцы, часто совместно с саперами, накапливали разведанные о противнике и проходили боевую закалку. В таких ночных вылазках все полки несли серьезные потери. Особо тяжелыми они были: для 290-го пехотного полка в вылазке к французским опорным пунктам Реми-Мюле, для 282-го пехотного полка — к расположенному на нейтральной полосе старинному редуту Бинвальд-Мюле, а для 289-го пехотного неизгладимыми останутся потери в районе Лаутербурга и у Риттер-редута. Добровольцами в эти разведгруппы, как правило, вызывались самые отважные и хладнокровные бойцы. И отнюдь не всегда среди них оказывались те, что держались как «бывалые рубаки» или те, которые кичились прошлыми победами.

С инспекцией успешности фортификационных работ и несения службы на Западный вал часто — слишком часто! — прибывали высокие чины: командующий, командир дивизии. Подчас их визиты вызывали куда больший переполох, чем сами французы. Например, один пожилой богемец стоит дозором в окопе-укрытии на переднем рубеже. Все внимание в сторону вражеских позиций. Таков приказ: бдительно смотреть вперед! Генерал, приблизившись сзади, застаёт его врасплох, а оклик приводит бедолагу в полную прострацию — он лишается дара речи. После нескольких судорожных попыток отрапортовать часовой, сраженный неудачей, окончательно сникает. Даже на подбадривающие слова генерала он тупо молчит. Генерал неодобрительно качает головой и удаляется.

В условиях скучной позиционной войны предпринимались отчаянные попытки оживить будничную службу личного состава. Достаточно эффективными оказались курсы для младшего командного состава, курсы спецподготовки по владению стрелковым оружием и тяжелым вооружением, а также учебные стрельбы по управлению огнем. В последних отрабатывались, кроме прочего, действия всего личного состава связистов; проверялась общая сеть связи командных бункеров; проходили испытание все средства связи, дисциплина разговоров и язык приказов всех командных структур.

В тылу, в разных населенных пунктах Пфальца, в первые ноябрьские дни завязываются тесные дружеские узы между радушными, добросердечными жителями и бойцами дивизии. Эти отношения протянутся потом через долгую череду военных лет, а многие из романтических связей завершатся браками.

Чем глубже в тыл, тем менее желательны — не только для военнослужащих — встречи с командиром дивизии. Дисциплина дви-

жения по дорогам строго прописана. Если мимо вас следует генеральский автомобиль с флажком командующего, значит, «Он» там, и его следует соответствующим образом приветствовать. Был такой случай: два обывателя, увлеченные по дороге разговором, просмотрели машину «Самого», и тот в приступе гнева наложил на них пять суток ареста. По дивизии потом ходила байка: генерал взял аж двух языков — профессора математики и студийнрата!

Но в общем и целом в дивизии царили порядок и дисциплина. Если время от времени и поступали жалобы от местных, то они в основном касались членов трудовых организаций¹, все еще занятых на возведении фортификаций Западного вала. По окончании рабочего дня те промышляли по округе, и контролировать их не представлялось возможным. Но тем не менее не все записанные на их счет пропавшие куры были и в самом деле на их совести. Честно говоря, куры повсеместно в занятом войсками регионе разбегались при виде... солдатской униформы! В Штайнфельде один петух, заметив приближающегося пехотинца, из чистого пиетета и преклонения перед формой с отчаянной отвагой перелетел аж за два двора подальше.

Земля Пфальц, позади линии фронта и позади Бинвальда, отмечена особым очарованием в лучах заходящего солнца, отбрасывающего длинные тени. Чуть дальше простираются волны пологих холмов с мирно дремлющими на их склонах деревнями. Темно-синие пики близлежащего леса Хардтер-Вальд плавно переходят в фиолетовую даль Шварцвальда, а на переднем плане могучим темным пятном выступает лес Бинвальд, в котором, собственно, и окопалась почти вся пехотная дивизия.

Однако не все солдаты расположенной по ту сторону 23-й французской дивизии являлись мирными ополченцами. В ночное время, когда разведдзоры выходили в пойму реки, охрана по Лаутеру сталкивалась с другими, опытными и бесстрашными. Случались стычки, перестрелки с применением ручных гранат и, конечно, потери. Потери случались также при пристрелке минометчиков и артиллерии в результате ответного огня.

Так что «сидячая война» на Западном валу все-таки обернулась войной, с ее неразберихой и дисциплиной, радостями и горестями, ранеными и убитыми. 23 декабря 1939 года главком сухопут-

¹ К началу войны на строительных работах Западного вала было занято 58 тыс. человек из Государственной трудовой службы (RAD) и 158 тыс. рабочих из Организации Готта (ОТ). С объявлением мобилизации около 20 тыс. человек из RAD были призваны на военную службу. Из остальных около половины покинули места работ самовольно. (*Примеч. пер.*)

ных войск генерал-полковник фон Браухич раздает первые награды представителям трех пехотных полков.

Рождество, как на позициях, так и в убежищах, проходит без инцидентов с вражеской стороны. Где позволяют условия, проходят богослужения, по большей части совместные для протестантов и католиков. Их проводят священники, мобилизованные в качестве обычных военнослужащих. Дарами оделяют всех без исключения. Все получают вдоволь курева и маленьких радостей для живота. Каждый может рассчитывать на бутылку вина и рождественский кекс из пекарен дивизии. А уж если к тому же вовремя придут письма из родных краев, то это полностью заслуга дивизионной военно-полевой почты, неусыпно работающей днем и ночью.

Некоторым выпадает счастливый случай отбытия в отпуск.

Особым сюрпризом он свалился на голову 13-го полевого караула, который нес дозор на центральных позициях в Бинвальде. Вечером 24 декабря на его участке обнаружился «перебежчик» в виде вражеской... коровы. Ну и знатное жаркое получилось к Рождеству! С той ночи многие перестали суеверно относиться к числу 13.

Впрочем, ночь на 25 декабря прошла мирно. Под глубоким снежным покровом луга и пушистые ели. Над ними высокое чистое звездное небо. В записях журнала боевых действий одной из батарей единственная пометка об «обострении» боевой обстановки: «Разрыв вражеского снаряда в 100 м от наблюдательного поста!»

После праздничных дней зима стремительно набирает силу. Снегопад сменяется ледяным ветром, а в ночь с 22 на 23 января 1940 года температура воздуха понижается до 31 градуса ниже нуля. В таких условиях наилучшим средством становится оборудование утепленных блокгаузов по всей линии обороны.

24 января разведдозор 2-го батальона 289-го пехотного полка под началом лейтенанта фон Лингельсхайма доставляет важные сведения. Раненный в рукопашном бою офицер и его сопровождающий унтер-офицер Шёдель, как и восемь днями ранее ефрейтор Медиш, за взятие языка награжденный Железным крестом 2-го класса, также получают по кресту.

28 января в дивизию прибывает первый эшелон с пополнением в 550 человек, а с ним и велосипедные взводы для 282-го и 289-го пехотных полков. В это же время в трех пехотных полках комплектуются и саперные взводы: 1 офицер, 8 унтер-офицеров, 68 рядовых. Оба новых формирования поступают в распоряжение полковых штабов. Они и составят костяк будущих «штабных рот». Пять транспортных колонн на конной тяге «отзываются», а взамен две

небольшие автотранспортные колонны придают дивизии. Истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион наконец-то меняет трофейные чешские орудия на немецкие. Но станет ли с этими поступлениями 98-я дивизия ударной, как ходит молва?..

1 марта всю неопределенность снимает приказ штаба 1-й армии на ближайшее время: 98-ю дивизию сменит 264-я пехотная дивизия, а 98-я проследует на военную подготовку ведения маневренной войны в район Шпейера.

При обзоре боевых действий дивизии с ноября 1939 года по конец февраля 1940 года установлено, что в общей сложности было предпринято 303 разведывательные вылазки пехотинцев, саперов и отделений связи — для прокладки кабельных линий по перехвату сведений. В результате действий противника, подрыва на минах и неосторожного обращения с оружием дивизия понесла потери: 20 человек убитыми и 23 ранеными. Покидая позиции, все отдают дань памяти товарищам, погибшим и с воинскими почестями похороненным на местных кладбищах в Фрекенфельде, Канделе, Барбельроте, Ной-Лаутербурге и Хагенбахе. Застыв в траурном молчании у братской могилы, воины почтили павших последним салютом. И кто тут не задумался о собственной судьбе?

Замена сухопутных войск происходила без трений. Ведь нынешние преемники были здесь предшественниками в ноябре 1939-го.

За 6, 7 и 8 марта произошла полная дислокация дивизии, наконец-то выведенной из тисков позиционной войны, высвобожденной из тесноты, грязи и сырости. Каждый из бойцов мечтает о помывке, человеческих условиях службы и нормальной свободе передвижения.

8 марта 1940 года, в двенадцать пополудни, дивизия окончательно прощается с прежним районом военных действий, а 9-го все ее части входят в свои новые казармы. С этого дня их первоочередной обязанностью станет военная подготовка. Содержание в надлежащем состоянии обмундирования, боевой техники и дивизионного имущества займет в их буднях главное место.

Боевая подготовка в районе Шпейера

Размещение в казарме Орффа и еще более чем 30 деревнях к северу и югу от Шпейера, в районе между Рейном и Пфальцским лесом, оказалось куда комфортнее прежней блиндажной жизни.

10 марта все войска отметили День памяти павших героев, а 16 и 17-го — День вермахта. Под фанфары военных оркестров на

импровизированных парадах было собрано в общей сложности 28 792 марки. Из них 10 тысяч марок — только 282-м пехотным полком.

Для подготовки выдвинуты конкретные предписания и требования. Мало где еще с такой самоотверженностью, рвением и напором бойцы отдавались учению, чем здесь, в 98-й пехотной дивизии, за шесть недель до начала боевых действий на территории Франции. И это при том, что погодные условия того периода были не слишком благоприятные. Весь март и первую половину апреля непрерывно лили дожди. Луга и поля оказались затопленными. С трудом, метр за метром, выискивались полигоны, пригодные для полевых учений.

И несмотря на это, непрерывно проходили боевые стрельбы из всех видов оружия; на стрельбища выводились батальоны, дивизионы и целые полки, проводились командно-штабные учения. Работали курсы спецподготовки и курсы усовершенствования по владению всеми видами боевой техники. Хотя в дневные часы и выделялось свободное время, тем не менее повсеместно все являлись на сбор в полном вооружении, готовые к проверке.

Большие учения проводилось по взаимодействию пехоты и артиллерии, пехотных полков и их подразделений. Саперы имели в своем распоряжении «Фатер-Рейн» для освоения «службы при воде». Отрабатывались все формы ведения боя в водных, приводных, а также поверхводных преградах. Учебные переправы начались в первых числах апреля. Каждый пехотный батальон при этом переправлялся под прикрытием зенитных орудий и трех эскадрилий истребителей. Прекрасная подготовка: через несколько недель дивизии предстоит форсирование Эны, Марны, Сены и Луары. Первые же по-настоящему боевые действия предстоят артиллеристам: 2-й штабной и 4-й дивизионы 198-го артиллерийского полка 7 апреля выступили в поход, чтобы в четыре ночных марша войти в Дудвайлер и Зульцбах.

Для наступления на Саарбрюккен силами нескольких дивизий, которое сопровождается ураганным огнем с последующим огневым валом, батареи занимают позиции у подножия высот Шприхерн. Ответный огонь противника, местами интенсивный, стоит потерь. Однако прорыв линии Мажино состоялся. Вслед за этим и участвовавшие в нем части начинают движение в сторону противника и 17 мая соединяются на марше с основной колонной дивизии.

К кануну Пасхи, с 22 на 23 апреля, царит затишье. Ничто не предвещает перемен. Но с вторжением немецких войск в Данию и Норвегию многие чувствуют приближение событий, которые окажут решающее воздействие на судьбу дивизии. Пока еще бой-

цы потеют в учениях перед введением в бой, но вскоре затишье на Западном фронте кончится.

Истребительно-противотанковые войска в это время тренируются в стрельбе боевыми снарядами в Лангеншайдерхофе. Штабы в полном составе, с введением всех батальонов связи и частей войсковой связи, проводят дивизионные командно-штабные учения по отработке совместных действий, которые выявляют еще некоторую медлительность. Своевременно, ибо внезапно и неожиданно грянут большие перемены.

10 мая 1940 года немецкие войска переходят в наступление и вторгаются в Голландию, Бельгию и Люксембург. По приказу штаба 1-й армии о готовности к маршу в течение 15 часов вступает запрет на отпуска и почтовую связь. Час прощания с Пфальцем для дивизии пробил.

Марш на Францию

С выдвигением дивизии на запад — два ночных марша и три дневных, за которые проложено 160 км, — жизнь дивизии вступает в новое русло. Вечером 10 мая подразделения покидают обжитые позиции, местное население сердечно прощается с ними. Море цветов и влажные женские взоры. Наступление началось.

Зной, пыль, крутые подъемы сопровождают переход через Пфальцкий лес. В день приходится преодолевать от 35 до 50 км. А за ним не менее утомительный марш через Саар-Пфальц, горы Хунсрюк и далее через гостеприимную долину Мозеля. 18 мая дивизия подходит к границам Люксембурга. Лишь один раз за все время перехода приподнимается завеса тайны над военной обстановкой, когда 15 мая по радио приходит сообщение, что Голландия запросила перемирия. С этого дня дивизия передается в подчинение штаба 6-й армии.

Переход через солнечную долину Мозеля — по сути, единственный приятный отрезок пути и в то же время — прощание с Германией. Нигде больше солдат не встречали так радушно, щедро одаривая вином, фруктовыми соками, кофе, кексами, бутербродами и сигаретами!

19 мая в районе Миндена дивизия пересекла границу по военному мосту. Все проходит гладко, без инцидентов, в строгом соответствии с планом. Жители этой богатой и процветающей страны воздерживаются от каких-либо негативных проявлений к происходящему.

Небольшая моторизованная колонна дивизии тем временем отклоняется от общего направления и держит курс на север по автострате. За несколько ночных маршей на ближнем свете фар она по территории Бельгии и Северной Франции достигает Сент-Квентина.

Подразделения на конной тяге распределены по полкам дивизии. Они на собственной шкуре постигают маршевые возможности. Дивизионный капеллан Новак и зондерфюрер Ной принимали участие в одном таком суточном переходе. Ной делает запись: «Первые 15 км были прогулкой, следующие десять — тяжким бременем, а последние — просто живодерней».

После переправы через Мозель и перехода границы разделенные прежде по двум-трем маршрутам колонны сомкнулись в одну. Рассредоточенная в целях безопасности походная колонна растягивается на 50 км. Части, которые выступили только в полдень, к сумеркам еще не расквартировались в своих новых казармах. Перебоев в таком непомерно длинном черве было никак не избежать. Без дневков, по гористой местности, лошади начали проявлять первые признаки изнурения. Потери росли и спешно требовали введения в действие ветеринарных сборных пунктов и ветеринарных рот.

Наконец, 21 мая стратегия расчленения колонны сдает свои позиции. Маршевые группы теперь следуют друг за другом на отстоянии в 500 м. По ночам продвижение осуществляется без света. Конный обоз больше не в состоянии обеспечивать дивизию продовольствием, и в дело вступает автотранспортная колонна. 22 мая соединенная колонна марширует через арденнский городок Буйон, расположенный в глубокой живописной долине Семуа. Город сильно пострадал в результате обстрелов французской артиллерии, по мнению бельгийцев.

Многочисленные остановки и задержки возникают по причине беспрестанного перекрытия дорог. Особые неудобства причиняют передвижения встречных моторизованных подразделений и бесконечные колонны военнопленных численностью по меньшей мере 28 тысяч человек.

Эти военнопленные производят поистине удручающее впечатление. Для немецких пехотинцев они представляют собой немалый людской конгломерат: огромный негр в белом бурнусе на голове, с черно-синим пледом через грудь и под зонтом — льет немилосердно. Этот цирковой персонаж особенно бросается в глаза. А далее бесконечная череда черных разных оттенков кожи, плечом к плечу — артисты «Гранд насыон».

Через одну дневку войска подходят к реке Маас и переправляются подле Доншери, юго-восточнее Шарлевиль-Мезьер. Требува-

ния к походному движению всех подтягивающихся дивизий — кроме 98-й, а также 88, 94, 96 и 205-й — еще более ужесточаются. «Все имеющиеся в распоряжении войска, — гласит приказ, — должны быть привлечены для уничтожения соединений бельгийцев и англичан во Фландрии». На 24 мая это означает 50—60 км марша. При таких условиях снабжение дивизии становится еще более проблематичным. Основную нагрузку принимают на себя скотобойные роты, которые обеспечивают забой и доставку скота из местных ресурсов. Хлебопекарная рота работает прямо на марше. Хлеба не хватает, совсем как при наступлении на Марну в 1914 году. Зато доставка почты — ко всеобщей радости — идет бесперебойно. Этой службе тогда наверняка постоянно икалось.

Сотня приписанных и множество трофейных лошадей к тому времени прекратили службу — их заменили реквизированные грузовые автомобили. 26 мая по радио сообщили: «60 дивизий противника во Фландрии вот-вот будут взяты в окружение». Теперь ближайшая задача дивизии: занять Сент-Квентин через двое суток.

На привале все вольготно располагаются лагерем в окрестных садах и дворах и уминают добротную пищу полевой кухни. Лошади, коровы, свиньи, кролики и птица мирно, как в раю, резвятся на свободе, прямо по садам и полям. Жители в панике бросили всё и вся на произвол судьбы.

28 мая становится известно: «Бельгийская армия по приказу своего короля капитулировала».

29 мая передовые части дивизии подходят к назначенной промежуточной цели: Сент-Квентину. К вечеру все уже расквартированы. С начала выступления из района Шпейера дивизия за 16 дней отмахала 600 км. Вражеская авиация за это время нанесла лишь незначительные удары одиночными ночными бомбардировками.

Дивизия завершила переход и прибыла на место в полной боевой готовности.

Боевые действия во Франции

Военные операции во Фландрии между тем приняли такой оборот, что необходимость участия в них нашей дивизии теперь отпала. Ей еще выдалась благословенные денечки отдыха перед вступлением в бой. Мы набирались сил и готовили себя к будущим сражениям. Место квартирования в полной мере благоприятствовало этому. Прекрасная погода, предстоящие три-четыре дня отдыха и полноценного сна — что могло быть лучше!

Вместе со штабом дивизии в Сент-Квентине пребывают в бездействии 282-й пехотный полк в районе Сент-Квентин—юг; 289-й пехотный в районе Понтрю—Месми; 290-й пехотный полк в районе Омисси—Грикур и тыловые части в том же районе Сент-Квентин—юго-восток. 31 мая беспечность перемирия нарушается воздушным налетом французов на колонну боевых машин, остановившуюся в зоне видимости. Налет сильнее всяких приказов напоминает об осторожности: восемь убитых и пятеро раненых — результат легкомыслия. Среди них оказались начальник снабжения дивизии капитан барон фон Сартор, капитан медицинской службы доктор Мюллер, лейтенант медицинской службы доктор Шламп и оберлейтенант Шюлер.

Мирные дни пролетают слишком быстро. Боевая подготовка и рекогносцировка местности далеко не удовлетворяют требованиям. 3 июня поступает приказ по корпусу: 198-й артиллерийский полк переходит в подчинение 103-го артиллерийского корпуса и в ночь с 3 на 4 июня 1-й и 4-й дивизионы вместе со штабом полка, а в ночь с 4 на 5 июня 2-й и 3-й дивизионы должны выдвинуться к югу от канала Сент-Квентин, западнее Уазы. Командир 198-го артиллерийского полка принимает на себя обязанности командующего группы «Юг», в состав которой входят три его собственных и еще три приданных артиллерийских дивизиона. 198-й инженерно-саперный батальон придается 263-й пехотной дивизии и в ночь с 3 на 4 июня выдвигается в лесистую местность в окрестностях Сен-Гобена.

4 июня проходит под знаком предстоящих перемен в расквартировании. Велосипедный эскадрон также переходит в подчинение 263-й пехотной дивизии и получает приказ двигаться на Ботор, строго к югу от Ла-Фера. КП дивизии располагается в Самбе-Фе, в полутора километрах юго-восточнее Юрвилле.

На совещании командования у генерала от пехоты Руоффа, V армейского корпуса, был дан инструктаж по предстоящему наступлению.

Мощные эскадры немецких бомбардировщиков и истребителей пролетают над Сент-Квентином на юг. Больше часа воздух вибрирует от низкого гула моторов. Ночь напролет моторизованные колонны грохочут через город. Во всем чувствуется напряжение перед атакой.

В течение дня 4 июня дивизия получает задачу: ввод в бой под Ла-Фер, готовность к маршу на рассвете 5-го числа! Артиллерия и саперы дивизии к этому времени уже будут вести бой.

4 июня, во второй половине дня, майор Зохе, командир инженерно-саперного батальона, на лесном биваке под Куси передает

командирам рот их боевую задачу в полном объеме: взятие занятых неприятелем канала Уза—Эна и Айеты на рассвете с 5 на 6 июня. В соответствии с боевой задачей 263-му пехотному полку 1-я и 3-я роты должны на надувных лодках переправить штурмовую пехоту на участке между Бишанкурором и Ле-Бак-Д'Арбленкурором. 2-я саперная рота пока остается в резерве.

Еще перед восходом солнца 5 июня командиры инженерно-саперных подразделений провели разведку дорог для транспортировки плавсредств. В это время над ними гудели моторы продвигающихся на юг немецких авиационных эскадр. Занимался ясный теплый день. И ровно в 5 часов утра молниеносно началась огневая подготовка.

Немецкие сухопутные войска пришли в движение, среди них многочисленные дивизии, которые впервые вступали в бой. Не стала исключением и 98-я пехотная дивизия в составе армейского корпуса 6-й армии. Вот исходная диспозиция: неприятель прямо против 263-й пехотной дивизии на Каналь-де-ла-Сом, Каналь-де-Сент-Квентин (западнее Фарнье) — южнее Шони—Айета — западная оконечность лагеря. Здесь и началась атака. Под огневым прикрытием артиллерии в 5 часов 30 минут на воду были спущены первые лодки. Тут же противник ответил огнем. Хотя и произошла небольшая заминка, сдержать запущенный механизм атаки уже не представлялось возможным. Саперы попрыгали в лодки, вслед за ними пехота — и вот товарищи по оружию налегли на весла. Мощными гребками быстро преодолевается водная преграда, и первые плавсредства достигают вражеского берега, однако лейтенант Флуршютц, офицер связи 1-го дивизиона 198-го артиллерийского полка, был смертельно ранен. Французы оправились от первого шока и теперь палили из всех орудий.

Пехота и саперы неуклонно продвигались к тому, чтобы совместными усилиями подавить один очаг сопротивления за другим. Завязался тяжелый бой, зачастую переходящий в рукопашный. Противник мужественно оказывает жесткое сопротивление, подчас до последнего патрона. Однако под натиском боевых разведгрупп саперов не может устоять. В скором времени оборона прорвана, плацдарм образован. В лесистой местности с густым подлеском пехота оказалась втянутой в кровопролитные бои с большими потерями от укрытых пулеметчиков и снайперов на деревьях. Погиб вахмистр Видерман из 12-й батареи. Одно из орудий 9-й батареи 198-го артиллерийского полка выведено из строя прямым попаданием. Французы стреляют метко. В ближайшие дни в этом придется убедиться всем.

Наступление медленно, но продвигается. Между тем военные инженеры приступили к выполнению следующей задачи: наведению мостов. Поначалу работы идут под мощным огнем вражеской артиллерии. С грохотом проносятся через Бишанкур тяжело груженные машины и повозки с понтонами. Колонны постоянно обстреливаются прямой наводкой. Потери в личном составе и гужевом транспорте вносят временную неразбериху и замешательство. Но все саперы, воодушевляемые личным примером офицеров и командиров, руководящих работой, испытывают чрезвычайный подъем боевого духа.

Главные силы дивизии пока в стороне, до них лишь доносится шум дальнего боя. 289-й пехотный полк с частями 198-го батальона связи дислоцировался районе Нёвиль—Итанкур—Бишанкур, а 282-й пехотный полк — в районе Сент-Квентин—юг.

В 12 часов 30 минут поступает приказ командира корпуса о выдвижении 289-го полка на Майо к северо-востоку от Ла-Фера. В 14 часов в направлении Ла-Фера выступает 290-й пехотный полк, а в 16 часов 30 минут. 282-й полк также выходит на марш в южном направлении. Передислокация продолжается до глубокой ночи и проходит по обширной лесистой местности от Сен-Гобена, юго-восточнее Уазы в Бас-Форе-де-Куси. Это был утомительный переход, с длительными задержками. С наступлением темноты появляются — первые! — французские ночные бомбардировщики, которые сбрасывают свой груз в густой мрак леса, с большим шумом и малым успехом. Ночь становится все темнее, и уже скорее рано, чем поздно маневр, наконец, окончен.

6 июня передовые вражеские части находятся на северной окраине Буа-де-Маникам. Они входят в состав 87-й дивизии. 98-я франконско-судетская (немецкая) пехотная дивизия вместе с вновь приданной ей дивизионной артиллерией начинает наступление из местности восточнее Пьерманда, через Пьерманд, высоту 71 (1500 м к северо-западу от Бургиньона) — высоту 155 (1 км к югу от Кютс) — высоту 168 (западнее Нанселя). Передний край исходной позиции пехоты: западная кромка леса (восточнее Пьерманда). КП дивизии размещается в Баризис-о-Буа.

Яркое солнце сияет в небе над лесом, который укрывает полки. Оно предвещает жаркий пыльный день. Уже накануне пехотинцы больше смахивали на горняков с бороздами от пота по грязным лицам. 290-й пехотный полк, дальше всех продвинувшийся на юг к каналу Уаза—Эна, еще спит в лесу восточнее Пьерманда. 289-й полк также отдыхает, позади 290-го, в лесу восточнее Отревиля. 282-й, дивизионный резерв, расположился на отдых в лесу

к северу от 289-го пехотного полка. Все скрыты от наблюдения в Бас-Форе-де-Куси. Выдвижение на позиции артиллерии доставляет особые трудности. Командиры дивизионов 198-го артиллерийского полка при рекогносцировке местности попали под обстрел замаскированных снайперов и были вынуждены спешно покинуть автомобиль и на четвереньках переползать в укрытие. Для большинства бойцов эти испытания на прочность в короткие минуты перед наступлением сопровождались странным чувством. Страх? Да что там, даже ветераны Первой мировой проверяли себя. Снова и снова как в первый раз! А потом время пришло.

Через короткие часы после выступления, на подступах к каналу, роты западнее и юго-западнее Пьерманда наткнулись на боевое соприкосновение с врагом. Справа от 98-й пехотной дивизии сражается 62-я, слева — 263-я пехотная дивизия. 289-й пехотный полк выдвинул на переднюю линию батальоны: 2-й Троннира и 3-й Каммерера. 1-й батальон под командованием майора фон Бозе следует вторым эшелонем. От 290-й пехотной дивизии на переднем рубеже выступают 2-й и 3-й батальоны под командованием майора Шнедлера и подполковника фон Чесаны. 282-й пехотный полк пока ожидает сигнала к атаке в лесу. Уже при выходе дивизии на рубеж Айеты французская артиллерия фланговым огнем с позиций западнее Шони сдерживает продвижение. Потери увеличиваются. Тем не менее передовым частям удается на надувных лодках форсировать реку и канал Уаз—Эна и занять местность к юго-востоку. 282-й пехотный полк выдвигается на юго-западный рубеж по Ле-Бас-Форе. К 15 часам 30 минутам маневр завершен. Военные инженеры дивизии между тем наводят 16-тонный мост в районе Ле-Бак-Д'Арбленкур. К этому же времени он готов к эксплуатации, так что боевая техника и артиллерия имеют возможность следовать по нему. И первые гужевые и моторизованные транспортные средства продвигаются вперед на поддержку пехоте.

На этом мосту, находящемся почти под непрерывным обстрелом, многие бойцы прошли свое боевое крещение. Снова потери людей, лошадей, техники. И времени. Одна противотанковая пушка выходит из строя от прямого попадания. На этой переправе и пехота, и саперы, соединенные тесными узами братства по оружию, проявили себя наилучшим образом. Среди павших, прокладывавших путь пехоте, числятся лейтенант Обергфель 2-й роты 198-го инженерно-саперного батальона. Его имя навсегда останется одним из первых среди товарищей, впереди многих-многих других.

По берегам канала и Айеты, густо поросшей высокой травой, камышом, ивами и ольхой, позади наступающей пехоты, рассредо-

точиваются марокканцы для ведения привычной для них «войны в джунглях». Маскируясь, они стреляют из засады. В немецких войсках их называют «партизанами» и ведут с ними ожесточенную борьбу.

Сопrotивление при Буа-де-Маникам и позже при Буа-де-Фев определило задержку 3-го батальона 290-го пехотного полка, однако потерь было немного. В результате боевых действий батальон взял 72 пленных. При дальнейшем продвижении батальон оказывается за 2-м батальоном 290-го пехотного полка, который к тому времени вместе с подчиненной ему 11-й ротой и взводом 12-й роты принимает на себя командование наступлением на Беме. 3-й батальон следует в полковом резерве.

Под немилосердно палящим полуденным солнцем 290-й и 289-й полки выходят на рубеж: высота 71—Бургиньон—Беме. Разграничительная линия с дивизиями левого фланга: Беме — восточная окраина Блеранкура — 500 м восточнее Одиникура — Отбре; правый фланг: западная окраина Кютса — 2 км западнее Нанселя.

Для того чтобы сломить оживившееся вражеское сопротивление еще до темноты, в 20 часов 30 минут полки предпринимают новую атаку. На высотах Кютса и Блеранкура они столкнулись с необычайно ожесточенным противостоянием. Лейтенант фон Лингельсхайм погибает при штурме Камлене-ле-Фрешн от огнестрельного ранения в голову; в 3-м батальоне 289-го пехотного полка насчитывается 15 раненых. Однако к наступлению ночи Кютс и Камлен взяты 289-м полком.

Еще в сумерках 282-й пехотный полк получает приказ выдвигаться в район Мальвуазин—Буа-де-Маникам. Из-за промедления при переходе по мосту у Ле-Бак-Д'Арбленкур, который находится под постоянным обстрелом, наступление заканчивается лишь к 3 часам утра. Ночь спускается безоблачная и прохладная.

Медицинское обслуживание раненых 6 июня производится 1-й санитарной ротой в крепости Капель в 2 км восточнее Маникама и 2-й санитарной ротой в Пети-Баризи.

Французские дальнoбойные орудия нарушают покой ночи даже в ближайшем тылу и, кроме прочего, доставляют немало неприятных минут ветеринарной роте, расположившейся в Анделене.

Утром 7 июня, когда первые лучи солнца осветили вчерашнее поле боя, выяснилось, что неприятель отступил под покровом ночи. Выступившие в преследование 290-й и 289-й полки не встретили сопротивления. Кютс и Блеранкур были пройдены без помех. Гористая местность к западу от Нанселя — их первая цель — вскоре была достигнута, поскольку полки выиграли время, заняв оба ведущих к Эне шоссе.

После оценки обстановки в 11 часов поступает новый приказ по дивизии о преследовании врага до Эны и через нее. По его получении оба передовых полка бросили вперед велосипедные взводы, усиленные истребительно-противотанковым взводом от каждого, чтобы уже к вечеру, используя фактор внезапности, занять мосты через Эну у городов Атиши и Вик-сюр-Эн. Усиленный 282-й пехотный полк также следует по маршруту продвижения в распоряжение дивизии для защиты западного фланга. Усиленные велосипедные взводы к 14 часам фактически подходят к Эне. Штаб командования дивизии спешно передислоцируется в Ла-Жонкьер, южнее Маникама. По маршруту продвижения виднеются свежие могилы павших бойцов дивизии. Павшие и еще не погребенные французы свидетельствуют о сходных судьбах солдат.

У соседей справа боевая обстановка примерно та же: у Нуайона форсирован канал, Эна преодолена, и наступление продвигается дальше на юг.

Особые испытания поджидают 2-й и 3-й батальоны 289-го пехотного полка, который получает приказ выступить авангардом по шоссе на Камлен, чтобы обеспечить безопасность привала полка в окрестностях Туван-Фе. По донесениям разведки, врага по эту сторону Эны не ожидается. Но едва лишь батальон начинает занимать оборонительные позиции, как из теснины проносится ураган пулеметного огня. Вскоре примчался запыхавшийся водитель начальника штаба дивизии с криком: «В ущелье вражеская моторизованная рота! Майор Басэнге погиб!» Тут же из орудия авангарда был открыт огонь на поражение и вражеская разведрота поспешно ретировалась. При завершающем ударе пехоты по отходящему противнику, в котором принимал участие также начальник штаба полка капитан Хеллер, было взято в плен 90 солдат неприятеля. Лишь небольшая часть смогла скрыться от преследования на велосипедах и мотоциклах в долину Эны. С разгромом разведывательной роты было окончательно сломлено сопротивление французов по эту сторону реки.

В 12 часов штаб дивизии и 282-й пехотный полк расположились на привал у высоты 155, южнее Кютса, по обе стороны лесной дороги. Роты отдыхают с полными котелками вкусно пахнущей говядины с рисом. Высокие буки дают освежающую тень. Внезапно со стороны передовой примчался дивизионный легковой автомобиль и резко затормозил. Из него выскакивает офицер и орет: «Тревога! Французские танки!» Результат был поразительным: в мгновение ока, как по мановению волшебной палочки, опустели и дорога, и ее обочины, по большей части вместе с полевой кухней и посудой,

с лошадьми и транспортными средствами — всё растворилось в лесу. Все настороженно прислушиваются. Вдруг раздаются странные звуки: стук копыт, рокот мотора, — и на дороге появляется упряжная лошадь с тремя «героями» в повозке, переполненный легковой автомобиль и в завершение — галопирующий на тяжеловесном «Росинанте» всадник, орущий во все горло: «Назад! Назад! Дорогу танкам!» Это выглядело настолько комично, что первое оцепенение спало и повсюду с облегчением загоготали.

Через полтора года этим войскам еще доведется встретиться с настоящими танками — в России.

Призрачное явление «танка» способствует тому, что резерв дивизии быстро разворачивает предбоевой порядок и выступает на заданные рубежи. Передовые части 289-го и 290-го пехотных полков тем временем спускаются в долину Эны. Мосты оказались взорваны. В населенных пунктах еще затаились единичные защитники, которые отважно втягивают наступающих в уличные бои. Французская артиллерия до темноты держит горный район между Мулен-су-Туван и лесом под Компьенью под обстрелом. Позиция выбрана крайне благоприятно для противника, он зримо сдерживает любые маневры, что вызывает глубокое уважение к вражеским артиллеристам.

К 18 часам дислокация дивизии выглядит следующим образом: 289-й усиленный пехотный полк: Атиши—Битри; КП полка: пещера над Атиши. 290-й усиленный пехотный полк: район к западу с городом Вик-сюр-Эн и Отбре; КП полка: район к востоку от Сен-Пьер-ле-Битри. Дивизионный резерв, 282-й пехотный полк: район Мальвуазин-Фе — Моренваль-Фе — Л'Экафо-Фе, с надежной охраной по направлению к лесу, усиленной взводами 13-й и 14-й рот. Артиллерийские дивизионы, приданные пехотным полкам, вступили в бой с вражеской артиллерией на всех огневых позициях. С 18 часов КП дивизии размещается в Туван-Фе. Все находятся под впечатлением успешного дня боев — и едва ли не каждый прошел настоящее боевое крещение.

Организованный 1-й санитарной ротой в Маникаме главный медицинский пункт до вечера принял больше раненых, чем накануне. 2-я санитарная рота к сумеркам доходит до Блеранкура, далее продолжает движение с использованием всех доступных транспортных средств и еще до наступления ночи оборудует второй медпункт в Мулен-су-Туван.

Пункты сбора тягловой силы также начинают перемещение: 1-й сборный пункт перебазируется из Анделена в крепость Капель; 2-й пункт — из Бюсиньи в Кютс.

Знойный день позади. Поставленная цель: Эна с городами Атиши и Вик-сюр-Эн — достигнуты. Завтра предстоят новые тяжелые бои.

Отпор марокканцев из засад приводит к яростным перестрелкам. Под каждым кустом, за каждым деревом мерещатся храбрецы одиночки из «партизан»! В расположении 282-го пехотного полка по всей кромке темного густого леса уже идет беспорядочная стрельба. Тревожный клич «Партизаны!» докатывается до полкового командного пункта в Л'Экафо-Фе. Пулеметные очереди и ружейные выстрелы взрывают ночную тишину — и приводят к жертвам в собственных рядах. Капитану медслужбы доктору Бекеру приходится оперировать глубоко за полночь. Потом снова становится тихо, лишь изредка над дальними высотами у Эны вспыхивает артиллерийский огонь.

В ночь с 7 на 8 июня отдаются два новых приказа командира дивизии, из которых вырисовывается следующая картина положения противника: упорное вражеское сопротивление по южному берегу Эны, где наблюдаются многочисленные пулеметные гнезда; недостаток собственной живой силы на северном берегу в районе Атиши и к востоку от него.

Передвижение к исходной позиции 289-го и 290-го полков для переправы через Эну разворачивается под покровом ночи: 2-й батальон 289-го пехотного полка выступает на Битри; 1-й батальон того же полка, до сих пор находившийся в резерве, в 2 часа уже продвигается по шоссе на Атиши.

Переправа через Эну

Саперы доставили надувные лодки как можно ближе к разведанным пунктам переправы. Приказ командира дивизии гласил: «Дивизия должна быть приведена в боевую готовность к форсированию Эны. Передний край исходных позиций: гребень высоты на северном берегу Эны; правый фланг: 289-й пехотный полк во взаимодействии со 2-м дивизионом 198-го артиллерийского полка, левый фланг: 290-й пехотный полк во взаимодействии с 3-м дивизионом 198-го артиллерийского полка. Первый объект атаки: горный район вокруг Крутуа. Разграничительная линия: западная окраина Битри — западная окраина Жользи — церковь От-Фонтен. 198-й инженерно-саперный батальон приписывается 289-му и 290-му полкам по одной роте каждому, включая боевые разведгруппы огнеметчиков. Обоим полкам предоставляются надувные плавсредства по одному на колонну. 292-й пехотный полк — за

исключением 3-го батальона, усиленный батареями 1-го дивизиона и частями истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона 198-го артиллерийского полка, обеспечивает защиту правого фланга дивизии на северном берегу Эны».

Главный удар 289-го полка приказано направить: 3-й батальон — на правом фланге на высоты вокруг замка Крутуа, 2-й батальон — на левом фланге на поселок южнее Эны и железнодорожную станцию, в то время как 3-й батальон 290-го полка от Битри, а 2-й батальон от Берни должны ударить в направлении Жользи и Вик-сюр-Эн.

Утро выдалось неожиданно холодным и туманным. Местами видимость была едва ли 10 м. Артиллерия не могла вступить в дело. Разведка, наблюдение и связь оказались перед неразрешимой задачей. Подготовка к наступлению отставала по важным параметрам: сооружению артиллерийских пунктов управления артиллерийским огнем и приведению в готовность переправочных средств, ибо строительные отряды и команды подносчиков не могли сориентироваться на местности. Поддержка военной авиации — как было предусмотрено — также не представлялась возможной.

Начало наступления должно быть отсрочено!

В это время 282-й пехотный полк стоит на предписанных рубежах: высота 133 (2 км севернее Атиши) — высота 140 — перекресток дорог в 500 м к востоку от Ла-Сес-Фе — высота 126 (1500 м от Тра-си-ле-Мон) — и ожидает введения в бой.

Наконец в 10 часов 30 минут солнце разгоняет пелену тумана, предвещая тяжелый день боя. И мгновенно вступают все инструменты артиллерийского оркестра. Это началась артподготовка к наступлению объединенного XXXXIV армейского корпуса. Высоты к югу от Эны тут же окутались клубами густого дыма. На деревню Жользи за пять минут обрушился огонь всего 198-го артиллерийского полка.

С 11 до 12 часов 20 минут один за другим последовали впечатляющие атаки пикирующих бомбардировщиков. Долина Эны содрогнулась от взрывов бомб. Все решили, что под таким градом будет сломлено всяческое сопротивление.

В 11 часов 30 минут вражеская артиллерия была почти полностью подавлена. Теперь переправа через Эну была обречена на успех. Долгое время так же полагало и дивизионное командование. На деле же там, на передовом рубеже, все обернулось иначе. Как только туман рассеялся, в лучах солнца все передвижения оказались как на ладони. Неприятель мог без труда различать малейшие подробности. Ветераны-фронтовики и поныне слишком

хорошо помнят то утро, давшее такое преимущество западному противнику!

На правом фланге в полку происходило следующее.

3-й батальон успешно форсировал реку с первой попытки. Командир батальона капитан Каммерер был ранен в голову. На южной оконечности небольшого прибрежного перелеска по южному берегу Эны удалось возвести небольшое предмостное укрепление. Принявший на себя командование батальоном командир 11-й инженерно-саперной роты капитан Айххорн погибает на месте, и теперь командование батальоном принимает капитан Мюллер, командир 12-й инженерно-саперной роты. Раненный, он выйдет из строя на следующий день. Всё расширяющиеся позиции батальона, крепко взятого в оборот, теперь находятся под ожесточенным пулеметным огнем от Жользи и все более нестерпимым обстрелом многочисленных батарей от Компьенского леса. Долгие тяжелые часы предстояло батальону удерживать плацдарм, и все-таки он сделал это!

3-й батальон 290-го пехотного полка к началу боя находится примерно в таком же положении. Поначалу все тихо. Пехота рядами спускается к реке по полностью просматриваемому склону. Пока не раздастся ни выстрела. Вплотную следуют саперы с надувными лодками; за ними — оставшаяся часть пехотинцев. Начинается переправа. В журнале боевых действий 10-й роты 290-го пехотного полка наглядно отражены события:

«Огонь нашей артиллерии и атака пикирующих бомбардировщиков нанесла вражеским позициям лишь незначительный урон. Тем не менее саперам удалось спустить на воду несколько лодок. Лейтенант Кляйн и унтер-офицер Коммер с офицерами взвода управления первыми прыгнули в лодки. В этот момент противник открыл огонь.

С прекрасно замаскированных позиций на противоположном берегу, из-за деревьев и домов на окраине Жользи, поверну и по флангам, он эффективно простреливал 60-метровую Эну. С нарастающими ожесточением и прицельностью начала обстрел французская артиллерия. Осколки снарядов попали в лодки, те набрали воды и перевернулись. Сидевшие в них были ранены и с трудом еле-еле добрались до нашего берега. Ефрейтор санитарной службы Мюллер перевязал тяжелораненого лейтенанта Кляйна еще в лодке, но спасти его уже не удалось. Командир батальона подполковник фон Чесаны получил тяжелую огнестрельную рану в грудь.

Несмотря на то что в лучах палящего солнца французы поливают пулеметной очередью каждую блеснувшую каску, обер-лей-

тенант Йохим повел свою роту к перелескам дальше по правому флангу. Новая попытка поначалу кажется успешной: фельдфебель Райтгасл и унтер-офицер Швайцер с группой стрелков почти у цели, однако лодки пробиты выстрелами и пришли в негодность. До южного берега добираются лишь 27 человек. Ветераны Первой мировой заплатились своими жизнями за храбрость и пример для других. Все прочие попытки не увенчались успехом. Стойкий вражеский отпор надо вначале подавить огнем. Батальон окапывается. Капитан доктор Клоц принимает командование».

На левом фланге 2-й батальон 289-го пехотного полка попадает в затруднительное положение во время спуска от Битри к Эне. Четко вырисовывающуюся на ярком фоне команду подносчиков с плавсредствами немилосердно расстреливает внезапная атака вражеской артиллерии. Две попытки форсирования Эны за день терпят крах. Подполковник Троннир, командир батальона, пишет об этом в своих заметках:

«Район исходных позиций противник обложил интенсивным огнем. Дважды он срывал переправу батальона. Простреленные плавсредства от высот Битри до Эны свидетельствуют о нашей железной воле форсировать реку. И только когда последняя надувная лодка вышла из строя, попытки переправы были остановлены. Одна лишь 2-я саперная рота восемь штук списала в потери».

Попытки 1-го батальона 289-го пехотного полка достичь речного рубежа так и не дали результата. Каждый раз, по донесениям чересчур бдительных наблюдателей, французская артиллерия накрывала его таким ураганным огнем, что разметанному батальону пришлось отступить на исходную позицию. При этом он понес тяжелые потери.

Тем не менее дивизионному командованию положение представлялось совсем в ином свете. Приказ, доставленный в 282-й пехотный полк в 15 часов, гласит:

«289-й пехотный полк, одержавший победу при форсировании Эны у Атиши, сменяется 282-м пехотным полком. Означенный полк — за исключением 3-го батальона, переподчиненного 290-му пехотному полку для зачистки Атиши, — выдвигается силами 1-го и 2-го батальонов на шоссе Туван-Фе—Атиши и далее — до населенного пункта Атиши». Однако ввиду изменившейся обстановки дальнейших распоряжений по этому маневру не последовало.

Проходя мимо КП дивизии, 1800 м к северу от Атиши, командир 3-го батальона 282-го пехотного полка доложил командиру дивизии о своем личном опыте. На подходе к Атиши он наткнулся на разрозненные, бегущие кучки солдат, которые собирались

вместе в тылу. Это были рассеянные артиллерийским огнем бойцы, поддавшиеся панике. Таковые находились во времена Первой мировой войны, будут и в этой. Не надо их карать. Новобранцы-паникеры могут взять себя в руки — и они взяли!

Под огневым прикрытием 10-й батареи 198-го артиллерийского полка 3-й батальон 282-го пехотного выдвигается вперед, очищает Атиши и доходит до его южной окраины — правда, не без потерь.

В течение дня обстановка проясняется настолько, что первоначальный успех 289-го пехотного полка и 3-го батальона 290-го не может быть развит дальше. Французская артиллерия в состоянии обеспечить значительный успех обороны — вечером слабые оборонительные силы 290-го пехотного полка вынужденно вновь оттянуты за Эну. Лейтенант Кляйн погребен в лодке.

Долгий и тяжкий боевой день 8 июня не принес дивизии каких-либо видимых побед. Однако он оказался богат на важный боевой опыт взаимодействия всей тяжелой военной техники и артиллерии в обороне от атак сильного противника.

Расход боеприпасов с 5 по 8 июня оказался невероятным. Запас боеприпасов для трофейных чешских орудий был мизерным, и расходовать их приходилось крайне экономно.

Вплоть до 11 часов 30 минут стойкие защитники из французской, так называемой «железной» дивизии пытались уничтожить переправлявшиеся через Эну части 3-го батальона 290-го пехотного полка. Потом отступили. Утренний туман не позволял оперативно оценить обстановку. Но он усиливал впечатление благоприятности положения. 289-й пехотный полк, с передовыми частями 1-го и 3-го батальонов, занял шоссе Кулуази—Жользи; 2-й батальон — позицию под Битри.

В 13 часов 45 минут 3-й батальон с частями 1-го батальона начинает наступление на Крутуа, им оказывает действенную поддержку 2-й дивизион 198-го артиллерийского полка. 9-я рота в 14 часов 30 минут подходит к северным пригородам и совместно с 1-й ротой под командованием капитана Байера вторгается в жилые здания, а также — в результате тяжелых боев — в замковый двор. Тут и там завязываются изнурительные рукопашные бои. Тем не менее к 20 часам местность очищена от противника и КП батальона располагается в занятом замке. Тяжелораненый капитан Мюллер выбывает из строя.

2-й батальон 289-го пехотного полка, используя места переправы южнее Атиши, в Жользи точно так же попадает в бой за каждое здание и ожесточенно сражается, прежде чем занять деревню. В результате — 150 военнопленных. В числе первых ворвавшихся в

Жользи находится гаупт-фельдфебель Хопт. Осколком ему раздробило ногу. В полном сознании он лежит на поле боя и пишет в своей солдатской книжке жене: «Не горюй, умираю легко!»

В то же время 1-й батальон 289-го пехотного полка занимается очисткой прилегающей территории к железнодорожной станции Атиши, где он совместно с отклонившейся вправо 5-й ротой осуществляет еще и защиту флангов. Без потерь не обходится. В одном из донесений значится:

«Когда 5-я рота подошла к станции Атиши, ее встретил шквал пулеметных очередей. Следствием стали потери. Ober-лейтенант Штемпfle, командир 5-й роты 289-го пехотного полка, с ручной гранатой врывается в здание и бросается на пулемет. В мгновение ока его сражает вражеская пуля. Но его подвиг не напрасен — он проложил роте путь к дальнейшему продвижению».

За три дня боев 289-й пехотный полк понес ощутимые потери. Его переформирование было неизбежно. Для усиления и сохранения боеспособности дивизии придали четыре моторизованных дивизиона артиллерии, противовоздушный пулеметный батальон и понтонно-мостовой парк.

Сосед по левому флангу, 62-я пехотная дивизия, оказался куда успешнее. Генерал Руофф доносит генералу Шрёку об обстановке, требующей передислокации 98-й пехотной дивизии на восток для развития успеха. Сообразно с этим 289-й пехотный полк остается на месте и удерживает занятый плацдарм. Части корпуса приходят на смену 282-му и 290-му пехотным полкам, которые должны незамедлительно перейти в наступление, пробиться через Вик-сюр-Эн к расположенному в четырех километрах восточнее Ла-Роше разбитому военному мосту через Эну и, перейдя его, ударить во фланг противнику, еще удерживающемуся южнее Атиши.

При отходе штаб 282-го пехотного полка подвергается прямому попаданию, который фиксирует радиоотделение 198-го батальона связи: «Вахмистр Мергенер с тремя радистами, лежащими в лужах крови. Отважные, верные боевые товарищи!»

282-й пехотный полк совместно с 2-м дивизионом 198-го артиллерийского полка безотлагательно выступили в поход и через Ор прибыли к мостовой переправе. В сумерках река была успешно форсирована. 3-й батальон Клаппа присоединился под Берней для защиты флангов. Ночь провели в Рессон-ле-Лон и Шено. Это была их самая короткая ночь — ночь перед наступлением.

Неподалеку от взорванного автодорожного моста у Вик-сюр-Эн, после наводки моста дивизионными инженерами переправа прошла без сопротивления противника. 290-й пехотный полк с

подчиненным ему 2-м батальоном 282-го пехотного полка захватил местность Монтины—Куртьё—Шено—Рессон-ле-Лон. Остаточные силы неприятеля были выкурены из массива буковых лесов под Куртьё. Соппротивление было незначительным.

Эскадрон дивизионной разведки был передвинут на юг, вплоть до Фе-де-Пуи.

Главные медицинские пункты дивизии в течение трех суток функционировали в напряженном режиме. «Работаем по несколько часов без перерыва, — записывает унтер-офицер медицинской службы 2-й санитарной роты Вильмицер в Мулен-су-Туван. — Раненых выгружали, сортировали по степени тяжести ранений. Опасные для жизни ранения тут же оперировали, остальных размещали, оказывали необходимую медицинскую помощь и готовили к отправке. Никто из медперсонала и не думал об усталости. До того ли! Каждый был на посту и выполнял свою задачу».

Главный медпункт 1-й санитарной роты перебрасывают через Эну в Монтуа, чтобы находиться ближе к войскам; 2-я санитарная рота остается в Мулене, где оказывается помощь в общей сложности 385 раненым.

В результате маневренного артиллерийского огня французов небольшие потери и среди лошадей, поэтому одно подразделение снабжения также оставлено в Мулене, а второе переведено в Шено. Пункт заправки автомобилей перебазируется туда же. С наступлением темноты все службы снабжения приходят в движение: грузовики и гужевые обозы по пути на Беме забирают с собой раненых для переправки в полевой госпиталь, размещенный в Блеранкуре.

Командир 289-го пехотного полка в это время также направлялся к своим батальонам. По пути от 1-го батальона к 3-му он вместе со своим офицером-ординарцем обер-лейтенантом Колем прямо под Крутуа попадает под обстрел вражеских пулеметчиков. Раненного в колено, его с невероятными усилиями доставляют в медпункт I батальона, где капитан медицинской службы доктор Шифельбайн оказывает ему помощь. Полковнику Кесселю приходится передать командование полком подполковнику Бурквину, командиру 1-го батальона 282-го пехотного полка. Командование 1-м батальоном теперь принимает на себя капитан Грубер, командир 4-й роты 282-го пехотного полка.

Едва забрезжил рассвет, 10 июня в 3 часа, дивизия с усиленным 282-м пехотным полком начала марш на юг с целью преследования отступающего противника, через Фе-де-Пуи и Мортфонтен на Виллер-Котре. Вскоре дивизия достигает гребня высоты западнее Эны. Больше семи пожаров освещают темное еще небо. С долгими

перерывами гремят в ночной тиши залпы немецких дальнобойных орудий. А между ними лишь скрип машин и повозок да стук сапог. На перекрестке дорог у Фе-де-Пуи пришлось надолго остановиться, чтобы пропустить полк соседей с правого фланга. Между тем возвращается отпущенный из 290-го пехотного полка 2-й батальон 282-го. Через полтора часа марш на Мортфонтен может быть продолжен. Вскоре дивизия входит в этот населенный пункт, совсем недавно оставленный врагом. Повсюду валяются остатки снаряжения, патроны, винтовки, опрокинутые телеги и прочие транспортные средства. Кое-где горят скирды соломы. Сполохи огней спорят с занимающимся рассветом.

Дороги на юг забаррикадированы нагроможденными в спешке камнями и земледельческими орудиями. Деревня словно вымерла: ни людей, ни скота, ни домашних животных. Зловещая тишина и страшная вонь.

Скорее дальше, на Тайфонтен. Светлеет, и внезапно монотонность марша грубо нарушена: с юго-запада проносится шквал огня. Снаряды попадают прямиком в поднимающийся от Мортфонтена к Мариваль авангардный батальон — 1-й батальон 282-го пехотного полка, который, как и прежде, ведет подполковник Бурквин. Мортфонтен мгновенно охватывают пожары. Поспешивший к этому месту 1-й адъютант дивизии капитан Рихерт попадает в сильную передрагу.

Вскоре 1-й батальон 282-го пехотного полка атакует Тайфонтен по донесению дивизионного велосипедного взвода, занятого врагом. Завязывается тяжелый бой — пехота против замаскированных, размещенных по флангам пулеметных огневых точек. Они повсюду: на чердаках домов, на околице, на опушке ближнего леса, на холмах к югу от деревни. Потери в ротах, с воодушевлением устремившихся в атаку, огромны. Боевого опыта в раннем обнаружении и подавлении огнем подобных очагов сопротивления еще нет. К тому же приданная батальону 3-я батарея 198-го артиллерийского полка не может оказать должной поддержки, поскольку предварительно не произведена визуальная разведка. Другие батареи 1-го дивизиона тоже не в состоянии поддержать пехоту огнем, ибо в этой холмистой, глубоко изрезанной местности чешские орудия бесполезны.

Поначалу продвижение вперед идет успешно, но затем батальон вынужден залечь на пологом склоне холма. Ему некуда отходить — ни вперед, ни назад, так что беды не избежать. Командир 1-й роты обер-лейтенант Бек ранен. Лейтенант Бауман, командир 2-й роты, погиб. Лейтенант Камм, командир приданного полку противотанкового взвода, тоже получил ранение, а при отступлении был сражен наповал. Теперь вражеские снаряды прицельно летят в ря-

ды бойцов, и наступление захлебывается. Унтер-офицер Лёдель из 1-й роты — пример как отваги, так и благоразумия. Одним из первых в полку он будет награжден Железным крестом.

Спешащему на поле боя командиру полка с гребня высоты открывается вид сильно потрепанного батальона, командир которого пытается силой личного примера поднять своих бойцов в атаку. Не обращая внимания на свист пуль, капитан Грубер в полный рост, спокойно и не спеша обходит батальон. Ветеран Первой мировой войны, он знает, как помочь новобранцам справиться с первым шоком.

Нельзя допустить, чтобы лобовые бои до начала решающего сражения обескровили батальон. И вот батальон оттянули за гребень высоты. Потери составили 127 человек, среди них четыре офицера, большое число унтер-офицеров. Для двух часов боя слишком тяжелое кровопускание! Одна лишь рота Бека потеряла 30 человек убитыми и 31 ранеными.

Не упуская из виду заданную цель, командир полка тем не менее решает оставить 1-й батальон на прежней позиции для защиты флангов, а с главными силами повернуть на юг и продолжить преследование врага через Лонгавен и Вивьер. Все подразделения поставлены в известность и поддерживают уже начавшееся перестроение. Выставив 3-й батальон новым авангардом, в 15 часов, на сей раз не встретив сопротивления врага, усиленный 282-й пехотный полк входит в Виллер-Котре. Становится жарко. К счастью, в городе обнаруживаются большие запасы минеральной воды, и на коротком привале бойцы могут освежиться.

Тем временем ранним утром 10 июня на Эне положение 289-го пехотного полка снова обостряется. Французы делают попытку отбить местечко Крутуа с замком. В 9 часов 3-й батальон с частями 1-го батальона восстанавливают преимущество.

Четырехдневные бои стоили 289-му полку много крови. Тем не менее ликвидация ожесточенного сопротивления французов на Эне, повлекшее за собой оттягивание главных вражеских сил к Марне, можно считать большим успехом. 289-й пехотный полк внес в него немалую лепту. Его потери говорят сами за себя. С 6 по 10 июня полк понес ощутимые потери: убитыми: 8 офицеров, 22 унтер-офицера, 87 рядовых; ранеными: 11 офицеров, 58 унтер-офицеров и 218 рядовых! Наконец-то полк может перевести дух: доставить продовольствие, подвезти, разместить и обслужить своих раненых. Теперь он может вновь присоединиться к дивизии, вместе с инженерно-саперным батальоном, который примкнул к нему после выполнения боевого задания по наводке мостов.

От Ла-Круа-Руж КП дивизии под покровом ночи перебазируется в Писле, строго на юг от Виллер-Котре.

От непрерывных обстрелов страдает главный медпункт 1-й санитарной роты, обустроенный в Воброн-Фе. Необходимость неотложной помощи раненым не позволяет выйти из опасной зоны. Оглядываясь назад при подготовке к передислокации из Блеранкура на передний край, медперсонал полевого госпиталя подсчитывает, что за трое полных суток было обслужено, прооперировано и перевязано 600 раненых, 520 из них позже эвакуировано, а 80 передано преемнику.

В соответствии с приказом о продвижении к Урку начинается новый марш, который прерывается лишь однажды для продолжительного отдыха в лесу под Бурсоном. После привала преодолено 40—45 км местности, частично с вынужденными боями, и передовые части достигли рубежа высот к западу от Урка.

Таким образом, дивизия занимает позиции вплотную к линии обороны Парижа, которая подходит с запада к Урку и далее тянется вдоль реки.

В прибрежных лесах и зарослях кустарника по Урку царит спокойная атмосфера; тут и там то и дело раздаются выстрелы. Здесь штаб 282-го пехотного полка теряет своего офицер-ординарца лейтенанта Дерберга.

Приказ по дивизии о продолжении преследования от 11 июня предписывает: «Перед позициями 98-й дивизии врага не наблюдается. Возобновление вражеского сопротивления ожидается на Марне. 98-я дивизия продолжает преследование, переходит Урк в районе между Марёй и Маролем и подходит к Марне, взяв в клещи Уси-сюр-Марн. Маршрут следования: Ля-Вильнёв, Марёй, Монтиньи, Сертиньи, Вандрест, Кошерель, Гран-Шам-Фе, Уси-сюр-Марн. Разграничительная линия: левый фланг от XXXXIV армейского корпуса и 83-й пехотной дивизии: Ла-Ферте—Милон, Брюмецц, Дюизи—Ла-Ферте-Су-Жуар».

Передовой разведывательный отряд Шпэта должен выступить немедленно, чтобы по маршруту продвижения прорваться к Уси. Под Лизи-сюр-Урк следует выставить постоянный разведдозор для защиты правого фланга. Марш в сторону противника начинается лишь в 7 часов утра. Первым выступает усиленный 290-й пехотный полк (198-й артиллерийский полк — без 1-й роты и учебно-саперной колонны, части 198-го медико-санитарного батальона). Выступивший в 9 часов по тому же маршруту усиленный 282-й пехотный полк получает свободу маневра. Оба полка следуют друг за другом на расстоянии 500 м. Позади 282-го пехотного полка, продвигаясь

рывками, подтягивается артиллерия моторизованной группы. В ее составе: 2-й дивизион 53-го артиллерийского полка, 11-я батарея 60-го артполка, 4-й дивизион 251-го артполка и 104-й артиллерийский дивизион СС. 198-й истребительно-противотанковый дивизион, приданный в распоряжение дивизии при выходе на рубеж Тюри-ан-Валуа, должен взять на себя защиту правого фланга от танков при переходе через Урк. Инженерно-саперному батальону предстоит предварительная рекогносцировка и подготовка наводки моста через Марну. 198-й батальон связи — как обычно — тянет кабель по маршруту продвижения.

Однако преследование проходит не так гладко, как ожидалось. Во-первых, ощущается недостаток мостов через Урк. Авангард смог переправиться лишь под Марёй, а под Мароль пришлось пропустить вперед соседа, 72-ю пехотную дивизию. Помимо этого на подходе к Монтиньи-л'Алье 290-й пехотный полк попал под обстрел арьергарда противника и вынужден был развернуться в предбоевой и даже боевой порядок. Усиленный 282-й пехотный полк на правом фланге также встречен пулеметным и минометным огнем. Потом к нему добавился и артобстрел. Обер-лейтенант Херамхоф из 1-го дивизиона 198-го артиллерийского полка тут же вывел свою батарею на позицию и открыл ответный огонь, что имело незамедлительный результат. Но и противник не уступал: прямое попадание в третий расчет и, как следствие, двое убитых, пятеро раненых и орудие, выведенное из строя. У капитана Брема осколками разодрало галифе и сапоги — сам он остался цел.

Марш от Марёй проходит под постоянным интенсивным обстрелом. Мост преодолевается перебежками малых групп под непрерывным «Марш! Марш!» командиров.

«Оборона Парижа» не просто историческое название!

К беспрестанному огню добавляется нечто неожиданное: темная, густая, своеобразно пахнущая завеса — она вносит мимолетную сумятицу в ряды бойцов, некоторые даже надевают противогазы.

Причина проясняется лишь несколькими днями позже: оказывается, французские подразделения, блокированные в лесу под Компьенью, пытались скрыться, используя задымление.

У соседней огонь противника нанес ощутимые потери: на главном медицинском пункте, размещенном в Отёй-ан-Валуа, 11 и 12 июня санитарная рота оказала медицинскую помощь более чем 100 раненым.

Продвижение дивизии застопорилось. Фланговый огонь заметно слабеет. Передовой отряд Шпэта теряет преимущество. К вечеру разлилась сильная гроза, большая часть дивизии промокла до нитки.

В это время усиленный 290-й пехотный полк находится на линии Вандрест—Куломб. Усиленный 282-й пехотный полк к 22 часам входит в район Брюмец—Бремуазель. Заданная цель дня не достигнута.

289-й пехотный полк отдыхает в местечке Преси-а-Мон к северу от Ла-Ферте-Милон. Велосипедный эскадрон Виммера ночью занимает Ла-Гранж—Куломб-Фе. КП дивизии меняет дислокацию из Отелена в Фюлен, северо-восточнее Марей. Отсюда командование в 1 час 40 минут отдает приказ о продолжении 12 июня наступления на юг.

Усиленный 290-й пехотный полк на правом фланге должен начать наступление с линии: высота 164,1 южнее Сертиньи — 1 км южнее Куломба; усиленный 282-й пехотный полк на левом фланге — вплоть до южной окраины Сертиньи. С наступлением рассвета выдвинутая вперед разведка доносит об отступлении противника, но не о прекращении флангового огня с запада. В то время как левofланговый 282-й пехотный полк быстро готовится к маршу и продвигается через Сертиньи на Дюизи, усиленный 290-й вливается в поток лишь около полудня, после того как атака на правом фланге находящейся далеко позади 62-й пехотной дивизии делает прорыв.

Быстрым, беспрепятственным броском усиленный 282-й пехотный полк вместе с 1-м дивизионом 198-го артиллерийского полка и следующим за ним 4-м дивизионом уже в 11 часов 30 минут занимают подступы к Марне в районе Ла-Ферте-су-Жуар.

Все еще значительное отставание соседа справа становится для 290-го пехотного полка причиной неутраченного обстрела огнем с фланга и серьезной угрозой с запада. 10-я рота полка все еще залегает под проливным дождем перед Урком у Окера; 9-я рота у канала под Круи-сюр-Урк попадает под мощный обстрел: обе противотанковые пушки 14-й роты выведены из строя, штабсфельдфебель Цахман и обер-ефрейтор Хаймерль погибли.

3-й батальон 290-го пехотного полка с велосипедным эскадром весь день 12 июня вынуждены, рассредоточившись широко по линии фронта, вести фланговую оборону. Лишь в сумерках соседу удается взять Розуа, расположенный западнее Круи-сюр-Урк. Ночью подходят подразделения 289-го пехотного полка, и, наконец, их сменяют 3-й батальон и эскадрон Виммера.

При досмотре захваченного французского обоза в офицерской поклаже было обнаружено большое количество краденого трофейного серебра. *Quel malheur!*¹

¹ *Здесь: Какой позор! (фр.)*

Когда авангард 289-го пехотного полка — 3-й батальон под командованием майора Клаппа — приступает к взятию расположенных на северном берегу Марны кварталов Ла-Ферте, его встречает шквальный пулеметный и минометный огонь с западных приречных высот. Вахмистр 1-го дивизиона 198-го арtpолка Хорльбек тут же подавляет его из орудия, приданного головной роте. 12-я рота 282-го пехотного полка поражена очередью бризантных гранат и понесла потери ранеными и убитыми. В тот момент, когда 9-я и 10-я роты приблизились к большому автодорожному мосту на территории города, французы взорвали его. Одновременно со взрывом снайперы с другого берега открыли огонь с позиций, расположенных в окнах и чердаках.

Развитие военной обстановки у соседей на правом фланге между тем послужило поводом для приказа 98-й пехотной дивизии готовиться к введению в бой на западном направлении. Движение на юг входит в решающую фазу! Сломить оборону Парижа без удара 98-й пехотной дивизии с востока, по всей видимости, не удастся. Вся артиллерия немедленно перегруппировывается. 289-й пехотный полк передислоцируется из окрестностей Пресиа-Мон в лесистую местность западнее Во и стоит там, готовая к наступлению как на запад, так и на юг. 1-й дивизион 198-го артиллерийского полка, который с позиций на Марне успешно поразил многочисленные цели, также получил приказ сменить позицию и разместится на 16 км дальше в тыл у Сертиньи.

О непосредственном эффективном использовании далеко продвинувшегося на юг 282-го полка и на форсировании Марны 12 июня уже не могло быть речи. Однако город по эту сторону Марны и леса западнее Ла-Ферте были очищены от отставших от своих частей французов. Пленные подтвердили присутствие 41-й французской дивизии. Всю вторую половину дня укрепляются позиции на западном берегу, отбитые у врага 13-й ротой 282-го пехотного полка под командованием обер-лейтенанта Тайля, 14-й ротой обер-лейтенанта Хёфлера и 4-м дивизионом 198-го арtpолка передового наблюдателя лейтенанта Тони. Пулеметы, минометы, зенитные орудия, боевые машины и иные перемещения — все дает повод для обстрелов.

Застывший у автодорожного моста сверхтяжелый французский танк каждые полчаса коротко и зло грохочет и изрыгает снаряд наводкой на ближайшие здания по эту сторону Марны. Беспокоит он ощутимо.

Между тем два пехотных полка, 289-й и 290-й, заняли на восточном берегу Урка позиции для защиты флангов на случай вра-

жеских попыток прорыва. 282-й пехотный полк усиливается, чтобы удержать захваченный район. 3-му батальону 290-го полка под Гранд-Шам-Фе придаются 189-й истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион и рота 606-го зенитно-пулеметного батальона.

Получив временное наименование «Группа Гарайс», полку вручен приказ: «Очистить северный берег Марны и провести всеобъемлющую подготовку для форсирования с боем». К тому же полк, выдвинувшийся далеко вперед от остальных частей, занимает крайне удачную позицию на широком протяжении по Марне. После замены на прикрытии Окера и района восточнее Лизи 289-й пехотный полк перемещается в распоряжение дивизии в окрестности Вандрест—Шатон, 1-я санитарная рота оставляет Воброн-Фе и развертывает главный медицинский пункт в Дюизи.

Приданные пехотным полкам телефонные и радиокоманды 198-го батальона связи к этому времени уже срослись с ними. Они незаменимые помощники и опора командиров.

С 21 часа дивизионное командование перебазирует КП из Фюлена в Сертиньи, расположенный на 16 км севернее Ла-Ферте-су-Жуар.

Ночь с 12 на 13 июня проходит спокойно. Глубокий прорыв 98-й пехотной дивизии на юг, судя по всему, становится причиной того, что противник начинает организованно отступать с линии обороны Парижа. Теперь сосед на правом фланге может продолжать наступление на юг и освободить 98-ю дивизию от отвлекающего маневра на запад.

Переправа через Марну

На Марне 282-й пехотный полк уже с рассвета ведет огневой бой с засевшим в Ла-Ферте неприятелем. Из окошек подвалов и чердаков, из проломов в стенах, из арок и подворотен снайперы навязывают дуэли. Исход битвы решает вступление в бой 4-го дивизиона 198-го артиллерийского полка, огонь которого, направляемый юрким и бесстрашным наблюдателем лейтенантом Мюллером, принуждает отдельные очаги сопротивления один за другим сдавать позиции. В борьбу со сверхтяжелым танком теперь вступает зенитная батарея с 8,8-см пушками. Но не она, а всего-то разорвавшийся поблизости один 15-см снаряд 10-й батареи 198-го артполка подрывает его; экипаж спешно эвакуируется из колосса и... тут же погибает под пулями пехоты.

В то самое время 198-й велосипедный эскадрон, рота 606-го зенитно-пулеметного дивизиона, 47-й саперный взвод, взвод 198-го истребительно-противотанкового дивизиона и стрелковый взвод очищают от неприятеля местность в излучине Марны восточнее Армантьер—Шанжен. Между тем противник стреляет с того берега без разбора. 1-й и 2-й батальоны 282-го пехотного полка и 3-й батальон 290-го сходятся с общей боевой задачей: оттеснить противника из Ла-Ферте на северном берегу реки, а обнаруженные остатки врага взять в плен. Один лишь лейтенант Ифф с пятью бойцами 2-го батальона 282-го пехотного полка пленил 27 французов. При этом погибает ефрейтор Кэс.

Данные разведки, проведенной лейтенантом Бальцером из 198-го инженерно-саперного батальона, лейтенантом Дитцелем и фельдфебелем Гайгером из 282-го пехотного полка, вызывают серьезные сомнения в целесообразности форсирования реки в данном районе. При дневном свете, по опыту на Эне, переправа грозит слишком большими потерями. Новые разведанные из района между Ла-Ферте и Танкё дают значительно лучшие перспективы.

В 11 часов 45 минут по 98-й дивизии отдан приказ: «62-я пехотная дивизия перебрасывается для наступления на запад и юго-запад. С этого момента 98-я пехотная дивизия создает под Ла-Ферте и Уси плацдармы для наступления через Марну. Командир 103-го артполка перегруппирует свои подразделения таким образом, чтобы обеспечить поддержку пехоте при взятии плацдармов: подавляет артиллерию противника на юге от Марны и одновременно ведет огонь в районе наступления 62-й пехотной дивизии. Командир 198-го артполка силами четырех собственных подразделений и 604-го мортирного дивизиона поддерживает атаку пехоты. Саперы получают разведывательные задачи по переправе и наводке мостов».

Во исполнение поставленных задач 290-й пехотный полк (за исключением 3-го батальона) выходит на рубеж Марны под Уси и готовит переправу к следующему утру. Усиленный 282-й пехотный полк уже вечером 13 июня выдвигается на исходную позицию.

Ла-Ферте находится под строго прицельным и очень маневренным огнем французской артиллерии, что ведет к потерям. Однако обнаруженные на южных склонах Марны все еще многочисленные цели в течение 13 и 14 июня поражены силами 282-го пехотного полка. Массированным огнем артиллерия, однако, проявит себя позже, сыграв решающую роль в успешной переправе 282-го полка.

Переправа на плавсредствах в районе Ла-Ферте—Рей назначена на час наступления темноты, о чем и доложили из 282-го полка в

командование дивизии. Там с назначенным временем не согласились. Тогдашний начальник штаба полка обер-лейтенант доктор Эммерт записывает в своем дневнике: «Высказанное по телефонной связи командиром 282-го пехотного полка мнение, основанное на наблюдении за врагом и рекогносцировке местности, что приказ форсировать реку в 20 часов — то есть в условиях видимости — приведет к неоправданным потерям и что время начала операции следует перенести на 22 часа — то есть под покров темноты, закончилось окриком командира дивизии: «В таком случае я снимаю с себя ответственность!» — «В таком случае я беру ее на себя», — ответил командир 282-го полка».

1-я рота 198-го инженерно-саперного батальона с чрезвычайными мерами предосторожности так провела всю подготовку, что переправа на надувных лодках (сначала штаба полка, а затем 2-го батальона) стала для неприятеля полной неожиданностью. Не прозвучало ни единого выстрела. В непроглядной тьме одна колонна проследовала через Абим и далее вверх по склону на Жуар, куда и прибыла в 24 часа. Основные силы полка занимают главную магистраль от Ла-Ферте и, преодолев многочисленные минные заграждения, в предрассветных сумерках также входят в Жуар. Обнаруженные по чердакам и подвалам остатки врага разоружены и взяты в плен. Враг не оказывает сопротивления. Пленные подтверждают оставление позиций по южному берегу по причине «опустошительного огня» немецкой артиллерии.

К 7 часам утра 282-й пехотный полк в полном составе уже стоит на передовом плацдарме под Жуаром в 3,5 км южнее Марны. Взорванный автодорожный мост оказывается легко восстанавливаемым 16-тонным мостом. Выше по течению подведенная на помощь дивизии мостостроительная колонна готова навести военный мост.

Изданный в 4 часа 14 июня приказ командира дивизии предписывает:

«Враг еще удерживает южный берег Марны между Сен-Жаном и Ла-Ферте. 13 июня в 22 часа 282-й пехотный полк совершил прорыв через Марну. К 2 часам 14 июня полк занимает местность южнее Ла-Ферте. 98-я пехотная дивизия 14 июня завершает переправу через Марну, зачищая южный берег, овладевает высотами западнее Буа-де-Жуар и атакует Гран-Морен восточнее Куломье. 282-й пехотный полк сначала занимает плацдарм под Жуаром, затем продвигается на запад и обеспечивает 290-му пехотному полку переправу у Уси. 290-й полк готовится, используя отвлечение сил противника 282-м полком, как можно быстрее форсировать Марну и занять плацдарм Синьи-Синье. 289-й пехотный полк на-

правляется к пункту переправы между Ла-Ферте и Рёй, а после форсирования реки занимает плацдарм под Жуаром».

Усиленный 290-й пехотный полк с 3-м дивизионом 198-го артиллерийского полка и батареями 2-го дивизиона 53-го артполка, вооруженной 10-см орудиями, незамедлительно выдвигается к Марне — и, не встретив сопротивления, они переправляются один за другим. Уже в 9 часов полк занимает позицию на одной высоте с 282-м пехотным — у Синьи-Синье.

В 9 часов 45 минут поступает уточненный приказ по дивизии о задачах по форсированию Марны: «98-я пехотная дивизия, используя успех под Ла-Ферте, продвигается вперед, оставляя в тактическом тылу IV армейский корпус и следующую в тыл 263-ю пехотную дивизию, для преследования врага через Гран-Морен, и отбивает высоты южнее Куломье. Дислокация КП дивизии: Ле-Гран-Клере, южнее Жуара».

После наладки связи, подтягивания артиллерии и проведения рекогносцировки оба полка в 14 часов выступают маршем в сторону противника: справа усиленный 290-й, слева усиленный 282-й пехотные полки. 290-й полк при этом эшелонируется для обороны правого фланга. Заняты: передовым отрядом обер-лейтенанта Виммера через Буа-Де-Дуз: Шайи-ан-Бри; 282-м пехотным полком через Куломье: Мопертюи и Ботей; 289-м пехотным полком по достижении Куломье: Сен-Элуа и Амилис.

Не считая одиночных очагов сопротивления, быстро подавленных передовыми частями, наступление при палящем зное проходит без осложнений.

150 военнопленных и четыре тяжелых танка взяты в качестве трофеев. Под Во, строго на юг от Куломье оборудован армейский продовольственный склад. Куломье свободен от врага и беспрепятственно пройден по имеющимся в наличии мостам. Рассеянные неприятельские отряды сдаются в плен и отправляются на север. Однако главные силы вражеских войск, по-видимому, оттягиваются к Сене. На всех очищенных территориях то тут, то там попадаются остатки снаряжения, грязное отрепье обмундирования, разграбленные штатские автомобили, пустые консервные банки и бутылки вперемешку с нечистотами.

На высоте Мопертюи—Сен-Элуа—Амилис в ночь с 14 на 15 июня 282-й и 289-й пехотные полки останавливаются на короткий привал. Усиленный 290-й пехотный полк пока что пребывает в Куломье и обеспечивает оборону на западе. Там же действует инженерно-саперный батальон, который должен ликвидировать большую часть заграждений. Отправив разведгруппу в направлении Розуа—Ла-

Шапель—Ижер основные силы отряда Виммера отдыхают в Водруа. Штаб дивизиона к вечеру перемещается в Ольнуа, в 3 км севернее Куломье.

Знойный день позади, впереди 35-километровый дневной марш за отступающим неприятелем. Каждого охватывает чувство: вот теперь-то надо выложиться! Под чистым звездным небом глубоким сном спят роты. В темноте некому видеть, как изменились бойцы за 10 дней: загорелые щетинистые лица, пыльные потрепанные униформы, стоптанные ботинки.

Противник, похоже, обратился в настоящее бегство: перемещавшиеся полки французов, зуавов, чехов, поляков, алжирцев и сенегальских негров. Многие на пределе сил, изможденные и апатичные. Боевая задача дивизиона на 15 июня определена приказом: «По всему фронту преследовать врага, подойти к Сене, форсировать северо-восточнее Фонтенбло, создать плацдармы».

По прямой до Сены — 40 км, которые дивизии предписано преодолеть двумя колоннами с выходом на марш в 6 часов утра: справа — усиленный 282-й пехотный полк со штабом 198-го артиллерийского полка, 1-й инженерно-саперной ротой, 1-м дивизионом 198-го артполка, взводом истребительно-противотанкового дивизиона и 2-й санитарной ротой через Ботей, Ле-Плеси, Морман, Ле-Шатле-ан-Бри; слева — усиленный 289-й пехотный полк через Амилис, Водруа, Гастен. Но одно дело — «по прямой», и совсем другое — марш в боевом порядке, который слишком часто осложняется рельефом местности и сетью дорог, принуждающей подчас продвигаться окольными путями. К вечеру выяснится, что пехоте пришлось преодолеть куда больше 40 км и к тому же изрядно постоять в заторах, пропуская вперед многочисленные моторизованные формирования.

Около полудня, под ослепительным солнцем, дивизия делает привал на два часа. Это время полки используют также для организации велосипедных рот — недостающие «колеса» реквизируют у населения. В 16 часов 30 минут от Мормана и до Ле-Шатле-ан-Бри наступление продолжается по одной дороге. В Шатле передовой 282-й полк настигает приказ: еще до темноты форсировать Сену под Фонтэн-ле-Пор.

Передовой отряд Виммера на трассе Машо—Фонтенбло наталкивается на врага и опрокидывает его. Отходящие колонны неприятеля обстреливает артиллерия. При передаче требования о сдаче группе французов численностью в полную роту, после отклонения ультиматума, на обратном пути лейтенант Шмельцер убит выстрелом в спину.

Переправа через Сену

Командир 282-го пехотного полка выезжает вперед к Сене в район Фонтэн-ле-Пор, убеждается, что мост взорван, однако южный берег не занят врагом. По северному берегу части разведывательного эскадрона и 46-й инженерно-саперный батальон обеспечивают оборону. Тут же грузовиками передового отряда Виммера взвод за взводом подвозятся роты 1-го батальона 282-го пехотного полка, а саперы на лодках переправляют их через Сену. Лейтенант Шмиттнер и лейтенант Финке с первыми группами мгновенно растворяются в густом лесу с заданием обеспечить плацдарм и сломить сопротивление врага. В переброске принимает участие и какая-то незнакомая моторизованная мостостроительная колонна, пришедшая на помощь по просьбе 282-го полка.

С началом переправы КП полка располагается на южном берегу, на окраине леса. При нем велосипедный и саперный взводы. До полуночи весь полк успешно подвезен к Фонтэн-ле-Пор. Мягкие сумерки незаметно переходят в лунную ночь, серебристый свет луны скрадывает все передвижения. После сбора всего 1-го батальона 282-го пехотного полка на северной окраине леса начинается атака на обнаруженного врага. Он быстро отеснен на 4 км до железнодорожной линии Мелён—Фонтенбло.

В 23 часа два батальона, 1-й и 2-й 282-го пехотного полка, на пригнанных по реке судах и нескольких надувных лодках переправляются через Сену. До 3 часов, после прорыва через многочисленные очаги сопротивления, батальоны стоят на просеке у железнодорожной насыпи. Но это слишком малочисленная «армия», и в результате непрерывных перестрелок с обороной врага она несет целый ряд потерь убитыми и ранеными.

Усиленный 289-й пехотный полк уже вечером отдыхает в районе Буа-де-Барбо и далее к северу от трассы Мелён—Монтеро; усиленный 290-й пехотный полк в районе Бомбон—Лади—Сен-Кан—Брео; истребительно-противотанковый дивизион с дивизионным велосипедным эскадром — между Фонтэн-ле-Пор и Шатле. КП дивизии в 11 часов покидает Ольнуа и с 14 часов базируется в Брео.

Саперам, корпящим без сна и отдыха, к 3 часам утра удается навести 8-тонный военный мост, по которому без промедления переправляются остатки 13-й и 14-й рот 282-го пехотного полка, лошади и транспортные средства.

Весть о том, что Париж сдался без боя, окрыляет и предпрещает ввод в действие всех сил. В ком тогда не пробудилось желание

скорейшего окончания войны? Каждый отдает себе отчет, что в ближайшие 48 часов все силы будут брошены на преследование врага. Да так оно и должно быть!

На безоблачном небосклоне поднимается солнце и вскоре жарит с силой южного светила полки, которые с 6 часов утра маршируют от Сены на юг. Усиленный 282-й пехотный полк в 10 часов утра выступает с передовой линии обороны через великолепный лес под Фонтенбло на Ла-Шапель-ла-Рен. Противник в ранние утренние часы бесшумно оттянул свои силы. Блуждание по многочисленным запутанным лесным дорожкам, сходящимся в центре разветвленными лучами «звезд» — в центре на высоких деревянных крестах название каждой «звезды», — просто выводит из себя. Множество брошенных авто бежавших из Парижа столичных жителей (все без горючего) дают впечатляющую картину страха, внушенного населению устрашающей и ложной пропагандой. Эта пропаганда в ужасающих размерах повергла всех в панику перед угрозой приближающихся немецких войск, и повсюду, куда теперь вступают войска вермахта, их встречает удручающее зрелище опустошительного мародерства отступающих французских войск: от лавок до частных автомобилей.

Без задержек или стычек с врагом дивизия марширует через этот лесной массив и выходит на его южную оконечность. Согласно приказу по дивизии выдвигаются: разведка на линию Бомон—Шато-Ландон; усиленный 282-й пехотный полк на правом фланге: через Ашер, Ла-Шапель-ла-Рен; 289-й пехотный полк на левом фланге: до Фонтенбло; 290-й пехотный полк: перед 289-м через Самуа, Фонтенбло на Ла-Шапель.

Разведка дорог и ликвидация заграждений в Форе-де-Фонтенбло стали причиной значительной задержки. Позже — после дневного привала — 282-й и 290-й пехотные полки начали наступление из южной оконечности леса и к ночи вместе с головными силами заняли предписанный рубеж: Пюизо—Иши—Верто. С 20 часов командование дивизии дислоцируется в Ла-Шапель-ла-Рен.

16 июня сопротивление полностью сломлено. Боевой дух французов с каждым часом падает. Весь район наступления заполнен беженцами из Северной Франции, особенно из Парижа. По показаниям беженцев становится понятной причина их необъяснимого страха и даже отчаяния перед встречей с немецким солдатом: его главной составляющей стала официальная лживая пропаганда. Запуганные и забытые, выползают из всех щелей беженцы и глазам своим не верят, когда немецкие солдаты оказываются вовсе не разбойниками с большой дороги. Какой же грех взяли на себя радио,

пресса, школа и само правительство Франции, оболгав немцев и отравив общественное мнение — вот вам и результат! Будет ли повторяться это снова и снова? Сегодня, завтра, послезавтра?

Приказ по дивизии на 16 июня 1940 года гласит: «После того как дивизия в ходе тяжелых десятидневных боев и исключительных достижений на марше сегодня днем форсировала Марну, командир V армейского корпуса выражает дивизии приказом по корпусу свою особую благодарность.

Рад довести до сведения дивизии эту новость. Достижения дивизии на марше и в бою превыше всяческих похвалы. Особо следует упомянуть 282-й пехотный полк, который своими быстрыми энергичными действиями проложил путь дивизии через Марну и Сену».

Особо верным союзником пехоты в эти и последующие дни проявляет себя... велосипед! Еще в Люксембурге начатые единичные реквизиции для неотложных нужд вылились в конечном итоге в формирование на той же основе целых велосипедных рот. Вешний вид и возможности реквизированного «оснащения» далеко не соответствуют единообразию войскового снаряжения и отличаются своей «цивильной» непохожестью: разноцветные мужские велосипеды, кроме того, дамские с пестрыми сетками на спицах, детские с высоко поставленным седлом и даже велосипеды с корзинками для продуктов — все идет в ход! Но в первую очередь формируются пехотные передовые отряды, чтобы действовать на переднем крае. С продвижением в глубь страны на дороги выставляется все большее число велосипедистов, готовых к выполнению задач...

Сопrotивление теперь вспыхивает коротко то тут, то там, группками отчаянных с их оголтелыми предводителями.

Марш на Орлеан проведен молниеносно! Так что к дивизии не может быть никаких претензий: 17 июня с 4 часов 30 минут полки преследуют врага, чтобы передовые части заняли подступы к Луаре в районе Сюли. В 6 часов утра рубеж Пюизо—Шато-Ландон в направлении Бельгарда преодолен. В рассветных сумерках отряд Виммера несколько задержался на подступах к Ландону, отражая вялое сопротивление врага.

Расстановка велосипедных рот отныне тоже определена. Они, как и многочисленные пехотные взводы, на грузовиках, брошены на прорыв под командованием подполковника 198-го истребительно-противотанкового дивизиона Шпэта. Совместно с 5-й ротой 282-го пехотного батальона, посаженной на колеса, отряд Шпэта на правом маршруте быстро наращивает преимущество и в 11 часов 30 минут уже стоит севернее Сен-Пере. На выходе из леса севернее Ле-Борда 5-я рота под командованием обер-лейте-

нанта Штрёляйна обнаруживает длинную колонну пехоты с орудиями и броневым автомобилем, марширующую в их направлении.

Недолго думая, обер-лейтенант Штрёляйн с лейтенантом Вайдманом и отделением управления ротой въезжает в колонну. Бронемашина выведена из строя внезапно брошенной в открытый люк ручной гранатой. Ослабленная беженцами пехота замешкалась, и подоспевшая велосипедная рота обезоружила и взяла в плен 450 человек. Несколько орудий и броневым автомобиль в результате решительных действий были взяты трофеями. В 13 часов батальон Шпэ-та входит в Сен-Пере. Однако дальше все идет не столь гладко.

Продвижению к стратегически важному подвесному мосту через Луару мешают огромные — подчас в четыре ряда — пробки: тысячи беженцев на автомобилях заняли все дороги к мосту в направлении Сюли. Французский военный комендант Сюли силой оружия препятствует въезду на мост любого штатского авто. На противоположном берегу отчетливо видны войска в полной боевой готовности. Так что запланированный внезапный налет на мост, как и блиц-марш по нему, явно провалились.

Преодолев сопротивление под Ландоном, разведка отряда Виммера снова натывается у Каналь-д'Орлеан на организованную оборону. Под артиллерийским прикрытием выдвинутые вперед саперы по полосе продвижения возводят переправы в таком темпе, что уже в 15 часов 30 минут те готовы к использованию. До этого саперы участвовали вместе с пехотой в прорыве вражеской обороны.

Непрерывное преследование и летняя жара все явственнее рассеивают ряды противника. Повсеместно, где бы ни встретился хотя бы немецкий связной или машина, французы разного цвета кожи сдаются в плен. А дальше, почти без охраны, они стекаются в сборные пункты для военнопленных.

В пыли и зное марширует через Ампонвиль, Бюрс, Пюизо, Ои усиленный 282-й пехотный полк; через Гюршевиль, Обсонвиль, Иши, Жиронвиль, Со — на юг левофланговый 290-й полк. Если вчера требовалось пройти 60 км в день, то на сегодня задание увеличилось, и при этом полку снова и снова приходится прорывать оборону.

Правда, в основном это небольшие, изолированные арьергарды под командованием отчаянных командиров. В Ландоне, куда вслед за велосипедным эскадром входит пехота, еще горят кварталы, по обочинам дорог лежат раненые и убитые. Однако уже в Пренуа, на Каналь-д'Орлеан, наступление снова сдерживается огнем двух пушек и пулеметов. Теперь с открытой позиции в бой вступает девятая батарея 198-го артполка — и на той стороне воцаряется тишина! Короткая передышка; подсчитываются потери, среди них

лейтенант Вольф, офицер-ординарец 3-го батальона 290-го пехотного полка. На оставленных вражеских позициях кучи брошенного снаряжения, продовольствия, боеприпасов — и в их числе разрывные пули для винтовок и пистолетов! По неповрежденному мосту у Шийи удастся переправиться через канал. Но многочисленные задержки и отражение сопротивления приводят к тому, что правая колонна раньше подступает к Луаре.

Все помощники пехоты: обозы и колонны, обеспечивающие ее людской и гужевой силой, — все вымотаны невероятным темпом наступления. И тем не менее вечером 1-я санитарная рота в Бельгарде, а 2-я с главным медпунктом в Жиронвиле, сборный ветеринарный пункт в Корбей и Буси уже развернуты и готовы к приему.

Однако далеко не всем подразделениям придется этой ночью отдохнуть после принесшей облегчение грозы. Все дороги запружены колоннами разного рода, продвигающимися в обоих направлениях. До некоторых пунктов назначения удастся подойти лишь в 2 часа. К тому же в стороне от основных магистралей дороги гравийные и невероятно пыльные, так что не найдется ни пехотинца, который не стер бы ноги. Но все стискивают зубы: к Луаре надо подступить еще сегодня!

Обер-лейтенант Штрёляйн со своей ротой пытается занять мост под Сюли. Однако защитники не шутят, и, как результат, трое погибших и двое раненых. Так дело не пойдет! Кроме того, за спиной угроза со стороны больших и малых вражеских отрядов, стремящихся прорваться к мосту из Форе-де-Орлеан. В конечном итоге к Луаре на грузовиках подвозится и 6-я рота 282-го пехотного полка под командованием лейтенанта Хандрака, так что теперь весь батальон этого полка под командованием майора Аберле занял заданные позиции. К вечеру поступают первые сведения о перемирии.

В колоннах беженцев их бурно и радостно приветствуют.

В 19 часов 30 минут к командиру 282-го пехотного полка, расквартированного в Боне, является французский майор. Он просит о перемирии, чтобы без боя отвести бригаду, оттесненную в лес северо-восточнее Боне, в котором она сейчас отдыхает. Его сопровождают в дивизию, где передают поступившее из корпуса требование безоговорочной капитуляции.

Усиленный 282-й пехотный полк проводит эту короткую ночь под Боне, усиленный 290-й полк — севернее Ле-Борда, 289-й — еще севернее от Форе-де-Орлеан. В 10 км севернее Сюли в 21 час дивизионное командование разворачивает свой КП.

Неопределенность общей обстановки, вызванная упорно гуляющими слухами о перемирии, приводит к тому, что 18 июня в

первую половину дня стороны медлят с возобновлением боев. Не раз отрезанные французские части вступают в переговоры и подтверждают свою готовность сдаться.

Около 9 часов 30 минут капитаны дивизионного штаба Рихерт и Миттермюллер прибывают на передовую линию и в качестве парламентариев дивизии переходят мост у Сюли. Командиру стоящих на южном берегу войск неприятеля вручается требование сдачи моста в исправном состоянии и отвода войск для создания немецкого плацдарма по эту сторону Луары. В это время 282-й пехотный полк подступает вплотную к реке, КП полка размещается в Сен-Пере.

Срок ультиматума истек, но ответа не последовало. Мало того, в 13 часов 30 минут взлетает на воздух прекрасный современный 700 м подвесной мост, и с этим все сомнения в возобновлении сражения устранены. Снова должны заговорить пушки, чтобы как можно скорее сломить бессмысленное сопротивление французов. Вскоре, под обстрелом 10-й батареи 198-го артиллерийского полка, весь Сюли стоит объятый пламенем. Высоко вздымающиеся, хорошо видимые своды дворца, неподалеку от моста, страдают от прямых попаданий. Тут же отвечает вражеская артиллерия. Надежды на перемирие быстро развеиваются. Жара достигает своего апогея, на огневых позициях артиллеристы трудятся в одних рубашках.

Переправа через Луару

Эна, Марна и Сена по сравнению с Луарой всего лишь речушки, а вот Луара — многоводный поток, который теперь надо форсировать с боем. После разведки, проведенной 3-й ротой 198-го инженерно-саперного батальона, 2-м батальоном 282-го пехотного полка была предпринята попытка переправы западнее частично взорванного железнодорожного моста, под сильным артобстрелом. 17 часов 30 минут. Защитники Сюли проявляют лучшие качества французского солдата. Они упорно и неотступно держат оборону, несмотря на сокрушительный огонь немецкой артиллерии с удобных позиций. Лишь небольшой группе бойцов под руководством капитана Роппельта удается добраться до песчаной отмели метрах в пятидесяти от берега. Здесь им пришлось залечь в полной неподвижности. Надувные лодки все продырявлены выстрелами и пришли в негодность. Отползти назад не дает огонь противника. В результате этой вылазки уже имеются потери. Продолжение атаки через реку при свете дня бессмысленно. Артиллерийский, противотанковый и зенитный огонь, направленный на позиции противника в зоне види-

мости, при поддержке пехоты, ликвидирующей очаги сопротивления, должен сломить волю врага к сопротивлению. Это проба сил, которую противник уже не выдерживает. Вскоре огонь французов подавлен окончательно. Донесения разведчиков и наблюдателей приводят к решению в 3 часа ночи предпринять новую попытку переправиться. К тому же центры сопротивления в Сюли и Ла-Ну измотаны шквальным огнем. Результат обстрела Сюли 4-м дивизионом 198-го арtpолка налицо. В полночь полыхающие пожары кидают колеблющиеся красноватые отблески в воды Луары и на ее белые песчаные отмели.

Остаток ночи выдается спокойным. На ясном небе сияют звезды, луна стелет широкую серебристую дорожку по водной глади. За рекой мрачными кулисами вырисовываются на горизонте черные громады зданий, над которыми вздымаются языки пламени. Время от времени доносится глухой звук разрывов.

На этом эффектном фоне и разворачивается вторая переправа. В 3 часа практически бесшумно спускаются на воду надувные лодки, поднесенные саперами дивизиона. Как только последний пехотинец спустился в лодку, занял свое место; направляемые мощными гребками плавсредства двинулись наискосок по реке. Через десять минут они причаливают к противоположному берегу, и всем становится ясно: француз спасается бегством! Теперь все идет по плану. В предрассветных сумерках переправляются 3-й батальон и штаб 282-го пехотного полка. Без паузы за ними следуют 1-й, далее 2-й батальоны и за 2 км южнее и юго-западнее места переправы готовят плацдарм.

Приказ командира дивизии от 19 июня гласит: «Враг севернее Луары уничтожен. На данном берегу реки ранним утром 19 июня 800 человек сложили оружие. Не считая кровавых потерь врага, число взятых дивизией пленных составляет 2000 человек.

282-му пехотному полку при исключительной поддержке 198-го инженерно-саперного батальона и артиллерии удалось создать плацдарм западнее Сюли.

Дивизия, наряду с уничтожением по южному берегу Луары сдерживающего вражеского арьергарда, продолжает наступление. Боевая задача дня: создать плацдармы над Каналь-де-ла-Содр».

Ночь в горящем Сюли выдалась ужасной. В огромном количестве здесь скопилось гонимое население — в панике, голодное, истощенное и обессиленное. А теперь все эти люди оказались втянутыми в ожесточенную борьбу.

Под покровом тьмы в Сюли гуляли, мародерствовали и насиловали сенегальские негры. При попытке обесчестить раненых фран-

цуженок, укрывшихся в церкви, они были застрелены подоспевшими немецкими солдатами.

В показаниях одного французского свидетеля событий тех дней значится: «В Сюли, который был оставлен уже 15 июня, мародерствует армия. Откуда к ночи появилось целое море беженцев, остается загадкой. Почти все двери в домах выбиты солдатами. На одной из площадей марокканцы торгуют ворованными вещами, предлагая товар беженцам за полцены».

Но это было только прелюдией к драме ночи с 18 на 19 июня.

Совместно с соседями: IV армейским корпусом справа и 263-й пехотной дивизией слева — в напряжении последних сил возобновляется преследование неприятеля. Усиленный 282-й пехотный полк с 1-м дивизионом 198-го артполка на левом фланге и усиленный 290-й пехотный полк с 3-м дивизионом того же артиллерийского полка, готовые выложиться до предела, маршируют на юг в клубах пыли при нарастающем зное. По маршруту продвижения вдоль дорог брошены французские орудия. Объявляются и военнопленные; вскоре их набирается в количестве 30 офицеров и 800 рядовых.

В то же время 289-й пехотный полк со 2-м дивизионом 198-го артполка движется к восточной оконечности Буа-де-Сюли, чтобы выйти на предписанный рубеж. И снова саперам дивизии предоставляется возможность применить на Луаре весь опыт наводки мостов, приобретенный под Регенсбургом на Дунае и Гермерсхаймом на Рейне. Они, при помощи саперов 47-го батальона, 603-й и 162-й мостостроительных колонн, справились с задачей быстро и успешно. Наведенный 8-тонный мост под Сен-Пере готов к эксплуатации уже в 14 часов.

Пехота неудержимо продвигается вперед. Возникает новый очажок сопротивления — с ним коротко разбираются. Под Ле-Ба-Жарьер 5-я велосипедная рота 282-го пехотного полка наталкивается на вражеские тыловые отряды. В результате особо энергичных действий фельдфебеля Хоффмана и его сопровождающих мост в целостности и сохранности переходит в руки немцев. Фельдфебель Хоффман и унтер-офицер Хильф при этом получают смертельные ранения, а четверо других — легкие.

Темп взят такой, что за пехотой не успевают ни пулеметные тягачи, ни полевые кухни. На протяжении двух дней пулеметы приходится переносить на руках. Реквизированные детские коляски немного помогают делу.

В стремлении сильнее налечь на неприятеля 2-й батальон 290-го пехотного полка рассаживается по грузовикам и благодаря этому уже скоро оказывается у канала. Под Пьерфитом он ввязывается в

короткий бой, в котором погибают унтер-офицер Дисдорн и старший стрелок Ройтер. К вечеру к каналу подходят и части на марше.

Приказ по дивизии на 20 июня: «Враг беспорядочно отступает на юг. Благодаря умелым действиям 98-й пехотной дивизии наши войска к 18 июня отбросили за Луару две дивизии противника. Дивизия продолжает решительное преследование и занимает: главными силами высоты южнее Шера, вокруг Парпесе и Сен-Кристоф; передовыми отрядами район Эндра по обе стороны Бюзансе. 282-й пехотный полк наносит удар справа, 290-й полк — слева. По завершении атаки переправы под Вильфраншем и Лангоном, затем переправа под Бюзансе должны быть отбиты».

Для броска к 282-му пехотному полку прикомандировали колонну 2-го дивизиона 53-го артиллерийского полка, к 290-му пехотному полку — сборную колонну грузовых автомобилей. Саперный батальон, ставший на велосипедах чрезвычайно мобильным, придается обоим передовым полкам, по роте каждому, для проведения предварительной рекогносцировки по течению реки. Истребительно-противотанковые подразделения сначала следуют до Шаона.

Оставившие ночью Пьерфит вражеские тыловые отряды ненадолго останавливаются в Сальбри, чтобы перегруппировать силы и снова исчезнуть. В полдень цель в районе Шера достигнута. Мосты под Сен-Жюльеном и Ментоном взорваны. Еще до темноты 5-я рота 282-го пехотного полка создает перед Сен-Жюльеном плацдарм. Взятые 19-го и 20-го пленные французы принадлежат 18 различным дивизиям.

Под палящим солнцем пехота на марше не может без остановки выдержать темп преследования. В полдень она останавливается на привал на рубеже Сель-Сен-Дени и Ла-Ферте-Эмбо. На счастье, к этому времени подоспели и полевые кухни, встреченные бурным приветствием. Во время отдыха явились местные жители с консервированными фруктами и вином, и все никак не могли поверить, что немецкие солдаты вовсе не похожи на людоедов. Что еще больше подняло настроение, так это появление долгожданных грузовиков, которые тут же начали транспортировку пехоты в район Шера.

К 23 часам Вильфранш-сюр-Шер заполонила пехота 282-го полка в полном составе. 290-й пехотный полк ночь проводит между Ла-Бриером и Ла-Ферте-Эмбо. 2-я санитарная рота ранним утром 20 июня обустраивает главный медпункт в Шаоне, в котором обрабатываются 46 раненых бойцов. Ветеринарная рота севернее Луары принимает около 350 лошадей. Они в весьма запущенном состоянии от голода, жажды, отсутствия должного ухода; часто больные.

Ночью становится известно, что 98-я дивизия останавливается у Шера и на этом ее боевые действия на данном направлении заканчиваются.

Приказ командира дивизии содержит и обзор пройденного пути: «Дивизия, до последнего бойца, коня и мотора, полностью выполнила свою задачу. В лесу под Орлеаном лежат снаряжение, оснащение и вооружение двух вражеских дивизий. То, чему удалось сбегать за Луару, всего лишь жалкие остатки войск.

Преодоление пяти великих водных артерий Франции: Уза-Энн-Каналь, Эны, Марны, Сены и Луары — доказало, что дивизия выросла до решения сложнейших задач...» Затем упоминались достижения дивизионной пехоты, передового отряда Виммера, истребительно-противотанкового дивизиона и тыловых служб. «Без неустанной работы днем и ночью, — гласил приказ, — без обеспечения снарядами, продовольствием и горюче-смазочными материалами, а также без оказания медицинской помощи раненым бойцам и истощенным лошадям наша победа была бы невысказанной!»

Как много значили медико-санитарные службы для поддержания боеспособности войск, свидетельствуют их собственные потери. Только убитыми и ранеными санитарный персонал потерял 36 человек. Из них убитыми: трое офицеров медицинской службы, трое унтер-офицеров медслужбы и санитар-носильщик.

Пока что дивизия обеспечивает оборону на достигнутых ею рубежах в районе Шера: Вильфранш и Ментон. Справа по флангу отдыхает 4-я пехотная дивизия, слева — 263-я. Врага и духу нет.

Инженерно-саперный батальон пока еще наводит 4-тонный мост под Сен-Жюльеном и начинает строительство нового под Лангоном.

Приказом предписана организация военных комендатур. Вводится комендантский час. Беженцы возвращаются в места своего проживания. Следуют распоряжения по дезинфекции людей, лошадей, орудий и прочего вооружения. Теперь любому понятно: для дивизии война во Франции окончена.

22 июня в 22 часа 50 минут по радиосвязи до дивизии доносится сообщение: «В 18 часов 50 минут подписано соглашение о прекращении огня!»

Всё! На этом конец!

Ведение боевых действий во Франции завершилось со следующими жертвами:

280 павших, среди них 17 офицеров;

966 раненых, среди них 36 офицеров;

43 пропавших без вести, среди них 1 офицер.

Приказом, которым 263-я пехотная дивизия сменяет 98-ю пехотную, для дивизии начинается новый этап. Вечером 24 июня вступает в силу соглашение о прекращении огня. Повсюду ликование, сигнальные позывные «Отбой!», звон колоколов, музыка, ракеты, фейерверки, факельные шествия... Кто познал ужасы войны, знает ей цену и жаждет ее конца.

Достижения 98-й пехотной дивизии могут помериться с другими действующими дивизиями того же уровня. Это подтверждается торжественным вручением Железных крестов. Храбрейшим из храбрейших повешены на грудь Железные кресты 1-го класса. Простой солдат-пехотинец, получивший такой крест, доказал свою отвагу перед лицом товарищей. Они равноценны, полученные что в Первую, что во Вторую мировую войну, — во всяком случае, в пехотных дивизиях.

В свободные от боев дни подводятся итоги прежних батальей. И тут обнаруживаются весьма интересные данные. 10-я рота 198-го артиллерийского полка так оценивает свою огневую деятельность от Западного вала до последнего французского редута: в истекший период произведено 2778 выстрелов, из них: 31 выстрел на Западном валу, 1198 выстрелов в поддержку наступления под Саарбрюккеном и 1549 — во Франции. Одна из санитарных рот подводит итоги: в течение 18 дней боевых действий обслужено 585 раненых и больных, кроме того, 14 военнопленных и двое местных гражданских; проведено 35 опасных для жизни операций. Ветеринарная рота дает следующие результаты: из 832 госпитализированных лошадей 408 выписаны совершенно здоровыми. Так что уход и лечение внесли свою лепту в успех кампании.

В итоге главнокомандующий в поощрительном приказе провозгласил: «Все вы, от генерала до последнего солдата, сделали все возможное, что только может сделать немецкий солдат!»

Покой последующих дней и ночей каждый использовал на полную катушку. Кто мог, выспался. А кто не мог — выспался тоже.

В Судеты!

Уже ранним утром 25 июня начинается отход дивизии, сначала к сборному пункту под Орлеаном. По двум маршрутам дивизия продвигается через Ла-Ферте-Эмбо, Сальбри, Нуан и Роморантен к городу Жанны д'Арк. Повсюду, как признаки войны, царят запустение и неопишная грязь. В Орлеане нет ни света, ни воды. Колодцы загрязнены. Помыться и постираться в Луаре — тоже не вызывает энтузиазма: по ней нескончаемо плывут трупы.

Новым командиром 289-го пехотного полка назначен полковник Гайгер. Взамен переведенного на другую должность командира инженерно-саперного батальона майора Зохе назначен капитан Муке. Место павшего 2-го адъютанта дивизии Бассэнге занял майор Виггер. Два маршевых батальона, следующие за дивизией, также достигают своей цели. В их составе 9 офицеров, 1432 унтер-офицеров и рядовых.

30 июня 1940 года отдых в Орлеане заканчивается, а боевые действия получают свое подлинное завершение церемониальным чествованием павших в кафедральном соборе города. Нежаркое утреннее солнце освещает прелестную долину Луары, по которой процессия двигается к церкви. Светло-серые пилястры и своды собора служат умиротворяющим фоном для стального цвета униформ, занявших скамьи и боковые проходы. Патетическая прелюдия, исполненная военным оркестром 282-го пехотного полка, повергает всех, до последнего солдата, в торжественный настрой духа. Затем грянул с невиданной для этих древних стен силой хор пяти тысяч мужских голосов: «Приступим к молитве...»

К алтарю выходит дивизионный священник Новак и теплыми, по-мужски сдержанными словами чтит память павших. Затем под тихую мелодию «Верных товарищей» зачитываются списки офицеров, унтер-офицеров и рядовых по отдельным войсковым частям. Строго и проникновенно поминается каждый, кто еще недавно был в рядах боевых товарищей. Пастор Розенбауер вторым берет слово: «Они пали за тех, кто ради них живет. Лишь тогда они будут мертвы, когда не останется ни единого немца, который помнит о них и испытывает благодарность за их жертву».

В скорбном молчании, взволнованные, медленной длинной вереницей покидают солдаты Дом Божий, с памятными словами в душе: «Так затынем еще раз потуже наши шлемы!»

В тот же вечер истребительно-противотанковый дивизион, батальон связи и части службы снабжения начинают смену дислокации в направлении северо-восток. Главные силы дивизии следуют за ними 1 июля в район Питивье. После двух дней отдыха марш продолжился. Новая цель: район Сезана. Здесь, между Шампобер—Луази-ан-Бри—Конантр—Коруа—Андлюр—Сандуа—Муе и Ла-Вильнёв с 14 по 17 июля дивизия проводит мирные дни отдыха. Некоторые избранные посещают Париж. Позже такая возможность еще раз представится и другим.

Но и те, что отдыхают, «не увидев Париж», могут немного понаслаждаться передышкой между боями, ибо в последние дни идут затяжные проливные дожди. «Вшивая Шампань!» Несмотря на по-

году, ко всеобщему удивлению, устраивается репетиция парадного марша. Ходят слухи, что дивизии предстоит торжественное вступление на родную землю! Повсюду царит предвкушение радости. Лишь в 282-м пехотном полку оно омрачено несчастным случаем с грузовым автомобилем, тяжким последствием которого стала смерть лейтенанта медицинской службы доктора Вернера.

27 июля дивизия покидает место отдыха для транспортировки в направлении родины. В Нюрнберге передовой отряд уже готовит расквартирование, предусмотренное в восточной части XIII военного округа, в районах Арцберг, Санкт-Йоахимсталь, Постельберг, Тушкау, Бишофстайнитц, Нойштадт-на-Вальднабе. Но вначале предстоит вступление в города Нюрнберг, Карлсбад и Эгер. Для приема в них транспорта с подразделениями дивизии приготовления начинаются за несколько суток.

Нельзя сказать, какой из городов встречал прибывающих с большей сердечностью, с большим воодушевлением, с большим ликованием под дождем и с цветами: то ли «город партсъездов рейха», привыкший к шествиям, то ли «всемирный курорт», то ли старинный «имперский город» в Судетах? Ибо повсюду, куда входили войска дивизии, крупные формирования или малые, их вступление превращалось в триумфальное шествие.

Нюрнберг 4 августа принимает штаб дивизии с мотоциклистами-связными, полевую жандармерию и велосипедный эскадрон, а также 290-й пехотный полк, 3-й дивизион 198-го артиллерийского полка, истребительно-противотанковый дивизион, батальон связи, инженерно-саперный батальон, 1-ю санитарную роту и подразделения обеспечения и снабжения, как никогда прежде! Каждому бойцу достается букет цветов и улыбки прелестных немецких девушек.

Карлсбад 5 августа ничуть не отстает в проявлениях своей радости, встречая 289-й пехотный полк, 2-й и 4-й дивизионы 198-го артиллерийского полка, 2-ю санитарную роту и службы снабжения. Кроме того, среди бойцов дивизиона они от всего сердца приветствуют и обласкивают множество сынов, вернувшихся героями на свою малую родину.

Эгер 7 августа затоплен лучами ослепительного солнца и льющейся через край нежностью. Засыпанные цветами улицы переполнены празднично одетыми горожанами — настоящий приют радости и гордости, как для прибывающих, так и для жителей: ведь большая часть входящих бойцов 282-го пехотного полка и 1-го дивизиона 198-го артиллерийского полка родом из округа Эгер!

Но и там, куда в Судетской области вступали даже малые подразделения дивизии: в Кааден, Хоштау, Франценсбад, Мисс и

План, — все те же проявления неподдельной сердечности, с которой население встречает свои войска. Для каждого из ныне живущих ветеранов это незабываемые события и достойное завершение первого большого этапа войны.

Не только гражданское население чувствует войска за их победы, но и заключение дивизионных командиров по окончании боевых действий на западе не менее одобрительное: рядовой состав, если сравнивать уровень его обученности, оснащения и вооружения с кадровыми дивизиями, сделал больше, много больше того, чего от него можно было ожидать. В боях и на отдыхе за эти тяжелые три недели, часто на последнем дыхании, проходили проверку товарищеские отношения сведенных вместе франконцев, судетских немцев и швабов — и они выдержали все тяготы. Связи землячества доказали свою прочность. Суровость, неприхотливость и надежность в самых тяжелых условиях во многом способствовали достигнутым успехам. Боевые подразделения, как и службы снабжения, могут гордиться своими заслугами в боях всего лишь спустя восемь месяцев после сбора в Графенвёре. Беспременно они проявили себя и на марше! Не меньшую значимость имел и тот факт, что в ходе военных действий из прежде неприметных личностей выростали настоящие brave парни.

Вслед за этим через несколько дневных переходов дивизия доходит до определенных ей на зиму 1940/41 года мест расквартирования в обширном районе в окрестностях Миса.

В Судетах

Насколько высоким был темп последних недель, настолько спокойно и мирно начинается и протекает время на зимних квартирах с августа 1940 года до весны 1941 года. Облик дивизии меняется кардинально: все некадровые солдаты отпускаются «на хозяйство»; лошади до последней упряжной «одожены» на сельхозработы; в подразделениях остался только кадровый состав, самый жизнеспособный и работоспособный. Все не используемое в обучении вооружение складировано. Подготовка кадрового состава организуется по долгосрочным программам. Здесь и проведение штабных и командно-штабных учений, устройство и оборудование окончательных мест расквартирования. Отпуска положены лишь нуждающимся в отдыхе, число которых все растёт.

В октябре, когда леса в районе дислокации надевают осенний наряд, 98-ю дивизию, вернувшуюся несколько месяцев назад с

Французской кампании, даже не узнать. Та дивизия ушла в небытие. Неделя за неделей шли сокращения, отсекалось все нежизнеспособное. В итоге осталось все самое здоровое и жизнестойкое, так сказать, «клубни», из которых по весне должны подняться и набрать соки новые ростки.

Дивизионное командование обучает своих командиров в Карлсбаде, там, где издавна освежают и лечат душу целебные воды. Общевоинские командиры, их офицеры и унтер-офицеры проводят занятия на местности, военные игры на карте и на макетах. Помимо этого проводятся курсы обучения и усовершенствования для кандидатов в офицеры, курсы военных специалистов, верховой езды. Строевые учения, наряды на местности, спорт, учеба наполняют каждый день, прежде чем зима с ее снегами ограничивает учения на полигонах. Незаметно подкрадывается Рождество. Год подходит к концу, а новый уже проступает из тьмы: 1941-й.

Невероятно велик контраст между радостным безмятежным кануном нового, 1941 года в Судетах и испытаниями, выпавшими на долю дивизии в канун 1942 года, за тысячу с лишним километров от родины, в чужой глуши без конца и края, скованной лютыми морозами, занесенной снежными бурями, в которой враждебным кажется всё и вся.

С увеличением дня все начинают тосковать по переменам. Каждый надеется на близкий конец войны, на договорный мир, на возвращение к родным очагам. С приходом февраля множатся признаки возрождения дивизии, которые в конце концов — начиная с 10 февраля 1941 года — приводят к обратному пути во Францию. Все поголовно радуются концу «зимней спячки». После победной Французской кампании многим и многим хотелось бы побывать там снова, и подольше. И вдруг мечты сбываются: дивизию командируют во Францию, для охраны демаркационной линии в район Бар-ле-Дюк.

Военная подготовка во Франции

Демаркационная линия — это, по сути, то же самое, что и пограничная линия или Северо-восточная линия, которая проходит в районе действий дивизии вдоль по Марне на рубеже Шамон—Сен-Дизье—Вузье. По ней следовало пресекать все перемещения нежелательных элементов на восток. Довольно сомнительная задача. Для ее выполнения по железнодорожным и автомобильным мостам через Марну расставлены посты. При огромной протяжен-

ности батальонных районов под контроль могут быть взяты лишь переправы, нанесенные на карту. Переплыть на лодках, под покровом тьмы и тумана, можно практически беспрепятственно. Тут делать нечего. Постама только и остается, что проверка передвижения туда и обратно в соответствии с выданными пропусками. В одном Жуанвиле это 500—600 человек в день.

Долина Марны очаровывает своей красотой и прелестью. Извиваясь, река течет по слегка рельефной местности, которая густо населена. Берега поросли кустарником. Почва черноземная, плодородная, готовая рожать в эти весенние дни. В деревнях почти не приметны признаки войны. Стояние с продовольственными карточками в очередях у магазинов не слишком возмущает население и даже дает возможность поболтать.

Караульная служба, казарменные заботы, которые требуют много сил и времени, и обучение по установленным программам с конкретной подготовкой — на все это выделено слишком мало времени. К тому же выясняется, что «отпускники» многое забыли. А тут еще то мокрый снег, то затяжные дожди сильно мешают несению службы на местности.

Вопрос: «Что же ныне представляет собой 98-я пехотная дивизия?» — занимает многие умы. До конца апреля действует программа переобучения. А что дальше? Продвижение в глубь Франции, в еще не занятые области?

С началом марта устанавливается заманчиво теплая погода. В палисадниках вылезают барвинки и первоцвет. Трели жаворонков наполняют воздух. Но барашки облаков на лазурном небе уже пророчат проливные дожди, которые продержатся до апреля. Чернозем становится вязкой трясинной. Инспектирование рот и батарей превращается в тяжелое испытание не только для людей, но и для боевой техники. И все-таки следует заметить, что рвение и старание дали результат: навыки и умения личного состава значительно повысились.

В начале апреля спускаются новые директивы: теперь основной задачей должна стать подготовка по боевой стрельбе. В учения включаются все подразделения тяжелых вооружений, равно как и стрелковые роты, по большей части на полигоне Мурмелон-ле-Гран. Ласковое весеннее солнышко улыбается, глядя на них. В это время некоторые военнослужащие еще пользуются предоставляющимися возможностями для ознакомительных поездок в Париж и Версаль, в самое сердце Франции.

В середине апреля 282-й пехотный полк меняет место дислокации. Он занимает район Шалон-сюр-Марн—Мурмелон-ле-Гран—

Эперне. Через короткое время 2-й батальон из грязных барачков в Мурмелоне переселяется в чистые казармы в Реймсе. Многие в дивизии за последние недели узнают вкус шампанского.

Требования к обучению повышаются. Благоприятные погодные условия способствуют батальонным и дивизионным учениям. Три больших учебно-тренировочных занятия, спланированные и руководимые командирами пехотных полков, становятся демонстрацией готовности к боям в лесах, населенных пунктах и на речных переправах. В них заняты все орудия. Такой размах рождает уверенность, что по окончании учений дивизии предстоят боевые действия. Но где?

В одном из полигонных учений усиленного 282-го пехотного полка принимает участие генерал-полковник Бласковитц, который при обсуждении тоже делает недвусмысленные намеки о будущем.

По-прежнему держится хорошая погода. В середине июня становится даже жарко. В местах расквартирования бурлит жизнь. Выступления военных оркестров пользуются успехом не только у бойцов, но и у местного населения. Поступок обер-фельдфебеля Казимира, капельмейстера военного оркестра 282-го пехотного полка, говорит о том духе, что царит в среде музыкантов: он подал рапорт о переводе в пехотную роту, а спустя месяц погиб в России в ранге командира взвода 7-й роты 282-го пехотного полка.

22 июня проясняется доселе неопределенное положение на Востоке. Риббентроп озвучивает по радио заявление Гитлера. Услышанное вызывает смешанные чувства: как, Россия? Необозримые просторы и непредсказуемые последствия? Однако для дивизии приоткрывается покров тайны на ближайшее будущее. По случаю завершения учений 290-го пехотного полка командующий генерал Вегер обращается к дивизии с прощальным словом. Да, теперь окончательно ясно, что предстоит прощание с Францией и со всей западной цивилизацией. Кое-кто угнетен, большинство задумчиво и сосредоточено. Но времени на раздумья уже нет. Приготовления к отправке занимают каждую минуту в те немногие дни, что еще остались.

Настрой мыслей тех, кто оказался вырванным войной из их мирных профессий, передает письмо жене рыцаря Железного креста 1-го класса бывшего преподавателя высшей школы обер-лейтенанта доктора Мауля, теперь — адъютанта батальона 289-го пехотного полка:

«Думаю, это единственное, чем может быть горд солдат: признание его достижений, его храбрости и мужества. Именно поэтому я горжусь своей наградой. Если в старости мне придется передать ее своим парням — а паду на поле битвы, так передаст батальон, —

она послужит свидетельством тому, что я своей жизнью подтвердил все, о чем долгие годы думал и говорил сначала студентом, потом преподавателем! Я старался личным примером показать образец! Сейчас такой пример более всего нужен армии. Я — готов. Готов ко всему, что нас ждет».

Марш на Восток

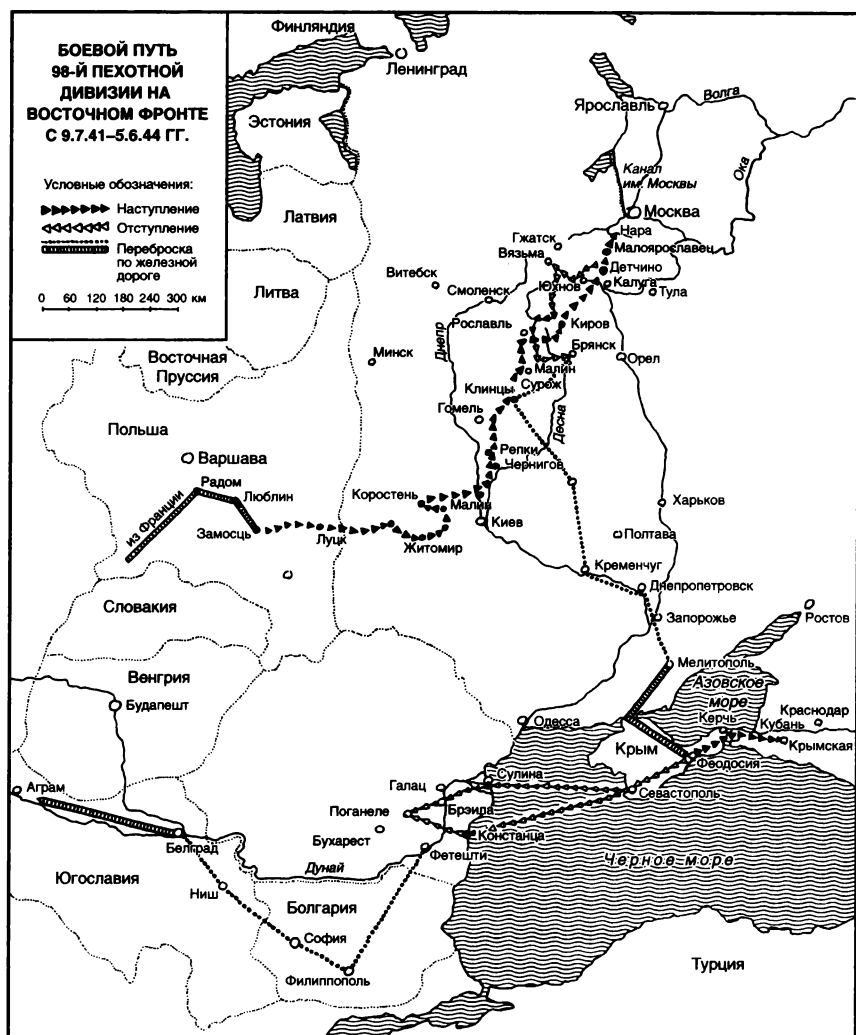
Транспортировка из Франции через Германию на Восток для всех стала расставанием с родиной на долгое время, а для многих — навсегда. Каждого трогает прощание с залитыми солнцем деревеньками и чистенькими ухоженными городками, мелькающими за окнами вагонов. После Катовице кончаются польские земли. Открывается новый, совсем не знакомый мир, с прикрытыми отрепьем детьми, бегущими за поездом, прося хлеба, с убогими домишками, сколоченными из досок и крытыми дранкой, с дорогами, которые уже при взгляде из окон повергают в ужас.

Через Радом и Люблин в течение двух-трех дней между 5 и 10 июля все эшелоны достигают единой цели: Замосць, городишко на трассе Люблин—Лемберг. Здесь вновь прибывшие получают направления на расквартирование личного состава, на раздаточные пункты продовольствия, на размещение лошадей и грузовых автомобилей. В соответствии с этим 98-я пехотная дивизия в качестве резерва Верховного командования сухопутных войск в составе 6-й армии фон Рейхенау по приказу LI армейского корпуса должна в обозримом будущем выступить в направлении Киева.

На марше от разгрузочной станции к ближайшим казармам в районах сосредоточения войска почувствовали первые признаки того, что им предстоит пережить на дорогах и квартирах, в грязи и в пыли.

Чрезвычайно оживленный подвоз стоящих на линии фронта многочисленных моторизованных сухопутных войск и военной авиации днем и ночью наполняет воздух шумом и клубами пыли. Из уст сопровождающих приходят странные, диковинные рассказы о восточных краях, куда дивизии вскоре предстоит маршрутировать с раннего утра до поздней ночи, все глубже и глубже. В те края, где она увязнет и не скоро сможет выбраться.

9 июля 1941 года, не дожидаясь полного сбора, дивизия начинает продвижение на восток. Ей придают сомнительные деревянные телеги — обычный транспорт в этих местах — вместе с лошаденками и возничими из гражданских.

День стоит жаркий. Солнце печет. Духота без всякого движения воздуха. Единственный раз, когда дивизия, разделившись, пытается маршировать по двум дорогам. 282-му пехотному полку с 50-м дивизионом 198-го артиллерийского полка предписано воспользоваться второстепенной дорогой от Замосця до Хрубешува. Обозначенная на карте красным как шоссейная, эта дорога вдруг резко обрывается перед лугом, и лишь телеграфные столбы продолжают свой бег по мокрому лугу. На счастье, с колонной движется инженерно-саперный батальон — каждой единице транспорта требуются до-

бавочные пристяжные. А тут еще разразился грозовой ливень. Так что преодолеть луг стоит сил и времени. Дальше колонна, неизменно растянувшись, буксует в мелком рыхлом песке с 5 и до 24 часов и добирается до казарм в Хрубешуве совершенно измотанной. Командиры подразделений в тревоге о состоянии немалого багажа.

Главные силы дивизии следуют по северной «автостраде». Вскоре становится ясно, что название не имеет ничего общего с реальным состоянием шоссе. Пехота на марше видит перед собой лишь бесконечную, уходящую в немилосердную даль дорогу, по которой приходится тащиться, обливаясь потом и глотая пыль. Пыль, песок, духота, гром, молния, ливень, грязь, сонмы насекомых — вот ее спутники.

11 июля с переходом через Буг по новому длинному деревянному мосту, соединяющему высокие берега под Устилугом, сделаны первые шаги по России. Впрочем, это еще не исконно русские земли. Буг с 1938 года становится «границей интересов» по русско-немецким договоренностям.

В результате прорыва сражающейся впереди 6-й армии танковой группой фон Клейста линии Сталина в районе Цвиахеля требования к дивизии на марше ужесточаются. Для развития успеха все резервы должны быть подтянуты в кратчайшие сроки. А это значит: еще длиннее переходы, еще меньше времени на сон!

«Сделать рывок», «ускорить переброску» — все это западные понятия, слова из лексикона солдат технических подразделений, но никак не тех, кто торчит в тяжелых сапогах пехотинца. По сравнению со здешней пылью все дороги Франции просто ковровые дорожки. Но еще мучительнее то, что пехоту постоянно оттесняют на жуткие обочины дорог.

12 июля дивизия входит во Владимир-Волынский, 13 июля — в Луцк. Небо прояснилось, погода стала прохладной, со свежим ветерком, так что биваки доставляют удовольствие, несравнимое с ночевками вповалку в тесных, дурно пахнущих крестьянских избах. Вечером, помывшись, с приятной усталостью в членах, лежать перед палаткой и блуждать взглядом через луга и поля к дальней кромке леса — вот что значит отдых после долгого марша.

Клевань, Ровно, Тудоров, Корец — маршрут дивизии с 14 по 17 июля. Прямо за Корцом пересечена старая граница Польши, и с этого момента войска по-настоящему вступили на русскую территорию. Переход от польского хозяйства к русским условиям происходит незаметно, только еще заметнее запустение, нищета и убожество, грязь и почти полное отсутствие цивилизации. Под Цвиахелем продвижение приостанавливается на три дневки. И маршевым ро-

там, и лошадям требуется основательно перевести дух, из чего вовсе не следует, будто сопровождающим автомобилем приходится легче.

22 июля 98-я пехотная дивизия возобновляет свой марш по «автостраде». Кажется, ей нет конца и края, без лесополосы, без намека на тень. Широкая, ровная, уходит она к горизонту и исчезает за ним. Есть в ней что-то унылое, подавляющее, безжалостное. И все-таки дальше, дальше на восток, вперед, без оглядки назад!

Соколов и Курне пройдены 23 и 25 июля соответственно. Каждому пехотинцу приходится выучить новое словцо для описания тех многогранных задач, что выпадают на его — и только на его — долю: «прочесывать» русские леса! Эта задача задерживает наступление и в принципе безрезультатна. Попытаться чесать пальцем шевелюру в поисках вши — примерно с тем же результатом можно «прочесывать» леса на востоке.

Житомир на Тетереве на день предоставляет отдых, разве что с одним неудобством: нашествие насекомых, обусловленное летней жарой и особенностями климата. Поначалу это мухи. Зной попеременно с влажными днями способствует их неимоверному размножению. Они насаждают тучами, и спасения от них нет. Они жужжат, жалят, даже залетают в рот. И кроме того, с этой поры запрещено пить сырую воду — в этой «стране чудес» пить можно только кипяченую!

И особое потрясение от большевизированного Востока — новое, оглушающее — вызывает вид древних русских храмов. Церкви, прежде бывшие оплотом благочестия православного народа, теперь стали явной демонстрацией атеизма большевиков. Горнее поругано и обесчещено правящей силой. Превращенные в клубы, зерновые и товарные склады, бойни и киношки, дома Божьи представляют собой плачевное зрелище: со сбитыми крестами, снесенными куполами и пробитыми стенами. Внутри не лучше: все церковное имущество разграблено, иконостасы выдраны, алтарь служитместилищем корыта для раствора. Срам! Со стен то тут, то там издевательски шурятся Сталин и партийные товарищи.

Вот оно, истинное лицо большевизма!

Преследуя отступающего врага, 262-я пехотная дивизия создает плацдарм через Иршу под Малином. Он еще сыграет свою решающую роль в судьбе 98-й пехотной дивизии. Но пока что дивизия тащится в арьергарде от Коростышева до Кочерова и только 27 июля входит в этот населенный пункт. Теперь она уже не резерв Верховного командования сухопутных войск, а боевая сила командования штаба 6-й армии. Боевые машины на резиновых шинах все чаще замещаются телегами, и уже никто не противится их экзотическому виду, ибо на бездорожье это единственно доступный способ передвижения.

С вестью о переподчинении дивизии LI армейскому корпусу приходит приказ о предстоящем ночном переходе. «Автострада» может благополучно остаться позади, теперь курс строго на север, на Радомышль.

Первое боевое задание на Востоке для дивизии следующее: сместить на плацдарме под Малином сильно оттесненную 262-ю пехотную дивизию. Авиация между тем доносит, что большевики на данном рубеже значительно усилили свою артиллерийскую оборону.

30 июля, наконец, заканчивается длительный переход в пыли и под палящим зноем, с ежедневным преодолением в 40—50 км, в лесу южнее Малина, — позиция, определенная исходным районом для атаки 31 июля.

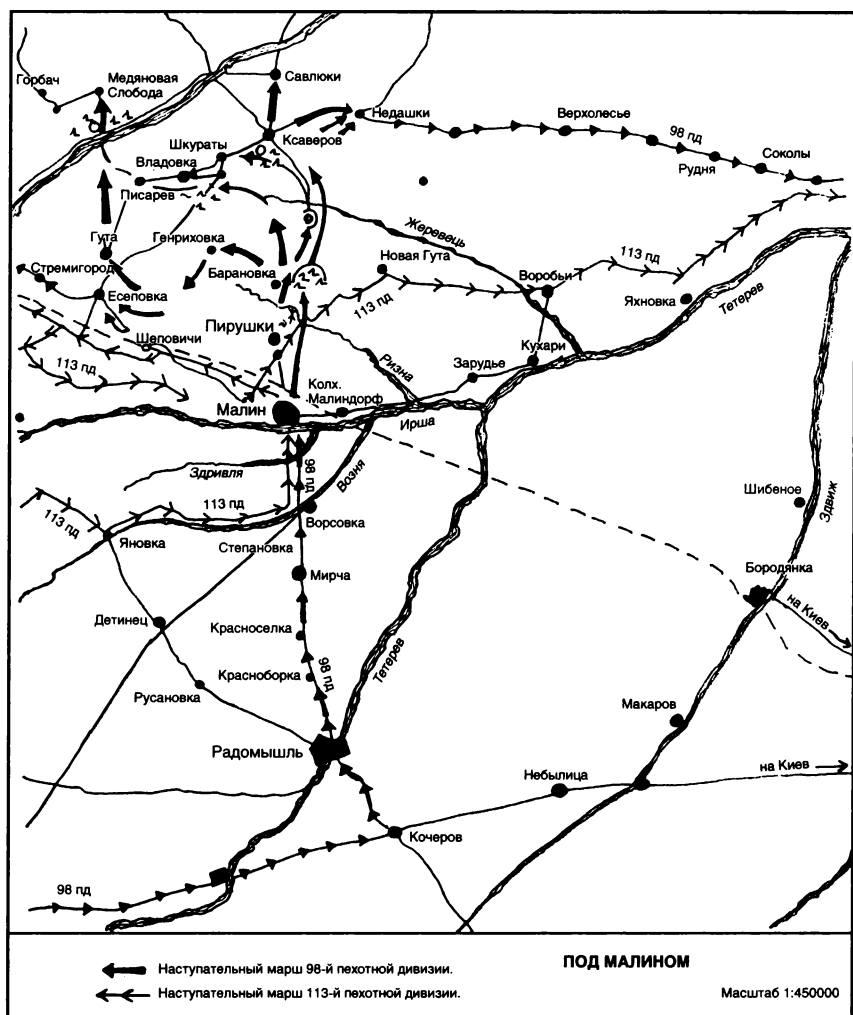
Приказ LI армейского корпуса от 29 июля 1941 года гласит: «31 июля — день, когда с прибытием пополнения АК может предпринять новое наступление. На левом фланге 6-й армии во взаимодействии с наступающим западнее XVII армейским корпусом враг должен быть окончательно разбит». Усилению подлежат 98-я и 113-я пехотные дивизии. С расширением плацдарма на запад усиленные дивизии должны ударить по окопавшемуся под Коростенем врагу по флангам и с тылу.

Малин и Коростень

30 июля дивизия, наконец, в сборе: 282-й пехотный полк с 1-м дивизионом 198-го артиллерийского полка, велосипедным эскадроном и частями 198-го батальона связи в районе севернее Ворсовки; 290-й пехотный полк северо-западнее и 198-й инженерно-саперный батальон юго-восточнее; 198-й истребительно-противотанковый дивизион под Красносельем занимают позиции в 5 часов утра 31 июля. В то же время под Ворсовкой и Мирчей 289-й пехотный полк, штаб дивизии и штаб 198-го артиллерийского полка. По левую сторону от 98-й дивизии теперь стоит 113-я пехотная; по правую 262-я пехотная дивизия.

Передислокация дивизии, однако, не осталась незамеченной русскими. Налеты авиации активизировались, особенно в районе мостовых переправ. Понесены первые потери. Радомышль и Ворсовка отныне «узкое место» для всех видов транспорта. Однако рекогносцировка и подготовка исходных позиций не терпят отлагательств.

Для большей части войск предстоящие бои — первые, а поле битвы под Малином представляет собой нечто пугающее: разоренные избы, пыльные дороги, грязь, нагромождения развалин —

картина опустошения, соответствующая серьезности положения на плацдарме. Командир 282-го пехотного полка с командирами 13-й и 14-й рот и командиром 191-го штурмового артиллерийского дивизиона майором Хофманн-Шёнборном при разведывании местности под Малином попадают под тридцатиминутный налет авиации, от которого у них полностью перехватывает дыхание. Хоронясь, перебежками, они из последних сил успевают добраться до ближайшего наблюдательного пункта 262-й пехотной дивизии. С крыши бывшей школы хорошо просматривается вся полоса местности, подвергшейся атаке.

Большие пространства с небольшими возвышенностями, частью засеянные. На расстоянии 5—6 км от переднего края находится высота 185 — завершение идиллической картины и в то же время первый объект атаки 282-го пехотного полка. Наискось от полосы наступления с юго-востока на северо-запад тянется шоссе Киев—Коростень.

Обмен мнениями обоих командиров быстро достигает взаимопонимания: по плану на 31 июля выдвижение боевых орудий — «буйволов» — должно заставить врага оттянуть свою технику далеко за железнодорожную насыпь. Прорыв и преследование врага пехотой на севере и взятие высоты 185 должны обеспечить развитие наступления.

Все разведгруппы возвращаются невредимыми из-под продолжительного вражеского налета. Артиллеристы попадают под него даже в 5 км южнее Малина, где дивизионам предписано занять позиции по обочинам дороги. Линию связи удастся протянуть лишь до Ирши. Большевики пристрелялись — мы несем потери. По окончании тяжелого марша по рыхлым песчаным дорогам, в 17 часов 30 минут, батареи наконец-то достигают намеченных рубежей. Едва расположившись, они в полной мере получают прицельные попадания по всем своим огневым точкам. Дело нешуточное, ясно всем! В журнале боевых действий 3-го дивизиона 198-го арtpолка записи за один лишь день более чем впечатляют: 1 радист погиб, 11 рядовых ранены. Противник сопротивляется немилосердно, битва становится все более ожесточенной.

В редких сосенках между Ворсовкой и Малином 282-й пехотный полк проводит последние приготовления перед штурмом 31 июля. В дневнике командира 6-й роты 282-го пехотного полка капитана Штюрмера стоит такая запись: «Каждым владеет вполне понятное беспокойство. Над головой пролетают снаряды. В обозе 8-й роты убитые. С темнотой огонь усиливается. В 20 часов 20 минут начало. В последний раз даю распоряжения младшим командирам. Началось! На перекрестке встречает огонь. В 5-й роте большие потери. Прорвались на дорогу к Малину. Обстрел крупнокалиберными.

Прорываемся, не глядя на ближние разрывы. Вокруг мертвецы, лошади, повозки, орудия всех видов. Становится жарко. Сваливаю с дороги. Болото. Взводные с трудом снова собирают команды. Прямое попадание в тяжелое пехотное орудие 13-й роты. Вперед! К Ирше! Вниз к мосту! Гранаты свистят над нами, разрываются впереди и поблизости, шипят в воде, поднимая фонтаны брызг. Мы на мосту. Молодцы саперы, под таким огнем! Все ли здесь? Никто не потерялся? Впере-о-о-д!»

Нечто подобное переживал каждый, выбирая единственно верный путь. Между тем в сгустившейся темноте у всех нарастает стремление к штурму. Лес то и дело содрогается взрывами дальними, ближе, ближними!.. В 22 часа мост через Сдривлюю накрывает огневой мешок. «Вперед! — Назад!» Вперед — назад, именно так и проходило наступление. Все чаще раздаются возгласы: «Санитара!» Не видно ничего, кроме взрывов снарядов. Вот один из них ложится перед мостом, ровно поперек дороги и прямо в колонну 2-го дивизиона 282-го артполка. В этой же колонне маршировал его штаб. Трое убитых и раненые в лужах крови. Машины со снаряжением тут и там скользят по обочине и опрокидываются в кюветы. Во тьме царит полный хаос. Командир 282-го полка опрокинут и затоптан ошалевшим жеребцом повозки с боеприпасами. Адьютант и офицер-ординарец обер-лейтенант Валь и лейтенант Дитцель оттащили его сначала к опушке леса, а потом перебежками к переправе через Иршу и далее в КП под защитным склоном.

Усиленный 282-й пехотный полк ранним утром 31 июля стоит на исходных позициях, ожидая часа «икс». К 00 часам 30 минутам собраны все сведения артиллерийских наблюдателей, протянуты все линии связи. Саперы в полной боевой готовности к наводке мостов через Иршу. В 3 км южнее Малина стоит 2-я санитарная рота, развернув главный медпункт в ожидании поступлений, равно как и полевой госпиталь в Радомишле.

Из-за брустверов на крутых склонах Ирши смутно вырисовываются штурмовые роты 1-го батальона с приданной ему 11-й — по левому флангу и штурмовые роты 2-го батальона — по правому. Им предстоит долгий и тяжелый день жарких боев. О сне и думать нечего, каждую минуту над головами свистят снаряды с расположенных по ту сторону моста вражеских батарей. И каждый в окопе ждет восхода солнца, предвещающего ясный безоблачный день.

В 5 часов 25 минут утра концерт открывает штурм авиации и тут же вступают орудия 14-го дивизиона. Мощная артподготовка с ее «трах-тарарах» наполняет воздух. В двух одиночных окопах-укрытиях друг подле друга сидят на корточках командир 282-го пехотного полка и командир штурмового дивизиона. В 5 часов 30 минут — секунда в секунду — по радио раздается мелодия «Буйволы идут», давая обоим командирам наводку: «Наступление началось!» Минутами позже приходит и подтверждение: «Танки на прорыве!» Глубоко эшелонированная 5-я рота 282-й пехотной дивизии под командованием лейтенанта Делнера первой стремительно атакует на главном направлении и бежит сквозь заградительный огонь.

Впереди командир роты. Первые, землистого цвета, фигуры поднимают руки, дальше без колебания другие. Высота 185 — цель! Через пшеничные поля, мимо умело заложенных «лисыих нор»¹ рота пробивается дальше в тесном взаимодействии с отдельными штурмовыми орудиями. Наземный разрыв бросает командира на землю. Шатаясь, он поднимается и ведет роту дальше. Вскоре железнодорожная насыпь взята. Тут подбегает 51-летний командир 2-го батальона 282-го пехотного полка, с развевающимися седыми волосами. Подбадривая подчиненных, он указывает на хорошо видимую теперь цель: высоту 185.

Капитан Штюрмер, 6-я рота 282-го пехотного полка, так описывает свои переживания: «И вот в атаку! Великолепное зрелище сжатого кулака, наносящего сокрушительный удар! Ни пули, ни пулеметный огонь не могут нас сдержать, ни разрывающиеся в промежутках гранаты. Большевики сидят по своим норам, пока мы их не накрываем. Мы не только ведем бой, но и на себе испытываем коварство и вероломство врага. В пяти метрах передо мной высовывается голова, и мне под ноги летит ручная граната. Я быстро отталкиваю ее. А теперь голова «схлопотала» мою. Дальше! Отлично катится вперед вал атаки! Парней уже не остановить. Но и санитары получают себе работу».

В этом бою смертельно ранен врач батальона доктор Шварц.

Большевик обороняется отчаянно. Его потери чрезвычайно высоки. И все же, несмотря на ожесточенное сопротивление, в 6 часов 15 минут железнодорожная насыпь взята, наступление продолжается стремительной атакой на высоту 185.

Сидя на штурмовом орудии, командир 282-го пехотного полка вместе с майором Хофманн-Шёнборном въезжают на поле боя. И вот они уже на плоском куполе высоты 185 вскоре после того, как ее занимает 5-я рота 282-го полка. Всего через два с половиной часа от начала атаки!

290-й пехотный полк, с 5 часов выдвинувшийся под Ворсовку, теперь подтянут, чтобы слева от 282-го пехотного полка расширить район наступления с плацдарма. 3-й батальон подходит к Пирожкам в 16 часов, 2-й батальон чуть позже — к лесу юго-западнее этого населенного пункта.

Штурмовые орудия в тесном взаимодействии с передовыми частями пехоты оказались наилучшей поддержкой. Они расчищают участки, где атака грозит захлебнуться; сокрушают оборону зем-

¹ «Л и с ь я н о р а» — ниша (углубление) в крутости окопа на одного стрелка. (Примеч. пер.)

ляных укреплений и дотов; огнем на разрушение подавляют тяжелую боевую технику врага; вселяют в пехоту надежду и придают уверенности. За один день они становятся верными друзьями.

На все расширяющихся флангах изрытого взрывами плацдарма положение то становится угрожающим, то разряжается.

В любой момент может произойти что-то непредвиденное. Ранним утром 1-й батальон 289-го пехотного полка под командованием подполковника фон Бозе выдвигается для защиты флангов в район юго-западнее Городища. Но ничего не происходит. Внезапно с запада заговорила вражеская артиллерия. Она, как показали первые же дни, чрезвычайно мобильна и потому трудно уловима. Повзводное введение в бой и использование многочисленных тракторов придают ей удивительную маневренность. Щедро расходуя боеприпасы, она не дает действовать в полную силу нашей пехоте и артиллерии! Протяженные проводные линии постоянно обрываются огнем, радиопередачи страдают от сильных помех. Так что остается только одно: артиллерии держаться ближе к пехоте. Так уже бывало во Франции. Дивизионная артиллерия уже в 10 часов начинает передислокацию в район на километр севернее Малина, где 1-й и 3-й дивизионы занимают позицию западнее, а 2-й и 4-й дивизионы — восточнее трассы Малин—Ксаверов. Наблюдательные пункты передвинуты на высоту 185.

В 12 часов весь полк в полной боевой готовности. Но уже через два с половиной часа снова приходится переносить огневые позиции, в район севернее Пирожков на 1,5 км. И вот, похоже, сопротивление противника окончательно сломлено по всему фронту.

С наступлением темноты расстановка сил такова: 282-й пехотный полк с 1-м батальоном подполковника Райтценштайна — на левом фланге; 2-й батальон майора Аберле — на правом, по обеим сторонам и на север от Барановки; КП полка: строго на юг; справа в тылу — 3-й батальон под командованием капитана Хайма; 290-й пехотный полк эшелонирован в тылу слева, вдоль длинного открытого фланга.

Многочисленные разорванные кабели становятся 31 июля головной болью для линейных надсмотрщиков и связистов, от которых требуется наивысшая степень боевой готовности.

Между 282-м пехотным полком, выдвинувшимся вперед на 13 км от Барановки, и командованием дивизии связь безнадежно прервана. КП дивизии с полудня стоит в Малине. И только в 22 часа командир 282-го пехотного полка получает сообщение, пока не подтвержденное, о положении на открытых флангах во многих километрах впереди, подвергшихся вторжению ударного клина. В это

же время приходит приказ о наступлении в 8 часов 1 августа на Ксаверов. Генерал-фельдмаршал фон Рейхенау получает донесения о достигнутых 31 июля успехах полка.

Все службы снабжения, и в первую очередь полевые кухни, подтягиваются только с наступлением темноты — мост под Малином до полуночи находится под непрерывными налетами вражеских бомбардировщиков. Мало кому удастся избежать потерь. 4-я батарея 198-го артиллерийского полка пострадала от прямого попадания снаряда. Дым, пыль, крики, разбегающиеся люди, мчащиеся прочь лошади, залитые кровью раненые и убитые — верные признаки паники. Ночное небо на многие часы окрасилось красными отблесками огня сражений. Но именно они помогают пехоте 282-го полка уничтожить многочисленные вражеские разведдозоры от 24 до 2 часов ночи. К этому времени полевые кухни как раз заканчивают раздачу горячего питания. Только кофе, заказанный к трем часам, не подан. Виной тому разбитые дороги и отставшие от своих частей солдаты.

День 1 августа после зябкой ночи обещал быть ясным и солнечным, но вскоре становится жарким и душным. Не на все позиции подоспели службы снабжения, и не все препятствия удалены идущими впереди полков саперами. К тому же многие из них принимают участие в защите флангов.

Между тем в утреннем легком тумане, едва приподнимается маскировочная завеса, севернее Барановки готовится к бою 282-й пехотный полк с 1-м и 3-м батальонами впереди. И тут вражеская артиллерия наносит удар из леса под Омельяновкой. К ней присоединяются минометы. В рядах полка значительные потери. После короткого огневого удара наступление начинается. Первая цель: Дуброва. Справа 282-й пехотный полк, слева 290-й. Задача 289-го пехотного полка: защита западного фланга. В 9 часов 25 минут 282-й пехотный полк входит в Дуброву. У 290-го полка дела идут хуже: огонь неприятеля из значительно ближе расположенного лесного массива все нарастает. Среди потерь числится и командир 3-й роты полка обер-лейтенант Хайнс, который был смертельно ранен.

Перед Дубровой подавляющий артиллерийский огонь противника заставляет роты окапываться. Вскоре вся деревня в огне. Солнце палит немилосердно, мучит жажда. Тем временем атака 3-го батальона 282-го пехотного полка проходит успешно и батальон подходит к лесу восточнее высоты 177, но дальше и ему приходится залечь из-за контратаки врага. Роты окапываются. Оба соседа, 2-й батальон 282-го пехотного полка и 1-й батальон 290-го, основательно зависли. Потери в результате действий засевшего среди

полей большевика куда как ощутимы. Множество раненых в желтеющей ниве заколоты штыками.

Хотя поддержка артиллерии с позиций севернее Барановки и действенна, но вражеский обстрел из омеляновского леса сводит все усилия пехоты на нет.

После обеда разражается сильнейшая гроза, и все залегшие пехотинцы промокают до нитки. Однако она приносит не только облегчение, но и решимость продолжить атаку. При эффективной артподдержке 3-й батальон 282-го пехотного полка в 17 часов занимает высоту 177 и часть леса южнее и юго-восточнее Ксаверова. Враг делает рывок, насколько это еще в его силах. Сражение ожесточенное и беспощадное — с обеих сторон. В итоге масса убитых и лишь малость пленных.

Все предельно измотаны, страдают от жажды и озноба от сырости. 3-й батальон 282-го пехотного полка подбирает своих павших, чтобы схоронить их в братской могиле: четыре офицера, 57 унтер-офицеров и рядовых. Среди них лейтенант Бекманн, лейтенант Баудлер и лейтенант Вайденбехер. Среди раненых числятся: три офицера, 14 унтер-офицеров, 71 рядовой; 14 пропали без вести. Тяжелое кровопускание!

К вечеру дивизия широко рассредоточена по трем фронтам: восточному, северному и западному. Два полка, две инженерно-саперные роты, велосипедный эскадрон и полный 198-й артиллерийский полк образуют ударный клин между Пирожками, Скуратами и Головками. 289-й пехотный полк и 3-я инженерно-саперная рота защищают западный фланг дивизии между Владимировкой и станцией Головки на перегоне Малин—Коростень. Перед связистами и радистами стоит почти невыполнимая задача: в полностью незнакомой необъятной местности, часто мимо занятых врагом лесных массивов, полагаясь только на себя, найти дорогу в ночи. Но приказ должен быть доставлен к месту назначения еще до рассвета.

В главном медпункте 1-й санитарной роты, расположенном в Пирожках, идет напряженная работа. Раненых поставляет не только пехота. Показательна численность вышедших из строя бойцов 3-го дивизиона к вечеру 1 августа. Потери за первый и второй дни боев: четверо убитых, 16 раненых; сверх того 21 лошадь. 2 августа проходит под знаком многочисленных попыток большевиков выйти из окружения. Однако 1-му батальону 290-го пехотного полка удается взять и удержать Ксаверов, а 2-му батальону 282-го полка — Скураты; хотя в растянутом и истонченном полукружии позиций дивизионной пехоты то и дело возникают напряженные ситуации, когда одолеть идущего на прорыв врага бывает нелегко. Батарейам

приходится развернуть «нале-во!» их огневые позиции, чтобы действовать эффективно. Болотистая местность еще больше осложняет обстановку. Ночь держит всех в напряжении, едва ли кому удастся поспать. Ко всем неприятностям, северные подразделения снова остаются без полевой кухни.

Утро преподносит новый сюрприз: обостряется обстановка на севере. Противостоящая 113-й пехотной дивизии русская армия под Коростенем усиливает сопротивление. Теперь главная цель: удар на западе по флангам и тылу противника.

На 3 августа дается приказ дивизии к наступлению: на правом фланге 282-й пехотный полк совместно с дивизионом 198-го артиллерийского полка и при поддержке штурмовых орудий наносит удар по линии Скураты—Каменка, далее, заняв дорогу, поворачивает на юг и зачищает Омеляновский лес; вслед за этим на левом фланге 290-й пехотный полк занимает Омеляновку, предварительно очистив северную часть леса; 289-й пехотный полк, продвигаясь с юга на север, овладевает южной частью леса. Начало наступления: 4 часов 30 минут.

Поначалу наступление идет успешно, но быстро захлебывается в чаще с густым подлеском, лишаящим всяческой видимости. Ориентации никакой, а опасность наткнуться на прячущегося врага велика. К тому же штурмовые орудия могут продвигаться только по дороге, а ее теснят то болота, то чащоба. И все-таки присутствие орудий хоть как-то воодушевляет. 1-й батальон 282-го пехотного полка к полудню занимает переходящие одно в другое поселения Скураты и Каменку, как только штурмовые орудия прямой наводкой уничтожили вражеские пушки. На окраине села выстрелом в голову убит лейтенант Чаге. Отныне натиск полков становится заметнее. 3-й дивизион 198-го артполка из Владовки обстреливает отходящих на Писаревку большевиков. Но и артиллерия противника не остается в долгу: теперь Каменку и Скураты накрывает плотный огонь. Деревянные избы взлетают на воздух и горят.

2-му батальону 282-го пехотного полка удается внезапной атакой захватить Владовку, однако батальону Аберле приходится там нелегко.

На юге 290-й пехотный полк с трудом пробивается через сырую, поросшую непролазным кустарником местность между Дубовой и Омеляновкой.

4 августа в рамках общего наступления против коростеньской группы противника дивизия осуществляет перегруппировку: 282-й пехотный полк с 198-м истребительно-противотанковым полком и 1-й ротой 198-го инженерно-саперного батальона принимает оборону по рубежу Скураты—Каменка—Владовка на пра-

вом фланге дивизии, который передвигается в район Чоповичей. Отсюда 5 августа дивизия, сменив 113-ю пехотную, начнет наступление на запад. К наступлению уже готовы 290-й и 289-й пехотные полки, занявшие позицию по обе стороны железнодорожной линии Малин—Коростень, справа и слева соответственно.

Отвод войск от противника, который хоть и незрим, но присутствует и берет под огонь любое передвижение, проходит очень трудно; отдельным частям приходится ждать темноты. Тем не менее 282-й полк выступает еще до полудня и почти беспрепятственно в соответствии с новым приказом берет направление на юг, чтобы прочесать окрестности Омеляновского леса. Однако большевик бежал, оставив после себя лишь многочисленные окопы.

Оставшийся во Владовке и ее окрестностях 2-й батальон 282-го полка между тем попал в тяжелое положение. Обнаруженному огневыми налетами, ему приходится отражать атаки большевиков, накатывающих мощными валами с оглушительным «Ур-р-ра!». До самой темноты батальон может полагаться только на себя. Обер-ефрейтор Вильгельм Хубер рассказывает об этом в своем дневнике: «Вдруг иван начинает поливать нас минометным огнем из 12-см орудий. 4-е отделение 1-го взвода накрывает полностью. Прямое попадание. Фонтан грязи. Дребезг, свист осколков. Вопли умирающих, крики о помощи. Шиндлер и Вессельбергер — наши первые жертвы. Вечером, когда солнце село, мы их схоронили».

5 августа в 7 часов 10 минут с исходных позиций на севере от Чоповичей дивизия начинает наступление на запад: 290-й пехотный полк справа, 289-й слева. Незадолго до этого обстановка в Осиповке потребовала укрепления оккупационных сил 2-м батальоном 289-го пехотного полка. Угроза флангу слишком велика.

Вначале продвижение идет гладко. Артиллерия пускает дымовую завесу и ослепляет вражеские наблюдательные пункты у края леса западнее вокзала в Чоповичах. Обширное пространство преодолевается одним махом, и в 9 часов 30 минут лесной массив достигнут. Потом сопротивление наступающим севернее железнодорожной линии нарастает.

Как только 2-й батальон 289-го пехотного полка слишком рано оттягивается из Осиповки и направляется вдогонку за своим полком, продолжающим наступление, противник незамедлительно ударяет вслед и угрожает Чоповичам, где в это время находятся КП дивизии и позиции артиллерии. Штаб дивизии и оперативная группа на время оставляют свои дела и с винтовками в руках и касках на головах залегают за перелеском, держа под наблюдением северное направление. Теперь 1-му батальону 290-го пехот-

ного полка отдается приказ полностью оккупировать Осиповку. Задача: оборона северного фланга. 282-й пехотный полк стягивается к железнодорожной линии к северу от Чоповичей. Его 2-й батальон осторожно отходит от врага, равно как и 3-й батальон, который ночью обеспечивал защиту восточнее Каменки.

Лишь к полудню весь полк залегает вдоль насыпи, вынужденно окопавшись от вражеских огневых нападений. Захват северной части Чоповичей также дается с трудом.

Между тем обстановка в Осиповке не становится спокойнее. 1-й батальон 290-го пехотного полка вынужден постоянно отбивать ожесточенные атаки, возможность удержать этот населенный пункт становится все более сомнительной. Обер-лейтенант Шпэт, командир 1-й саперной роты, погиб; лейтенанты Кей, командир 2-й саперной роты и адъютант батальона Хопф ранены. В конце концов приходится вводить части передового батальона 282-го пехотного полка. Да, угроза флангам столь велика, что наступление дивизии застопорилось.

5 августа обстрелы вражеской артиллерии не прекращаются с утра до вечера, без потерь не обходится. Несколько прямых попаданий в огневые позиции только в 3-м батальоне выводят из строя сразу два орудия. Пятеро убитых и девять раненых — для него тяжелые потери. Нахождение всех батарей 198-го артиллерийского полка рядом со сражающейся пехотой доказывает беспримерную боевую дружбу разных родов войск.

Развернутый в Пирожках главный медицинский пункт 2-й санитарной роты в период с 31 июля по 4 августа пропускает через себя 438 раненых. Что такое количество значило для эвакуаторов, говорит короткая запись в дневнике водителя санитарного автомобиля ефрейтора Ульзенхаймера: «В первые десять дней я накрутил между Мирчей и Житомиром 2600 км». И это по таким дорогам!

Вечером оценка обстановки приводит к решению: 6 августа наступление на Коростень пока не продолжать, прежде устранить угрозу на северном фланге дивизии атакой 282-го пехотного полка при поддержке штурмовых орудий. Пока 290-й и 289-й пехотные полки гонят разведку противника на запад, 282-й пехотный полк: 2-й батальон справа, 1-й батальон слева, вместе с батареей Мёллера идет от Осиповки в атаку, закончившуюся успехом, хоть и не легким. Когда ранним утром, перед наступлением, роты слышат хорошо знакомый глухой рокот моторов тяжелых танков, мрачные лица бойцов, готовящихся к сражению в зарослях, снова проясняются. С «буйволами» наступление поначалу хорошо продвигается вперед, но затем все больше и больше распадается на изолирован-

ные очаги, часто на рукопашные бои смельчаков, закаленных в битвах. В болотистых зарослях танки теряют маневренность и эффективность взаимодействия с пехотой. Вскоре ей приходится сражаться в одиночестве. Потери все множатся, погибают лучшие, так сказать, «застрельщики». Пал один из храбрейших в полку, командир 3-й роты 282-го пехотного полка лейтенант Вайдман. Командир 13-й роты того же полка обер-лейтенант Тайль лежит с ранением таза и мочевого пузыря, жить ему остается всего несколько часов.

Начиная с 31 июля потери сильно выросли. За восемь дней 282-й пехотный полк, например, потерял 20 офицеров, среди них десять убитыми. В такой же мере обескровлен состав унтер-офицеров и «ударная сила» любой атаки — рядовые. В других полках потери не меньше. Уничтожение кадрового состава офицеров и унтер-офицеров подходит к опасной черте.

С полным недоумением воспринимает дивизия неожиданно поступивший приказ продолжать наступление на Коростень, ускорив продвижение и невзирая на отсутствие сил, занятых на севере. И все-таки звезды благоволят ей. Всего с двумя подразделениями на переднем крае — 2-м батальоном 290-го пехотного полка справа и 1-м батальоном 289-го слева — дивизия около 17 часов подходит к рубежу станция Стремигород — 2,5 км к югу от нее. Слабый контакт с 113-й пехотной дивизией худо-бедно установлен.

В яростном порыве взять наконец Коростень роты, поддержанные артиллерией, все ближе подступают к городу. Вечером 3-й батальон 290-го пехотного полка, перемещенный далеко направо, стоит к северу от Стремигорода; 1-й батальон того же полка — у высоты 192, севернее села Новаки; 2-й батальон — севернее Хотиновки. 1-й батальон 289-го пехотного полка залег западнее Хотиновки, в 6 км от окраин Коростеня. Брешь между 98-й и 113-й пехотными дивизиями защищают велосипедный эскадрон и рота 198-го инженерно-саперного батальона.

К вечеру 282-я пехотная дивизия занимает дуговую позицию между опушкой леса южнее Владовки и Генриховкой, вплотную к засеянному в болотных зарослях большевику. Тот отбивается хитро и коварно: избегая открытого боя, стреляет на расстояние 5—10 м и снова исчезает в чащобе. Или в тылу раздаются внезапные выстрелы, а противник снова неуловим. Изнуряющая битва. Радиотделение 2-й роты 198-го батальона связи под командованием унтер-офицера Грунда переезжает из Осиповки в Генриховку и попадает в занятую врагом деревню. Водитель разворачивает автомобиль, дает полный газ, преодолевает 100 м под пулеметным огнем до спасительного леса — и уходит.

Успехи дивизии на обоих фронтах омрачаются внушающими опасение событиями в тылу: неприятель неожиданно атакует от Ксаверова через Дуброву и Барановку на юг и оттесняет стоящую на линии обороны 262-ю пехотную дивизию. Этим ударом он отвоевывает почти всю занятую дивизией в тяжелых боях с 31 июля территорию. Когда враг нацелился на Пирожки и Головки, ставя под угрозу все снабжение, дивизии ничего не остается, как спасти себя своими же силами: 7 августа она бросает на большевика два батальона. Видимо, Коростень пока не падет.

Теперь вся собранная в городе армия противника устремляется на север и восток и наводняет лесные чащи и болотные заросли боевыми группами, которые используют малейшую возможность для нападения. Так, подразделение снабжения 1-го дивизиона 198-го артиллерийского полка попало в засаду и полностью разграблено: исчезло 6 транспортных средств, 12 лошадей застрелено, двое сопровождающих ранены и трое пропали без вести.

Днем 7 августа командному пункту 3-го дивизиона 198-го артиллерийского полка приходится ввязаться в ближний бой. Прорвавшийся между 1-м и 2-го батальонами 290-го пехотного полка вражеский батальон внезапно появляется на их огневых позициях. 9-й батарее удается ведением огня в повышенном темпе рассеять около 400 большевиков и нанести им тяжелые потери. Но одна неприятельская рота прорывается к северу от Новаков и нападает на КП 3-го дивизиона с тыла. Начинается ожесточенный бой за этот населенный пункт, в котором принимают участие все поголовно. Лишь через три часа противник вытеснен. Однако снова и снова между домами мелькают отдельные бойцы, стреляют и исчезают.

Для последнего, по-настоящему решающего штурма Коростеня в распоряжении имеются всего два батальона пехоты: 2-й 290-го полка и 1-й 289-го полка. Им предстоит довести атаку до победного конца. В 13 часов батальоны выступили, а в 14 часов они стоят еще в 2 км от Коростеня. С возвышенности виден лежащий внизу город, с его казармами, аэродромом и жилыми кварталами. Через полчаса передовые части 1-го батальона 289-го пехотного полка уже достигли реки Уж. Железнодорожный мост взорван. Подполковник фон Бозе не упускает случая и вместе со своим связистом переходит через реку по прилично сохранившемуся пешеходному мостику. Тут же от ближайших домов на них обрушивается шквал огня. Подполковник и его сопровождающий отвечают на огневую атаку и сдерживают противника в течение 20 минут, пока его батальон не подошел и не переправился в таком стратегически важном месте. Затем вместе со 2-м батальоном 290-го полка он врывается в город.

Маломощное сопротивление быстро подавлено. Городские кварталы планомерно занимаются один за другим. Итак, вопреки его яростному упорству Коростень пал. Пехота 98-й дивизии, долго и безуспешно окружавшей город, вошла в него первой. Около 17 часов 30 минут в Коростень подтянулись части 289-го и 290-го пехотных полков вместе с полком левого соседа, 113-й пехотной дивизией.

С занятием плацдарма Малин и дорог от Коростеня 98-я пехотная дивизия создала условия для высвобождения сил и формирования новых LI и XVII армейских корпусов. Путь на Днепр, на восток, открыт!

Сводка Верховного командования вермахта от 10 августа гласит: «Одна из наших дивизий атаковала к северу от Малина и, несмотря на ожесточенное противодействие неприятеля и плохие погодные условия, разбила 5-й русский корпус. Стратегический железнодорожный узел Коростень взят». А дождь все идет. Дороги размывает. У истребителей танков остались боеспособными лишь два орудия. Лошади вязнут в грязи. Даже полевая почта, прежде безупречная, застревает по пути. И пока что никто даже не подозревает о предстоящей незнакомой «распутице»!

Новая боевая задача дивизии; «Перегруппировка на восток, оборона линии Липляны—Владовка». Из нее следует, что Ксаверов — во второй раз! — должен быть отбит и занят. Для решения этой задачи 1-й батальон 289-го и 2-й батальон 290-го пехотных полков первыми передают Коростень прибывшей с запада 56-й пехотной дивизии.

12 августа перегруппировка для наступления осложняется тремя довольно ощутимыми факторами: погодными условиями, лесистой местностью и происками врага. Для начала равнинную местность заволакивают низкие дождевые облака, под ними — непроходимые заросли, без дорог и тропинок, с обширными болотами, в которых неизменно натыкаешься на врага. Враг то и дело прощупывает, следует по пятам и нападает — назойливо, докучливо. Нет, о его бесповоротном бегстве на восток еще нет и речи.

9 августа 5-я рота 282-го пехотного полка под командованием лейтенанта Делнера совместно с батареей штурмовых орудий проводит разведку боем. Она атакует на северном направлении и по большой дуге через равнинную местность юго-восточнее Каленского. В высокой траве отстреливались, должно быть, более 100 большевиков; тридцать два из них пойманы, два орудия и противотанковая пушка уничтожены. Зачет: «буйволам» — «хорошо»; пехотным ротам — «отлично».

Исходя из предыдущего опыта стойкости и выносливости большевика 12 августа на окопавшегося противника предстоит нелег-

кая атака. Предыдущие 11 боевых дней стоили дивизии 78 офицеров и 2300 унтер-офицеров вкуче с рядовыми! Боевому духу армии эти потери, конечно, еще не нанесли ущерба, однако высококвалифицированных офицеров, унтер-офицеров и специалистов уже явно не хватает.

Все они остались незаменимы, когда на территории шириной в 20 км пехотные полки: 289-й справа, 290-й по центру и 282-й слева — были атакованы.

Предыдущие 48 часов спокойных метеоусловий с мягким солнцем воспринимаются скорее как дневка. Оружие, орудия, оснащение, обмундирование, амуниция и даже тела личного состава — все подлежит чистке и наладке. Как вовремя они подоспели! В течение этих дней проводится и ревизия гужевого хозяйства батальона 198-го артиллерийского дивизиона: за 10 дней пали 85 лошадей!

В 5 часов 12 августа дивизия с ее тремя полками наступает по всей линии фронта. Повсюду, насколько хватает глаз, роты при поддержке дивизионной артиллерии отвоевывают территорию. Однако заплутавший в дебрях 282-й пехотный полк оказался в весьма тяжелом положении. Совместные действия пехоты и приписанных к ней «буйволов» оказались невыполнимыми. С большим трудом, без поддержки, теряя силы и время, пехота малыми группами пробивается вперед. 1-й батальон теряет под огнем лейтенанта Райфершайдта и лейтенанта Вольгрубера. Обер-ефрейтор Груббер из 6-й роты 282-го пехотного полка так отображает события: «Боевые товарищи Кисль и Франц Райм тяжело ранены. Оба потом умерли в лазарете под Житомиром. А тут автоматные очереди. Кальфус, умирая, сползает наземь. Перед нами, в хорошо замаскированном окопе, большевик. Он поднимает руки. Что ты мог поделывать, наш товарищ? Как мог противостоять? И мы должны обращаться с «этим» как с «военнопленными»?!»

Много лучше дела обстоят на правом фланге: в 14 часов 30 минут Ксаверов взят. Совместными усилиями противотанковые пушки и гранатометы 290-го пехотного полка вместе с штурмовыми орудиями уничтожают шесть вражеских броневиков, выдвинувшихся для защиты Ксаверова. К вечеру боевая задача дня для 289-го и 290-го пехотных полков выполнена: рубеж Ксаверов — северная оконечность леса западнее Скуратова занят. 282-й пехотный полк, которому подчинен также 3-й батальон 290-го пехотного полка, теперь может продвигаться к северной опушке леса под Липлянами и юго-восточной окраине болота у Каленских. Потери потрясающие. Во всех трех пехотных полках снова проявляется закон Первой мировой: чем меньше опытных командиров, тем больше потерь! Так, 3-й баталь-

он 289-го пехотного полка 12 августа числит в своих рядах 48 убитых, в том числе 3 офицера; 148 раненых, в том числе 6 офицеров.

Как и во всех предыдущих боях, начиная с Малина, связные роты преодолевают бездорожье, наводя мосты в условиях, от которых сами невероятно страдают. Без «буйволов» это было бы невымыслимо.

Только через 1-ю санитарную роту за 12 дней прошло 1253 раненых. Впечатляющее количество!

В то время как главные силы дивизии переходят к защите по всему занятому рубежу, 282-й полк снова идет в атаку и 14 августа, по большей части поддержанный огнем двух батарей «буйволов» и зенитно-пулеметным взводом, выступив в 5 часов от Писаревки, после четырехчасовых тяжелых боев занимает позиции Медыновская Слобода — высота 178. Обер-ефрейтор Хубер из 6-й роты 282-го пехотного полка записывает в своем дневнике: «Граната за гранатой ложатся все ближе. Фельдфебель Дёрр, который залег вместе с капитаном Штюмером, тяжело ранен в промежность. Раненый Карл Биттнер бросается на надвигающееся штурмовое орудие. Мгновенная смерть». У соседей на левом фланге под Горбачами атака противника захлебывается. И снова 5-я рота 282-го пехотного полка с батареей Мёллера предпринимает успешный фланговый удар. Противник бежит, и путь соседям расчищен. Воссоединение происходит вечером на высоте 178.

Пленные представляют собой пестрое смешение народностей, которое с большой натяжкой можно определить как «русские».

Установившаяся отныне позиционная война снижает потери, разве что случайное попадание одной из многих гранат достигнет цели. Так, прямое попадание в КП 2-го батальона 289-го пехотного полка под Омельяновкой наносит такое тяжелое ранение адъютанту обер-лейтенанту Хёфлеру, что он при эвакуации умирает. Если боевая обстановка и становится менее напряженной, то погода готовит все новые сюрпризы. Гнетущая влажная жара в болотистом подлеске уже с утра бросает в пот.

В этом парнике благоденствуют неисчислимые тучи мошкар. Они жужжат, липнут, жалят — о, благословенный край болот и низин! Нет, пребывание войск в болотистых зарослях никак не назовешь курортом! Каждому грезится спасение. Туда, к свету и воздуху! Долой из комариного царства! Они повсюду: ночью и днем, ранним утром и поздним вечером. Словно пикирующие бомбардировщики, атакуют они что при помывке, что в «укромном месте» — везде и всюду. Ежедневно санитар заставляет глотать хинин. Они одинаково противны: и комары, и этот препарат!

Во всех видах «неправильной» войны большевик непревзойденный мастер. С трудом отвоеванная местность оказывается нашпигованной минами: маленькими, с деревянным корпусом, которые миноискатели не в состоянии обнаружить. Поврежденные штурмовые орудия, подорванные грузовики и санитарные машины. Срочно требуется помощь саперов. И те трудятся денно и ночью не покладая рук. В результате кропотливой работы обезврежено 400 подобных мин.

20 августа большевик особенно активизировался. С утра до вечера он непрерывно поливает артиллерийским огнем. Готовится к отступлению? Уже на следующий день приказ по дивизии вносит ясность:

«Враг начинает отступление с позиций перед XVII армейским корпусом на север. 98-й пехотной дивизии предписывается: после перегруппировки в ночь с 22 на 23 августа быть в полной боевой готовности к атаке: усиленный 289-й пехотный полк на северо-восток, 290-й — на север. Первая цель для 289-го полка: Недашки—Слобода—Игнатовка и район восточнее ее; для правого фланга 290-го полка: 1 км западнее Слободы — 2 км северо-западнее восточного выезда из Ксаверова — южная окраина Савлюков. 543-й дивизион реактивных минометов двумя залпами поддерживает атаку 289-го и 290-го пехотных полков на вражескую передовую». Разведка внедряется более чем на пятикилометровую зону внутрь лесного массива и устанавливает, что враг, по всей видимости, бежал.

22 августа начинается преследование. И снова большевик проявляет себя мастером отступления с боем. Умело проведенные операции с участием арьергарда и чрезвычайно мобильной и дальнобойной артиллерии позволяют ему увести главные силы пехоты! Генерал-фельдмаршал фон Рейхенау напутствует: «Пусть каждый командир пометит себе на полях карты: гнать врага без передышки!» Во что это выльется, в ближайшие дни каждый испытает на собственной шкуре. Выдвинутая в первой половине дня разведка на Шабное подтвердила: враг отступил на восток. Однако она со своим транспортом застряла в грязи, и «опережение» пришлось отставить. Единственной музыкой на марше пехоте служат непрекращающиеся дожди. В ночь 289-й и 290-й пехотные полки выходят на рубеж Недашки—Слобода, 282-й полк — в район Недашки—Ксаверов.

23 августа полки уже в 3 часа 30 минут на ногах. От истребительно-противотанкового дивизиона с ротой 198-го инженерно-саперного батальона, во взаимодействии с 11-м разведывательным батальоном танковой дивизии, выдвинутыми в качестве передовых

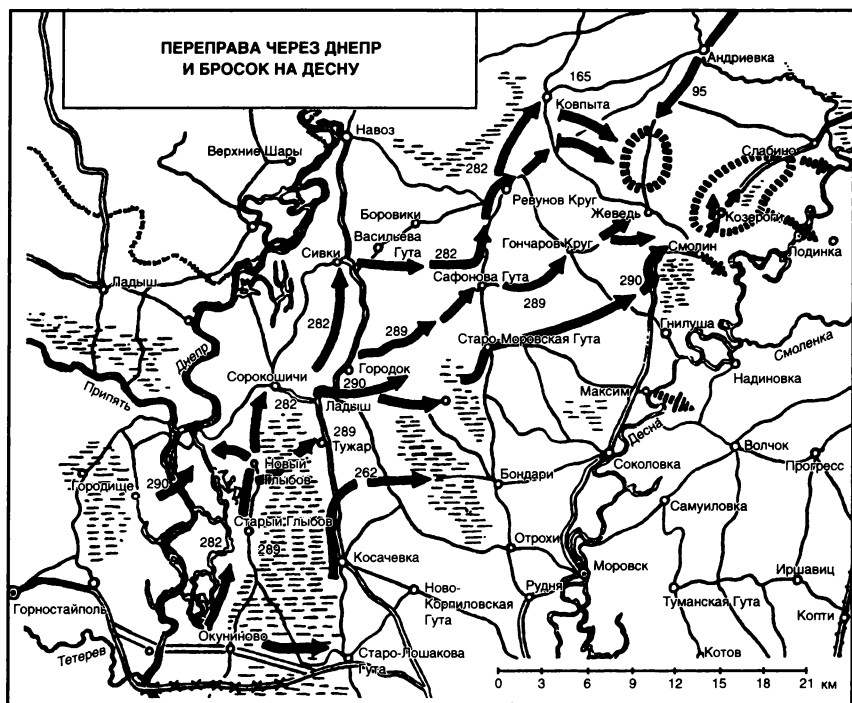
отрядов, требуется преследовать врага по пятам. Сожженные мосты и размытые непрерывными дождями русские дороги сдерживают темп. Преследователи вынуждены к северу от Базара развернуться на восток. Главные силы дивизии, то вздымая песок, то меся грязь, придвигаются к Днепру. Вперед, преодолевая окопы, траншеи и разрушенные мосты! Ксаверов, Недашки, Марьятин, Верхолесье, Кресячи, Рудня, Соколы, Терехи, Дитяки — вехи этого печального пути, на котором то ли десять, то ли двенадцать лошадей пали прямо в упряжи. Измученная и обессиленная, вышедшая на марш до рассвета, пехота наконец-то в поздние сумерки доползает до «гнезд», переполненных более проворными частями. На еду уже не осталось сил. За трое суток, под дождем и изнуряющим зноем, она преодолела расстояние от Ксаверова до Днепра. Тем не менее один из батальонов был, без сна и отдыха, безжалостно брошен на подмогу 111-й пехотной дивизии, в бой за плацдарм под Горностайполем.

Неописуемое состояние дорог отчасти объясняется все приближающимися заболоченными лугами Припяти. Унылый пейзаж, пустота и бескрайность низины с чахлым низкорослым кустарником подстегивают марширующие войска. Оставленные врагом испещренные хитрой сетью траншей позиции запружены брошенной военной техникой, по большей части грузовиками моторизованных войск. Некоторым частям удастся выбраться отсюда лишь за несколько дней. И это в зените лета, с помощью прикомандированных саперов!

Приземистые и покосившиеся, затерянные в камыше и камышом крытые мазанки деревень едва выныривают из кустов и подсолнухов. Марш обычно проходит сквозь ряды стариков, старух и разновозрастной ребятни, высыпавшей к порогам своих хижин — онемевших, с открытыми от изумления ртами.

Переправа через Днепр

Под Пристанью передовому отряду штурмовых орудий под командованием майора Хофманн-Шёнборна удастся захватить неповрежденным деревянный мост через Днепр, шириной 800 м. Тут же через него хлынула ближайшая 111-я пехотная дивизия, которая вместе с «буйволами» создает плацдарм. Кажется, что успех ближайшего наступления на Десну обеспечен. Но теперь большевик оправился от первого шока и решительно вводит в действие истребители-бомбардировщики и дальнобойную артиллерию. Несмотря на обстрел из разных видов оружия, вражеская авиация быстро

овладевает господством в воздухе. В то время как 111-я пехотная дивизия оттесняется на созданном плацдарме, мост и подъездные дороги от Страхоlesья к реке находится под накатами дальнего огневого нападения и бомбовыми атаками. Зажигательная бомба подпалывает настил, из-за сильного ветра огонь мгновенно распространяется по всему мосту, и деревянная конструкция рушится, прежде чем что-либо можно было предпринять.

Целый речной флот численностью более чем 30 мониторов¹ держит бывшую мостовую переправу под прицельным огнем и, таким образом, отрезает 111-ю пехотную дивизию от снабжения.

Для обеспечения защиты готовящейся переправы 98-й пехотной дивизии от угрозы с северо-востока еще 25 августа сводный отряд из 3-го батальона 282-го пехотного полка под командованием капитана Хайма — он же командир отряда — нескольких штурмовых орудий 543-го дивизиона, танков 198-го истребительно-противотанкового дивизиона под командованием капитана Вегенера, двух взводов 14-й роты 282-го пехотного полка под командованием обер-

¹ Монитор (англ. monitor) — артиллерийский бронированный надводный корабль для борьбы с береговой артиллерией. (Примеч. пер.)

лейтенанта доктора Эммерта и взвода дивизионных саперов берет на себя оккупацию приречной территории восточнее Домантова.

Сгоревший мост создал совершенно новую ситуацию. 98-й пехотной дивизии, с измотанными до предела людьми и лошадьми, она только идет на пользу. Но не всем удастся передохнуть: 282-й пехотный полк, находящийся ближе всех к плацдарму, мобилизуется по тревоге. Ему предстоит самая неблагоприятная участь на фронте: быть «одолженным» чужой дивизии в затруднительном положении.

Сам ввод в оборону аэродрома только что закончивших марш 3-го батальона под Домантовой и 1-го батальона под Губином не оставляет в покое оставшиеся две трети 282-го пехотного полка. 26 августа к военным действиям в болотах между Пристанью и Страхолесьем привлекается и 2-й батальон. К вечеру весь 282-й пехотный полк со всеми его ротами растянут на 14 км. Пехота торчит на корточках в сырых, по колено глубиной окопах.

К востоку от Домантова введенные в бой противотанковые пушки и 1-й дивизион 198-го артиллерийского полка определяют успех: они подбивают 50-метровые мониторы и к тому же уничтожают значительных размеров баржи. Сводка вермахта 1 сентября отмечает этот успех!

В течение 26 и 27 августа положение на плацдарме обострилось. С трех сторон сконцентрированный огонь накрывает немецкие войска. К тому же им приходится постоянно отбиваться от атак пехоты с севера, востока и юго-востока. Налеты штурмовой авиации довершают все невзгоды, обрушившиеся на отрезанную от своих дивизию.

Вот в такой обстановке вечером 27 августа командир 282-го пехотного полка был вызван к командующему генералу Рейнхардту. На мотоцикле с коляской, под дождем, по колдобинам, он добирается наконец в командный пункт и получает следующий приказ: 282-й пехотный полк приписывается 111-й пехотной дивизии на восточном плацдарме. Полк незамедлительно переправляется через Днепр, с целью расширения плацдарма при взаимодействии с 50, 70 и 117-м пехотными полками 111-й дивизии. Приказ подлежит немедленному исполнению.

Батальоны отмахали столько километров пути до места переправы, что в 22 часа и речи не было о том, чтобы спустить их на воду. Подъездные дороги ведут к высокой дамбе через болотистую низину и на 3 км от реки простреливаются артиллерией противника. Все повторяется, как под Малином. Такая же тьма, так же льет и такой же промозглый холод.

Незадолго до переправы, в 2 часа 15 минут 28 августа, командир 282-го пехотного полка получает первый приказ командования

111-й пехотной дивизии: «После удачной переправы западнее Окунинова южнее шоссе на дороге быть в полной боевой готовности к наступлению на север, чтобы во взаимодействии с 117-м пехотным полком взять Старый Глыбов». Это означает намерение расширения плацдарма на 5 км к северу. Между тем враг методично пытается ограничить плацдарм непрекращающимися налетами. Он занимает позиции на севере: южнее Старого Глыбова и по дуге восточнее и южнее Окунинова. Отвлечение сил противника становится насущной и не терпящей отлагательства задачей.

Если 282-й пехотный полк и гордился своими достижениями в технике переправ на Марне, Сене и Луаре, то здесь, в проклятую дождливую ночь, ему предстояло научиться еще многому.

В густых приречных зарослях залегли некоторые советские мониторы, молчавшие на протяжении дня, чтобы с наступлением темноты взять под непрерывный обстрел участок с разрушенным мостом. Моторный паром, основное средство переправы полка, к этому времени уже выведен из строя. Бремя дальнейшей переправы берут на себя две надувные лодки со стойкими саперами-гребцами. То, что пережил буквально каждый, отражает запись в дневнике командира 282-го пехотного полка:

«По ухабистой дороге, спотыкаясь в темноте, продвигаемся вперед в направлении слабого света горящих на том берегу зданий. Подошли к мосту. Но вместо него в слабо освещенное ночное небо торчат лишь стальные опоры подъездного пути. На ощупь спускаемся к воде, к месту переправы. Но там только две надувные лодки с измученными саперами, которые нетерпеливо подгоняют. Едва втискиваемся по двенадцать человек, тут прямо возле нас бьет в береговую насыпь первая граната. «На весла!» — командует фельдфебель саперов. И тут же следующая команда: «Ии-взяли!» Четверо саперов гребут изо всех оставшихся сил. Они знают зачем. Вот новый выстрел, и в волнах около лодки шипит следующая граната. «Поднять воротники, ремни ослабить!» — ревет фельдфебель. Выше по течению из темноты слышны отчаянные крики о помощи наших товарищей, которые тонут в простреленной лодке... Мы все в долгу перед этими саперами. В постоянной опасности часами они исполняют свой долг».

Под проливным дождем все промокли до нитки, но никто не обращает на это внимания. Чем ближе другой берег — слишком далекий! — тем безопаснее переправа. Времени для передышки после нее очень мало. Два первыми переправленных батальона, 1-й и 2-й, почти сразу попадают под огонь бьющей с трех сторон неприятельской артиллерии.

Раньше своих частей получает приказ о наступлении на север командир 282-го пехотного полка в командном пункте 111-й пехотной дивизии восточнее Окунинова. 282-й пехотный полк начнет наступление совместно со 117-м пехотным полком под командованием полковника Херфурта.

К сумеркам роты уже лучше ориентируются в болотистых зарослях у реки, но в то же время усиливается вражеский огонь, все несут потери. После столь затруднительного сбора командиры 117-го и 282-го пехотных полков получают приказ о наступлении в северном направлении; оно назначено на 12 часов следующего дня. Времени на подготовку будет достаточно, если к этому сроку оба передовых батальона 282-го полка займут позиции в исходном районе.

Фронт обороны 117-го полка более чем истончен. Все больше живой силы выходит из строя! На дороге, ведущей по насыпи в Окуниново, практически единственной, которую можно использовать на непроходимой местности, лежит много павших из 50-го пехотного полка.

Исходные позиции батальона Райтценштайна атакует неприятель. Он подходит почти на 400 м к дороге. Подполковник Вайт вынужден латать эту брешь вводом резервного взвода. Направление вражеского удара явно указывает на то, что большевик хочет поразить самое слабое место плацдарма, да что там, самой переправы! В опасный разрыв между батальоном Вайта и Днепром перемещается 1-й батальон 282-го пехотного полка и — поначалу эшелонированный в тылу — 2-й батальон Аберле. Прикрытие, которое дает насыпь в северном направлении, совершенно бесполезно от неприятельского огня с востока. Залегать в таких условиях на исходных позициях — еще то испытание для нервов! Каждый мечтает о перемене места. И вот, как освобождение от напряжения такой обороны, ровно в двенадцать дан сигнал, и роты поднимаются из окопов на врага.

Указывая на крыши Старого Глыбова, виднеющиеся в 6 км, за широкими полями и лугами, капитан Штюрмер, командир 6-й роты 282-го полка сказал: «Там засел враг. На этот раз мы расколем этот крепкий орешек!» Как он оказался прав! Орешек попался действительно крепкий. Трое тяжелых, полных потерь суток потребовалось всему 282-му пехотному полку, чтобы его по-настоящему расщелкать.

Благодаря действенной поддержке 1-го дивизиона 117-го артиллерийского полка наступление проходит с умеренными потерями. Вражеская артиллерия все еще держит под постоянным огнем дорожную насыпь. Большевики, засевшие в старых дерево-земляных огневых сооружениях, предназначенных для позиционной обороны

Днепра, оказывают лишь незначительное сопротивление. Порядка трехсот пятидесяти их взято в плен. У правого соседа бои становятся ожесточеннее. Снова и снова слышны залпы штурмовых орудий.

Их огонь неудержимо пробивается на передний край у Старого Глыбова, чтобы оставить после себя обширную выжженную равнину. После 15 часов он достигает и населенного пункта. Между тем 2-й батальон 282-го пехотного полка продирается через песчаные дюны и старицы в пойме реки дальше на север. Это поистине тяжкий прорыв по бездорожью, вслед за отстреливающимся отступающим большевиком. К вечеру 1-й батальон 282-го полка подходит к северной окраине поселка; 2-й батальон пробивается к юго-западному предместью Старого Глыбова. Здесь путь преграждают широкие болотистые ложбины. За ними в старых блиндажах сидит враг с пулеметами.

Вот результат дня боев: плацдарм Окуниново 111-й пехотной дивизии на участке 282-го пехотного полка расширен на 6 км к северу, угроза блокады предотвращена.

Полевые кухни не подходят, зато появляется взвод 14-й инженерно-саперной роты с печальной вестью: в другой взвод при переправе попал артиллерийский снаряд и потери очень велики. С родной дивизией у подразделений, приданных 111-й пехотной, связи как не было, так и нет. Главные силы 98-й пехотной дивизии к западу от реки 28 и 29 августа выдерживают продолжительные налеты штурмовой авиации противника. Она не может развернуть эффективные действия артиллерии через Днепр. До того момента, как ей удастся заблокировать любое передвижение мониторов, дивизия обречена выжидать. В это же время 3-й дивизион 198-го артполка получает приказ паромной переправы ранним утром 30 августа. Разумеется, он невыполним. Да, мониторы больше не ходят по реке, но стрельбу не прекращают!

В 23 часа 3-й батальон 282-го пехотного полка после успешной переправы придерживается у дорожной насыпи в качестве резерва 111-й пехотной дивизии. А его очень не хватает собственному полку, у которого нет возможности сформировать свой боеспособный резерв. Почти сразу батальон переподчиняется 70-му пехотному полку и вводится в действие юго-западнее Окунинова. 31 августа он выступает, чтобы сменить соседний 117-й пехотный полк.

После оставления Старого Глыбова большевик слишком быстро снова поднимает голову. Уже в ночь с 29 на 30 августа батальонам приходится отражать контратаки на поселок. Завязался бой протяженностью в два дня и две ночи, во время которого неприятель старался отбить расширенный плацдарм и прорвать северный

фланг. Пехота на окраине и в самом поселке попадает в настоящий огненный котел. Потери возрастают с пугающей силой. Одиночные стрелковые окопы, конечно, служат свою службу, но этого недостаточно! Отвлечь силы противника может только артиллерия. Однако 3-й дивизион до сих пор не может переправиться через реку. Налеты штурмовиков и обстрелы с мониторов не дают этого сделать. Все идет намного медленнее, чем планировало командование. 30 августа командир 3-го дивизиона подполковник Шнивинд заносит в журнал боевых действий: «На той стороне 282-й пехотный полк ведет тяжелейшие бои и отчаянно ждет приданный ему дивизион!» И это чистая правда. После чрезвычайно успешного наступления 282-й пехотный полк попадает в положение обороняющегося и страстно жаждет любого признака подвоза всего и вся, а также возвращения в свою дивизию.

В Старом Глыбове начинаются пожары. Вскоре полыхает весь поселок. Высокая, четырехъярусная прекрасная деревянная церковь отныне является единственным огненным ориентиром. Вдобавок ко всему день выдался душным и жарким. Около полудня враг организует новую атаку. Артиллерийский огонь активизируется. В единственном кирпичном здании школы командир 282-го пехотного полка и майор Аберле с тревогой ждут исхода. Командный пункт размещается всего в 200 м от северной окраины поселка. События разворачиваются прямо перед ними, и благодаря связи они могут обмениваться впечатлениями с полковником Херфуртом, командиром 117-го пехотного полка, в юго-восточной части населенного пункта.

Вечером большевик предпринимает две новые атаки, предваряемые продолжительным раскатистым «Ура!». Их удастся ценой кровавых потерь отбить, по большей части в рукопашных боях. Прорвавшуюся в поселок мощную группу удастся выбить лишь в ожесточенной схватке. В обугленном, тлеющем в россыпи искр поселке стоят невыносимые жар и вонь. Но сражение еще не окончено. День подошел к концу, а обещанная артиллерия так и не подошла. Не добрались и полевые кухни. Пить нечего. Эвакуация раненых практически невозможна.

Ночь, наконец, приносит маленькую радость: под предводительством «шписов»¹ доставляют холодную пищу и даже почту. А главное: весть, что наводка моста началась. Радостно приветствуется и прибытие 13-й роты 282-го пехотного полка; она тут же принимается за дело.

¹ «Ш п и с» — Spieß (нем., жарг.) — ротный фельдфебель. (Примеч. пер.)

День 31 августа занимается солнечным утром. И тут же начинается мощный обстрел, не прекращающийся до вечера. Капитан Штюрмер из 6-й роты 282-го пехотного полка записывает в своем дневнике: «Наблюдаю налет пикирующих бомбардировщиков на Новый Глыбов. И вдруг огонь по нашим рубежам. Мы горим. Едва успеваю унести ноги. Вокруг ад кромешный. Взрыв за взрывом. Надо прорываться. Сейчас, наверное, 14 часов. Укрываемся под полуразрушенным домом. Он разваливается. Обливаясь потом, загнанные, врываемся в КП батальона. Вся надежда на темноту. Но... русские!» Заметки обер-ефрейтора Хубера дополняют картину: «Горящие дома, взрытые сады, вспаханные дороги. Лошадь без передней правой ноги. На трех ногах она хромает туда-сюда. Опасно везде, повсюду взрываются гранаты. Трижды за день меняем позицию. Помогает мало. Лейтенант Делнер, командир пятой роты, поблизости от меня тяжело ранен в ягодицу. Рядовому Фойту выбило глаз. В здании КП роты убит унтер-офицер медслужбы Камель. Многие ранены».

Ощутимые потери требуют ввода всех имеющихся сил. Командир 282-го пехотного полка выводит на передовую ко 2-му батальону свой последний резерв, полковой инженерно-саперный взвод под командованием лейтенанта Гайгера. Автомобиль с радиостанцией 198-го батальона связи, обслуживающий КП полка в Старом Глыбове, весь продырявлен осколками гранат. Поправившиеся в окопы связисты почти засыпаны комьями земли.

Для отвлечения врага от 282-го полка, ведущего тяжелые бои, отрядом Шнедлера, 2-м батальоном 290-го пехотного полка с частями 198-го истребительно-противотанкового дивизиона и при поддержке 1-го дивизиона 198-го артиллерийского полка делаются многократные попытки переправиться через Днепр на надувных лодках из района Домантово, чтобы ударить врагу во фланг севернее Старого Глыбова. Все попытки проваливаются. Такая же участь ждет и операцию по переправе на штурмовых лодках. В ночь с 31 августа на 1 сентября удается акция возмездия: одиннадцать вражеских мониторов при попытке прорваться на юг восточнее Домантова были взяты под массированный огонь совместно истребителями танков и 1-м дивизионом 198-го артиллерийского полка. Шесть из них уничтожены. При ожесточенной огневой дуэли пострадали два орудия истребительно-противотанкового дивизиона, командир 1-го дивизиона 198-го артполка смертельно ранен.

31 августа в 19 часов мост наведен, по нему организовано движение, и в 0 часов 30 минут 1 сентября 3-й дивизион 198-го артполка переправляется через Днепр, чтобы, наконец, принести облегче-

ние пехоте под Старым Глыбовом. Вечером 31 августа, когда враг сконцентрировал все усилия, чтобы прорвать фронт, сильно ослабленная пехота 282-го полка сидит в своих окопах у окраины поселка, в окружении мертвых тел погибших в рукопашной большевиков. Уже четвертые сутки, на сухом пайке, грязная, измученная, она получает из КП 98-й дивизии, расположенного в Дитятках, в 28 км западнее от реки, новый приказ: 2 сентября вместе 289-м пехотным полком, который еще на подходе, снова идти в наступление на север.

Физическая и моральная усталость пехоты под четырехдневным артиллерийским огнем начинала сказываться. Чувство, что ее бросили по чужому приказу, не придает бодрости. Численный состав рот при огромных потерях среди унтер-офицеров и рядовых значительно уменьшился. Все это командир 282-го полка передал дивизионному командованию устами своего адъютанта обер-лейтенанта Валя, посланного на другой берег, ибо создается впечатление, что ни у начальников 111-й, ни у командования собственной, 98-й, дивизии нет ясного представления о реальном положении дел на плацдарме и тем более о состоянии полка.

Успешная наводка моста по большому счету является заслугой 198-го инженерно-саперного батальона под командованием майора Муке, который ответственно и четко руководил эксплуатацией одиннадцати мостостроительных колонн с мостовым оборудованием разных типов. Установка парама осуществляется с помощью моторных буксиров и штурмовых лодок, под непрекращающимся артиллерийским огнем и налетами штурмовиков.

Пехота в Старом Глыбове вздохнула спокойно, когда после обеда 1 сентября показались давно знакомые наблюдатели 3-го дивизиона; их встречали как братьев. Дивизион, сделавший по болотам под огнем неприятеля отчаянный марш-бросок, занимает позицию в 2 км южнее Старого Глыбова и уже с 19 часов находится в полной боевой готовности. В его журнале боевых действий есть запись: «Необычайно сильный беспокоящий огонь тяжелой вражеской артиллерии».

Нет и речи о немецком превосходстве в воздухе. Странное явление наблюдалось многими: три «Мессершмитта» встретились с тремя *Ratas*¹ и, не обращая внимания друг на друга, снова разошлись. Словацкие «Мессершмитты»?

С приказом командующего дивизией на 2 сентября о наступлении на Новый Глыбов на КП 282-го пехотного полка возвращается

¹ Крыса (*нем.*). Так немцы называли советские истребители И-16.

и полковник Гайгер. После замены 3-го батальона 117-го пехотного полка 3-м батальоном 282-го полка сам полк, с оставшимися тремя батальонами, стоит на линии фронта и держит северную часть плацдарма 111-й пехотной дивизии. Среди потерь вернувшегося 3-го батальона после ввода в действие 70-го пехотного полка числится и лейтенант Йозеф Бауер, командир 10-й роты.

С наступлением темноты командиры всех участвующих в наступлении подразделений — включая и дивизион штурмовых орудий, и дивизион химических минометов Шёна, которые должны обеспечивать поддержку, — собрались на КП 282-го полка для обсуждения предстоящей операции. Тут разрабатывается план атаки 2 сентября, основанный на тесном взаимодействии всех видов оружия.

Справа от 282-го пехотного полка уже стоит в полной боевой готовности 289-й пехотный полк, чтобы в 4 часа 50 минут присоединиться к наступлению. К первой цели, высоко вздымающимся светлым дюнам в 2 км севернее исходных позиций, роты идут в атаку при поддержке штурмовых орудий и быстрее, чем планировалось, занимают песчаное холмогорье. И тут же наносится удар по Новому Глыбову. Штурмовые орудия, как при Малине, вырываются вперед. Спешащая вслед 8,8 см зенитная пушка натывается на мину и загорается. Но продвижение идет полным ходом, и уже в 10 часов Новый Глыбов занят обоими полками. Противник массово отступает на Тужар и Сорокошичи. К счастью, потери на этот раз были малы.

Снова на передний план выступает прежняя цель: уничтожение врага на подступах к переправе через Десну. Но прежде следует отбросить противника, еще удерживающегося на полевых позициях западнее Старого и Нового Глыбова. На той стороне реки 290-й пехотный полк, после неудачных попыток форсирования, готовится объединить силы с двумя другими полками дивизии для продвижения на восток.

Зажатый в клещи частями 2-го батальона с юга и ротами 3-го батальона 282-го пехотного полка с северо-запада, неприятель вынужден ожесточенно отбиваться. И снова атака стоит 10-й роте 282-го пехотного полка прискорбных потерь; в числе многих унтер-офицеров и рядовых смертельное ранение получил и командир роты лейтенант Хофманн. Однако большевик тоже оставляет за собой множество убитых, более 50 человек взято в плен.

Бои за переправу через Днепр потребовали чрезвычайно активного участия подразделений снабжения. Страшно было смотреть на надрывающихся лошадей. Несмотря на беспрестанное преследование, никак не удается отрезать путь вражеским частям к пере-

праве через Днепр, поэтому решено сделать это при отступлении противника за Десну. Без малейшей паузы.

В разведывательной сводке о противнике по 98-й пехотной дивизии говорится следующее: «Враг бросил все силы на то, чтобы отрезать плацдарм под Окуниновом, с находящимися там немецкими войсками. Атаки 282-го пехотного полка на Старый Глыбов начиная с 28 августа призваны сорвать почти удавшиеся планы противника».

По следам отступающего неприятеля к 16 часам Тужар и Сорочишичи взяты 289-м пехотным полком. Там полк проводит холодную и дождливую ночь, снова без полевой кухни. Еще вечером 2-я санитарная рота разворачивает свой главный медпункт в Старом Глыбове. Туда же, с немалыми трудностями, был выдвинут полевой артиллерийский склад.

День 3 сентября в основном посвящен основательной перегруппировке сил для наступления следующего дня и отдыху. Задача дивизии: обеспечить охрану северного фланга и установить связь с XIII армейским корпусом; расширить плацдарм на восток вплоть до Десны и, заняв позицию на рубеже Тужар—Городок, подготовиться к наступлению на восток и северо-восток. 290-й пехотный полк вводится в бой на правом фланге; 289-й полк, без 1-го батальона, — на левом; 282-й остается в резерве дивизии.

Местность между Днепром и Десной соединяет в себе все напасты, какие только могут быть помехой в преследовании: никаких дорог с твердым покрытием, топкая болотистая почва, бурелом вместо окультуренного леса. А в придачу к этому — дождливая погода и противник, опытный в обороне и отступлении.

В 8 часов дивизия выступает и отбрасывает засевшего южнее Городка врага на северо-восток. В плен взято 1000 пленных. Враг ослабляет сопротивление. Теперь сражение переносится в широкую лесополосу, расположенную между наступающими немецкими частями и отходящим к Десне неприятелем. Этот лес лишен всяческой видимости, осложняет связь друг с другом и посему чреват сюрпризами. Так, 3-й дивизион 198-го артиллерийского полка, спешащий за 290-м пехотным полком, пробивающимся через Новый Завод на северо-восток, внезапно натывается на противника. Дивизион, при участии пехоты, принимает бой, опрокидывает врага, берет 55 пленных и слегка скашивает путь. Минирование тем не менее призывает к осторожности. Вскоре продвижение еще больше замедляется проливным дождем и, на фоне бездорожья, глубокими лужами и канавами с водой. По обе стороны лишь болота и лес. На глаза наворачиваются слезы, когда мимо понуро тащатся запряжен-

ные лошади, истощенные и обессиленные. Вид, повергающий в печаль и глубокоую задумчивость.

Тактика обороны и отхода, избранная неприятелем, требует полной концентрации внимания. То и дело он захватывает врасплох из зарослей кустарника, из чащи леса, нападает на фланги по опушкам. И тут же наша скорострельная артиллерия поливает огнем пройденную пехотой территорию. Советская пехота свое дело знает: действует быстро и ловко исчезает.

Цену вопроса понимает сейчас каждый: котел, он обязательно должен быть! 113-я и 111-я пехотные дивизии атакуют Остер; 262-я пехотная дивизия, введенная между 111-й и 98-й, 5 сентября берет Бондары; 98-й дивизия расширяется на восток до Нового Завода, взятого 290-м пехотным полком.

И с севера, где 17-я пехотная дивизия наступает на юг, приходят хорошие вести.

С приходом рассвета 6 сентября продолжается наступление на восток и северо-восток. Уже все части дивизии введены в боевые действия. На правом фланге 290-й пехотный полк вместе с 3-м дивизионом 198-го артиллерийского полка нацелил удар на Сукачи, Максим и Гнилушу; 289-й пехотный полк со 2-м дивизионом 198-го арполка атакует на север через густой лес вокруг Сапоновой Гуты и Шведов. Здесь вслед за ним идет истребительно-противотанковый дивизион. Для нее отставшие от своих частей большевики в густом буреломе — серьезный противник. Пал унтер-офицер Пфистер из взвода связи; мотоциклист-связной Эдер не возвращается в свою часть и считается пропавшим без вести.

282-й пехотный полк с 1-м дивизионом 198-го артиллерийского полка получают приказ: ударом на север и северо-восток сковать и уничтожить отступающего на юг противника. Первым делом они, совместно с приданным 3-м батальоном 289-го пехотного полка, занимают Хотилову Гуту и Сивки на правом фланге. День сухой и ясный, но из-за канав со стоячей водой продвижение затрудняется. На протяжении дня фланг настолько растянулся, что с 12 часов 282-му пехотному полку переподчиняется корпусный истребительно-противотанковый дивизион под командованием майора Принца Вальдека. Теперь рубеж проходит по линии Сафонова Гута—Хотиловка—Сивки.

Связь в этом огромном районе, с бездорожьем, чащами, топами и болотами, ставит перед связистами почти невыполнимую задачу. Но радисты и телефонисты работают с напряжением всех сил и умений. Лейтенант Эберле из приписанной 290-му пехотному полку 2-й роты смертельно ранен.

7 сентября стало апогеем боя. Утренние сводки свидетельствуют о дальнейшем отступлении противника к Десне. Однако положение 290-й и 289-й пехотных дивизий в непросматриваемой местности так и остается неопределенным.

282-й полк и 1-й батальон 289-го, едва войдя в Сафонову Гуту, втягиваются в бои за населенный пункт и близлежащий лес. Враг насаждает отовсюду. Обер-ефрейтор Хубер записывает: «В середине пути мы натываемся на вражескую засаду. По всему лесу свист пуль. Справа от дороги сражается взвод 8-й роты лейтенанта Утцшнай-дера. Он гибнет. Беспорядочная беготня туда-сюда. По обе стороны вопли подстреленных. Не забуду предсмертные слова тяжелораненого рядового Шюрера, когда он медленно оседал: «Меня... продолжают... жена и дети».

Внезапно враг исчез. Вперед! Возле Ревунова Круга полк снова натывается на ожесточенное сопротивление. В бою на узком участке множатся потери: командир 9-й роты обер-лейтенант Делл, а с ним еще 30 бойцов батальона находят последний приют в братской могиле. Два пехотных орудия подрываются на минах.

Удивительно быстро спускается холодная осенняя ночь. За ней следует пасмурное дождливое утро. До Десны остается десять, восемь, еще меньше километров. Между тем снуют и беспокоят отнесенные вражеские части. Ни для кого не секрет: решается их судьба.

Под Максимом отрядом, зажатою между поселком и рекой, удается переправиться и уйти на восток. Однако основные силы с тяжелым вооружением продвигаются дальше на север в направлении: Гнилуша—Смолино—Козероги—Шведы. Здесь решится судьба остатков 31-го красного армейского корпуса. Массированный огонь 198-го артиллерийского полка и химического минометного дивизиона, как вскоре выяснилось, поражает цель.

Кольцо окружения противника, у которого осталась последняя возможность прорваться на восток через Десну, 9 сентября все более сужается. 290-й пехотный полк, заняв дорогу от Смолина, в темноте подходит к Козерогам и занимает позиции непосредственно за пределами котла. 289-й пехотный полк, продвинувшийся через Гончаров Круг на северо-восток, атакует между Смолином и Шведами. 282-й пехотный полк вначале идет на север к Копытам, чтобы занять восточный рубеж и подготовиться к совместному удару со всеми батальонами на Десну. В вечерних сумерках до подошедшей с севера 95-й пехотной дивизии XIII армейского корпуса кажется рукой подать.

В ночь на 10 сентября многие части большевиков уходят пешком за реку, побросав всю боевую технику. Оставшиеся силы нагромож-

дают вагенбурги¹ со вкопанными орудиями. Сомнений нет: они будут сражаться до последнего. Ночью моторизованная колонна неприятеля пытается добраться до Десны через Козероги. Само собой, она натывается на 1-ю роту 290-го пехотного полка под командованием лейтенанта Шерцлера, усиленную несколькими штурмовыми орудиями. Короткий ближний бой: восемь грузовиков, четыре легковых автомобиля и 15 пленных — вот результат. Маленькое предвкушение того, что предстоит днем. В 7 часов утра 1-й батальон 290-го полка выступает из Козерогов на север. В 700 м к северу от населенного пункта 1-я рота замечает значительное скопление пехоты, боевых машин и танков на позициях, противостоящих нашей артиллерии. Недолго думая, 1-я рота, вместе со следующей за ней 3-й, атакует противника. Тот защищается. В результате захвачены пара орудий и восемь легких противотанковых пушек. Бой переходит в рукопашный. Кто кого пленит, пока неясно. Унтер-офицер Бёш, угрожая ручной гранатой, загоняет расчеты двух гаубиц, изготовленных к бою, в укрытие. Он погибнет 25 октября под Кузовлевым. А пока остается героем ближнего боя до момента, когда вступят штурмовые орудия. Лейтенант Шерцлер за короткое время ранен дважды и попадает в лапы большевиков. В конце концов его отбивает взвод 1-й роты под командованием унтер-офицера Бёша, нанесший образцовый удар по отходящему противнику. Но и тот погибнет 25 октября под Нарой.

Конечный результат одного сражения впечатляет: несмотря на большие потери, в плен взято 500 человек. К примеру, общий итог батальона капитана доктора Клотца: 570 пленных, 133 убитых, 28 подбитых орудий, 6 броневладельцев, 16 противотанковых пушек, 5 минометов, 3 четырехствольные установки, 31 станковый пулемет, 23 легких пулемета и 250 транспортных средств.

10 сентября под массированным огнем 198-го артиллерийского полка и химического минометного батальона решается судьба попавших в окружение в районе Слабино—Козероги—Шведы.

В полдень лесистая и поросшая низкорослым кустарником местность севернее и северо-западнее Шведов, последнего оплота вражеских сил, подвергается огню на уничтожение всех четырех батальонов. Боеприпасы подвозят дважды. Около 17 часов лес севернее Шведов прочесан 3-м батальоном 289-го пехотного полка и частями 282-го полка. Враг, не успевший перейти реку, сдаётся. Сопrotивление сломлено. С начала сражения от переправы через Днепр ди-

¹ Вагенбург (нем. *Wagenburg*, устар.) — построение обоза для прикрытия войск. (Примеч. пер.)

визия насчитывает в своем арсенале трофеев: 4600 пленных, 58 орудий, 27 противотанковых пушек, 1 зенитная пушка, 147 станковых и легких пулеметов, 34 полевые кухни с грузовиками, тракторами и гужевым транспортом.

Медицинские пункты уже передислоцируются: 1-я санрота в Сапонову Гуту, 2-я — в Сорокошичи. Туда же переезжает и полевой госпиталь.

Измотанность войск с начала боевых действий 31 июля не подлежит описанию. Все тяжелее и невозполнимее утраты. Командиры пехотных полков не скрывают эту горькую правду от дивизионного командования. Один из полков рапортует о потерях с 31 июля по 10 августа: 37 офицеров, 1200 унтер-офицеров и рядовых. Из состава «стариков» в каждой роте осталось по 30—40 человек, не больше. Но можно ли рассчитывать на пополнение или хотя бы передышку? В самом деле, как подарок небес дивизии выпадают три дня относительного отдыха. Она выходит из состава 6-й армии. 13 сентября генерал-фельдмаршал Рейхенау в одной из направленных дивизии директив заключает: «Дивизия в тяжелых боях достигла выдающихся побед и покрыла славой свое оружие битвой за Андреевку, в которой наголову разбила остатки 31-го красного армейского корпуса».

Три дня отдыха проходят примерно так: вначале заряжает непрекращающийся дождь; с утра по долине Десны расползаются тяжелые наземные туманы, и каждый солдат только и мечтает, что об отходе из этой гиблой местности. Днем раздаются карты со стрелками на восток. О, какие открываются перспективы! Все только и говорят что о «решительном ударе», о взятии Петербурга и Москвы, да что там — о захвате Донецкого угольного бассейна! 14 сентября сладкая жизнь кончается.

Марш к новым высотам начался. Преимущество танкам и артиллерии...

Один из командиров пехотного полка заносит в свой дневник: «В бескрайних просторах этой страны только завоевывать и завоевывать жизненное пространство. Вот только у простой пехоты свой взгляд на вещи, никак не совпадающий с многочисленными полуили полностью моторизованными частями. Каждый пройденный километр — наше собственное, личное достижение. Для всех прочих бог — мотор, который обеспечивает маленькие удовольствия и привилегии, таящиеся в неисчислимых боевых машинах. Можно ли сравнивать их достижения? Лишь тот, кто день за днем месил грязь, продирался сквозь холод и дождь, усталый, голодный, зашвыбленный, под непрерывным артиллерийским огнем, в руко-

пашных боях с противником, может судить об истинных лишениях и победах. То, что претерпела пехота в те недели, достойно восхищения. Блеск и сияние славы в глазах общественности, водружение на щит отдельных достижений новейшей техники: самолетов, танков, подлодок, может быть, и торпедных катеров — только оттеняют скромные победы пехоты, с сопровождающими ее простыми зенитными и противотанковыми пушками. Лишь мотор ее воли, мотор ее сердца и движущая сила мужества подвигает пехоту в атаку, под артиллерийским огнем, пулеметными очередями — неприкрытую, неназванную, безымянную».

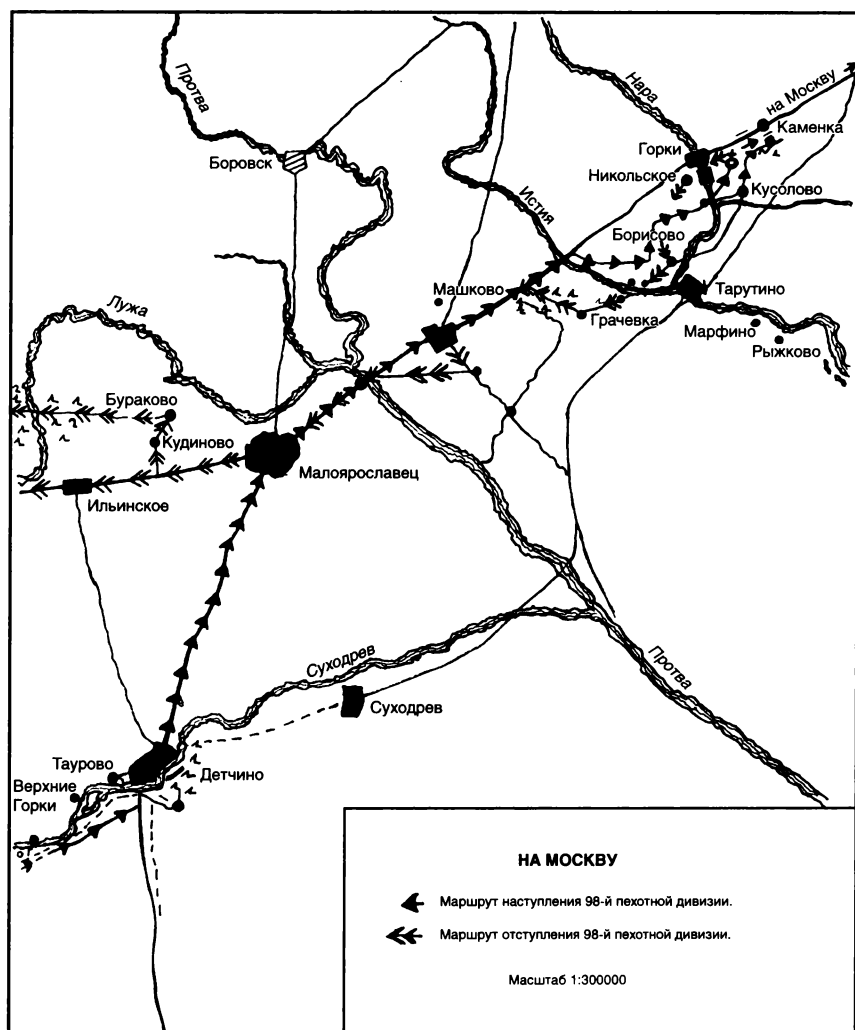
Марш на Москву

И снова воскресенье, день 14 сентября, когда начинается новое наступление на северо-восток. По его завершении дивизия окажется на грани своего конца. Но пока что она браво шагает на Чернигов, радуясь, что болота Десны остались позади, радуясь некоему подобию «шоссе», радуясь возможной крыше над головой и уж точно радуясь быть «живыми среди живых». Некоторым батальонам даже подвезло «прокатиться» на грузовиках. Вполне «западный» марш... Только, жаль, на полдня. Потом, за Гомелем, «шоссе» осталось в воспоминаниях, и через Слюнку и Новозыбков 20 сентября дорога привела в Клинцы.

Величина суточного перехода, колеблющаяся от 25 до 45 км, может быть оценена лишь с учетом состояния дороги, которое не поддается никакому описанию. По глубокому песку, вверх по склону, роты и батареи, люди и лошади изо всех сил продвигаются вперед. Укрытия, до которых удастся добраться лишь к вечеру, по большей части грязные, тесные и убогие, разве что за исключением тех, что заняты арьергардом танковой группы Гудериана. Вид лошадей заставляет сердце обливаться кровью: обессилевшие, загнанные клячи тащатся вперед. Все больше встречается запряженных в примитивные деревянные повозки крестьянских лошадемок, неприхотливых и всеядных. В одном из полков их уже насчитывается сто одиннадцать. Трофейные тракторы используются, чтобы перетаскать орудия в самых непроходимых местах.

Пронизывающий до костей северный ветер — первый привет из Центральной России, на земли которой войска ступили за Слюнкой.

Постепенно наступает дефицит привычных вещей: сначала исчезают иголки, потом кончаются нитки, булавки, гуталин, лезвия, зубная паста — в общем, необходимые мелочи. Запасы исчерпаны.

21 сентября 1941 года 98-й франконско-судетской пехотной дивизии исполняется два года. Ее войска, без преувеличения, сражались, выставляли и умирали не хуже кадровых дивизий — без специального вооружения, специального оснащения и специального снабжения.

Дальнейший марш ведет через Новозыбков, Сураж, Мглин в направлении Рославля. 23 сентября утром землю сковали первые заморозки. Сильно похолодало. Пронизывающий ветер забирался под изношенные униформы. Доставить от Днепра необходимые запасы,

включая и боеприпасы, службам снабжения не удавалось. 100 тонн боеприпасов было передано в Новый Глыбов тамошним «старостам». Транспортных емкостей для военного имущества, как и принимающих немецких пунктов, не существовало — захват боеприпасов был бы для партизан подарком небес. Тогда об этом никто даже не думал — пока не думал.

С 23 сентября и по октябрь установилась непривычная для европейской осени погода: промозглый холод, хлещущий, с северным ветром дождь. Дороги ненадежны. После первых заморозков каждое утро лужи подернуты льдом — и это в сентябре! За Мглином марш разворачивается на север. Грязь и запустение набирают силу. Ледяной северный ветер днем оставляет только надеяться на теплое пристанище ночью. Однако в каждой более-менее пригодной для ночлега избе уже расквартировались более проворные части.

27 сентября наконец-то прибывает долгожданное пополнение: как это ни прискорбно, с 31 июля дивизия потеряла 3800 бойцов и, кроме того, 1320 околевших лошадей. Но что за «пополнение»? Один из батальонов докладывает о 37 рядовых и добавляет: «Капля в море!» Артиллерийский дивизион вторит: «16 человек из Кобурга! Что, в Кобурге больше никого не осталось?»

Продвижение вперед через мощный лесной массив между Рославлем и Мглином должно, по сведениям разведки, закончиться новым масштабным боем на окружение. В дивизии это воспринято с неукротимым боевым духом и мобилизацией всех сил. Все жаждут дня отдыха. Ночные заморозки, дожди, предел физических возможностей и отсутствие теплого обмундирования приводят к множась простудам и заболеваниям, с которыми в нормальных условиях гарантировано помещение в лазарет. Но сейчас слишком велика партизанская угроза, особенно на территории, где еще в царские времена укрывались беглые «политические» и «лихие люди». Никому не хочется подвергать себя опасности вероломного нападения или мучительной смерти от рук отставших или оставшихся после отхода противника одиночек. И это только начало. На что способны партизаны, еще покажет время. Свирепость и коварство. Открытый бой не их стезя. Кому охота в таких условиях остаться без своих?

С 29 сентября дивизия переподчиняется XII армейскому корпусу. Что ей предстоит претерпеть в ближайшие дни — десять полных дней! — несопоставимо даже с превратностями последних недель. Дивизия получает приказ влиться в окружение Вязьмы на юго-восточном участке. 2 октября она пересекает шоссе трассы Брянск—Рославль в северо-восточном направлении. Дальше предстоит вторая переправа через Десну. На ночь части расквартировываются в

крайне стесненных, плохих условиях. В приказе для 4-й танковой группы и 98-й пехотной дивизии на следующий день боя упоминается о «решающем походе» против «последней русской группировки» и «решающей битве восточной кампании»!

Ближайшая задача: разгромить тщательно возведенные и обороняемые позиции неприятеля на Десне. Блиндажи и противотанковые рвы уже обнаружены. Предполагаемые минные поля тоже. Хорошо укрепленные сооружения Тимошенко легко не сдаст.

Неужели это сражение и впрямь добьет большевика? Оно начинается 2 октября в 5 часов утра. 34-я пехотная дивизия, за которой поначалу вторым эшелоном следует 98-я пехотная, мощным броском форсирует верхнее течение Десны, штурмом берет расположенные за ней позиции, преодолевает противотанковые рвы и минные поля и уже к вечеру стоит в 15 км северо-восточнее реки. Ошеломляющий успех!

Вслед за этим дивизия совершает марш-бросок с суточными переходами в 50 км и 4 октября переправляется через Десну у впадения Снопоти, 5 октября в мороз и гололедицу марширует через Киров и 6 октября сквозь вьюгу и северный ледяной ветер преодолевает следующие 48 км на Москву. 5 октября в эфире звучат слова фюрера, слова, не подходящие для настоящего момента, но в которые так хочется верить: «Сегодня я могу сказать: враг повержен и больше никогда не поднимется!»

Может быть, для других сил, растянутых по всему Восточному фронту, это и соответствовало действительности, но для дивизии реальное положение выглядело так. День проходит за днем. Молчаливо и безропотно тащатся сбившиеся в кучу роты — по два с половиной километра в час. Лишь скрип колес деревянных повозок и немногих уцелевших военных автомобилей рассекает тишину. В чахлах сосенках по сторонам дороги несмолкаемо свистит ветер. Фыркают лошади. Над колоннами, закладывая крутые виражи, с хриплым карканьем кружат стаи встрепанных ворон. Серая мрачная завеса измороси опускается на бескрайние пустые просторы. Дождь перемежается со снегом. И люди, и лошади то и дело оскальзываются. Фуража почти не осталось. Березовые ветки да солома с крыш — вожденный корм для скотины. Вдобавок ко всему усложняется рельеф. Возвышенности растут, почва становится глинистой. Вверх, вниз, в грязи и слякоти мучительно продвигаются колонны вперед. Все дальше и дальше на восток... Все ближе к Москве.

Заметно, что и командир дивизии генерал-лейтенант Шрёк страдает от сильного перенапряжения сил. Его грузная комплек-

ция добавляет тяжести, затрудняет дыхание. Взгляд усталый, говорит медленно. Ему не удастся скрыть, что этот поход отрицательно сказывается на его здоровье.

Но по-настоящему тяжкие испытания еще впереди! Темнеет уже в 19 часов. Свечей не хватает. Чтобы не прозябать, сидя на корточках в крошечной тьме, лучше всего помогает сон. Если бы только не изводили ставшие привычными клопы и блохи! С радостью, но и сомнением воспринимается известие, что разрешено получить посылки с родины: по 20 кг теплых вещей на каждого. Когда еще они дойдут и куда? Никто пока и представить себе не может, к каким убийственным последствиям приведет вскорости отсутствие этих самых «утеплителей».

Следующий рубеж обороны врага ожидается на Угре, к которой 34-я пехотная дивизия подходит 10 октября. Здесь она сталкивается с ожесточенным сопротивлением из укрытий на том берегу. Под Товарковом завязывается тяжелый бой, но пробиться здесь к переправе так и не удается. Приходится повторить попытку несколько южнее. На это дается особое поручение 282-му пехотному полку, и во исполнение его 3-й батальон, усиленный взводом пехотных орудий и взводом 14-й роты с 2-й саперной ротой 198-го батальона под командованием капитана Хайма, занимает село Булгаково; обер-лейтенант Виммер с разведывательным эскадроном дивизии — Кробискую. До наступления темноты капитан Хайм производит рекогносцировку местности. Угра, шириной в 40 м, извиваясь, течет с севера на юг по равнинной луговой долине, расстилающейся на 3 км. Различимы лишь малочисленные посты противника.

Предпринятая 11 октября у Свинухова, западнее Тихоновой Пустыни, переправа без поддержки артиллерии (батареи еще не подошли!) терпит поражение. До сей поры невидимый враг на своих полевых позициях в широкой низине дает мгновенный отпор. Из четырех больших надувных лодок три безнадежно расстреляны. Один убитый, 13 раненых — дальнейшие попытки бессмысленны. Приказ командира полка о приостановке форсирования подтверждает прибывший на передовую командующий XII армейским корпусом генерал Шрот. Следует дождаться артподготовки. Ночью снег заметает застрявшую в грязи артиллерию.

Теперь, чтобы подготовить переправу, назначенную на 12 октября при поддержке одного батальона легкой и одного тяжелой артиллерии, усиленный 282-й пехотный полк в ранних сумерках выдвигается в заданный район над рекой. Со всех крыш свисают сосульки.

Каково же было удивление, когда выяснилось, что ночью большевик убрался! Немедля 3-й батальон 282-го пехотного полка переправляется на надувных лодках. К 10 часам уже весь полк на другом берегу реки. При этом сильно помог тут же наведенный 2-й саперной ротой пешеходный мост. В 12 часов полк уже на марше от монастыря Тихонова Пустынь на северо-восток, через густой лес по широкой утопанной дороге. Низколетающие вражеские самолеты обнаруживают колонну, есть потери. Происходит небольшая задержка, при этом по сторонам дороги взяты трофеями разведывательный броневик и восемь станковых пулеметов, а также сто пленных.

В то же утро 34-й пехотной дивизии удастся переправиться под Товарковом и начать преследование отступающего неприятеля. Новая задача: для 34-й пехотной дивизии — удар по «краеугольному камню» линии обороны Москвы под Детчином; для 98-й пехотной дивизии — защита фланга XII армейского корпуса. На деле все выходит иначе. Чрезмерное напряжение марша для людей и лошадей неопишимо. Густые леса буквально проглатывают колонны. Даже шаг в сторону невозможен. Зеленая стена елей не пропускает ни взгляда. Заросли, овраги, болота затрудняют движение. А приказ — преследовать врага по пятам.

Истребительно-противотанковый дивизион с разведывательным эскадром и велосипедным взводом 289-го полка под командованием капитана Вегенера 13 октября спешат впереди дивизии с поручением захватить аэродром в Детчине. И еще чудо, что это отчасти удалось. Около полудня сводный отряд довольно гладко выходит к Вышним Горкам, в 3 км западнее Детчина. Отсюда он обнаруживает примерно в 1 км перед Детчином глубокие противотанковые рвы, выкопанные в песчаной почве, мощные безлюдные дорожные заграждения и пустые укрепленные позиции. Никакого сомнения, что линия обороны Москвы — сооружение серьезное.

Одна широкая котловина отделяет отряд от Детчина. По ту сторону гражданское население трудится над дальнейшим укреплением рубежа.

Капитан Вегенер высылает вперед несколько мотоциклетных экипажей, которые не встречают сопротивления. С собой они привозят группу рабочих. Говорящие на немецком выражают радость, что для них война окончена.

В бинокль видно, что аэродром занят войсками. Становится понятно, что без поддержки тяжелой артиллерии, силами одной лишь пехоты и ограниченного контингента истребителей танков, атака неосуществима. Отряд занимает позиции на переднем скате котло-

вины и тут же попадает под пулеметный и минометный огонь противника. Затем к нему присоединяется артиллерийский огонь, и, наконец, истребители танков на собственной шкуре испытывают звучание «сталинского органа» — многоствольных реактивных установок. Семь залпов по сорок снарядов каждый обрушиваются на позиции. Батальонный врач, капитан медицинской службы доктор Штиндль, убит. Положение отряда становится напряженным, пока к вечеру, наконец, не подходит авангард, 289-й пехотный полк, и не сменяет его. За плечами у полка нелегкий переход. Под Карамышевом отдыхающий головной отряд около полудня попадает под огневое нападение. Пришлось очищать от вооруженных пришельцев соседнюю деревню. Следующий за ним батальон тоже втягивается в бой. И только ближе к вечеру марш можно продолжать. Что это было: вражеский арьергард? Или авангард наступающих войск? Внести ясность будет нелегко. Ночью 2-я санитарная рота разворачивает в Карамышево свой главный медпункт.

По-настоящему зимний пейзаж, скованный морозом и заваленный густым снегом, открывается взору подходящих через интервалы частям дивизии 14 октября. Снегопад закончился, и это позволяет двум полкам в 12 часов атаковать по передней линии Детчина. На протяжении дня дивизионная артиллерия прибывает не полностью и с большими задержками, частью только на следующий, а то и еще через день. На правом фланге занимает позиции 282-й пехотный полк без 3-го батальона, переброшенного в качестве резерва корпуса под Дубровку. Для предстоящей атаки на Таурово и Детчино ему определен район северо-западнее Пнёва: 1-й батальон справа, 2-й батальон слева. На левом фланге готовится к приступу с юго-запада на Детчино 289-й пехотный полк, с приданными ему 2-м дивизионом 198-го артиллерийского полка и 3-й инженерно-саперной ротой, по рубежу Вышние Горки—Букрино: 2-й батальон справа, 3-й батальон слева. 290-й пехотный полк с 3-м дивизионом 198-го артполка берут на себя защиту северного фланга дивизии под Сетунью.

Дивизионное командование в Тимошине пребывает в сомнениях: стоит ли начинать наступление без тяжелой артиллерии 4-го дивизиона 198-го и 2-го дивизиона 41-го артиллерийских полков, которые уже вряд ли успеют подойти вовремя? С другой стороны, промедление на руку врагу. Последний довод оказывается решающим. В 14 часов, с двухчасовой задержкой, начинается артподготовка на высотные позиции Детчина. Через 30 минут приходит в движение пехота. Так завязываются тяжелые, кровопролитные, многодневные бои за Москву.

Детчино

Оба батальона 282-го пехотного полка подходят к реке Суходрев, 15 м шириной. На том берегу идет в гору незанятая территория вплоть до восточной окраины Детчина. Хорошо различимы советские укрепления. Примерно посередине склона вдоль линии фронта тянется широкий противотанковый ров. Мост через реку под прикрытием неприятеля. Попытка взять его, используя фактор внезапности, проваливается. Он взлетает на воздух. Одновременно и внезапно активизируется оборона противника, что ведет к потерям. Продвижение застопоривается. Без поддержки артиллерии и тесного взаимодействия с соседями надежд на успешное наступление ничтожно мало. Связь между 2-м и 1-м батальонами все еще не установлена из-за бездорожья в густом лесу западнее Абиляя. Начинается снегопад, и быстро спускаются ранние сумерки. Наступление придется отложить.

На левом фланге, у 289-го пехотного полка, тоже заминка. Из-за непроезжих дорог к открытию огня не готовы ни артиллерийский дивизион, ни тяжелые орудия пехоты. К вечеру наступлению дается отбой. Лишь около 3 часов ночи наконец прибывают на свои позиции отдельные батареи.

Твердо определено, что 15 октября Детчино должно быть отбито. В соответствии с планом дивизии приказано начать приступ при поддержке дивизиона тяжелых мортир и дивизиона реактивных минометов, а также при участии пикирующих бомбардировщиков. Приведение в боевую готовность всего тяжелого вооружения и артиллерии — она все еще не полностью подтянулась — занимает всю первую половину дня. Благодаря неустанному личному контролю командира подполковника Брюля к 11 часам артиллерия готова. Оба полка, 289-й и 282-й пехотные, в 12 часов начинают атаку. Из-за сильного снегопада предусмотренный планом налет бомбардировщиков не состоялся.

282-й пехотный полк со своим 1-м батальоном на правом фланге ударяет на Детчино-юг. На левом фланге 2-й батальон атакует деревню Таурово, в которой еще днем раньше, по донесениям разведки, засел враг. Батальон Райтценштайна залегает между шоссе и рекой. Совместные действия со 2-м батальоном не представляются возможными: разнообразие оборонительных сооружений и численность живой силы противника разведка определила ошибочно, и сопротивление обороны противника сильнее, чем накануне.

Передовому батальону Аберле с атакой, кажется, повезло больше. Переправленная саперами на надувных лодках, 6-я рота оказа-

лась единственной на том берегу реки. Потом лодки были выведены из строя огнем неприятеля. Остальным частям батальона пришлось залечь. Большевик, занимающий высокие позиции, просматривает всю местность. Теперь и переправленная 6-я рота прижата к земле. После повторного обстрела артиллерии и налета пикирующих бомбардировщиков, ставшего возможным благодаря улучшившейся видимости, предпринимается вторая попытка атаки. И снова только 6-й роте под командованием лейтенанта Бомхарда удастся продвинуться вперед. Она приступом захватывает незанятые высоты и добегают до протяженных противотанковых рвов, расположенных в 200 м от вражеских позиций. Штурм стоит потерь и вынужденно останавливается.

Теперь враг поливает наступающих минометным огнем, и необходимо сделать выбор: продвигаться вперед или отступить. Лейтенант Бомхард решается на новую атаку. Он поднимает свою роту и бежит впереди. Окрина Детчина достигнута, здесь большие казармы красных, охваченные огнем. Бросок стопорится под огнем из долговременных огневых сооружений противника. Лейтенант Бомхард снова решительно поднимает залегшую роту и штурмует следующую оборонительную позицию. Возле него пыхтит кругленький обер-ефрейтор Цэрль, отнюдь не прирожденный солдат, но теперь один из храбрейших. Его «Ура!» зовет за собой остальных, пока внезапно не стихает. Тяжело раненный, он падает, ему не доведется пережить и этот вечер.

На расстоянии попадания ручной гранаты лейтенант Бомхард изготовился к метанию, но тут выстрелом с близкого расстояния ему раздробило обе кости левого предплечья выше запястья. Он еще успевает метнуть гранату, а потом наступает болевой шок. Лейтенант Бомхард из числа евангелистских священников, добровольцами отправившихся на фронт — только в 282-м пехотном полку их двенадцать.

Фельдфебель Бек принимает командование остатками роты. Буквально за несколько секунд потери таковы, что разметанные части под покровом тьмы отступают. Они возвращаются в Таурово к своему батальону.

Из-за этого штурма 6-й роты, проведенного в наступательном порыве, батальон Аберле потерял 51 бойца. Единственным положительным результатом атаки, и прежде всего 6-й роты 282-го пехотного полка, явилось то, что благодаря ей теперь имеются сведения о размерах и крепости фортификационных сооружений в Детчине и его защитниках, на удивление стойких войсках. Именно эти данные вместе с результатами разведки боем 289-го пехотного

полка приводят дивизионное командование к решению сосредоточить наступательные полки на западе и северо-западе, так как атака с тех направлений имеет больше шансов на успех.

В 12 часов 289-й пехотный полк начинает наступление столь же стремительно, как и его собрат, 282-й пехотный полк. Артподготовка на этот раз не подвела. Но ее огня недостаточно, чтобы разрушить удачно размещенные и хорошо подготовленные доты. Для казарм, «красного дома», 10,5-см снаряды что укусы комара. Так что части, наступающие из исходного района по обе стороны Вышних Горок, быстро наталкиваются на крепкую оборону. Защитники настроены на решительное сопротивление. Наступление вначале продвигается хорошо: преодолены противотанковые рвы и вот-вот будут взяты передовые позиции на высотах западнее и юго-западнее Детчина, но тут противник вводит в бой многочисленные пусковые установки с зажигательной смесью и одновременно накрывает наступающих залпами ракетных орудий. Эффект неожиданности настолько велик, что унтер-офицер Хок из 5-й роты 289-го пехотного полка делает такую запись: «Вдруг сразу и грохот, и свист. Вокруг нас море огня: спереди, сзади, по бокам! Мощные огненные струи несутся ураганом аж в 20 м над землей, опаливая всех и поджигая все. Я не знал, сгорим ли мы все заживо, или удастся выйти из огня живым. Моральное воздействие убийственное, некоторые ударяются в панику. Каждый пытается как-то спастись, выскочить, спрятаться. Назад, в противотанковые рвы! Там мы наконец и собираемся. На всех лицах следы испуга, на многих еще и ожогов. Едва избежав адского пламени, попадаем под град гранат с огнем святого Эльма». Радиоотделение 2-й роты 198-го батальона связи, приписанное истребительно-противотанковому дивизиону, сообщает: «Сидим у аппарата, тут бьет многоствольная установка. Разрывы все ближе: 40 м, 30 м, совсем рядом, но до прямого попадания не дошло. Автомобиль бросает из стороны в сторону. Осколок разбивает стекло. Соседняя изба охвачена пламенем. Только выстоять!»

Вначале эффект «сталинского органа» производит должное впечатление. Но вскоре ошеломление проходит. Лишь малое осколочное действие — вот и все, что остается от видимости впечатляющего выступления многоствольной реактивной установки.

Перекрещивающиеся струи зажигательной смеси, огонь на уничтожение многих тяжелых орудий в сочетании с хорошо организованным огнем пехоты пробивают широкие бреши в рядах обоих батальонов, 2-го батальона капитана Штрёляйна и 3-го батальона капитана Трёгера. Выстрелом в голову тяжело ранен лейтенант граф фон Дегенфельд, командир 11-й роты; через восемь дней он умрет

в медпункте Карамышева. Передовая 3-я инженерно-саперная рота под командованием обер-лейтенанта Райнеля на правом участке штурмового отряда бьется самоотверженно. Доблестный командир роты, не раз на деле доказывавший свой героизм, смертельно ранен. Почти треть личного состава остается лежать на поле боя. Дальнейшее наступление бесперспективно.

Вот суровая правда: 98-я дивизия крепко завязла в грязи и снегу под Детчином. Двое суток атак, несмотря на самоотверженность и кровопролитие, не смогли пробить этот бастион линии обороны Москвы. И дело не только в сильных полевых фортификационных сооружениях, главное — сам противник, непоколебимо и стойко державший оборону. Видимо, пора вводить свежие силы?

Дивизия не может этого не признать. И тем не менее, реально оценив положение и силы противника, она решает вечером 15 октября провести основательную перегруппировку перед новым бесповоротным приступом. Направление главного удара соединенных сил решено перенести на запад, с целью, минуя Детчино, вывернуть на восток и ударить по бастиону спереди, с фланга и с тыла.

Успех этой операции, пусть даже достигнутый невероятным напряжением и использованием всех подразделений, докажет правоту такого решения.

282-й пехотный полк в течение ночи на 16 октября совершает переход от Суходрева в низину через Тимошино и Барановку на западный фронт наступления. Весь день 16 октября он занимает позиции возле 289-го пехотного полка с двумя батальонами на передней линии севернее Букрина, готовясь к атаке на Савиново. 198-й артиллерийский полк совместно с батареей мортир и 2-м дивизионом 41-го артполка с огневых позиций в районе Букрина должны поразить цели пехоты и все обнаруженные позиции вражеской артиллерии.

Ночь с 16 на 17 октября выдалась морозной. Доставленное на передовую питание тоже состоит из «мороженого рациона». Почва твердая, как зимой. С наступлением темноты подполковник фон Бозе, командир 1-го батальона 289-го пехотного полка, расположившегося в тылу для защиты левого фланга, передает по радио: «Мы замерзли, готовы атаковать!» Штаб полка радирует: «Атаковать кого?» Ответ: «Все равно, нужны квартиры!» На это отдается приказ взять Авдотьино. Батальон нападает, к полной неожиданности врага, захватывает деревню и удерживает ее всю ночь, несмотря на многократные попытки врага отбить утраченное.

1-й батальон 289-го полка не только получил свои квартиры, но и занял Авдотьино как важный исходный пункт для предстоящей атаки.

План атаки 17 октября — она и решит судьбу Детчина — выглядит следующим образом: «8 часов 30 минут: выступление 282-го пехотного полка на Савиново для уничтожения обнаруженных там укреплений. К нему непосредственно примыкает 290-й пехотный полк с исходной позиции Авдотьино, его цель: Березовка—Михеево. С продвижением наступления 282-го и 290-го полков 289-й пехотный полк выступает от Малахова на Детчино и занимает поселок.

Ни у кого нет сомнений, что предстоящий день наконец сломит оборону противника. Но каждый знает: потребуется напряжение всех сил.

Утром 17 октября крыши снова украшены 20-сантиметровыми со-сильками. Как запланировано, ровно в 8 часов 30 минут 282-й полк выдвигается на Савиново, незаметно для вражеских наблюдателей. Прикомандированный к нему 1-й батальон 290-го полка обеспечивает продвижение отвлекающим огнем и позже присоединяется к атаке. Из долины Путинки, занятой накануне для исходной позиции, надо захватить обширную отлогую возвышенность, высотой 1500 м, по направлению к скрытой за ней деревней. Введенный слева от 3-го батальона 1-й батальон 282-го полка имеет ту же цель: деревня Савиново.

1-й дивизион 198-го артиллерийского полка под командованием капитана Опитца, поддерживающий тесную связь с 282-м пехотным полком, обеспечивает действенную огневую поддержку, под которой даже при близком рассмотрении укрывается огонь пехоты, и сразу за последним огненным ударом она врывается на передние вражеские позиции. Тут завязываются тяжелые ближние бои с винтовками, автоматами, пулеметами и ручными гранатами; и становится ясно, откуда такая необычайная стойкость и решимость противника, почему оплот Детчино так долго и крепко оборонялся: его защитниками были курсанты военных училищ Подольска и свежие сибирские части!

Каждое гнездо, каждый дот, каждый умело обустроенный участок траншеи приходилось брать с боем, ценой большой крови. Сражаясь на местности без единого укрытия, 9-я рота 282-го пехотного полка теряет унтер-офицера Венера и многих бойцов. Лейтенант Юбитц, командир взвода 12-й роты того же полка, погибает в ближнем бою от шести огнестрельных ран. Лейтенант Цайльнер убит, когда во главе своей роты уже близок к цели. Несмотря на безнадежность положения, защитники оказывают сопротивление до последнего бойца, и такая стойкость не может не вызывать уважение. Во время прорыва через Савиново 1-й и 3-й батальоны протягивают друг другу руку помощи. Прочесывая местность дальше на север,

наступающие не встретили больше ни одного противника. Была сделана остановка для приведения в порядок личного состава и оказания помощи многочисленным раненым, а затем наступление покатилось вперед.

Наступательный дух, проявленный несмотря на все тяготы, отличная поддержка артиллерии и опыт взаимодействия, накопленный в боях, привели 282-й пехотный полк к успешному завершению дневной атаки, к недопущению боевых действий противника с севера на Михеево и Детчино и открывают путь дивизии к дальнейшему продвижению на Москву.

290-й пехотный полк, выступивший вскоре за 282-м полком, без особого труда занимает высоты севернее Букрина, ломает ослабленную оборону и подходит к высоте 97.9, за которую принимает ожесточенный бой. Во второй половине дня он берет Березовку, таким образом прикрывая с севера тыл 289-го пехотного полка.

У 289-го полка дела идут не так успешно. Невероятных усилий стоило прорваться 17 октября в самый центр обороны и сломить сопротивление. Несмотря на налет пикирующих бомбардировщиков, обоим батальонам не сопутствует успех. Ни огонь тяжелых мортир, ни рев пикирующих бомбардировщиков, ни снаряды, ни бомбы не могут принудить нестигаемых сибиряков сдаться. Покинув свои укрытия, они стреляют с руки по самолетам. Их стрелковое мастерство, к несчастью, приводит и к большому числу потерь от выстрелов в голову в батальоне Бозе. Батальону в ожесточенной кровавой схватке все же удается продвинуться к Детчину с запада и северо-запада. Но не более того!

В 15 часов в Букрине при посредстве командующего генерала Шрота состоялось короткое обсуждение обстановки для выработки нового плана наступления, в котором приняли участие генерал Шрёк и четверо командиров: Гарайс, Гайгер, Зауэрброй и Брюль — единственный и последний раз общими силами.

С наступлением сумерек полки стоят кольцом вокруг Детчина: 289-й пехотный с батальоном фон Бозе всего в 100 м от неприятеля, 290-й пехотный полк в Березовке и ее окрестностях, 282-й пехотный полк в Якушеве и его окрестностях. В Полотняном Заводе расположился полевой госпиталь дивизии, едва справляющийся с наплывом большого количества раненых.

День клонится к концу, но оставляет небезосновательную надежду, что следующий окончательно решит судьбу Детчина и нанесет его обороне смертельный удар. Смена позиций артиллерии в район Маладева и Савинова, налаживание связи и подвоза боеприпасов в неблагоприятных погодных условиях: мокрый снег и

слякоть — требуют времени. Наступление возобновляется только в 13 часов 30 минут 18 октября при сильной метели.

Сопротивление — вплоть до Детчина! — незначительно. Кольцо удается сжать, но прорвать оборону никак не получается. На северном фронте ожесточенно сражается подполковник фон Бозе со своим сильно поредевшим батальоном, он сам с винтовкой в руках на передней линии. Три командира рот и почти все офицеры выбыли из строя. Это свирепая огневая дуэль. Весь 289-й полк несет тяжелые потери. Из девяти стрелковых рот лишь четыре воюют под командованием офицеров.

290-й и 282-й пехотные полки к вечеру занимают позиции, вплотную к отступающему врагу, на рубеже Спас—Суходрев—Верховская.

На 19 октября реактивные минометы и штурмовые орудия получили задание подготовить и поддержать последний штурм, а также уничтожить артогнем фортификационные сооружения неприятеля. Но успеют ли они подойти? Распутица все пуще. Это заметно по подвозу всяческого снабжения, особенно тяжеловесных грузов. Если 4-му дивизиону 198-го артполка и удастся-таки справляться с доставкой и приведением в боевую готовность тяжелого вооружения, то это всецело заслуга его командира, подполковника доктора Борковски, который, не жалея сил и средств, лично руководит подвозом батарей.

На Неру!

Еще утром 19 октября казалось, что противник будет обороняться бесконечно. День обещает быть пасмурным и холодным, возможно, дождливым. Но он должен положить конец осаде Детчина. Артиллерия, мортиры и минометы ведут ураганный огонь по долговременным огневым сооружениям, обороняемым неприятелем. Однако вскоре выясняется, что сила отважных защитников сломлена. Когда 289-й пехотный полк врывается в Детчино, то не встречает больше сопротивления. В 9 часов 30 минут батальон фон Бозе докладывает: «Детчино наше!»

Большой, только дорого купленный успех. Краеугольный камень московской линии обороны выбит. Почти пятеро суток мощные укрепления и стойкие защитники сдерживали наступление.

При методичном обыскивании разветвленной сети траншей обнаружено еще множество большевиков. В конечном итоге их силы превосходят силы 1-го батальона 289-го пехотного полка. Там ужасающие потери, особенно с учетом прежних, но потери велики и во

2-м батальоне 289-го и во 2-м батальоне 282-го пехотных полков, а также в 198-м инженерно-саперном батальоне. Подполковник фон Бозе пишет вечером 19 октября: «Нас не в чем обвинить. Общие потери с 31 июля 395 человек. Численность батальона теперь ровно 190 человек. В атаке на Детчино батальон потерял почти 100 человек, из них 48 убитыми. За 24 часа погибло 5 командиров рот. В бою с сибиряками пали: лейтенант Цецель и лейтенант Вихманн». В этом сражении подполковник фон Бозе лежал два дня и две ночи с винтовкой в руках во главе своих солдат. Пример командира.

Но теперь цель ясна: Москва! Без оглядки! Положение на фронте требует неутомимого преследования. 17 октября 19-й танковый дивизион взял Малоярославец. 18 октября он уже овладел мостом через Протву. Но тут его осилил другой враг: танки безнадежно застряли в грязи бездорожья. Срочно требуется пехота. Должна, и она подойдет! А вскоре ей придется в одиночку нести на своих плечах основную тяжесть: в боях и в остановках — в остановках особенно!

Без промедления дивизия: 290-й пехотный полк справа, 282-й полк слева — приступают к преследованию. Из низко нависших туч беспрестанно то сыплет дождь, то метет мокрый снег. Да, погода — вот поистине новый враг! На рубеже Савиново—Балалино фланг дивизии защищает истребительно-противотанковый дивизион. Дивизии еще требуется и реорганизовать роты. С 4 убитыми и 21 раненым под Детчином общие потери с 31 июля возросли до 25 убитых, в их числе два офицера, и 106 раненых.

Оба полка дивизии умело и маневренно гонят перед собой отбивающиеся части арьергарда противника. Те внезапно выныривают из лесов и перелесков и сильно затрудняют продвижение войск. 3-й батальон 290-го полка при выходе на рубеж Староселья вынужден отбиваться от неожиданной атаки, да что там, для отвлечения сил противника пришлось ввести в действие 1-й батальон 290-го полка при поддержке 3-го дивизиона 198-го артполка! Только так удалось пройти местность и овладеть Жерденевом.

282-й пехотный полк после полудня марширует мимо железнодорожного вокзала в Малоярославце. Дорожный указатель сообщает: до Москвы 99 км. После оставшихся позади 1000 км марша такое малое число воодушевляет и 30 последних километров по жиже и слякоти почти позабыты. Огромное количество военной техники обрамляет дороги на подступах к Москве, в том числе новехонькие длинноствольные пушки. И для них грязь разъезженных дорог стала проклятием судьбы.

Ночь войска проводят замерзая в убогих избах, но хотя бы есть крыша над головой. А весь гужевой и моторизованный транспорт

напрочь застрял под открытым небом, растянувшись по всему маршруту продвижения. Некоторым понадобятся долгие недели, чтобы нагнать свои части, отбиваясь по дороге от налетов партизан.

Командование дивизии теперь может полагаться лишь на радиосвязь. Обер-лейтенант Ротхаммер, командир радиороты, знает о ее значимости, но всякая мобильность захлебывается в грязи. Даже так называемые «вездеходы» то и дело застревают. Часами преодолевается пара-другая километров. Из последних сил сопровождающие тянут, толкают, подкапываются. По колено в топкой жиже, забрызганные до ушей, они все же пробиваются со своим транспортом вперед — чтобы посреди пути снова встать на дороге. А с рассветом эта битва начинается заново.

На 20 октября задача все та же: продолжать преследование! Через Протву удастся переправиться по уцелевшему автомобильному мосту. Автомобильная дорога представляет собой глубокую колею в глинистом грунте, который совершенно раскис.

С темнотой голова колонны 282-го пехотного полка останавливается на рубеже Трясы—Верховье; 290-й полк в окрестностях Спас-Лукшина, пока южнее моста через Протву. Переправиться через реку, в 40—60 м шириной, протекающую по обширным пойменным лугам, где-либо в другом месте, кроме этого моста, невозможно. 289-й пехотный полк и инженерно-саперный батальон с истребительно-противотанковым дивизионам только-только подтягиваются. Оба дивизиона легкой артиллерии 198-го артполка, сопровождающие пехоту, выбиваются из сил, чтобы не отстать от нее.

Как только войска сворачивают с глинистой грунтовой дороги, их проглатывает заросший заболоченный лес. Льет как из ведра. Все промокли до нитки. В итоге техника застрекает и уже не в состоянии двигаться дальше. Тут уж всем приходится быть начеку, ибо повсюду прячутся отставшие отряды противника.

Радиороте удается до темноты добраться до Меньшовки, к востоку от Малоярославца, — небывалое достижение!

Изрядно потрепанный саперный батальон снова пополнен и брошен на ремонт особо разрушенных участков дорог и наводку серии временных мостов через многочисленные ручьи и речушки. Передвигающийся тем же путем истребительно-противотанковый дивизион навсегда запомнит и этот марш, и его последствия. На долгое время продвижение техники вперед застопоривается, и дивизиону вскоре предстоит несвойственная ему задача: вступить в бой на передовой бок о бок с пехотинцами. И надо сказать, что он с этой задачей справится!

Черная тьма неохотно уступает место серому рассвету. Дождь и снег сменяют друг друга. Промерзшие и жутко грязные, все части снова на ногах. Их цель: преследуя врага по ужасающим лесным дорогам, занять рубеж на Истье. Для артиллерии дороги дальше непроходимы, ей приходится вернуться на «автостраду», чтобы пробиваться вперед до следующей вынужденной остановки.

За полдень 282-й пехотный полк подходит к Истью у деревни Собакино. Под командованием капитана Хайма 3-й усиленный батальон полка начинает подготовку к внезапному нападению и взятию моста через Нару возле Тарутина. К сумеркам он уже стоит перед развалинами этого моста, в 69 км перед Москвой.

На противоположном берегу малые силы врага. Совместно с частями 34-й пехотной дивизии переправа прошла удачно. 11-я рота 282-го пехотного полка занимает Макарово, остатки 3-го батальона — Сухонцово. Других мостов нет.

Тем временем 290-й пехотный полк вынужден остановиться на дневку. После единственно возможной переправы через Протву вслед за 282-м полком он должен выжидать, первое время под Кривошельной. Позади застрял в грязи 289-й пехотный полк. С доставкой питания уже многие дни перебои. Лишь с помощью трофейных тракторов удается протолкнуть колонны со снабжением и боеприпасами через Медынь на Малоярославец. Там организуется пункт выдачи боеприпасов.

22 октября 290-й пехотный полк доходит до Истья и у Орехова сворачивает с «автострады» на Грачевку и Черково, чтобы подготовиться к запланированной на 23 октября атаке дивизии через Истью на северо-восток. Между тем сопротивление батальону Хайма становится все более упорным. У Макарова враг атакует. Контрударом 3-го батальона 282-го пехотного полка со взводом дивизионных саперов опрокидывают большевиков. Еще под огнем противника 198-й инженерно-саперный батальон приступает к наводке временного моста у Макарова. Вокруг разрывают землю артиллерийские снаряды.

Снизу доверху заляпанные грязью, в темноте 1-й и 3-й дивизионы 198-го артиллерийского полка выходят на рубеж Истья. Лошади совсем выбились из сил. Как и пехота, рядовые артиллерии и водители вымотаны донельзя. Каждый надеется и верит, что конец войне близок, Москва близка! Об этом говорится во всех приказах. Это последний очаг сопротивления! Это последняя отчаянная попытка большевика переломить судьбу! Каждый немецкий солдат должен следовать приказу, пусть даже он кажется невыполнимым. Итак, стиснуть зубы и... завтра снова в атаку.

Известно ли было там, «наверху», о размере потерь пехоты, о расходе живой силы с июля по октябрь? По крайней мере, командиры полков в своих сводках сообщали без утайки о боевом и численном составе.

В самих частях масштаб ослабления боеспособности, обескровливания офицерского, унтер-офицерского корпуса и бойцов передовых отрядов, конечно, не был известен. Лицом к врагу, на передовой солдат живет одним, неизмеримо суровым, днем, со слепой верой в своих вождей. Он лишь ощущает, что стоит в центре событий.

И как горька, как неприглядна уже брезжащая на горизонте неприкрытая правда!

23 октября дивизия широким фронтом снова идет в наступление. «Цель: Москва!» — так звучит приказ. На передней линии по правому флангу 290-й пехотный полк переходит через Нару под Тарутином, мимо памятника в честь победы над Наполеоном в 1812 году, и продвигается вдоль реки на север; на левом фланге 282-й пехотный полк на противоположном берегу гонит врага на Успенское и Борисово. Большевики сопротивляются упорно, вплоть до рукопашной. В их среде замечены монголы и калмыки. Справа в тылу 290-го полка движется 289-й пехотный полк, на восток от Тарутина.

Между Чернижной и Ольховом разгорится новый бой, который круто развернет судьбу дивизии. Но пока: вперед!

В 9 часов передовая проходит по рубежу Глядово—Борисово. Сопротивление повсюду быстро сломлено. В 13 часов 290-й и 282-й пехотные полки стоят на рубеже Гремячев—Успенское. Но уже в 17 часов оба полка сообщают, что на их передней линии: южнее Чернижной — южнее Кузовлева — церковь в Орехове — южнее Ольхова — идут бои, ожесточенные бои. Внезапно противостояние возросло, возросло неизмеримо. Впечатление такое, будто неприятель ввел свежие силы.

На протяжении ночи под руководством ефрейтора Херрле 2-я инженерно-саперная рота наводит у Ольхова пешеходный мост через Нару, по нему переправляется большая часть 282-го пехотного полка. Сам ефрейтор погибнет двумя днями позже у Горок.

И опять 24 октября дивизия возобновляет атаки. И опять от нее требуют нечеловеческих усилий. И опять при смене позиций орудия зарываются в ямы и болота.

Около 14 часов 289-й пехотный полк берет Чернижную. Однако расположенные севернее высоты уже не удастся взять приступом. Окопавшийся враг на корню душил любую попытку атаки. 290-й пехотный полк около 14 часов 15 минут отбивает у большевика Ку-

зовлево и занимает высоты севернее его. Его дальняя цель: прорыв от Кузовлева через лес на север к «автострате» и далее до Каменки. Но в лесу передовой 2-й батальон Шнедлера неожиданно наткнется на превосходящие силы противника. Поступившее командиру батальона сообщение, что левая рота не в состоянии оказать сопротивление, подвигает Шнедлера лично вступить в бой. «Было бы лучше вообще туда не соваться» — вот слова, с которыми он покинул штаб. Последние слова, которые от него слышали лейтенант Штрассер из 9-й батареи 198-го артполка и командир радиоотделения унтер-офицер Штенцель, присутствовавшие при переговорах. Через несколько минут, смертельно раненного, его принесут обратно на носилках двое санитаров. Ранение получит и адъютант. Потрясенный смертью любимого командира, ослабленный батальон отступает назад в Кузовлево. Там встречаются роты, насчитывающие едва ли по 30 бойцов. Им противостоят свежие войска, доставленные моторизованным транспортом из Москвы. Должно быть, подрулил кадровый парашютно-десантный полк. А еще приближаются танки Т-34, до сих пор с успехом державшиеся в тайне, которые в момент превратили противотанковые пушки пехоты в груды никчемного железа.

«Истребители танков в пешем строю!» — записано в журнале боевых действий дивизиона. Грузовики реквизированы для подвоза всех видов снабжения дивизиона. Сухой фураж и боеприпасы приходится завозить в тыл за 300—400 км, и это при таких-то дорогах! Службы снабжения изнемогают. Скоро дивизион введут в бой в качестве пехоты.

282-й пехотный полк со всеми тремя батальонами, сломив сопротивление противника, успешно форсировал Нару и к сумеркам уже стоит, растянувшись от церкви на восточной окраине Орехова до северных окрестностей деревни, где примыкает к флангу 59-го пехотного полка 19-й танковой дивизии. При штурме оборонительных сооружений восточнее Ольхова пал командир 3-й роты 282-го пехотного полка лейтенант Хемметер; обер-лейтенант Шунк, адъютант 1-го батальона 282-го полка ранен при доставке приказа в 3-ю роту. Всем раненым пришлось многое претерпеть, прежде чем подоспела квалифицированная помощь: на деревянных повозках им пришлось трястись много километров. «Дорога от Нары до Детчина не сотрется в памяти ни у кого, кому удастся пережить эти времена, — запишет ефрейтор Ульзенхаймер. — Страдания, дождь, холод, вши. О помывке и постирушках нечего и думать. По этому поводу то и дело язвят. Сравнивают наши и наполеоновские сражения».

Ночью передовую поливает вражеский огонь.

25 октября в 8 часов дивизия продолжает наступление по всей линии фронта, чтобы прорвать оборону «автостреды» и открыть 19-й танковой дивизии путь на восток. Сначала идет артподготовка с огневых позиций под Глядовом и западнее Успенского в направлении окраины леса, расположенного на горке между Чернижной и Горками, затем выступают пехотные роты. Уже накануне они были усилены почти по взводу на каждую.

289-й пехотный полк с батальонами Штрёляйна и фон Бозе в строю, штурмом берет высоты Чернижной. Мощная контратака врага отбрасывает их обратно к деревне и принуждает к обороне. И у правого соседа, в лесу, продвижение застопоривается.

290-й пехотный полк вначале подавляет сопротивление противника. Батальон под командованием майора доктора Клотца еще успевает войти в лес севернее Кузовлева, но уже сопровождающие его два штурмовых орудия не могут протиснуться. И тут откуда ни возьмись появляются плотные массы большевиков и с криком «Ура!» бросаются в контратаку. Батальон оттеснен. Отступив за окраину леса, он, в узкой ложбине, вместе с 1-й ротой 198-го инженерно-саперного батальона, снова принимает бой. Враг выдвигается на 400 м. Артиллерия и минометы бьют без таблиц стрельбы. Батальон буквально плюется огнем, но пребывает в страхе, что боеприпасы вот-вот закончатся. Под грузом тяжелых потерь атака неприятеля рушится.

Под покровом тьмы 290-й полк отходит и занимает высокий, благоприятно расположенный восточный край Кузовлева.

282-й пехотный полк с командным пунктом у церкви на восточной окраине Орехова получает приказ вместе с батальоном 59-го пехотного полка от Ольхова взять Горки с двух направлений: с юга и запада. Атака начинается только в 10 часов. 4-й дивизион 198-го артиллерийского полка и одна мортира усиливают огонь артподготовки. Одним броском расположенные перед Ольховом полевые укрепления противника сметены. Теперь 1-й и 3-й батальоны 282-го полка идут по азимуту в густую чащобу. Их северный фланг совсем не защищен.

За километр от Горок стрелковый дивизион встречает сопротивление. Почти одновременно незащищенный фланг 3-го батальона настигает немедленная контратака. Разрыв между 290-м и 289-м пехотными полками растет до угрожающих размеров. Батальон Эммерта, в распоряжении которого теперь имеются легкие танки, тоже попадает под удар контратаки. Стрелок Платтнер разделяется с передовым танком. На следующий день Платтнер погибнет в новой битве с танками. Экипажи двух других танков

сдаются, только когда их машины остановлены сосредоточенным огнем 4-й роты 282-го пехотного полка. И это дается непросто: в броне по пятисантиметровой пробоине, а они прут вперед! Атака страшно медленно продвигается вперед. Большевик сражается за каждый метр земли. В конце концов остаются последние 200 м до «автострады». Обер-лейтенант доктор Эммерт ведет в бой свой, уже два дня как «бесхозный», 1-й батальон — подполковник Райтценштайн с диагнозом менингит помещен в лазарет. Доктор Эммерт видит, что цель сейчас прямо перед ним. В неудержимом порыве он устремляется на переднюю линию к 1-й роте и поднимает за собой весь батальон. Лейтенант Бауер, командир 1-й роты, погибает от выстрела в сердце. Но порыв уже не сдержать: войска врываются в северную часть Горок. Враг повержен и теперь принужден к обороне восточной части села. Однако связь с другими частями отсутствует. Южной окраиной овладеть некому. Батальон Эммерта предоставлен сам себе. Позже — слишком поздно — правый фланг другого пехотного батальона укрепляется в 250 м от Горок на берегу Нары. Зияющую там обширную брешь затыкает остатками войск 1-й батальон 282-го пехотного полка. «Великий путь на Москву» отныне пролегает посреди батальона Эммерта, рассредоточенного от северной до южной окраины Горок. Это тонкая незакрепленная ниточка, не вплетенная в единую ткань.

Батальон наконец-то облегченно вздыхает, когда в полной тьме из леса выступает батальон Хайма и тут же овладевает юго-восточной окраиной Горок. Правый фланг Хайма примыкает непосредственно к краю леса, и там он не защищен.

В убогом домишке у «автострады», прямо на переднем крае, сидят обер-лейтенант доктор Эммерт со своим фельдшером доктором Адлером, передовым наблюдателем 1-го дивизиона 198-го артиллерийского полка лейтенантом Швантесом, а также с лейтенантом Аксманном — командиром 2-й роты 198-го инженерно-саперного батальона. Они с напряжением всматриваются в ночь. Уже в 20 часов 1-й батальон отражает новую атаку. Еще более кровопролитные бои впереди.

Ближайшие ночные атаки еще удастся отразить. Но в последней дело доходит до кровавой рукопашной. А потом зачинается рассвет. Не просто рассвет, а рассвет 26 октября 1941 года. Рассвет черного дня. К его началу дивизия занимает позиции: 289-й пехотный полк у Чернижной; 290-й полк по обе стороны от Кузовлева; 282-й с 2-м батальоном — в непосредственной близости от северной окраины Ольхова. Отсюда до Горок простирается полностью незащищенный лес. Все три полка, численностью разве что с батальон

каждый, теперь принуждены к обороне. Плацдарм под Горками занимают и удерживают 3-й и 1-й батальоны 282-го пехотного полка, в излучине Нары западнее села — 59-й пехотный полк.

То, что этот день будет решающим, что наступление на Москву тут и захлебнется, что наступательный дух дивизии, настроенной на многие недели, именно здесь и сломается в изнурительных, нечеловеческих условиях, всего за 24 часа станет кошмарной реальностью. Пока что об этом не подозревает никто.

Оборона на Наре

26 октября у русских прибывают свежие войска сибиряков и парашютно-десантный полк с заданием уничтожить немцев, перешедших у Горок Нару, и остановить их наступление на Москву. В сражении впервые принимают участие танки Т-34.

Атаковать высоты перед Чернижной 289-му пехотному полку не дает враг. Оба фронта находятся под непрерывным обстрелом. Целый день не прекращается тяжелый кровопролитный огневой бой. 290-й пехотный полк тоже с утра ведет тяжелые бои. И здесь потери от огня многоствольных реактивных установок и минометов большевиков очень велики. Над позициями помимо групп из восьми истребителей-бомбардировщиков проносятся большие трехмоторные самолеты, сбрасывают бомбы и обстреливают из бортового оружия. К тому же дождь льет как из ведра.

Налеты с воздуха и наземные обстрелы продолжаются в течение всего дня. Нашей артиллерии приходится крутиться: вовремя отслеживать и мгновенно отвечать ударом на удар. И она с честью выдерживает испытание. Лишь к вечеру, когда вражеский огонь ослабевает, она меняет позиции.

Главный удар врага сейчас направлен на Горки. В 8 часов утра начинается атака на восточную окраину Горок, где стоит 3-й батальон 282-го пехотного полка, советским парашютно-десантным полком совместно с десятком сверхтяжелых танков Т-34. Не обращая внимания на оборонительный огонь, танковый клин прорывает слабую линию немецкого фронта и внедряется в ряды пехоты. Перескакив из одного укрытия в другое, беззащитные и ошеломленные немецкие пехотинцы пытаются бежать к излучине Нары, с тяжелым сердцем оставляя своих раненых. Остатки батальона собираются под крутым склоном у реки. Позже им удастся соединиться со 2-м батальоном своего полка севернее Ольхова. Потери ужасающи.

До батальона Эммерта на основных позициях батальона доносится приглушенный гул тяжелых моторов Т-34, а затем беда обрушивается и на его бойцов. Даже здесь, в деревне, старые деревья не могут сдержать продвижение стальных колоссов. И именно здесь проявляется их полное превосходство. Подчистую рушатся деревянные избы и глинобитные домишки, широкие гусеницы с жутким грохотом перемалывают пулеметы, минометы и даже 3,7-см противотанковые пушки — к ужасу продолжающих обстрел расчетов. Гранатометчик ефрейтор 1-й роты 282-го пехотного полка Экхард выскакивает перед тремя меньшими танками и удачно выпущенными снарядами останавливает их, так что в ближнем бою с ними вскоре было покончено. Позже Экхард будет раздавлен гусеницами танка в стрелковом окопе. Дом, где располагался КП батальона, рушится. Раненые не могут выбраться из-под обломков и находят тут свою братскую могилу. Маленькими группками бойцы распавшихся рот пробиваются обратно к Наре. Превосходящий огонь противника, парашютистов-десантников, до зубов вооруженных автоматическим оружием, мало кому дает выжить на этом пути.

Успех вражеской контратаки приводит к тяжелейшим потерям в живой силе и технике 98-й пехотной дивизии, но не к сдаче плацдарма по ту сторону Нары.

Замысел противника — прорваться через брешь между Горками и Ольховом — сорван саперами и велосипедным взводом, а также связистами штаба 282-го пехотного полка совместно с подразделениями 2-го батальона полка. Штаб при этом потерял троих убитыми и троих ранеными. Враг отброшен, но остается на высотах у края леса. Отсюда его танки свободно простреливают расстилающуюся внизу местность.

Окопавшись на высоком берегу западнее Горок, стрелковый батальон принимает бойцов разбитого 1-го батальона 282-го пехотного полка. Среди них обер-лейтенант доктор Эммерт, оставшийся без своего батальона. Этим вечером обер-лейтенант доктор Мауль из 289-го пехотного полка записывает в свой дневник: «Дивизия, несомненно, разбита в пух и прах. Наши земляки, лежа в грязи под дождем, бьются уже третью неделю. Все, что в солдатских силах, они сделали».

Верное замечание. Но как бы то ни было, и с таким приговором никто не хотел оставлять эту землю, политую кровью товарищей и принявшую их тела.

Для подкрепления дальнейшей обороны — только теперь! — 98-й пехотной дивизии придется танковый полк 19-й танковой

дивизии. У Чернижной он окажет неоценимую помощь, приняв удар противника на себя.

Из-за больших потерь во всех трех пехотных полках, с задачами пехоты на передовую между 290-м и 282-м полками, с востока от Нары в лес восточнее Ольхова вводится 198-й истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион. Теперь и им, как товарищам-пехотинцам, приходится торчать на корточках в глинистых окопах, в мороз и сырость. Позже они снова пойдут вперед со своими противотанковыми пушками на гужевой тяге. Инженерно-саперные роты тоже введены в действие до последнего рядового: для обустройства плацдарма, для настила жердевого полотна и в оборонительных боях вместе с пехотой. И в их рядах потери ужасающи. Лейтенант Аксманн погиб в Горках в сражении с танками. В Макарове развернут главный медпункт, в Угодском Заводе — полевой госпиталь.

27 октября с рассветом большевик начинает новое наступление по всему фронту дивизии с вводом в бой всей своей огневой мощи: артиллерии, тяжелых минометов, реактивных установок и танков — с беспрецедентным расходом боеприпасов. На этот раз главный удар направлен на Чернижную и Кузовлево. Прямым попаданием разгромлен командный пункт 1-го батальона 290-го пехотного полка; убиты двое связных, ранены майор доктор Клотц, лейтенант Аммер, лейтенант Астфальк, старший врач доктор Шрётер и офицер связи 2-го батальона лейтенант Кольб. Лейтенант Эггерсторфер принимает командование «батальоном». Сборные роты ведет в бой фельдфебель. Кучка защитников и ядро кадрового состава тает на глазах. Под Ореховом в результате прямого попадания гибнет командир 3-й батареи 198-го артиллерийского полка обер-лейтенант Дёрфляйн. В его лице 1-й дивизион потерял одного из храбрейших офицеров.

Особой силы удар пришелся на стык 290-го и 289-го пехотных полков. Там разражается паника. Части бегут. Но уже на южном выезде из Чернижной им навстречу выступает полковник Гайгер. Присутствие командира в нужном месте, в нужное время мгновенно приводит малодушных в чувство. Они возвращаются и снова отбивают позиции.

В 282-м пехотном полку собираются остатки разбитого 1-го батальона: 3-я рота распускается и проводится полная реорганизация. Боевой состав батальона насчитывает 148 человек. Один только день под Горками стоил ему 90 бойцов. Большая часть из них пропала без вести, раздавлена танками или беспощадно уничтожена парашютно-десантными частями. Батальон Хайма тоже сильно по-

страдал. Его отзывают с передовой и в течение двух дней перегруппировывают.

Противотанковой обороне так не хватает обещанных 5-см противотанковых пушек! Наконец появляются тяжелая зенитная артиллерия, которая отважно выдвигается вперед, обстреливает ряды танков Т-34 и ломает миф об их неуязвимости. Пехота облегченно вздыхает. В небе также замечены немецкие истребители.

Командир радиороты записывает в этот день себе в дневник: «Наступление танков приостановлено после прорыва линии фронта. Стрелки, согнувшись в три погибели, следят из своих окопов за вражеской пехотой. Наши пушки, зенитки и танки штопают брешь. Бой не на жизнь, а на смерть. Потери в полках огромные». Самую кровавую дань отдал 290-й полк. В ротах численный состав упал до 20 человек. Подвиги пехоты достойны времен Первой мировой войны. И сегодня она главная движущая сила сражений. Ее деяния и лишения несопоставимы с танковыми и другими техническими войсками. Земля — их единственный защитник и дом родной, их империя. Унтер-офицер Хафертамп из 14-й роты 289-го пехотного полка так описывает свои впечатления от танковой атаки под Чернижной: «В 11 часов 15 минут из-под укрытия лесного массива напротив внезапно появляются танки. Расстояние — 1200 м. Нервы напряжены до крайности. Ждем приближения. 1000—800—600—400—300 м. «Огонь!» Два загорелись, два с ощутимыми пробоями повернули назад».

Унтер-офицер Наке из 2-го батальона 289-го пехотного полка записывает: «Танк тяжелой конструкции идет прямым курсом на нас. Что делать? Он уже рядом, метрах в десяти! Оглушающий рев мотора. Вокруг пальба. Танк проходит в двух метрах от нашего окопа. И тут же появляется второй. Он приближается медленнее первого. Вот он прямо перед нами, надвигается на КП нашей роты — деться некуда! Левый край окопа смят. Мы уже чувствуем, как его махина перемалывает наши кости... Нет, пронесло! Мы зарылись довольно глубоко. Гудит третий танк — мимо! Пехота за ними не штурмует. Теперь позади нас с грохотом взрывается один танк, за ним второй, и через некоторое время последний. Всё!»

Прямой наводкой по танкам бьет 8-я батарея 198-го арtpолка, при этом выстрелом в голову убит первый наводчик. Когда все наблюдатели выведены из строя, вахмистр Альбрехт Фритц берет управление огнем на себя и только с помощью двух телефонистов точной наводкой разбивает один эшелон атакующих за другим. В 290-м саперном взводе у Кузовлева ефрейтор Бутц переживает следующее: «Вон! Движение в подлеске! Разведывательная машина! За ней три...

четыре... пять танков. Две красные сигнальные ракеты оповещают о танковой опасности. Противотанковая пушка заработала; артиллерия выдала заградительный огонь. Один танк споткнулся — снаряд разорвал гусеницу. Выскочивший экипаж попадает под огонь наших пулеметов. Теперь в бой вступают штурмовые орудия. Снаряды свистят над нами. Вот разрыв — и факел пламени оповещает о конце второго танка. У третьего отрывает дуло. Четвертый попадает под огонь, за ним пятый. Танковая атака захлебывается. Невероятная скорость стрельбы наших пулеметов пробивает серьезные бреши в рядах наступающих. Штурмовые орудия теперь берут под обстрел обнаруженные пулеметные и минометные гнезда противника. Огонь на поражение. Поле перед нами усеяно трупами. Что выжило, бежит. Мы нарезаем хлеб, намазываем пушечным салом — с солью идет. Холодный чай смывает привкус пороха. А потом ждем следующей атаки. Она будет в полдень».

Вечером дивизия недосчитывается 50 убитых и 175 раненых. Это больше, чем нынешний батальон.

28 октября интенсивность атак снижается. И причина тут не только в беспримерных потерях крепких и выносливых сибиряков; свою лепту вносят и отвратительные погодные условия, сырость, болотная жижа, холод, голод и жажда — в общем, все невзгоды, которые выматывают и их. При таких обстоятельствах постоянно возобновляемые частные атаки, направленные по большей части на Чернижную и Кузовлево, ничего не меняют. Артиллерийские дуэли, в которых беспрестанно зудит ставший привычным рокот «огня святого Эльма», гул проносящихся над лесными массивами штурмовиков и дальние разрывы сброшенных ими бомб, частое уханье тяжелых вражеских минометов. Все это уже не может ввести в заблуждение; всем ясно: мощь большевистского наступления сломлена.

Теперь настанет время для укрепления оборонительных сооружений. Дождь и холод подгоняют: соорудить хоть малое прикрытие от немилосердных погодных условий! Кому же под силу не размякнуть, выстоять на протяжении долгих недель под беспрестанным дождем, холодом, голодом, жаждой, в боях и лишениях, в грязи и дерьме, с блохами, клопами, вшами, без малейшей возможности помыться, часами стоя или торча на корточках в воде?

Истребительно-противотанковому батальону наконец-то удастся, преодолев все препятствия, со всеми лошадьми и двенадцатью орудиями добраться до исходной позиции. Отсюда он будет неоднократно перебрасывать свои пушки по взводам на участке дивизии. Восточнее Воробьев обустроен полевой артиллерийский склад. Большой расход боеприпасов требует беспрестанного под-

воза на протяжении многих дней, что сильно осложняется действиями авиации и огнем артиллерии неприятеля.

Между тем леса совсем оголились. Голыми они еще больше усугубляют безотрадность пейзажа. 30 октября, после краткого перерыва, снова зарядили дожди. Они продлятся три дня и три ночи. Окопы все больше заполняются водой, в них стоят солдаты и все чаще грезят о своей прекрасной родине, ради которой они здесь терпят муки.

Никто, даже самые стойкие, в эти дни не заговорен от ностальгии и тяжких размышлений. Подполковник фон Бозе пишет домой: «Вот и прошли еще день и полночи. Справа от нас отбился 2-й батальон. Сейчас все сидят и напряженно вслушиваются. Наш «дом» пока уцелел. От соседнего одни головешки. Кто из нас выживет? Все мы в руках Божьих, тысячи опасностей окружают нас, день напролет нечего есть, но в 17 часов!.. Враг мечтает выместить нас отсюда. Он силен. Но наши сердца сильнее! Вот так держатся за жизнь. До Москвы еще 70 км. Когда еще снова начнем наступать? Что происходит по всем фронтам? Неужели все так же позорно побиты, как мы? И все-таки живем надеждой!»

На подходе 15-я пехотная дивизия. Она берет на себя часть рубежа обороны 98-й дивизии и тем самым дает ей возможность перегруппироваться. Обер-лейтенант Ротхаммер замечает: «Как кстати. Кровопускание чудовищное. Наша кучка под напором вражеских атак сжимается донельзя. Беды пехоты неоченимы».

Почти все легковые автомобили оттянуты в тыл. Они не выдерживают недооцененных условий климата и ландшафта.

В неравной борьбе с топями и трясиными, с болотами и бездорожьем проходят дни и недели, чтобы стараниями лошадей и сопровождения еще оставшихся грузовиков службы снабжения могли безропотно исполнить свой долг: доставить жизненно необходимый груз сражающимся войскам.

В эти нежданно ниспосланные дни, когда спало невероятное напряжение боя, каждый осознал, насколько выросла сила сопротивления противника с 31 июля. Наша оборона на передовой вытянулась тонкой ненадежной линией. К тому же рубеж зачастую проходит по густому лесу. Заслону ни сдвинуться вперед, ни углубиться в чашу. Выделить боеспособный резерв теперь тоже нереально. Частям на передовой противостоят только что, в октябре, прибывшие свежие силы сибиряков из Владивостока с боевым настроем, занявшие благоприятные позиции. Но помимо этого внушает опасение и состояние здоровья наших войск. Фельдфебель Шифф из 4-й роты 290-го пехотного полка 2 ноября составляет от-

чет: «Наши лица покрыты порослью, будто мы экипажи подводных лодок. Руки заскорузли. Когда была последняя помывка? А последние постирушки? Кажется, месяцы пролетели с тех пор. Члены затекли и потеряли подвижность из-за долгого сидения в скрюченном положении в окопах. Ступни почти не чувствуются от окования. Вши достали. А где наши бравые товарищи, маршировавшие и сражавшиеся с нами бок о бок?»

Сводка о потерях 282-го пехотного полка за период с 31 июля по 31 октября дает следующую статистику: убито: 16 офицеров, 416 унтер-офицеров и рядовых; ранено: 31 офицер, 1119 унтер-офицеров и рядовых; пропало без вести: 3 офицера, 58 унтер-офицеров и рядовых. В общей сложности: 50 офицеров и 1673 унтер-офицера и рядовых! За тот же период сводки по дивизии числят: убитыми: 56 офицеров, 1332 унтер-офицера и рядовых; ранеными: 142 офицера, 4142 унтер-офицера и рядовых; пропавшими без вести: 5 офицеров, 204 унтер-офицера и рядовых. Итог: 5881 человек потерь личного состава дивизии!

Подполковник фон Бозе в тот же день пишет комментарии к создавшемуся положению: «Итак, дама с косою все еще пожинает свою жатву. Стрельба и пожары. Целый день. Лейтенант Ляйнор, выдающийся офицер, тяжело ранен и умирает при отправке в тыл. Это дорога смерти. Роты составляют по 35 человек в окопе. Но я никогда не дам моему мужеству покинуть меня!» Примерно та же картина и в трех саперных ротах.

2 ноября командир одного из полков в секретном личном послании генералу Шрёку так описывает обстановку: «Без полноценного восполнения выбывшего офицерского и унтер-офицерского состава, военных специалистов по разным видам оружия, без пополнения в вооружении, оборудовании, оснащении обмундированием, транспортными средствами и лошадьми, без принятия неотложных мер по восстановлению сил личного состава войска останутся небоеспособными!»

В тот же день 289-й и 290-й пехотные полки были заменены 81-м и 106-м полками 15-й пехотной дивизии и передислоцированы в деревни за Истью. 2-й батальон 289-го полка определяется резервом корпуса в Грачевку. На узкой прифронтовой полосе, сохраненной за дивизией, остался лишь 282-й пехотный полк с приданным ему истребительно-противотанковым батальоном. 289-й полк расформировал свой 3-й, а 290-й полк свой 1-й батальон. Теперь бойцы войдут в состав 1-го батальона 282-го полка. Бывшие 13-я и 14-я роты сворачиваются до двух взводов в каждой.

Таков конец каждого третьего батальона в пехотных полках!

3 ноября 1941 года усилия большевиков остановить наступление немецких войск на Москву уже можно назвать успешными, а намерения прорвать немецкую оборону — потерпевшими неудачу. С обеих сторон потери велики, в немецких войсках — слишком велики. И где взять силы, чтобы закрыть прорванные шлюзы? Изобилен ли, силен ли источник?

Каждый из тех, кто идет напролом сотни километров на Москву, видит перед собой этот город как наяву. И только вечерами, когда внезапно прекращается дождь, когда на темном небе зажигаются бледные звезды, только тогда над северо-восточным горизонтом зенитная артиллерия освещает своим огнями, таинственными и бесшумными, реальную столицу. Длинные белые щупальца выхватывают из темноты причудливые очертания города. Всякий, кто их видел, задавался вопросом: удастся ли когда-нибудь ступить на его мостовые?

5 ноября командующий армией фельдмаршал фон Клюге прибывает в дивизию. Он выслушивает рапорты о положении дел на фронте и немедленно выезжает в 282-й пехотный полк. Здесь он требует от командира отчета о его персональном послании от 2 ноября о «боеспособности войск». Получасовой доклад командира полка венчают слова: «Без четырех недель настоящего отдыха и без пополнения живой силой и материальной частью, без подвоза зимней одежды и снаряжения войска можно считать небоеспособными и непригодными к участию в успешном наступлении».

Фельдмаршал полностью признал правомочность столь серьезного приговора, но оповестил, что ничего не может изменить в ближайшем будущем.

Перешедший к «наступательной обороне» большевик развернул активную пропаганду, сбрасывая с воздуха листовки. Население призывается: «Товарищи, идите в леса! Мы выжжем ваши деревни, занятые нацистскими свиньями!» К немецким солдатам воззвания звучали так: «Переходите на нашу сторону! Гарантируем вам хорошее питание, медицинскую помощь и по окончании войны возвращение домой!» Гнусная, невиданная ложь! Солдаты 98-й пехотной дивизии ежедневно испытывали благословение советского рая на собственной шкуре. Они слишком хорошо понимали, что война с большевиками только тогда подойдет к концу, когда последний из них будет лежать бездыханным.

6 ноября ударил внезапный мороз. Березы покрылись инеем. К этому времени подросли зимние шинели и перчатки — но только для водителей! Капля в море! В укрытиях пустые канистры из-под давно исчезнувшего бензина используются в качестве печурок.

Строительство оборонительных сооружений идет в повышенном темпе.

Заболевания, прежде подавляемые в пылу сражений, повывлези наружу. Командир 290-го пехотного полка полковник Заурбрый препровожден в полевой госпиталь. Командование полком принимает на себя подполковник фон Бозе. Обер-лейтенант доктор Эммерт, подхвативший одновременно дифтерию и скарлатину, с температурой 40,5 градуса перевозится в тыл. Майор Муке, командир инженерно-саперного батальона, умирает от чрезмерной нагрузки, его место занимает обер-лейтенант Лэпп. Соответственно велики и потери по болезни и в рядовом составе.

Морозы крепчают. Начинаются метели. По ночам не дают покоя огневые налеты и нападения разведгрупп неприятеля в совершенно неожиданных местах. Дальнобойный огонь нарушает покой немногочисленных мест расквартирования. Прямым попаданием разрушена деревянная изба в Успенском, где дислоцировался КП 1-го дивизиона 198-го артиллерийского полка. В момент взрыва там находились девять офицеров и собака. Ко всеобщему удивлению, констатировали лишь одного раненого. Высокочувствительный заряд сдетонировал уже при соприкосновении с крышей!

10 ноября с фронта снят и 282-й пехотный полк, в приподнятом настроении он отходит на заранее подготовленные квартиры. Только вот обещанной неделей отдыха насладиться ему не удастся. В ночь с 12 на 13 ноября ощутимо крепчает не только мороз, но и боевая активность неприятеля. С утра слышен ураганный огонь артиллерии: на рассвете у соседа, 34-й пехотной дивизии, разразился бой при поддержке танков между деревнями Марфино и Агафино. Резерв корпуса, 2-й батальон 289-го пехотного полка, тут же вводится в контратаку. 2-й дивизион 198-го артиллерийского полка передислоцируется в район восточнее Глядова и уже в 9 часов обеспечивает поддержку. С помощью танков 27-го танкового полка удастся заново отбить деревню Леоново. В 282-м пехотном полку в 9 часов утра раздастся сигнал на построение: готовность к маршу через 30 минут! Снаружи задувает ледяной восточный ветер. Дороги замерзли до ледяной корки; а в них будто впечатаны глубокие колеи и борозды. Спотыкаясь, оскальзываясь, падая, полк марширует в утренней мгле на Маринки. Правда, «маршем» это можно назвать с большой натяжкой.

В 15 часов 30 минут уже темнеет. Ветер пронизывает до костей. У всех только одно на уме: всего-то два дня отдыха, а где остальные? Редкостное свинство! Ну и прочие, менее изысканные ругательства.

Впереди на горизонте занимается заря, только вот не от восходящего солнца, а от сполохов горящих деревень. К полуночи роты наконец-то добрались до своих квартир в Верхних и Нижних Колодезях, где они в кромешной тьме и в промозглом холоде, тесно прижавшись друг к другу, «отдыхают» до утра.

В 6 часов утра их гонят дальше, на Маринки и Рыжково. На этом рубеже полк принимает оборону восточного фланга корпуса.

Кажется странным, но весть о том, что танки Гудериана в тот же день начали от Тулы наступление на Москву, многими была воспринята как шутка! А если Москва и вправду будет взята? Что это будет, исход войны? После четырех месяцев восточного похода каждому пехотинцу ясно как божий день: со взятием столицы война не окончится; за ней остается еще немереное пространство на восток от метрополии.

Усилия неприятеля прорвать немецкий фронт простираются не только по рубежу Нары. У соседей на юге враг атакует четырьмя дивизиями и угрожает глубоко расположенному правому флангу дивизии. В бой вступает 263-я пехотная дивизия для устранения прорыва. Три дивизиона 198-го артиллерийского полка покидают свои позиции и перебрасываются на рубеж Рыжково—Карл Либкнехт.

Мороз все усиливается, и с ним увеличивается число обморожений. Промерзшая земля мешает всяческим земляным работам.

В последнем квартале ноября тишина на позициях дивизии снова переходит в напряженное состояние, когда на КП корпуса в Угодском Заводе обрушивается внезапный ночной налет. Большевистский «особый батальон» темной ночью с 23 на 24 ноября по глубокому снегу через лес заходит в наш тыл вплоть до места расположения командного пункта корпуса. По тщательно разработанному плану в спящий населенный пункт врываются разделенный на многочисленные группы батальон в составе 330 красноармейцев, студенток и комсомолок с ручными гранатами, автоматами и бутылками с «коктейлем Молотова». К счастью, наши войска уже не спят! Часовые поднимают тревогу вовремя. И тем не менее есть потери: 19 убитых, 29 раненых.

У противника 58 убитых и четверо пленных с вражеской стороны, раненых забирают с собой мгновенно исчезнувшие бойцы неприятеля. Московская газета «Красная звезда» пишет об этой операции: «500 немцев, в их числе множество офицеров, уничтожено. Штаб немецкого соединения, по всей видимости корпуса, уничтожен!»

Пройти по следу прошедшего слаломом в густом заснеженном лесу батальона не удастся. Он появился словно призрак и как при-

зрак растворился. Лишь возвращавшиеся с линии фронта к КП командир 282-го пехотного полка с командиром связистов фельдфебелем Несвета в 30 м впереди заметили промелькнувший взвод лыжников, пересекший их путь: шапки-ушанки, натянутые на уши, глаза, устремленные на передового, бег, точно в струнку, вооружение до зубов — и всё. Следы заметает поземка. Оба очнулись только от ударившего в полбедневшие лица снежного вихря и едва распрямились, чтобы двигаться дальше, стряхнув белое наваждение.

Против многоликого врага ведут битву санитарные роты: против ран, обморожений, нарастающих простудных заболеваний и особенно против паразитов. Погодные условия и грязь приносят почти вдвое больше потерь, чем боевые действия. Но деваться некуда. Холод загоняет в загаженные, завшивленные и кишашие клопами избы, в теплую духоту «шпротных банок». Здесь рай для паразитов и рассадник заболеваний.

С отводом 263-й пехотной дивизии 28 ноября 98-я снова занимает свои прежние позиции. Противостоящий враг теперь выступает в маскхалатах. Пленные говорят о «абсолютно несоответствующем зимнем снаряжении немцев» (!) и о собственных потерях в людской силе.

Тем не менее, несмотря на ситуацию, в результате неустанных работ по строительству оборонительных сооружений дивизия даже набирает силу. Повсюду на укрепляемых рубежах царят воля и желание выстоять в морозную зиму, чего бы это ни стоило. Все, и те, кто сражался на передовой, и те, кто стоял в резерве, теперь исполнены решимости держать рубежи до последнего.

Только тот, кто промаршировал от польской границы до Нары, только тот, кто претерпел все невзгоды жизни под открытым небом, поймет, чего стоит службе снабжения, преодолевая препятствия, вовремя доставлять боеприпасы и еду. По пути дивизии все уже подъедено до последней косточки. Посему в конце ноября стартует операция по добыче продовольствия и фуража в районе 130 км южнее Калуги. Для экспедиции снаряжается отряд под командованием обер-лейтенанта Эртеля с 50 бойцами. Ему предписано брать все, что попадется. Взятая отрядом 27 ноября русская женщина-боец сообщила, что все боеспособные мужчины и женщины «забиты» в партизаны, а в случае уклонения им обещан расстрел.

Независимо от фуражных команд действующим войскам приходится полагаться на собственные силы. Положение критическое: каждая гужева единица стоит перед неразрешимой проблемой со снабжением. Уже съеден каждый сноп соломы, каждая охалка сена в ближайшей округе. Бравые местные лошаденки пока довольству-

ются березовыми вениками и соломой с крыш. А что будет дальше, в голодные зимние месяцы?

2 декабря неожиданным налетом враг поражает позиции истребительно-противотанкового батальона и захватывает к тому же позиции 2-й роты. Ему навстречу устремляется огонь всех орудий. Вражеская атака отбита.

Большевик несет кровавые потери. 122 человека убитыми и пленными. Бравые истребители танков!

4 декабря вечером дается распоряжение: «Обеспечить сохранность автопарка! Ожидается понижение температуры до минус 30 градусов. Охлаждающую воду спустить, аккумуляторы снять!» С наступлением темноты все, кто находится на открытом воздухе, почувствовали «понижение» на собственных ушах, носах, щеках. От обморожения спасает только непрерывное растирание. Снег при каждом шаге хрустит. Окна покрылись морозным узором, сквозь них едва поступает свет. Армия вшей возросла многократно, особенно яростно они нападают по ночам в пронизывающем холоде. Для чего нам терпеть все эти напасти? Один фельдфебель сказал так: «Наша цель — свободная родина. Очистим Европу от большевизма на все времена!» Это убеждение каждого сегодня, и завтра, и в следующем году.

Утром 5 декабря в глазах рябит от ослепительно-яркого солнечного света, снег сверкает, мороз минус 32 градуса. Щеки горят, глаза слезятся. От такого мороза не спасают обычные для западноевропейских зимних условий теплые вещи. Радиаторы в машинах, несмотря на глизантин, замерзают, как и аккумуляторы радиостанций, вода в карбидных лампах, а на линии фронта — даже ружейная смазка.

Кажется, мы с Россией основательно просчитались! Очень скоро каждый на собственном опыте убедится, что Верховное командование предавалось иллюзии по поводу России, ее руководства, ее мощи и возможностей.

Теперь приказ о «размоторизации дивизии» гласил: «Положение с запчастями настолько напряженное, что не покрывается от десятой до пятидесятой части потребностей!» В ремонтной роте дивизии, расположенной в Малоярославце, работы почти полностью остановились из-за отсутствия запчастей. Пустые площади, пустые помещения — вот что встречает снабженцев. Нагрузка на всю материальную часть на русской земле неимоверна и, похоже, предсказуема. В поисках запчастей часто приходится «отваживаться» на сотни километров по оккупированной территории. Даже для проглаживания подворотничков как профилактики от завшивленности на полк выдается всего один утюг!

А что выпадает на долю водителя грузовика при таком морозе — и не высказать! Ефрейтор Ульзенхаймер гоняет свой санитарный автомобиль от Юхнова на Малоярославец и обратно. Он записывает: «По дороге туда полетела шестерня на русском грузовике. Водитель Физель в ужасе, его сопровождающий прямо на дороге ремонтирует развалюху, и вот она снова на ходу. Мороз такой, что у меня, кажется, отваливаются ноги. Разок мы сделали остановку, чтобы погреться, а потом мотор не завелся. Согреть воду, вынуть свечи, в отверстие залить бензин из канистры. К несчастью, в канистре оказалась вода! Мотор тут же замерз, даже не запускается, все кабели сдохли! Разожгли под мотором костерок, облив тряпку бензином, мотор согрелся, и бравый Физель опять на колесах».

С 7 декабря метет безостановочно. 8-го в журнал боевых действий 3-го дивизиона 198-го артиллерийского полка заносится следующая запись: «Десять человек попали в полевой госпиталь, среди них четверо с обморожениями второй степени. Три лошади пали от измождения». В этот же день дивизия получила первый Рыцарский крест¹, предназначенный подполковнику фон Бозе, и не было никого, кто бы не пожелал ему награды за Коростень и Детчино.

Теперь уже никто не помышляет о дальнейшем наступлении на Москву. Снег заметает все, все желания, надежды и планы. Должно быть, поэтому вышедший 10 декабря приказ об «окончательном переходе к обороне» всеми воспринят как само собой разумеющееся. За это уже многие недели говорит и инстинкт самосохранения.

Снегопадам не видно конца, температура тоже скачет то вверх, то вниз. 13 декабря разразился настоящий буран с завыванием ветра. Приданные пехоте части саперов и истребителей танков отзываются с фронта. С 31 июля истребительно-противотанковый дивизион потерял 39 человек убитыми и 166 ранеными; еще в начале декабря он был усилен велосипедным взводом разведывательного эскадрона под командованием лейтенанта фон Моро. Теперь ему предстоит новая реорганизация. Инженерно-саперные роты начинают возводить доты за Истьей.

Перебежчики доносят: у русских ожидается пополнение, будут вестись новые атаки с целью обратить немцев в бегство. Слухи основаны на вполне реальном факте: в тот же день дивизионное командование получило предварительное уведомление под грифом «совершенно секретно» о том, что весь фронт под Москвой прорван большевиком в общей сложности на 150 км.

¹ Рыцарский крест — высшая степень германского ордена Железный крест и других орденов. (*Примеч. пер.*)

На следующий день в войсках уже известно о приказе фюрера: еще не объявленный отход исполнять не следует. И с этого времени войска становятся заложниками колебаний вокруг этого гибельного приказа. Колебаний от победы здравого смысла до безумия упрямства.

14 декабря на совещании командиров принято решение готовиться к атаке для возвращения утраченных позиций, а уже 17 декабря на смену прежней директиве приходит новая: ускорить работы по возведению и оборудованию дотов. Тут же распространяется другой слух: 4-я армия вот-вот будет окружена, но пока еще можно пробиться на Юхнов! И слухи эти недалеко от истины.

Находящиеся на марше в тыл части около полудня внезапно останавливаются за Протвой и получают приказ вернуться обратно. Уже глубокой ночью на последнем издыхании они дотасились на старые позиции. Лишь те обозы, в которых уже нет нужды, да полевой госпиталь, которому предписано перебраться в Черково, оставляют перенаселенный район Угодского Завода и 17 января 1942 года начинают многодневный утомительный переход в район нового расквартирования на трассе Юхнов—Вязьма. Жестокие морозы, снежные заносы и отсутствие зимнего обмундирования ставят и людей и лошадей перед суровыми испытаниями. А по прибытии их ожидают не меньшие тяготы.

Не проходит и 24 часов с отмены предыдущего приказа, как опять сообщается о приготовлениях к отступлению!

Это мотание взад-вперед приводит к сумятице в среде посвященных командиров. Но что еще хуже, пошатнулось доверие к высшему руководству и соответственно падает боевой дух войск.

В последние дни стояния под Москвой царит полная неразбериха: трижды минируются мосты и трижды разминируются, оконное стекло для строительства фортификационных сооружений отправляется на передний край, а столь необходимые боеприпасы для оборонительных боев — наоборот, в тыл!

И конец неопределенности, витающей над войсками, еще не положен. Вечером 19 декабря полки оповещаются, что об отступлении вопрос более не стоит. Позиции должны быть удержаны.

Войска облегченно вздыхают. Снежный покров такой, что о передвижениях по местности или по лесным и полевым дорогам нечего и думать. Снежные заносы повсюду препятствуют любому внезапному появлению врага. А вот отход проходил бы под пристальным наблюдением и прицелом неприятеля! Такие невеселые мысли занимали все умы в эти дни перед Рождеством 1941 года.

Почему именно сейчас уволен главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал фон Браухич? «Фюрер взял на себя командование армией!» Это значит, что дела пошли в гору. А как же иначе, ведь доверие к нему безгранично! Да, теперь поднимется новая волна мобилизации. Но как же наше положение под Москвой? Не «вляпались» ли мы с этой зимней кампанией? А все неурядицы с отсутствием зимнего обмундирования и нехватка старших и младших командиров и специалистов — разве этого нельзя было предотвратить? И правда ли, что большевик близок к кончине, как объявил пресс-секретарь рейха Отто Дитрих?

Вопросы, вопросы, на которые нет ответа. Кроме известий по радио да старых газет другая информация до фронта не доходит. А ведь боевая обстановка такова, что требуется знать происходящее до мельчайших подробностей. События теперь накатывают как снежный ком. 20 декабря активизируется вражеская авиация. 21 декабря, на четвертый адвент¹, мощным танковым ударом противнику удастся вклиниться примерно на 10 км севернее «автострады». Прорыв получилось лишь приостановить, но «вмятина» осталась. Снова продолжительный артиллерийский огонь наполняет воздух и гремит по лесам. Кажется, он даже набрал силу. От соседей справа тоже доносится шум боев. Вскоре выясняется, что две или три дивизии неприятеля прорвали там линию обороны. Отовсюду приходят дурные вести.

Снова начинается густой снегопад. Севернее «автострады» враг вводит свежие силы: части гвардейской дивизии и опять парашютно-десантные войска. Положение в районе «вмятины» становится угрожающим. 289-й пехотный полк оттянут с позиций и брошен на прикрытие стыков в окрестности Окатова к северу от «автострады». Его участок местности 22 декабря пока без инцидентов берут на себя 34-я пехотная дивизия и 282-й пехотный полк. 2-й батальон 289-го пехотного полка под командованием капитана Штрёляйна уже с начала осложнения обстановки стоит на стыке под Головинкой вместе с дивизионом легких и батареей тяжелых орудий 198-го артполка.

23 декабря все сомнения развеиваются и подтверждаются самые худшие опасения: дан приказ на отход. Действительно, зимнее отступление в России!

Эта территория, стоившая дивизии стольких жертв, теперь должна быть оставлена. Не только оставлена — отдана! Предстоит «солдат-

¹ А д в е н т — у католиков и протестантов предрождественское время, отсчитывающееся с четвертого воскресенья до Рождества. (Примеч. пер.)

ское Рождество», ночь, которую каждый, кто ее переживет, вовек не забудет. В «тихую ночь, светлую ночь»¹ врывается грохот артиллерии, враг продолжает атаки и слева и справа от «автострады».

Есть ли шансы на удачу этого запоздалого сверх всякой меры отступления с боем? Очень мало. Разве только надежда и воля помогут выстоять. К вечеру становится известно: прорыв к северу от 98-й пехотной дивизии велик и обширен. Положение все серьезнее. Головные части врага стоят уже у шоссе под Балабановом!

Дивизионное командование спускает директиву: 24 декабря отвод частей за Истьюю.

Вот и конец наступления на Москву!

День накануне сочельника занимается серый и пасмурный. Мороз заметно усиливается. Передовые части начинают отступление за Истьюю. Она покрылась льдом и больше не является препятствием для пехоты.

С началом отступления 98-я пехотная дивизия переподчиняется LVII танковому корпусу генерала Кирхнера.

Предстоящая неизвестность удручает всех. Придется расстаться с привычными мелочами, дававшими ощущение определенной уверенности: окопы, тесные убежища, знание местности и врага. А взамен неопределенность во всем, беззащитность, суровая зима и осложняющаяся обстановка перед лицом крепнущих сил противника!

Обер-ефрейтор Хубер из 6-й роты 282-го пехотного полка выразил душевное состояние каждого пехотинца: «24.12.1941, вечер. Приказ: отступление в 19 часов. Двенадцать километров в тыл. Многие вспоминают памятник 1812 году в Тарутине. Все холодает. Луна будто стеклянная. Звезды холодно мерцают. Как забыть эти битвы на Наре? Долгие дни и ночи, холод, снег, мрачные пасмурные дни; атаки артиллерии, шум, грохот, шквалы «сталинских органов». Верные друзья, плечом к плечу от атаки к атаке на расстоянии от Малина до Нары, в непомерных просторах этой советской страны. На высоком берегу Нары, неподалеку от православного храма, возвышается могильный холм со множеством могил, отмеченных березовыми венками, увенчанный солдатской каской — последнее пристанище стольких товарищей! И все это мы должны теперь оставить?»

Таким вот выдался сочельник.

«Какое Рождество, что за итог нашего наступления! — пишет в тот же день один из командиров. — Этот приказ на отступление

¹ «Тихая ночь, светлая ночь...» — начальная строка рождественского песнопения. (Примеч. пер.)

повергает меня в полную протрацию, в желание «ни-о-чем-больше-не-думать». А думать ох как надо и еще больше предугадывать все, что произойдет!»

«Тяжелые недели оборонительных боев на заснеженной территории. Предстоящие переходы через густые бездорожные леса, короткие беспокойные ночевки в полуразрушенных деревнях; и, наконец, жизнь в ледящем холоде, в буранах и нескончаемой тьме — разве это нормальные условия для организации «нового оборонительного рубежа»? А что, свежие боеспособные войска не придут, разве они не на подходе? Выстоим ли мы?» — еще одно свидетельство тех дней.

Зимнее отступление от Нары до Угры с 24 декабря 1941 года до 5 марта 1942 года

Принятые в крайней спешке приготовления к отходу и свертыванию позиций уже в первые часы дают понять всю безнадежность предпринимаемых действий, и это еще без активных действий противника!

«В два ночи мы подошли к своей цели, — пишет обер-ефрейтор Хубер в своем дневнике. — Еле-еле брезжит рассвет рождественского утра. И в это святое утро мы, тридцать истощавших, заросших субъектов в летней униформе и изношенных шинелях, — мороз минус 30 градусов — в непотребных перчатках и сапогах, а многие еще и легких ботинках на шнуровке, все как один в пропотевших подшлемниках, заскорузлых касках и с урчанием в животе, еле тащат ноги. На все про все у нас осталось два пулемета и несколько худобно действующих винтовок. К тому же дорога проходит через непроходимые сугробы, заполняющие поля, луга, а также траншеи и окопы, в которые мы, уже без разбора, падаем, чтобы хоть как-то отдохнуть. Потом нам определяют позицию на краю леса: пара полузанесенных окопов, через которые задувает безжалостный северный ветер, который в считанные минуты превращает и каску, и подшлемник в ледяные фигуры.

После полудня ветер переходит в настоящую снежную бурю, в которой неразличим даже стоящий рядом человек. Спасаемся только сооружением снежных крепостей, а главное — иван не атакует. Но когда он подходит, мы в трансе: на нем меховые шапки, валенки, стеганные штаны и фуфайки, а поверх всего — маскхалаты!»

Таковы записки пехоты.

А вот впечатления артиллерии:

«24 декабря меняем позицию, — сообщает капитан Кинлин, командир арьберггардной батареи 3-го дивизиона 198-го артиллерийского полка. — Из-за снежных заносов батарея находится в тяжелых условиях. Вытаскивать орудия и тащить через Нару полностью груженные телеги с боеприпасами и прочим иногда приходится даже с помощью двенадцати лошадей в упряжке. Всем лошадям доводится сделать по две-три ходки. Две пали, их пришлось пристрелить, шесть способны только плестись без груза. Вскоре пала еще одна лошадь, и телега с боеприпасами застряла перед Макаровом. Разламываем что можем. Одно орудие провалилось в глубокую ямину. Замученные лошади уже не в состоянии его вытянуть, приходится взорвать. Второе орудие скатывается в овраг, его тоже надо вывести из строя. В этот первый день отхода мы потеряли десять лошадей, двенадцать могут только тащиться за обозом!»

И как же 198-му артполку добраться до зимних позиций?

В дневнике подполковника Шнивинда из 3-го дивизиона полка есть запись: «25 декабря в полдень еле добираемся до «автострады», но и люди, и лошади в таком состоянии, что продвинуться дальше до огневых позиций уже не можем». Истребительно-противотанковый дивизион повзводно на руках перетаскивает орудия на дорогу, а потом втягивает наверх и лошадей.

26 декабря 2-я санитарная рота передислоцируется из Белоусова в Малоярославец; полевой госпиталь переезжает в Медынь.

Те, в чью задачу входит ведение боевых действий на открытой местности, обречены на себе испытать все тяготы зимы. Укрытий для них нет. Окопаться на промерзшей почти на метр земле не представляется возможным. Все мгновенно промерзают до костей. Большевик пока и не подозревает об отходе. Позже взятый трофеем журнал боевых действий расскажет: «В обед 25-го выясняется, что противник отвел войска. Преследуем его. В 10 часов вечера делаем привал в Тарутине. Отсюда дальше дорога заминирована. Есть убитые и раненые. Командир батальона тоже подорвался на mine».

В темноту этой рождественской ночи лучик света вовремя приносит полевая почта: посылки и письма с родины сейчас как нельзя кстати!

Арьберггарду удастся оторваться от врага без боев. Лишь во второй половине дня 25 декабря большевик начинает преследование небольшими разведотрядами лыжников. Иначе складывается обстановка к северу от «автострады»: здесь северному флангу дивизии уже ощутимо угрожает вклинивание неприятеля и удар на Балабаново. Прикомандированный туда 2-й батальон Штрёляйна 289-го пехотного полка подвергается опасности вместе с другими.

Ранним утром 26 декабря по всему фронту происходит соприкосновение с врагом. Мороз крепчает. Безжизненное серое небо тяжелым пологом нависает над заснеженной землей.

2-й батальон 289-го пехотного полка, обеспечивающий оборону северо-западнее Машкова, испытывает мощное давление на свой левый фланг и вынужден теперь оттянуть свой фланг на Пантелевку.

Еще до сумерек от Истья начинает доноситься шум боя. Но это не наступление по всему фронту. Разведывательные дозоры отмечают минометный огонь на участке 282-го пехотного полка. Трое убитых, 11 раненых во время короткого оборонительного боя. И никакого прикрытия! Небольшой прорыв на стыке между 2-м батальоном Аберле 282-го пехотного полка и 1-м батальоном 289-го пехотного полка под командованием обер-лейтенанта Айгельсбургера, заместившего подполковника фон Бозе, был устранен с боем. Если 26 декабря дело еще не дошло до серьезного вражеского удара, то на 27-е он явно планируется. Обнаруженное отступление немецких войск подействовало на большевика как красная тряпка на быка, он не преминет воспользоваться моментом, чтобы нанести удар по отступающим. Варварская зима — их лучший союзник. Такое уже случалось в истории! К вечеру снова разразился буран. Защитникам — без сна и отдыха — укрыться от него негде. Командиры батальонов докладывают об этом наверх в полной озабоченности, хотя и уверены, что помощи ждать не приходится. Дивизионное командование, расквартированное на ночь в Добром, понимает всю серьезность положения, но что оно может сделать? Метель завывает всю ночь напролет. Температура воздуха понижается до минус 35 градусов. Однако наступления врага не наблюдается. Несколько танков показываются южнее Истья, открывают довольно интенсивный огонь и исчезают. Позже отмечается передвижение одного-двух батальонов в направлении 289-го пехотного полка, чей 1-й батальон дислоцируется западнее Окатова. Час для отрыва от неприятеля неумолимо приближается: в 17 часов главные силы должны быть оттянуты за Протву. И лишь арьергард дивизии, 3-й батальон 282-го пехотного полка, уже третью ночь вынужден проводить за Истьей и сняться только в 6 часов утра.

Отвод батарей в 17 часов еще проходит без инцидентов. Наступает ясный вечер. При необычайно ярком свете луны хоть карты читай. Но именно этот свет, пронзающий даже высокоствольный лес, становится злым роком для батальонов фон Бозе, Тумзера и Хайма. Примерно в полуторах километрах от «автострады», в ярко освещенном лесу, совершенно внезапно появляется скрытно пере-

шедший Истью батальон лыжников и ударяет с фланга и с тыла по 1-му батальону 289-го пехотного полка, который незадолго до этого снова принял подполковник фон Бозе. Враг буквально сминает окоченевший от холода батальон. Лишь немногим удается уйти к «автостраде». Позже подполковник фон Бозе с остатками своего батальона занимает промежуточный оборонительный рубеж северо-западнее Алешина. Всего собирается 60—70 бойцов. Судьба 2-го батальона 289-го пехотного полка пока неясна. После батальона фон Бозе удар принимает батальон Хайма. Но тому, благодаря шуму близкого боя, удается избежать полного разгрома. Роты пробиваются в направлении Белоусова. Унтер-офицер Герлах из 8-й роты 282-го полка так описывает тогдашние события:

«Внезапно враг оказался сильнее нас. Холод заморозил нашу волю. Мы все промерзли насквозь, и этому не видно конца. Никакой защиты от вьюг и метелей. Большевик превосходит нас — но не мужеством и выносливостью, а своими куртками и брюками на вате да валенками. И как мала, как ничтожно мала горстка нас, оставшихся! Единственное, что нас поддерживает, — это мысли о нашем долге и о Германии». «Враг превосходит нас» — в этой горькой констатации лежит главный упрек, который следует поставить в отношении зимнего отступления между Нарой и Угрой. Враг превосходил нас не храбростью, не стойкостью, не тем, что его солдаты были лучше, нет! Он оказался лучше оснащен для условий суровой зимы и имел численное преимущество в живой силе. Только при рассмотрении этого неравенства в боевых условиях и при правильной оценке губительной уверенности высшего руководства Германии, что оно может «вести» армию в роковые недели в битвах за само выживание целых дивизий с расстояния более чем 1000 км, только при таком знании и можно оценить беспримерную стойкость немецкого фронтовика в этом зимнем отступлении!

Потери рот, опрокинутых на Истье, несоизмеримо тяжелы. 289-й пехотный полк потерял все противотанковые пушки и все пулеметы 1-го батальона. Численность рот не превышает 25 бойцов, точнее, истощенных, промерзших «теней». Беспременно заботливый, отважный и верный товарищ, полковой врач 282-го пехотного полка, капитан медицинской службы доктор Шифельбайн при оказании медицинской помощи раненым приносит себя в жертву своим подопечным: при внезапном нападении вражеских лыжников он тяжело ранен.

Известие об уничтожении оборонительных подразделений на Истье — а это пехота дивизии — и осознание общего тяжелого положения дивизии и ее северного соседа стали добывающим ударом

для больного командира дивизии Шрёка, после которого он уже не может оправиться. Вечером того же дня он понимает, что последний резерв его душевных и физических сил исчерпан.

Отправленные за Протву для рекогносцировки части истребительно-противотанкового батальона и разведывательный эскадрон Виммера отзываются и по тревоге маршем перебрасываются в Белоусово к 282-му пехотному полку, куда они и входят около полудня. Части батальона связи также привлекаются к исполнению задач пехоты. Враг нападает на Белоусово с использованием лыжных частей и танков по обе стороны от «автострады».

Связь с северным соседом утеряна. 27 декабря у Пантелеевки атакован 2-й батальон 289-го пехотного полка. Он отражает атаку, следующей ночью пробивается через позиции врага, уже стоящие у него в тылу, и выходит на Мишкино. Там он сутки держит оборону фланга дивизии. В течение 27 декабря обер-лейтенант Айгельсбургер с полутора ротами пробивается через занесенный снегом лес к батальону фон Бозе. Затем под напором неприятеля им приходится отступить от Балабанова; ночью они входят в Самсоново на Протве. Численный состав рот уже не более 20—30 бойцов.

Сильную тревогу дивизионного командования вызывает неопределенность участи 290-го пехотного полка. На протяжении нескольких часов от него не поступает никаких известий.

Остатки 2-го и 3-го батальонов 282-го пехотного полка на рассвете 28 декабря выходят на «автостраду» с заданием снова занять к северу от Белоусова временный оборонительный рубеж. Но там ничего, кроме глубоких сугробов! Тогда они расстилают плащ-палатки, устанавливают на них пулеметы — и позиции готовы.

По широкой дороге все еще беспрестанно тянутся на Малоярославец, в полной неразберихе отступления, повозки, орудия, боевые машины, грузовики и танки трех дивизий: 19-й танковой, 34-й и 98-й пехотных. Теперь уже нет и малейшей возможности отойти, а честнее, «убежать» на юго-запад обходным путем. Единственная дорога проходит через узкое горлышко въезда в Малоярославец.

Это хорошо известно и большевику, который, под впечатлением своего успеха на Истье, бросается по следу.

Слабое прикрытие 282-го пехотного полка и истребительно-противотанкового дивизиона у Белоусова заставляет ожидать новых атак. К полудню появляется враг. День снова солнечный, и скользить по сухому снегу легко. Танки выстраиваются на дороге и оттуда осуществляют огневую поддержку. На белом снегу оборонительные позиции быстро обнаружены. Скрывающееся в лесу северное крыло истребителей танков охвачено, и теперь с фронта

и фланга ведется атака на позиции 282-го пехотного полка под Белоусовом. Вскоре схватка переходит в ближние бои.

Командиру полка, находящемуся на высоте в 500 м от деревни, открывается тягостная картина отчаянного сопротивления его бойцов. Неподалеку от него подъезжает боевая разведывательная группа зенитной артиллерии и тут же открывает огонь по хорошо видимым танкам противника. Один горит, второй обращается в бегство. В ту же секунду со стороны тыла над дорогой низко проносятся восемь «крыс» и как одержимые расстреливают орудие. Боеприпасы взлетают на воздух. Тяжелая пушка содрогается под дождем разлетающихся на части снарядов. Один артиллерист убит, двое других ранены. Как только налет закончился, остаток расчета снова у орудия и продолжает вести огонь. В Белоусове между тем разыгрываются ожесточенные бои в совершенно неравных условиях, которые требуют принятия срочных решений. Майор Аберле, сражающийся вместе со своими бойцами, получает сквозное ранение в бедро. Вокруг повсеместно кипит рукопашный бой. Легкие сани, на которые погрузили смертельно раненого, через несколько метров ломаются. Нести раненого на руках по глубоким сугробам не получается. Адьютант, унтер-офицер медицинской службы и связист напрасно хлопочут над своим командиром. Обстрел вклинившегося в наземный бой советского самолета кладет конец страданиям истекающего кровью Аберле: он мгновенно погибает от выстрела в шею. Сослуживцы с тяжелым сердцем вынуждены оставить тело командира посреди разгорающегося вокруг них сражения. Здесь навсегда сомкнул веки прямой, честный, смелый и безупречный человек; сердечный и всеми уважаемый командир и товарищ.

«В охваченной пожарами деревне, часть которой уже продолжительное время удерживает 3-й батальон 282-го пехотного полка, несмотря на действенную артиллерийскую поддержку в атаке с трех сторон, постепенно прекращается сопротивление почти обескровленного 2-го батальона полка» — с таким донесением погибает по пути на КП 282-го пехотного полка лейтенант Мартини, офицер-ординарец батальона. Потери жесточайшие. Батальоны оторваны друг от друга, силы к противостоянию иссякают.

Еще долго из расположенной в глубокой низине деревни доносятся стоны и крики раненых. Свирепая, лютая жестокость большевиков не знает сострадания — это известно всем, и потому каждый старается унести ноги, покуда они еще волочатся, покуда хватает дыхания.

Северо-восточнее Доброго удастся создать новый рубеж обороны. На свободных высотах собираются возвращающиеся рассеян-

ные части 198-го батальона связи под командованием обер-лейтенанта Абе и лейтенанта Циграна, с уже введенными в боевые действия группы 198-го истребительно-противотанкового дивизиона под командованием капитана Вегенера, и рота 198-го инженерно-саперного батальона. Правый фланг удерживают саперный взвод 282-го пехотного полка, части 198-го разведывательного эскадрона обер-лейтенанта Виммера и усиленные остатки 3-го батальона 282-го полка. Слева стоит 1-й батальон подполковника фон Бозе 289-го пехотного полка.

С наступлением темноты небо приобретает грязно-багровый оттенок от горящих окрестных деревень. Яркие сполохи, сменяющие темные промельки, только усиливают ощущение поражения и опустошенности.

Как долго еще удастся продержаться? Неужели расформирования уже не избежать? Приказы «полкам», «батальонам» и «ротам» выглядят скорее пожеланиями или теоретическими играми, они так же далеки от реальности, как непреодолима пропасть между приказом и его исполнением. Ни у кого на фронте в этот вечер уже не осталось сомнений, что отныне решается элементарно вопрос жизни и смерти, вопрос «быть или не быть?».

И в эти часы по радио передается сообщение о полномасштабной акции на родине по сбору шерстяных и меховых вещей, а также лыжного снаряжения для бойцов Восточного фронта — только теперь!

О том, чтобы удержать промежуточный рубеж под Добрым, 29 декабря уже нет и речи. Глубокой ночью, в 00 часов 45 минут, побитые бойцы, при морозе в 35 градусов, отходят, чтобы попытаться за Протвой еще раз подставить врагу свои лбы. Для того чтобы как можно больше осложнить неприятелю преследование, не стоило пренебрегать любыми средствами: при лютых морозах только деревни вдоль дороги могли предоставить защиту. И их следовало сжечь. Такой пример подали сами русские, когда в 1812 году отступали от Москвы, и все уроки, преподанные нам при их отступлениях с 1914 по 1941 год. За несколько минут до 3 часов ночи все действующие части перешли мост через Протву у Оболенска. Теперь кто бы ни подошел к реке, пусть рискнет перебраться по льду, ибо замыкающий, командир 282-го полка, отдает командиру корпусного саперного батальона майору Дрейеру приказ заложить взрывчатку. Мост с оглушительным грохотом взлетает на воздух.

Для поддержки наконец-то обнаруженного под Брызской и Новомихайловской юго-восточнее Боровска 290-го пехотного полка выступает 3-й дивизион 198-го арtpолка и в течение 29 декабря до-

бирается до Тимошева, где спешно занимают позиции и открывают огонь по Бейкину и Кабызину. Чего не ожидали, так это того, что большевик не сразу развернет преследование. Первая половина дня протекает спокойно и дает немного времени, чтобы наконец-то собраться и согреться. К обеду враг уже тут как тут. Он начинает теснить и стрелять. У Протвы и Лужи в снегу залегли разрозненные остатки дивизии: то, что еще осталось от 3-го батальона 282-го пехотного полка со взводом полковых саперов и ротой 198-го инженерно-саперного батальона, части 198-го истребительно-противотанкового дивизиона, части 198-го разведывательного эскадрона, части 198-го батальона связи и остатки 2-го батальона 282-го полка. Они держатся без укрытий, под вражеским минометным огнем, несмотря на потери. Один только батальон Хайма потерял четырех командиров взвода: лейтенантов Бёрнера и Хенгеса, фельдфебелей Бэра и Мольцена. Позже к ним причисляются еще 75 стрелков.

В Малоярославце волнение нарастает. Внушает опасения и полная неразбериха. Противник многократно бомбит переполненный город. Пожары во многих кварталах. От южного фланга корпуса пробивается 34-я пехотная дивизия; с севера — части 15-й пехотной дивизии, с фронта у Нары — 19-я танковая дивизия и 98-я пехотная «дивизия». Всем им нужно пройти через город, чтобы отойти на Медынь. Все другие дороги из-за заносов непригодны для передвижения в нужном темпе. Разворачивается борьба за «автостраду», за теплые квартиры, за возможность в них поспать. Переутомление и обморожения нарастают в эти дни как снежный ком, особенно в среде неопытных в таких делах бывших связистов и штабных. И тем не менее все они пребывают в боевой готовности.

Разбитые стекла, невыносимый холод и недостаточное освещение принуждают санитарную роту 30 декабря перебазировать главный медпункт из Малоярославца в Кудиново. В старом школьном здании оставлено лишь хирургическое отделение. Многочисленные раненые и обмороженные находятся в бедственном положении.

К вечеру после тяжелых оборонительных боев на участке между Спас-Загорьем и Шемякином фронт «дивизии» проходит за Протвой и Лужей. Большевик сюда не прорвался. Защитники лежат на снегу при сорокаградусном морозе, заочневшие и продрогшие до костей. Командиры частей — майор Хайм за 282-й пехотный полк, капитан Вегенер за истребительно-противотанковый батальон, оберлейтенант Виммер за разведывательный эскадрон и полковник Гайгер за залегший севернее 289-й пехотный полк — в один голос рапортуют: солдаты окончательно выбиты из сил!

289-й полк с остатками своего 1-го батальона около 6 часов обосновался в Потресове. Там во второй половине дня его атаковали превосходящие силы противника. Лишь расстреляв все боеприпасы, он организованно отходит на Анисимовку. Подполковник фон Бозе снова ранен; обер-лейтенант Айгельсбургер принимает командование горсткой бойцов батальона. Она станет его последней командой. «Батальон» Штрёляйна смог продержаться под Самсоновом вплоть до наступления темноты. Потом, без связи с соседями, без артподдержки, отесненный на юг, он отступает и утром уже стоит южнее Мошкова на Протве, пока еще к востоку от Лужи, с численным составом рот по 20—30 человек. Каждый чувствовал приближение фронта в километре или чуть больше. Но ни сам полк, ни дивизионное командование тогда не знали точно о его местоположении. Командование же в это время было крайне озабочено результатами тяжелого дня боев и тревожится за 290-й пехотный полк с 3-м батальоном и батареею Грое. Где они, что с ними? Если им суждено было пропасть, то вместе с ними решена и судьба дивизии.

В ночь с 29 на 30 декабря фронт по обе стороны от «автостреды» укрепляется вводом оставшихся частей батальона связи, ветеринарной и хлебопекарной ротами, а также теми, кто еще в состоянии держать в руках винтовку.

Недооценивая серьезность положения и состояния войск, приказом сверху — невзирая на протесты командования дивизии — снова бросаются в атаку на Потресово остатки 1-го батальона 289-го пехотного полка, усиленного военными инженерами сухопутных войск и стрелками из Малоюрославца. И приказ действительно приводится в исполнение. Атака начинается с рассветом 30 декабря чуть не по пояс в глубоком снегу на открытой на многие километры местности и перед деревней захлебывается под огнем неприятеля. Проведенный с отвагой и отчаянием удар отбит с полным разгромом. Обер-лейтенант Айгельсбургер и офицер связи артиллерии лейтенант Байер, а вместе с ними многие другие офицеры, унтер-офицеры и рядовые пали смертью храбрых. Лишь жалкие остатки смогли при лютом морозе вернуться на северную окраину Анисимовки. Враг наносит контрудар. Капитан Хеллер, адъютант 289-го пехотного полка, вместе с лейтенантом Румпом, офицером-ординарцем, из последних сил стараются организовать оборону. Тщетно! Только западнее притока Лужи разбитые наголову части останавливаются. Новая попытка перейти в наступление рушится не начавшись. Бойцы совсем выбились из сил. От них требуют невозможного.

К тому же мнению, что утром 30 декабря уже в Миличкине выразил полковник Гайгер, теперь приходит и дивизионное командование в Панском.

В 12 часов 2-й батальон 289-го пехотного полка атакован превосходящими силами противника одновременно через Протву и с юга, он вынужден отступить. Силами лыжных подразделений большевик легко и быстро развивает наступление и отрезает путь к Луже и к «автостраде». Роты пробиваются на Городню. Здесь они попадают в окружение, но прорываются на запад. Ускользнувшие остатки собираются на дороге от Боровска в направлении Малоярославца. Состояние духа отступающих иначе как плачевным не назовешь. Сутками, без теплой пищи, беззащитные перед лютыми морозами, утопая в снегу, плетутся они по бездорожью, таща на себе пулеметы и небольшой запас боеприпасов, все дальше на юг. 2 января 1942 года батальон, наконец, выходит к «автостраде» и в Терентьеве воссоединяется с «полком».

290-й пехотный полк и 3-й дивизион 198-го артиллерийского полка с батареей Грое после занятия Городни врагом окончательно отрезаны от дивизии. К тому же они лишились единственного пути подвоза. 3-й дивизион направляется в Тимошево для обороны в условиях непосредственного соприкосновения с противником и совместно с батареей Грое поддерживает оба «батальона», отражающие непрестанные атаки врага. Лейтенант Ной, передовой наблюдатель дивизиона, тяжело ранен. 1137 выпущенных снарядов свидетельствуют об ожесточенности оборонительного боя. Тем не менее к концу дня приходится отступить под натиском превосходящих сил противника. Свежие, мобильные, оптимальной численности, лучше оснащенные и снаряженные войска русских, конечно, превосходят незаслуженно загнанное в безвыходное положение, ослабленное маленькое войско.

Вскоре выясняется, что отход на север, к 15-й пехотной дивизии, также больше невозможен. Враг занял Уваровскую. Остается один свободный путь: на запад. Подполковник Кляйн без колебаний выбирает его.

Группа, которая может полагаться только на себя, пробивает себе путь по занесенным снегом, едва приметным дорогам через Алешкино и Абрамовскую на запад. После фантастического марша почти при полярных условиях — минус 40 градусов! — преодолевая голод, усталость и все более охватывающее уныние, 2 января 1942 года в 24 часа группа Кляйна снова выходит на след дивизии, на шоссе у Марютина. Один только 3-й дивизион 198-го артиллерийского полка несет тяжелые потери: 50 обморожений первой степени, тридцать

три — второй и четырнадцать — третьей. Два орудия и две телеги боеприпасов остались лежать взорванными в далеких снегах. С помощью единственного тягача и благодаря энергии всех артиллеристов батареи удалось привезти с собой остальные тяжелые орудия.

Твердая воля командира 290-го пехотного полка и непоколебимое доверие к нему позволили сохранить почти потерянный полк от полного уничтожения.

У дивизионного командования группа Кляйна пока еще числится пропавшей. Та же судьба, по-видимому, постигла и батальон Штрёляйна.

Вокруг остатков 1-го батальона 289-го пехотного полка, вместе с пехотным батальоном 19-го танковой дивизии брошенного на оборону Миличкина, в течение 31 декабря все теснее сжимается кольцо окружения. Передвижения неприятеля недвусмысленно свидетельствуют о намерении взять город с северо-запада. Дальнейшее удерживание Миличкина приобретает все большее значение: речь идет о судьбе тысяч человек из трех дивизий. Едва ли защитники знают об этом. Скорее они думают, что их принесли в жертву, давая приказ держаться до последнего.

Около полудня к ним пробивается лейтенант Вольф с 15 бойцами 7-й роты 289-го пехотного полка. Пробиться-то они пробились, но ничего не знают о других частях батальона Штрёляйна. Их накормили, и они, вконец измученные, тут же заснули.

События последних дней окончательно подорвали здоровье командира дивизии. Генерал-лейтенант Шрёк чувствует, что такое напряжение физических и душевных сил ему больше не выдержать. По этой причине он 31 декабря складывает с себя обязанности командующего и в присутствии командующего LVII танкового корпуса генерала Кирхнера в Панском передает свои полномочия командиру 282-го пехотного полка полковнику Гарайсу.

То, что 98-я пехотная дивизия и во Франции, и до конца 1941 года проявила себя наилучшим образом, в большой мере заслуга генерала Шрёка, его профессионального опыта и выучки, которые он смог передать дивизии. Ей он отдал все свои силы. Тяжелобольной человек оставляет свой пост, и дожить до конца войны ему уже не придется.

Вечерние часы приносят эскалацию напряженности вокруг Малоярославца. Истребители танков — примерно два взвода — отброшены превосходящими силами противника к мосту через Лужу. Здесь им, вместе с примыкающим справа 1-м батальоном 282-го пехотного полка, приходится вести затяжную оборону. Все более оттесняемые, они из последних сил удерживают северо-восточную

часть города. Малоярославец горит почти повсеместно. Густой дым с языками пламени поднимается к ночному небу. С востока и северо-востока доносится шум боя. Улицы запружены всевозможным транспортом. Каждый старается расчистить себе путь на Медынь. Только дело продвигается медленно, и все тонет в клубах дыма и облаках морозного пара.

Всем совершенно ясно, что скоро все решится. Или главным силам трех дивизий удастся своевременно пройти «шлюзы» Малоярославца, или враг займет город раньше, и тогда конец сильно обескровленных войск неминуем.

К ночи передовые отряды противника стоят южнее Черикова и в лесу западнее моста через Лужу, в 1500 м от городской окраины. Смещение главного удара на запад вырисовывается вполне очевидно. В темноте истребители танков ввязываются в изнурительные бои, которые перемещаются на север и северо-запад, к выездам из города. И все-таки ворваться в Малоярославец врагу не удалось! С 289-м пехотным полком в Миличкине остается лишь телефонная связь.

Между «автострадой» и Лужей под покровом тьмы удается отвести войска от Протвы. Потери ранеными и особенно обмороженными удручающе велики. Если «дивизии» и придется еще раз после отступления послужить в организации нового оборонительного рубежа — там будут стоять лишь обломки прежнего единства.

Около 23 часов, несмотря на неразбериху и на впечатление, будто «враг повсюду», 1-му офицер-ординарцу дивизии, ротмистру барону фон Вендланду, удается добраться с поручением в Миличкино.

Полученный приказ соединиться с отколовшимся 290-м пехотным полком в направлении Городни надо выполнить любой ценой. Со взводом лейтенанта Вольфа фон Вендланд продвигается на километр севернее Миличкина. Там небольшой отряд попадает в засаду с тяжелым оружием, разгорается неравный бой, из которого не возвращается никто, вплоть до несколько подотставшего радиоотделения.

В полночь, с наступлением нового, 1942 года, большевик начинает просачиваться в город и в тот же час атакует с северо-востока. Все смешалось: друг и враг. Повсюду возникают все новые очаги ближних боев. В такой обстановке о том, чтобы оторваться от врага, уже нечего и думать — это означало бы разворот кругом и позорное бегство! Так что схватка защитников и нападающих — кое-кто из них пьян, — жаждущих взять город как трофей, становится все ожесточеннее. В то время как на залитых кровью улицах разгораются жаркие бои, температура понижается до 40 градусов ниже нуля. После полуночи Малоярославец превращается в крошечный

ад. Инженерно-саперный батальон, полностью введенный в бой, теперь насчитывает всего лишь 35 стрелков. Сборный из радистов и телефонистов батальон обер-лейтенанта Абеа теряет 17 человек ранеными, среди них лейтенант Цигран с тяжелым ранением; вахмистр Кёнзен получает смертельную рану; унтер-офицер Вундт из штаба истребительно-противотанкового дивизиона погибает в уличном бою.

Ужасающие картины зверства и жестокости открываются вбегающим на только что разгромленную большевиками боковую улицу: из окон, где располагался медпункт, свисают обезображенные тела раненых, другие, выброшенные из окон, голыми валяются в уличной грязи. Пьяные орды повсюду, где только ни натываются на беззащитных, устраивают кровавую резню.

Истребители танков с отчаянной решимостью удерживают самые дальние западные позиции, чтобы держать открытым северный выезд из города по мосту через Лужу для 289-го пехотного полка. Их положение становится все тяжелее, и, наконец, с большими потерями им самим приходится прорываться к юго-восточному пути. Все задействованные орудия и транспорт потеряны. Шестидесяти стрелкам удастся выйти на окраину Марьина к 34-й пехотной дивизии, а затем, через Немцово и Шубки, они присоединяются к 98-й дивизии.

Остаткам 282-го пехотного полка под командованием майора Хайма также посчастливилось пробиться через центр Малоярославца к его западной окраине.

Как только забрезжило утро 1 января 1942 года, враг начинает наступление широким фронтом на западный и северо-западный районы города. Он разворачивает строй боевыми разведывательными группами и продвигается вперед, поливая кварталы минометным огнем от угла до угла. Около 5 часов большевик хлынул в центр города и с севера. А в направлении юго-западного выезда на Медынь все еще торопятся разрозненные группы немецких солдат, вынужденные оставить сопротивление и использовать последний шанс на спасение.

На рассвете батальон под командованием полковника Гайгера отбивает ожесточенную атаку на Миличкино. У одного из погибших большевиков найден простреленный бумажник ротмистра фон Вендланда.

В 10 часов 1 января 1942 года отважные защитники Миличкина, выполнив задачу, готовятся в соответствии с приказом пробиваться к «автостраде». И это прямо под носом у врага! Все части с полным вооружением вначале добираются до Черикова. Затем группа Гай-

гера отправляется выполнять полученный по радио приказ: обеспечить проход через город с востока и далее соединение с 34-й пехотной дивизией.

Войска понимают, что поставлено на карту: вместе со стрелковым батальоном, стоящим западнее «автострады», с остатками 289-го пехотного полка, между шоссе и железной дорогой, будет совершен решительный прорыв. Поначалу сопротивление пьяных орд в городе невелико. Но чем ближе к центру, тем труднее продвижение, и все-таки после окружения немедленно продолжается на юго-восток в направлении вокзала. Ибо нельзя терять ни минуты.

Враг захвачен врасплох. Он уже не ожидал увидеть в городе боеспособные немецкие части. И невозможное случается: к вечеру соединение с 34-й пехотной дивизией юго-западнее Малоярославца обеспечено. За группой Гейгера, мимо отсеченных огнем улиц, в спускающихся сумерках первого дня нового года артиллерия 34-й пехотной дивизии отходит на запад!

Только благодаря беспримерному сопротивлению 98-й пехотной дивизии с 29 декабря 1941 года по 1 января 1942 года, на пределе всех сил, несмотря на тяжелые потери в живой силе и технике, удалось сохранить главные силы артиллерии и обозов трех дивизий и разных родов сухопутных войск. Жертва ради такого успеха была сродни самоубийству.

Утром 1 января 1942 года за окраиной города на выезде из Малоярославца на Медынь стоит командир дивизии со штабом и несколькими смельчаками из рядовых, вышедших из города. Они перехватывают всех отступающих, успокаивают, организуют и отправляют в деревню Терентьево. Каждый, кто видел в этот день вызывающую жалость цепочку ковыляющих к месту сбора солдат: с отморозенными, обернутыми тряпьем ногами; обмороженными носами, ушами и щеками; без теплого нижнего белья, в порванных униформах под замызганными истрепанными летними шинелями; истошавших, завшивленных, покрытых коростой, — тот испытал шок. Боже, это не их вина, что они доведены до такого состояния, они, brave фронтовики, которые еще час назад смотрели в глаза смерти — и еще будут смотреть!

Кем бы ни были рядовые: артиллеристами ли, саперами, истребителями танков, связистами, окопниками или снабженцами — все, что еще осталось от 98-й пехотной дивизии, в эти дни сплотилось, спаялось в настоящее боевое содружество верных товарищей, прочнее которого не бывает. Только такое содружество, связанное единой судьбой, сможет выстоять в тех невзгодах, что выпадут на их долю в ближайшие недели.

До наступления темноты удалось занять целый ряд деревень западнее Малоярославца: между Терентьевом и Копёнками, к западу от дороги до «автострады». В них надо было организовать сопротивление. Время сражений на полевых «рубежах», по «отмелям рек» или «лесным опушкам» прошло! Кто может лежать в снегу в летнем обмундировании? А на ночь обещают 42 градуса мороза!

Прорыв врага на севере, между 98-й и 15-й пехотными дивизиями, теперь идет полным ходом: кавалерия и пешие колонны тянутся от Боровска на запад. Уму непостижимо, когда только большевик смог подбросить такие силы на Малоярославец! Неужели конец трех дивизий предreshен?

Только 3 января начинаются вражеские атаки на Терентьево, Копёнки и Шумятино. Копёнки приходится сдать. Лишь за несколько часов до этого из своего фантастического похода к дивизии вернулась боевая группа Кляйна.

Нарастающая с севера угроза усиливает беспокойство войск. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы враг обошел фланги! «Автострада» — единственная дорога жизни и движения. За нее идет сражение. И за населенные пункты на ней и поблизости. Только в них можно укрыться от леденящего мороза, только там есть тепло!

В ночь с 3 на 4 января при 43 градусах мороза дивизия отступает на новый рубеж обороны между Бураковым и Рыловом, штаб дивизии дислоцируется в Лукьянове. У «автострады» устанавливается тактическая связь с 34-й пехотной дивизией. Оккупация производится только силами 131-го полицейского батальона — абсолютно не обученного боевым действиям! 289-й пехотный полк сводит свои остатки в один батальон под командованием капитана Штрёляйна: 128 бойцов с несколькими пулеметами и одной противотанковой пушкой! Расположенные позади рубежа обороны деревни и села превращены в опорные пункты.

Уже на следующее утро они становятся целью вражеских атак. 282-й пехотный полк в Буракове теснится с севера из ближнего леса, колонна транспорта с продовольствием 290-го пехотного полка, передвигавшаяся под покровом темноты, разграблена. Еще серьезнее угроза флангу у Замыской, где полковник Гайгер держит оборону с остатками своего полка и стрелковым батальоном майора Кёлера. С наступлением темноты, в 22 часа, с востока атакуют вражеские силы численностью 200—300 человек. Комиссары, верхом на конях, со сверкающими саблями наголо, увлекают за собой таранящую глубокий снег пехоту. Светлую ночь разрывает раскатыстое пьяное «Ур-р-ра!». Всадников быстро перестреляли, в пехоте тоже огромные потери. В 24 часа полковник Гайгер докладывает об

успешном завершении оборонительного боя. Это подтверждают и пленные. У них флаги с водкой, и орали они от холода и под действием алкоголя.

Наши войска сражаются образцово. Когда офицер связи артиллерии лейтенант Бибер направляет огонь вплоть до края деревни, все замирает, а затем идет обстрел ближних целей.

С рассветом становятся видны черные пятна на заснеженном поле — 121 убитый враг и тьма оружия. Передовые уже было подошли к крайним домам. Все первоклассно снаряжены для зимних условий: валенки, ватные штаны и куртки, маскхалаты с супердлинными рукавами, чистое белье; и автоматы с большим запасом боеприпасов.

Деревенские за день раздели убитых до последней нитки.

180 бойцов дивизии прибыли из госпиталей и были переданы в подчинение обер-лейтенанту Виммеру в качестве «батальона». К 15 февраля от них осталась лишь горстка тех, кто вернулся в свои прежние подразделения. Но сейчас они были как нельзя кстати. 282-й пехотный полк также сжался до батальона в результате отбытия обмороженных. То же и с 290-м пехотным полком — набралось всего 150 бойцов! Истребители танков отчитались о численности в 5 офицеров, 16 унтер-офицеров и рядовом составе в 21 винтовку. Под Малинным боевой состав дивизии насчитывал 6000 человек!

«Просчет Верховного командования, — говорится в одном военном дневнике, — который лежит в основе этого жертвенного похода, слишком дорого нам обошелся. Нет таких слов, чтобы выразить благодарность нашим солдатам!»

Все последующие ночи над дивизией в сторону востока часами летали тяжелые транспортные самолеты противника. Они перевозили войска, которые позже нанесут немалый ущерб дивизии и ее обозам. Но воздушные трассы чреватые еще многим: из Франции ожидается прибытие 398-го полка 216-й пехотной дивизии. С его помощью планируется воссоединить единый фронт на север.

После успешного отражения вражеской атаки в ночь на 6 января начинается и удачно проводится отход за Лужу. Опорные пункты в Ильинском—Пиросове и Масалове, а также КП дивизии в Адуеве удерживаются до 8 января.

Оснащение и состояние так страстно ожидаемого, свежего «французского» полка под командованием полковника Вернера обнаружили потрясающую неосведомленность о реальном положении дел на Восточном фронте. В тактическом плане совершенно не подготовленный для ведения боевых действий в зимних условиях, полк

заявился без рот тяжелого оружия, без полевых кухонь, без зимнего обмундирования и оснащения, в летних униформах западного образца! Самоуверенность вновь прибывших рот стремительно тает при соприкосновении с горькой действительностью. Еще восемь дней назад нежившиеся в Шербурге, сейчас они бороздят глубокий, по пояс, снег навстречу неприятелю. Тяжелые боевые потери и обморожения сводят на нет их значимость. В противоположность этому лыжные части противника, благодаря своей мобильности, набирают преимущество над привязанным к опорным пунктам подразделениям дивизионной пехоты. Опасность обхода и возможности быть отрезанными во многом определила решение сдать эти деревни и продолжить отступление.

Все санитарные службы изо дня в день стоят перед неразрешимой задачей. Не щадя сил они с начала отступления оказывают медицинскую помощь невыносимому наплыву раненых и обмороженных: в Марютине, Медыни, Мятлеве, Барановке. Только из Медыни в течение семи дней, с 4 по 11 января, поступление составляет 1640 человек, из них 1241 раненый и 299 больных. В этих цифрах отражена вся суровость тех дней.

Зачастую эвакуация раненых проходит под огнем противника. Ефрейтор Винклер, водитель санитарного автомобиля 198-го истребительно-противотанкового дивизиона, под обстрелом спасает — будучи уже сам ранен — пятерых раненых. И уже вторично раненный под Медынью, он все-таки доставляет их в полевой госпиталь!

Но Медынь теперь является целью и для большевиков. То, что им не удалось осуществить в Малоярославце, они жаждут получить в Медыни: отрезать главные силы отступающих немецких войск. Арктический холод, завывающие метели, погребенные под глубоким снежным покровом дороги — вот их союзники! Боевыми действиями они препятствуют каждому передвижению войсковых и снабженческих частей и с невероятным охватом пресекают любую возможность удачного исхода.

«Что, я вижу все в черном цвете? — записывает один из командиров дивизии в это время. — Почему враг гонит нас? Потому что нас использовали и нет надежды на возрождение? Потому что мы превратились в щебень и поднимаемся лишь в вихре самосохранения? Куда это приведет? Никуда не деться от этих мыслей. Одно лишь позволяет держаться: мы должны это сделать! Как бы ни были велики жертвы. Когда-то и где-то откроются места, куда мы сможем ступить».

«Кто во всем этом виноват? Ибо вина велика. Могут ли вожди рассчитывать на то, что человеческий ресурс неисчерпаем, как Все-

ленная, что боевой порыв и боевые возможности так же неизменны, как движения звезд? Они взяли на себя тяжкий грех, те, кто не смог предусмотреть, что подвергают смертельной опасности неподготовленные к военным действиям, по-летнему оснащенные войска, в условиях зимы, бескрайних просторов Востока с его бездорожьем, без надежды на подвоз необходимого жизнеобеспечения и снаряжения. И при этом ставят невыполнимые боевые задачи! Как же можно было так недооценить врага?! Его территорию и его климат? В таких условиях не действуют даже самые зажигательные воззвания к офицерам и солдатам. Какая глупость полагать, что силой своего разума и воли можно навеки подчинить любой народ! Теперь, если нам не поможет Бог, не помогут никакие директивы, воззвания или заклинания судьбы!»

Поступление лыж! Маскировочные рубахи уже в пути! Колонны с салазками на подходе! Поддержка бомбардировщиков обеспечена!

Ничего из обещанного мы не получили.

У нас осталось только две возможности: самооборона или самоотречение!

Как только Медынь занята, начинаются бои. Как и в Малоярославце, дело едва не дошло до полного разгрома. Три дивизионные роты (бывшие три полка) оккупируют северо-восток города, в их числе: группа Хайма, 282-й пехотный полк, с ней остатки истребительно-противотанкового батальона, приданные бывшей 14-й пехотной роте, ныне усиленные на два полувзвода и теперь брошенные в бой. 398-й пехотный полк бьется на севере, в глубоком снегу на окраине леса южнее Мансурова. Полк близок к постижению «восточного боевого опыта» и оплачивает этот опыт слишком дорогой ценой. С северо-запада до запада опорные пункты в деревнях удерживают группа Гайгера 289-го пехотного полка, батальон Виммера и в дополнение к ним группа Кляйна 290-го пехотного полка с подчиненным ему полицейским батальоном Метцнера. На восточной окраине города, в непосредственном соприкосновении — как в Малоярославце, — сражается 34-я пехотная дивизия. Для нее овладение городом и «автострадой» жизни подобно. Свобода или конец!..

С тремя четвертями боеспособных сил 198-й артиллерийский полк вступает в оборонительный бой.

В 14 часов большевик с востока, севера и северо-запада, пропахивая снег, как кроты землю, атакует в полной решимости одним махом прикончить оккупацию Медыни.

К вечеру прибывает 308-й полицейский батальон из Варшавы. До зубов вооруженный и... подготовленный к зиме (!). Естественно, он тут же воспринимается как желанное подкрепление и перебра-

сывается на угрожающий северный фланг. Оснащение и устрашающий вид полицейского батальона дают надежду на значительное пополнение боеспособного контингента. Ха! Напрасные чаяния!

С 11 по 13 января с самого раннего утра следует одна атака за другой. Безуспешно! Все отражены. Медынь устояла, потому что иначе и быть не могло.

Бледное зимнее солнце освещает зимний покров. Минус 30 градусов по Цельсию воспринимаются как божья благодать. Однако вести, пришедшие на КП дивизии в Степановскую, не внушают оптимизма. Утром 13 января создается критическая ситуация. Неудержимый натиск большевика сминает полицейский батальон и прорывается в город. Тут же возникает паника, и батальон в спешке отступает. В нервах они бросают оружие, лыжи, тулупы, салазки и бегут группами и поодиночке назад, к «автострате». На дороге, ведущую в город, примерно в километре, вышел командир дивизии и с несколькими офицерами пытается вразумить потерявших голову солдат. Тщетно. Безнадежное дело. Позорное бегство ставит соседей на передовой в затруднительное положение. Особенно тяжело 34-й пехотной дивизии. И снова поступок одного лишь подразделения ставит под угрозу само существование целого. Смертельная опасность грозит теперь защитникам в центре города и заставляет всех мобилизовать последние силы. Ценой невероятных потерь бойцы 398-го пехотного полка под командованием полковника Вернера, 34-й пехотной дивизии под командованием майора графа Оберндорфа, 282-го пехотного полка во главе с майором Хаймом и капитаном Штайнбайсером, 198-го истребительно-противотанкового дивизиона с лейтенантом Зейлером снова выбивают вторгшегося врага в белых маскахалатах и закрывают пробоину. К вечеру после трехдневных ожесточенных боев Медынь все еще в наших руках.

В истребительно-противотанковом взводе Зейлера, сражавшемся самоотверженно на особо тяжелом участке, осталось: 1 офицер, 1 унтер-офицер медицинской службы и 6 рядовых с одной противотанковой пушкой.

Но больше тонкая полоса защитников уже не выдержит. Главные силы 34-й пехотной дивизии оттягиваются. Армия учитывает, что только ночью оторваться еще возможно. Это удастся. Позиция на реке Шане занята, она должна быть подготовлена и оборудована как зимняя позиция!

Полицейский батальон расформирован и разбросан по разным частям. Начатое военно-судебное расследование теряется в недрах бюрократической машины на пути к рейхсфюреру Гиммлеру, которому непосредственно подчинялся батальон.

Объявляется приказ фюрера: «Позиция на Шане должна быть окончательной!» На ней дивизия обнаруживает лишь четыре (!) готовых дота; все остальное не закончено. Однако многочисленных деревень вполне достаточно для теплого крова. К тому же оборону и материальное обеспечение облегчают расчищенные дороги и рабочая сила под рукой.

Впервые дивизия дислоцируется не вдоль «автострады», а поэтому и не в очаге военных действий. Майор Шнивинд, командир 3-го дивизиона 198-го артиллерийского полка, принимает 152-й артиллерийский полк и прощается с боевым коллективом дивизии. О его уходе все искренне сожалеют, а его дивизион вместе с 4-м дивизионом 198-го артиллерийского полка объединен в один батальон Борковски.

Позиция на Шане удерживается в течение 13 дней. И эти дни показывают, что силы большевика тоже не безграничны. Но неподалеку собирается гроза. В прозрачном морозном воздухе хорошо просматриваются вражеские колонны на трассе Медынь—Шумово—Фокино. Намерения противника ясны: использовать 30-километровую зону прорыва на север для переброски таких значительных сил, что в соединении с выброшенными воздушно-десантными войсками они смогут окружить и блокировать войска, держащие оборону на Шане. Все попытки танками сдвинуть временный оборонительный рубеж с севера на западный берег реки терпят крах из-за мороза и снега. Прежде всего снега, который покрывает стылую землю на широких просторах.

«Дивизия» теперь сражается на трех фронтах: на востоке, севере и северо-западе, где в лесах повсюду прячется враг. На одном краю леса, в Ново-Дарьине, царствует 98-я пехотная дивизия, а на другом, в 6 км к северу, в Терентьеве, — красная 17-я дивизия. На востоке и севере стоят 282, 289 и 290-й пехотные полки вместе с 131-м полицейским батальоном, который под командованием 56-летнего майора Метцнера из Нюрнберга хорошо показал себя в суровых условиях; на северо-западе держит оборону 398-й пехотный полк. А еще дальше на запад, в Красном и Домашневе, уже засел враг. Мощные атаки на Бордуково и Романов, где дислоцируется 290-й пехотный полк, и на Березовку, где находится 282-й пехотный полк, отбиты. Жестокие бои разгораются за деревню Шумово, из которой неприятелем выбит полк Вернера. Она переходит из рук в руки, пока в бой не вступают танки. Деревня загорается, и тогда ее просто стирают с лица земли, поскольку интереса в качестве пристанища она уже собой не представляет. В бою отличается батальон Финстера.

282-й пехотный полк подводит итог своим потерям с 31 декабря 1941 года: 56 офицеров и 1916 унтер-офицеров и рядовых. В других полках дивизии дела обстоят не лучше. И тем не менее, несмотря на тяжелое положение и большие потери, чувствуется некоторое ослабление напряженности. Понемногу возвращаются силы. Поднимается уровень доверия. По-настоящему тяжелым остается лишь положение со снабжением: вражеские воздушно-десантные части вместе с усилившимися партизанскими отрядами держат под контролем «автостраду», в равной степени угрозу представляет и все дальше продвигающиеся на запад головные колонны советской 33-й армии.

В доставленном послании генерала Шмундта командиру дивизии говорится: «98-я пехотная дивизия заслужила похвалу наверху — от Гитлера тоже!»

Неожиданно приходит подмога с горючим. Она буквально падает с неба.

Сильно поврежденный бомбардировщик «Хейнкель» (He-111) делает вынужденную посадку поблизости от фронта. 2500 л бензина успевают откачать, прежде чем машина загорелась. Помимо этого в распоряжение дивизии переходят несколько мешков с зимним обмундированием и маскхалатами.

Войска с рвением трудятся над оборудованием позиции, которая «должна быть окончательной» и на которой они надеются действительно остановиться. Никто не дает себе роздыха. Больше всех не щадят себя саперы. И снова все окопные и строительные работы напрасны — враг отбрасывает дивизию с рубежа!

Необходимо создать настоящий северный фронт. Для этой цели уже на подходе новая, 52-я пехотная дивизия. А пока 98-я дивизия отступает от позиций на Шане и марширует в сторону Юхнова. Между 12 и 27 января через ее главный медпункт в Мятлеве проходят 419 раненых и 1178 больных, из которых в свои части вернутся лишь 59 бойцов! У большинства обморожения первой степени, у многих — второй. 26 января температура понижается до 42 градусов. Потом начинают завывать метели. Земля, горизонт и небо встают сплошной мутно-белой стеной; мелкий колючий снег несет с резким восточным ветром, который пронизывает до костей.

От продовольственных и вещевых обозов из тылового района под Каменкой приходят вести о нападениях десантников и партизан. Последние являются всюду как призраки: нападают, грабят, убивают — и исчезают. Поистине тревожные вести.

29 января подразделения стоят в боевой готовности на рубеже Мочалки—Горки—Пенясы—Хвощи, в 10 км северо-восточнее Юх-

нова, с заданием уничтожить охваченную с трех сторон 194-ю красную дивизию атакой на Хмелевку и Плотьку. То, что войска временно получают приказы — полная заслуга надежной радиосвязи. Ни реки, ни овраги, ни метровые сугробы не мешают передаче приказов — радио функционирует! Какие возможности для руководства! Но и какие опасности от вмешательства «с самого верха», из дальней дали, в беспрестанно меняющейся тактической обстановке!

«При поддержке на севере 98-я пехотная дивизия начинает наступление на запад, с целью уничтожения врага, укрепившегося северо-западнее Юхнова в Хмелевке, Плотьке и Морозове. Одновременно 268-я пехотная дивизия продвигается в сторону противника с юго-запада» — так гласит приказ по корпусу. Для его исполнения боевые группы «полков» выступают из района Хвощи—Пенясы—Мочалки. 198-й артиллерийский полк — 1-м дивизионом командует сменивший больного капитана Опитца обер-лейтенант Швантес — осуществляет огневую поддержку с позиций между Горками и Мочалками. Пехота подходит к Хмелевке на 200 м и останавливается в глубоком, по грудь, снегу. Продвигаться дальше, увязая в сугробах, — смерти подобно. Она стала бы для врага живой мишенью. Поскольку изоляция занятой врагом Хмелёвки является непременным условием для атаки на Плотьку и Морозово, продолжение наступления отменяется. Детальная рекогносцировка для обеспечения пехоте и артиллерии лучших условий для боевых действий проводится только 30 января. Снег стал непредвиденным тормозом.

31 января в 11 часов группа Кляйна 290-го пехотного полка с приданным ей 2-м батальоном 398-го пехотного полка майора Гнота и полицейский батальон под командованием Метцнера — справа и 282-й пехотный полк под командованием Хайма — слева начинают наступление на Плотьку—Морозово. Все перемещения разворачиваются крайне медленно. В течение второй половины дня Плотька взята обходным маневром. В деревне всего-то три дома. «Боевые единицы» 290 и 398 вместе с полицейским батальоном формируют боевую группу численностью около 200 человек.

282-му из-за глубокого снега не удастся войти в Морозово. Из-за близости противника потери неумолимо растут. Битва в 45-градусный мороз в труднопроходимых снегах не по силам пехоте. Она уступает по боевым качествам более сильному и лучше вооруженному противнику.

Плотька лежит на пути продвижения вклинившейся 33-й красной армии. Оккупированная немецкими войсками, она большевику как кость в горле, поскольку не дает наладить подвоз снабже-

ния. Противник вводит все силы, чтобы устранить помеху. В 4 часа 30 минут 1 февраля 1942 года начинается обстрел Плотьки, сначала с трех сторон, в том числе со стороны Морозова. Вскоре положение в трех домах деревни становится критическим, а потом и безнадежным. Прямое попадание в избу с ранеными уносит множество жизней. Вражеские пушки палят, словно по мишени, по лачугам, оставшимся без реального прикрытия. В результате пятичасовой обороны потери достигают 60 процентов. Не могут изменить перевес и благоприятные огневые позиции нашей артиллерии на опушках леса и западнее Плотьки, как и авианалеты пикирующих бомбардировщиков на Морозово.

Решение во что бы то ни стало удержать оккупированную Плотьку было совместно принятым решением офицеров: майора Гнота, капитана Эгерсторфера и лейтенанта Шерцлера незадолго до сжатия вражеского кольца. Теперь же они руководят отступлением почти уничтоженной группы на заранее разведанные позиции в направлении Пеняса!

Около 17 часов остатки 290-го полка собираются в Пенясах. 18 унтер-офицеров и 75 рядовых: «рота Шерцлера» и «рота 290-й роты» идут в бой. Из него живыми возвращаются всего 22 унтер-офицера и рядовых, и среди них один из первых и последних в полку старший ефрейтор Западло.

2-й батальон 398-го пехотного полка потерял всех офицеров; 60 процентов обморожений второй и третьей степеней пробило в личном составе огромную брешь. Выжившие едва приплелись обратно. Замыкал группу раненый майор Гнот.

В довершение всех несчастий в КП 282-го пехотного полка прямой наводкой попадает снаряд. Ober-лейтенант Виммер из 198-го разведывательного эскадрона и ober-лейтенант Федер — оба в дивизии с момента ее образования — погибли. Лейтенант Гётц и множество связистов штаба ранены; уцелел лишь майор Хайм. Тяжелые потери в 210 человек за два дня боев — существенное ослабление костяка дивизии, которое позже не может не сказаться при пополнении полков. Удар по «осиному гнезду» 33-й красной армии лишь с беспощадной отчетливостью проявил ее силу и опасность положения немецких войск на предстоящие недели.

Множественные атаки с севера, проведенные на позиции 289-го пехотного полка, провалились, и все-таки Хвощи, во избежание дальнейших потерь, пришлось сдать. В оборонных боях погибли расчеты двух последних полковых пулеметов. Отбить обратно Морозово и Плотьку «дивизии» также не по силам. Немногие оставшиеся бойцы все совершенно измотаны и в той или иной степени обморожены.

Военная авиация обеих сторон сильно активизировалась. Если большевик ночью напролет бомбит юхновский аэродром Кувшиново, то днем там непрерывно садятся и поднимаются «Юнкерсы», подвозя различного рода грузы и почту, а обратно забирают письма на родину, больных и раненых. На подлете и пикирующие бомбардировщики, которые будут сражаться против 33-й армии. Только теперь, после полутора месяцев борьбы в полной изоляции!

Насущной необходимостью становится соединение с частями на севере ударом 17-й пехотной дивизии сверху и 268-й пехотной дивизии от Юхнова. Для этого 98-я пехотная дивизия заменяет 268-ю на участке между Поповкой и Семеновским. Кроме метели и 45-градусного мороза, ничто не препятствует смене. КП дивизии передислоцируется сначала в Никитине, затем в Павлове на Угре. Здесь бродят по округе голодные парашютисты из Бельдягина. В одном из постоянных разведдозоров погибает мотоциклист-связной штаба дивизии ефрейтор Грайнер.

Уже на следующий день большевик атакует Поповку и Лодыжино. Атаки отражаются. Но вслед за этим по лесам и перелескам со всех сторон через слишком слабую оборону просачиваются вражеские отряды и соединяются в Папаеве, Батине и Бельдягине с парашютно-десантными войсками. И снова над дивизией сгущаются тучи, готовые вот-вот разразиться грозой.

Первая молния ударяет в Приселье, где дислоцируется штаб 290-го пехотного полка. С трех сторон на деревню нападают отряды неприятеля численностью до трех батальонов. Стоящий на окраине батальон Борковски отражает атаку выстрелами прямой наводкой на близкое расстояние. Адъютант полка обер-лейтенант Хэнзель тяжело ранен, офицер-ординарец и врач батальона получили легкие ранения. По окончании боя вокруг Приселья в снегу остались лежать больше 250 трупов. 290-й пехотный полк одержал полную победу в обороне. Но впереди еще немало боев. Уже 7 февраля противник повторяет атаки, на сей раз из Батина на Строево. Для Приселья это значит: враг кругом! Однако суровый Кляйн из Восточной Пруссии оказывается «человеком на своем месте». Все вражеские атаки свидетельствуют о безоглядном расходе живой силы. Перехваченная 7 февраля радиограмма объясняет такие варварские жертвы, в ней ясно сказано: «Беречь патроны, людей не жалеть!»

Общая обстановка не оставляет сомнений, что ввиду стягивающихся в леса за линией фронта частей Красной армии, а также парашютно-десантных частей в немецком тылу на Угре требуется ускорить развитие событий. Раньше передышки не будет.

9 февраля очисткой леса восточнее Приселья начинается контратака. Операция особого назначения 290-го пехотного полка заканчивается успешно. В то время как другие войска выкуривают врага из Папаева. Группа Кляйна взрывает хорошо оборудованный в инженерном отношении лесной лагерь противника и берет внушительные трофеи. Наши потери невелики, а у неприятеля огромны. Вечером с КП корпуса поступает звонок: «Мы с гордостью подали командованию сухопутных войск рапорт о проведенных операциях».

Повторные зачистки при поддержке штурмовых орудий, для прохода которых приходится прежде расчищать и прорубать путь, чтобы они потом огнем прорывали оборону вражеского лагеря, приводят наконец к спрямлению линии фронта северо-западнее Юхнова. Противник в своих зимних укреплениях почти полностью уничтожен. В сводках за 9 и 10 февраля фигурируют следующие цифры: 700 большевиков лежат в лужах своей крови; 47 пулеметов, в том числе много немецких (!), 100 огнеметов, 10 полевых кухонь и 100 саней взяты трофеями.

Следующий не терпящий отлагательства удар должен быть нанесен на лагерь в Бельдягине и Папаеве. В союзе с 34-й пехотной дивизии и эта операция проводится удачно.

Еще долгие недели после этого оголодавшие, одичавшие группы и одиночки скитаются по окрестностям, наводя страх и ужас. Позже нужда и отчаяние заставят их вести бои с довольно значительными остатками 33-й армии, закрепившимися к западу.

На линию фронта между Поповкой и Мосейковым регулярно нацеливаются атаки группами от 50 до 80 человек. Все они отбиты, но все больше наводят на мысль, что Угру, которая находится в тылу, еще скованную льдом и заметенную снегом, лучше бы иметь перед линией фронта в качестве препятствия. Когда она вскрыется, станет существенной защитой, а оставшись за спиной — еще больше осложнит снабжение, которое и сейчас затруднено.

Когда перед Рождеством большая часть обозов отстала от боевых частей, для них наступают суровые времена. Этот отступательный марш от Малоярославца на Знаменку становится хождением по мукам и для людей, и для лошадей. Обозные повозки с большим собственным весом и подвижные оружейные мастерские в глубоком снегу становятся проклятием для сопровождающих. Нередки суточные переходы всего-то в 5 км, а водители, возницы с лошадьми и сопровождающие совершенно выбиваются из сил. На круто поднимающихся западных берегах Вори у Марфина и Угры запряженные лошади утопают в снегу по самое дышло. «Не от хорошей жизни, а от инстинкта самосохранения мы взяли за пра-

вило выживать в этой стране и в этом климате средствами для них традиционными. Отброшены как бесполезные западноевропейские представления об обозе и одноконных повозках, — описывает свой опыт капитан Кидери, один из тогдашних начальников обоза. — 700 кг груза с военного авто распределяем на двое саней, и обозные повозки снова становятся мобильными. Это было находкой: вместо большой неповоротливой две малые облегченные! Для восточных условий они оказались очень эффективны и продержались до конца войны. Без выносливых, неприхотливых лошадей и соразмерных им телег или саней весь гужевой подвоз уже в зиму 1941/42 года прекратился бы!»

Едва лишь 17 января 1942 года колонна прибыла на место, как тут же попала в соприкосновение с противником. Район назначения на трассе Юхнов—Вязьма вплотную примыкает к деревням Великополье—Желанье, поблизости от которых орудуют хорошо оснащенные воздушно-десантные части, недавно сброшенные с самолетов. Их задача: используя помощь местного населения, занять населенные пункты, установить на вяземской дороге заграждения, нарушить коммуникации и создать своего рода новый фронт в тылу. И они уже близки к успеху. Скоро обозы попадут в тяжелое положение.

Незамедлительно отдается приказ об устройстве во всех обложенных деревнях круговой обороны; ночные разведгруппы, устанавливая связь, передвигаются от одного населенного пункта к другому. Роздыха нет никому. Днем и ночью каждый, где бы он ни трудился: на оборудовании ли убежищ и конюшен, в уходе за лошадьми и на хозяйстве, в обслуживании ли оружия и снаряжения, на заготовке фуража, участвовал ли в разведке — все были нацелены на выполнение общей задачи. Все быстро поняли: снова решается вопрос «быть или не быть?».

Через три дня после прибытия началось: 20 января у Климова Завода выбрасываются советские парашютно-десантные войска. В следующую ночь в районе Воронова, где дислоцируются истребители танков и батальон связи, насчитываются 162 посадки двухмоторных самолетов. Аэродром ярко освещен. Таким образом была высажена 4-я воздушно-десантная бригада!

23 января автострада Юхнов—Рославль перекрыта. Попытка полицейского полка отбить занятые неприятелем деревни терпит поражение с очень большими потерями. 27 января вражеские самолеты садятся у Знаменки, в самом центре района, где сосредоточены обозы. 29 января в полевом госпитале в Знаменке разоблачены шпионы из среды младшего и среднего медперсонала, в

качестве которых были заняты пленные из Вяземского котла — они состояли в тесной связи с десантниками и партизанами.

Большевик прекрасно оснащен оружием, боеприпасами, зимним обмундированием, лыжами и салазками. Он доставляет всем массу хлопот, но и сам неожиданно наталкивается на стойкое сопротивление, которое вызывает у него уважение, но и расплату потерями.

Во время атаки на Сходнево погибают офицер из штаба, начальник снабжения дивизии и шесть рядовых. Но 150 мертвых врагов остаются лежать на снегу после отражения этой атаки. В тот же день боевая разведывательная группа истребительно-противотанкового батальона и батальона связи численностью 50 человек под командованием лейтенанта Мюллера пробивается через Деменино.

50 мертвых врагов против двоих наших убитых и двоих раненых! Захвачены: 2 станковых пулемета на лыжах, 1 пулемет, 12 пистолетов-пулеметов и 13 пар лыж.

Опорные пункты Марфино и Маншино окружены. Несколько человек, владеющих оружием, от холода едва справляются с пулеметами. И помимо прочего все та же нехватка вооружения, боеприпасов, продовольствия, зимнего обмундирования, а особенно — фуража. В конце концов решено принудительно взимать корма — лошади не должны голодать! Однако эти действия в высшей степени рискованны. Фанатичное население скрывается в партизанах. Трусливо они нападают на небольшие отряды из засад и убивают всех.

Обстановка обостряется. Треть оккупационных войск в деревнях постоянно занята в круговой обороне и разведдозорах. Лютые морозы и вьюги, голод и чувство оторванности от дивизии обремениают душу и тело. Все, будь то офицеры, военные чиновники, унтер-офицеры или рядовые, то тут, то там бок о бок лежат в снегу с прикладом у щеки и отражают вражеские атаки. И дерутся они храбро! 29 января отряд обоза подсчитывает потери: 11 убитых, 36 раненых, 12 пропавших без вести!

После постоянных тревожных радиogramм наконец-то зашевелилась помощь извне: 31 января наша военная авиация наносит массированный бомбовый удар по Великополью и Андриякам.

1 февраля на боевой обоз 289-го пехотного полка на марше под Бабенками нападает вражеский батальон с тяжелым вооружением. Атака большевика отбита исключительно решительными действиями каждого, и не в последнюю очередь капельмейстером Вольвебером с его музыкантами. Потери велики.

Красный разведчик, объявившийся в Деменине, расстрелян. В атаках 2 февраля враг потерял 120 человек убитыми, а в придачу

20 пистолетов-пулеметов и 40 пар лыж. Вслед за этим удается восстановить связь с Климовым Заводом. Там с воодушевлением встретили доставленное продовольствие и лыжи из «зимних пожертвований».

Подводя итог своим потерям, истребительно-противотанковый батальон установил, что с 31 июля 1941 года он потерял: 69 человек убитыми, в том числе 3 офицера, 276 человек ранеными, 19 человек пропали без вести.

Неприятельская угроза и решимость выстоять в боях сплачивают всех. Обозники становятся бойцами. Они защищают свою жизнь. Оружейники обучаются стрельбе из пулеметов. Счетоводы, писари и музыканты подают усталым товарищам пример свежего энтузиазма и надежности.

В середине февраля обстановка снова усложняется. Ранним утром Сходнево, Петрово, Лядцы и Михали атакованы хорошо вооруженными парашютистами. В Лядцах вторгшийся враг отброшен немедленной контратакой. В других населенных пунктах своевременно обнаруженные исходные позиции врага разбиты пехотными орудиями и противотанковыми пушками. В бою под Петровом пали унтер-офицер и двое рядовых 6-го транспортного взвода на конной тяге. В общей сложности оборона потеряла 4 человека убитыми и 8 человек ранеными, у противника — 90 убитых. Павшие под Лядцами большевики в основном одеты в немецкую униформу.

Если сейчас и наступило затишье, то ночные операции врага не прекращаются. Только в ночь с 18 на 19 февраля насчитывается 130 приземлений. Доставленных самолетами грузов так не хватает нашим обозам! Положение с фуражом почти безнадежное. Отправленная в Вязьму колонна из 60 санных упряжек безнадежно застревает в снегу. Лишь со второй попытки она возвращается тяжело груженной и встречена с воодушевлением.

Но еще долгое время службы снабжения находятся в крайне затруднительном положении. Снова и снова «автострада», это животворная артерия, становится целью вражеских атак и даже частично контролируется танками. С 22 по 27 февраля дорога между Юхновом и Рославлем была полностью блокирована. Все, кому так или иначе приходилось пробираться по ней, включая и полевую почту, могли бы много об этом порассказать! Водитель Ройтер записывает: «Подчас бывает просто невозможно доставить почту. И все-таки, несмотря на «оповещение», вдвоем с напарником выезжаем. Пехота, стоящая вдоль дороги, кричит нам: давай, давай! С выключенными фарами на полном газу рвем на Атамовку. Следующим утром, оба на нервах, катим через нескончаемый лес

у Юхнова. Под радостные крики сдаем почту и снова на Атамовку. Здесь свежие следы боя. Догорают избы, по обочинам трупы большевиков. Нам здорово повезло на нашем железном коне!»

В условиях быстро меняющейся обстановки — то напряженной, то более-менее спокойной — обозы живут в опасной местности и отбиваются от постоянных атак вплоть до конца марта. Потом распутица останавливает не только боевые действия, но и всякое движение. Отчет о периоде с 17 января по конец марта 1942 года заканчивается словами: «Они, терпя нужду и лишения в условиях суровой зимы, часто в напряженной обстановке, удерживали важные опорные пункты, отражали вражеские атаки, предотвращали коварные замыслы и исполняли свой долг». Скромная оценка того мужественного и бурного времени. Могилы некоторых храбрых ездоков и ветеринаров стоят за околицами деревень, которые они защищали по ночной тревоге, где до конца держали круговую оборону, сражаясь за кров и жизнь боевых товарищей.

Память об исполненном боевом долге вплоть до самого конца войны должна храниться в обозах и службах снабжения как завет того времени.

В противоположность несколько стабилизированному положению на участке фронта 98-й пехотной дивизии, на севере, у 17-й дивизии боевая обстановка, наоборот, накаляется. Противник ведет бои за установление соединения с воздушно-десантной бригадой под Великопольем, за прорыв на запад. Атаки частью сил развиваются в массированные удары при поддержке танков, в результате которых 17-я пехотная дивизия несет тяжелые потери. Опасность ситуации обосновывает временную передачу боевых частей 98-й дивизии на север. В итоге численность ее боевого состава уменьшается почти на половину. Один за другим к сражающейся 17-й пехотной дивизии перебрасываются: 131-й полицейский батальон, добывший себе славу в бою; главные силы 398-го пехотного полка и, наконец, 2-й дивизион 198-го артиллерийского полка. Все выделенные силы сразу по прибытии вступают в ожесточенные бои. Потери велики.

2-й дивизион 198-го артполка вместе со своим командиром, майором доктором Шмидтом, полон решимости внести свой вклад в успешное завершение оборонительного боя и не допустить прорыва. 16 февраля на огневых позициях под Науменками дивизион попадает под главный удар вражеской атаки и несет большие потери. Погиб лейтенант Грандис, обер-лейтенант Рааб тяжело ранен. Без прикрытия пехоты на лежащей впереди местности дивизион тем не менее расстреливает атакующих врагов. Выдвинутое к Воре у Таборок орудие вахмистра Ляйденбергера подбивает четыре Т-34.

Днем позже такое же орудие подвергается обстрелу из двух Т-34 с тыла. Развернув орудие, Ляйденбергер подстреливает оба с расстоянии примерно 100 и 50 м. Благодаря огневому бою 2-го дивизиона и поражению шести танков Т-34 были предотвращены две попытки прорыва и сильно потрепанная оборона укрепила моральный дух.

Вахмистр Ляйденбергер, добрый дух 2-го дивизиона, да и всего 198-го артполка, поистине заслужил свой Рыцарский крест недавними подвигами.

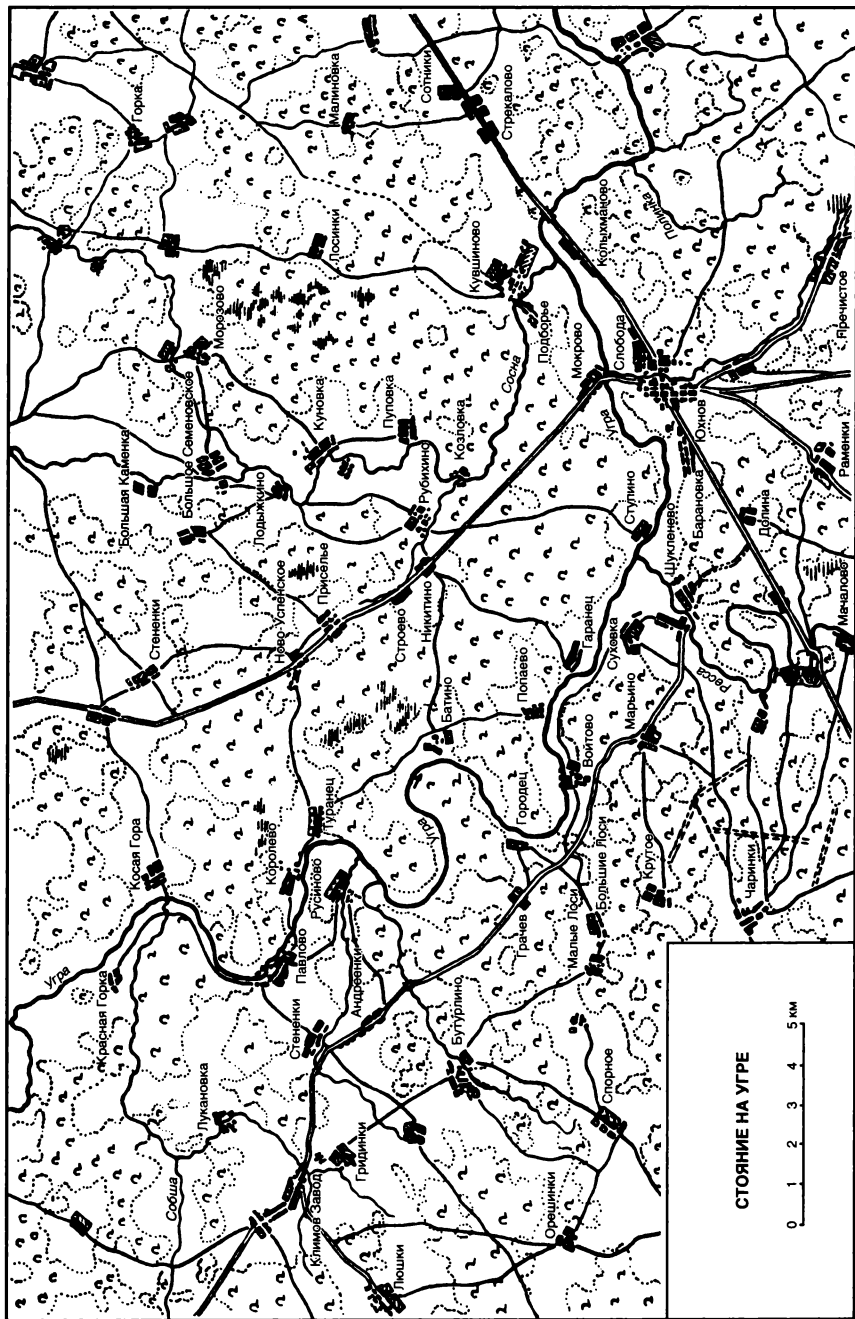
Только 31 марта сильно потрепанный дивизион смог вернуться в родную дивизию.

Морозы все еще не отступили. Последние февральские дни проходят под их знаком и в подготовке отвода войск в тыл за Угру. 1 марта выздоровевший обер-лейтенант доктор Эммерт приводит с собой пополнение XIII армейского корпуса. И ему, и пополнению все страшно рады. А кого не обрадует выздоровление дивизии? Правда, новый призыв, прежде имевший броню, выглядит несколько смущенным и недовольным. Им еще предстоит кое к чему привыкнуть — и они сделают это.

Вместе с военно-строительным батальоном Тодта 198-й инженерно-саперный батальон день и ночь корпит над возведением новых позиций между Городцом и Павловом, за Угрой. На них дивизии предстоит ударно потрудиться и еще упорнее выстоять в оборонительных боях. Но помимо этого и пережить спокойные солнечные часы. Отвод войск завершается между 3 и 5 марта. КП дивизии оборудован в Лужках.

Позиционная война под Юхновом на Угре

В раннюю рань 5 марта дивизия стоит при 30-градусном морозе: с 290-м пехотным полком и 3-й инженерно-саперной ротой справа; с 282-м пехотным полком и 2-й инженерно-саперной ротой в центре; с 289-м пехотным полком и 1-й инженерно-саперной ротой слева — на новом участке обороны. Оглядываясь на боевые события от Нары до Угры, с 24 декабря 1941 года по 5 марта 1942 года, можно привести запись о тогдашнем приказе по дивизии: «Под постоянным, неделями не прекращающимся натиском превосходящих сил вражеской пехоты и танков, в условиях суровой зимы, в снегу и льдах, почти замерзшие полки удерживают непрерывно атакуемые зимние позиции. Тяжелые боевые потери и обморожения неуклонно сокращают ряды защитников. С угрозой на флангах и в

СТОЯНИЕ НА УГРЕ

тылу, имея позади сильный воздушный десант, сдерживаемый лишь солдатами обоза, дивизия шаг за шагом пробивается назад, пока 5 марта, перейдя Угру, не кладет конец вражеским атакам.

Новый район позади скованной льдами реки, с многочисленными, поросшими лесами излучинами и все набирающими высоту крутыми берегами — не лучшие позиции для ослабленных рот. К тому же под конец зимы снова возвращаются невыносимые январские морозы, загоняющие всех в «иглу», где приходится трястись от холода».

На обживание новых квартир враг оставил нам 24 часа. А потом, по законам войны, рванул. 6 марта он переходит Угру по льду и атакует 282-й пехотный полк под Бельдягином. И получает как следует по башке. На следующий день он пытается счастья с 289-м полком и ударяет по Туранцу и Русинovu. Но и здесь получает полный отлуп. И уже вечером он вторгается на позиции 3-го батальона 282-го пехотного полка, но и отсюда его отбрасывают. Тогда он планомерно подвергает обстрелу населенные пункты и перекрестки дорог за линией фронта. Ночные налеты беспокоят регулярно и наносят бомбовые удары. В воскресенье 8 марта ему удается двумя ротами пробиться к развалинам Русинова. Четыре боевые разведгруппы снова отбрасывают его после жестокой рукопашной. Наши потери тоже вызывают боль, но и большевик оставляет после себя почти сотню убитых и десяток станковых пулеметов.

На следующее утро выявлены признаки подготовки наступления в районах Туранца и Королева. Показываются танки. Спущенные на лед бревна свидетельствуют о готовящемся форсировании реки. День за днем возобновляются атаки русских численностью от 50 до 100 человек, которые неизбежно влетают в оборонительный огонь. Скоро на неприятельском берегу Угры чернеют около 300 неподвижных тел. Но тем не менее отдельным отрядам, которые вроде бы должны были быть отбиты при массированном нападении, удастся просочиться через тонкую линию обороны. Нападение каждой из них в тылу тоже стоит немалых потерь. 3-й батальон 282-го пехотного полка 13 марта подсчитывает свои потери всего-то с 5-го: 44 человека! По этому поводу майор Хайм делает в своем военном дневнике лаконичную запись: «И среди них унтер-офицер Дёль — последний из первоначальной 10-й роты...» Вот она, картина потерь трех полков дивизии: последних «стариков» можно перечесать по пальцам! Буквально через восемь дней после занятия позиций позади Угры в результате опасного сокращения численного состава 282-го пехотного полка ему направлено подкрепление в составе

роты корпусного резерва 80-го пехотного полка. О темпах сокращения боеспособности пехотного батальона свидетельствует следующая статистика: 14 марта четверо раненых; 15 марта четверо убитых и один раненый; 17 марта трое убитых и один раненый; 18 марта трое убитых и четверо раненых; 19 марта двое раненых. Вполне нормальная «позиционная война»... В ночь с 12 на 13 марта более 150 большевиков врываются в густой лес на излучине Угры западнее Батина; во тьме завязывается ожесточенный бой с частями 290-го пехотного полка, который живо напоминает всем о суровом январе и пережитых ближних боях при лютых морозах и нескончаемых метелях. Возрастающие потери принуждают к занятию удобных отсечных позиций для размещения резервов дивизии. Вначале подтягивается разведывательный эскадрон, затем 3-я рота инженерно-саперной роты подполковника Кляйста. Но прежде надо выбить врага из подлеска и отбросить его за Угру. Значительные силы штаба дивизии — 33 унтер-офицера и рядовых, — а также части 198-го батальона связи — один чиновник и 37 унтер-офицеров и рядовых — сведены в боевую группу под командованием обер-лейтенанта Ротхаммера из 198-го батальона связи и подчинены 290-му пехотному полку. Здесь она попадает в распоряжение 2-го батальона майора Мёринга. И уже днем позже она недосчитывается унтер-офицера Кезера, обер-ефрейторов Линдера и Замета, ефрейтора Рагера и радиста Шёбеля из 198-го батальона связи, которые в составе боевой разведывательной группы фельдфебеля Розенбергера из штаба дивизии вступили в бой в лесу и погибли.

Ночь приносит новые неприятности. Сильный снегопад укрывает все дороги ненавистной белизной.

На следующий день разведка доносит: просочившийся под покровом ночи враг, численностью в 400—500 человек, засел в изгибе леса прочно, как в укреплении. По-видимому, он имеет неисчерпаемые запасы боеприпасов — как раз то, чего так не хватает дивизии. Противника следует выбить ударом с двух сторон под прикрытием штурмовых орудий. Накочанные водкой, жестокие, бесчувственные большевики, припав на колени за высокими сугробами, сражаются как черти, когда 15 марта в 6 часов утра под завывание метели начался бой. Два прибывших танка торят путь, а вслед за ними продвигается пехота, шаг за шагом, боец против бойца, отвоевывая территорию. К 11 часам отбито около 400 м. Ни артиллерия, ни минометы не могут оказать поддержку — видимости хватает лишь на пару метров.

В 20 часов восстановлено соединение обоих разорванных передовых линий. В темном лесу остались лежать 200 убитых врагов.

Наши потери тоже велики. Одна лишь небольшая группа от штаба дивизии вечером не досчиталась погибших унтер-офицера Зака, унтер-офицера Кюнеля, обер-ефрейтора Шварца и обер-ефрейтора Хадерера. Отряд 198-го батальона связи потерял 5 человек убитыми и 4 человека ранеными. Для пополнения 290-го пехотного полка обер-лейтенант Ротхаммер с остатками 2-й инженерно-саперной роты прибывает с участка фронта 282-го пехотного полка.

После 18 марта наконец-то наступает затишье. Не так у соседей слева, 268-й пехотной дивизии: ее положение осложняется настолько, что на помощь приходится перебросить 1-й батальон 80-го пехотного полка.

Начало весны знаменуется то вьюгами, то теплым западным ветром. Но до настоящего тепла еще надо пережить распутицу. В Вербное воскресенье, 29 марта, о весне больше никто и не помышляет: 20-градусный мороз и ледяной ветер со снегом хоронят всякую надежду. Зато неожиданно всплывает слово «отпуск». Получить его могут по восемь человек от подразделения из тех, кто участвует в восточной кампании с самого ее начала. В пехотных и саперных ротах едва наскребли такое количество. Как бы то ни было, им все равно придется потерпеть до мая.

Инженерное оборудование позиций заметно продвигается. Уже готовы доты и небольшие жилые блиндажи. Вот только все еще сильно беспокоят вши. У большинства почти все тело покрыто расчесанными язвами, новыми укусами и старыми струпами. Постоянно существует угроза сыпного тифа, и только благодаря прививкам и неусыпному врачебному контролю вспышка заболевания не случилась. Поток, проходящий через медицинские пункты и полевые госпитали, заметно сократился.

Но все эти признаки — лишь затишье перед бурей. 29 марта взятые в плен большевики подтверждают, что после неудачной попытки прорыва под Батином готовится новый, с целью соединения с 33-й армией. В нем будут задействованы четыре стрелковые дивизии, 5-я кавалерийская дивизия, 4-я воздушно-десантная бригада, партизанский полк и части лыжного батальона.

Оттеснение неприятелем 268-й пехотной дивизии требует передачи одного из батальонных районов обороны 98-й пехотной дивизии. После осуществления переброски 900 солдат-окопников занимают участок протяженностью в 10 км. На одном из рубежей целый полк был поставлен в жесточайшие условия.

В ночь на Страстную пятницу на различных участках обороны дивизии неприятель предпринимает атаки. Главный удар направлен на Павлово, где стоит 289-й пехотный полк. Боевые развед-

группы в тяжелых боях выбивают врага из захваченной местности. В ту же ночь Андреенки, Штененки и Климов Завод подвергаются мощному обстрелу. На восточном берегу Угры разведкой обнаружены 14 присыпанных снегом трашей.

Командиров частей сильно беспокоит исход возможных атак, поскольку оборона на рубеже слишком редка. Когда угодно превосходящие силы противника быстрым натиском под покровом тьмы или массированным огнем могут прорвать передний край обороны. А за ним защитников нет. На всякий случай дивизии выделены в качестве резерва для контратаки две слабенькие роты — в них, как и во всех боевых подразделениях, нет младших командиров, специалистов по вооружению и передовых бойцов. Насколько эта озабоченность обоснована, покажут ближайшие недели, покажут тяжелые продолжительные бои в течение всего апреля. Большевики напрягут все силы, чтобы выполнить приказ Сталина: прорвать фронт, чего бы это ни стоило.

5 апреля только Павлово большевик штурмовал трижды. Лишь в результате продолжительных боев в населенном пункте удалось выправить положение. Потери врага велики. Но атаки не прекратились. Безоглядно расходуя боеприпасы, враг держит под огнем все обнаруженные цели и жертвует сотнями людей, посылая их на верную смерть. Подвоз живой силы и снарядов не прекращается. При таком ведении дел дивизии приходится кровью платить слишком высокую цену. На переднем крае все доты уничтожены огнем. Отбросить вторгшегося врага удастся лишь в ожесточенных ближних боях. Постоянное пребывание в ледяной воде от тающего снега подрывает сопротивляемость организма и неудержимо повышает заболеваемость и выход из строя личного состава. Это требует принятия все новых мер для создания дееспособной обороны переднего края. Очень скоро дивизия снова окажется на последнем издыхании.

Для передачи участка передовой севернее Павлова протяженностью в 3 км прибывает 198-й инженерно-саперный батальон численностью 80 человек с одним пулеметом. По роте от каждого полка в район Павлова перебрасываются три роты. Они сразу сталкиваются с перешедшим Угру свежим резервом большевика и в ожесточенной схватке за здания несут тяжелые потери. Среди огромного количества унтер-офицеров и рядовых пали: капитан Гётц и лейтенант Хеппе из 282-го пехотного полка; выбыли из строя по ранению: капитан Бёнинг из 398-го пехотного полка, лейтенанты Руби, Кюн и Кремер.

10 апреля капитан Штрёляйн, ответственный от 289-го пехотного полка, получает приказ на оборону Павлова. Там он будет

командовать, пока не погибнет. Вечером деревня очищена от врага, но уже в полночь новый неприятельский резерв переходит Угру и входит в нее. Чтобы предотвратить излишние жертвы за клочок земли, командир принимает решение сдать восточную часть населенного пункта и усилить оборону его северной части. Показания пленного свидетельствуют о введении в боевые действия свежих полков для прорыва.

Темных точек на белом снегу противоположного берега становится уже больше пятисот, и они все прибывают. Никакой передышки. Массированный огонь неприятеля продолжается. Потери растут.

Бессменно, все те же силы противостоят свежим вражеским частям, превосходящим наши в четыре-пять раз. Наши же вконец измотаны и едва ли в состоянии держать оборону, не говоря уж о контратаках. Предел возможностей достигнут, это очевидно. Именно такую оценку положения направляет командир дивизии в штаб корпуса.

Дивизии придается корпусный резерв. В Климовом Заводе формируются временные боевые подразделения. Они из «последнего призыва», но, введенные в бои, сражаются хорошо.

Долго ждать не приходится. 11 апреля — день активных боевых действий первой степени. Утром две атаки, вечером еще две. Все отбиты. В мощной контратаке лейтенант Ланцингер с 289-м пехотным полком врывается в ряды выходящего из Павлова врага и отбрасывает его. С обеих сторон большие потери. Лейтенант Ланцингер тяжело ранен, лейтенант Ругель убит. Только 11 апреля 289-й пехотный полк потерял 20 человек убитыми и 56 человек ранеными. Участок обескровленной 3-й роты принимает лейтенант Шёрнер со 2-й ротой. Однако нести за него ответственность ему пришлось не дольше 24 часов.

В 17 часов 45 минут линию фронта пересекают 14 пикирующих бомбардировщиков и бомбят исходные позиции большевиков в лесу на той стороне Угры. Грохот взрывов несколько подбадривает измотанных защитников.

После двухчасовой артподготовки 12 апреля враг заново атакует Павлово. Ему удастся прорваться на рубеже 2-й роты 289-го пехотного полка. Лейтенант Шёрнер ведет роту в контратаку и в результате тяжелых боев в домах и лесу снова отбрасывает его. Сам он получает ранение. Вечером этого боевого дня, особенно тяжелого для 289-го полка, с чувством выполненного долга, в районе Павлова стоит сводный отряд обороны: 289-й пехотный полк, части 282-го и 290-го пехотных полков, 198-й разведывательный эскадрон, 198-й

инженерно-саперный батальон и введенные для восполнения потерь части 398-го пехотного полка, корпусный 751-й инженерно-саперный батальон, 19-я танко-саперная рота и часть военно-строительного батальона. И еще раз, в последний раз, 289-й пехотный полк бросает на прикрытие огромной брешии ординарцев, телефонистов, водителей, ездовых и поваров. От штаба дивизии и 198-го батальона связи на передовую под командованием обер-лейтенанта Штайгемана и лейтенанта Эггерса отправлены телефонисты, радисты, мотоциклисты-связные и писари. Этим возможности и исчерпаны, однако фронт получился очень и очень разреженным. Тем не менее 12 апреля он выстоял и не допустил прорыва неприятеля. Но жертв много. За два дня оборонительных боев отряд лишился одного из командиров батальона и семерых командиров рот. Не меньше потери и в рядах унтер-офицеров и рядовых.

Командир дивизии заносит в свой дневник: «Нет слов, чтобы описать успех пехоты и всех введенных в нее солдат других родов войск, а также артиллерии с ее выдвинутыми вперед великолепными наблюдателями. День и ночь, почти незащищенные, лежа на мокром снегу, под непрерывным огнем всех видов вооружения, при постоянных атаках, без регулярной кормежки, истощенные и переутомленные, вынужденные рассчитывать только на себя при превосходящих силах пьяного, озверевшего большевика — вот так стояли и стоят они, безымянные и неизвестные!»

Вплоть до 17 апреля еще восемь раз атакуют фронт дивизии севернее, западнее и юго-восточнее Павлова сотни солдат из подвезенного свежего резерва. С напряжением всех сил, при исключительной поддержке артиллерии и нескольких налетов пикирующих бомбардировщиков прорыв предотвращен. А потом в действие вступает другая, более мощная сила: все тает. Зима отступает, лед на Угре взламывается, и на мутно-желтой, бурлящей воде начинается ледоход. Сама природа диктует сделать передышку. И вдруг прилетают скворцы.

А в тылу, в 5 км от линии фронта, подходит к концу другое сражение: разгром 33-й красной армии. По всем населенным пунктам объявлена тревога, все огневые позиции тяжелой артиллерии готовы к обороне. Многочисленные беглецы, группами и поодиночке стремящиеся к линии фронта, схвачены. Истинный размах численности выброшенной в немецкий тыл и разгромленной в лесном котле 33-й армии, которая за последние восемь дней от холода, голода и лишений подошла к пределу отчаяния, показывают цифры: 3600 убитых, 1608 пленных; трофейных 81 орудие, 79 минометов, 17 танков, 400 саней и 300 еще живых лошадей.

А на передовой царит непривычная тишина. Веет легкий весенний ветерок. Угра поднялась на два метра. В дневные часы под лучами теплого солнышка недавнее прошлое кажется почти нереальным. Но это обманчивый мир!

«23 апреля 268-я пехотная дивизия начинает операцию по захвату вражеского плацдарма у Аксинина и восстановлению прежней линии фронта». Одновременно с этим сообщением в 98-ю пехотную дивизию поступает уведомление, что со своей стороны ей предстоит устранить вражеский плацдарм у Павлова и приказ незамедлительно приступить к необходимым приготовлениям.

24 апреля, когда уже известно, что операция 268-й пехотной дивизии закончилась неудачей, несмотря на массированный огонь усиленной артиллерии, несмотря на ввод прикомандированных войск и поддержку пикирующих бомбардировщиков, командир 98-й дивизии получает приказ осуществить прежде запланированную операцию. В ответ на его настойчивые возражения с представлением состояния войска и на упоминание только что полученных сведений командующий генерал Грэнсер рявкнул: «Это приказ! Подкрепление получите!»

Удалась ли операция под Павловом? Нет. Почему неудача постигла и 268-ю пехотную дивизию под Аксинином? Потому что у измотанной пехоты больше не осталось сил.

24 апреля зарядил дождь. Вода и грязь вперемешку со снегом превращают дороги в сплошную кашу. Все расплывается в мутной пелене, и только планы по поводу Павлова приобретают четкие очертания. Два танка должны проторить путь пехоте. Пикирующие бомбардировщики и штурмовики будут введены в бой. Тяжелая метательная установка и мортира усилят артиллерию. К дивизионной артиллерии присоединится артиллерийский батальон Кноспе и батарея с 10-см орудиями.

Когда все будут собраны — никто не знает друг друга, — будут объединена и ударная сила пехоты: 289-й пехотный полк, части 282-го и 290-го пехотных полков, 198-й инженерно-саперный батальон, 198-й разведывательный эскадрон, части 2-го батальона 9-го пехотного полка, 163-го и 205-го пехотных полков, 13-й и 14-й стрелковые полки 5-й танковой дивизии. Ах, если бы эти дополнительные войска были полностью боееспособны! Но боевое использование при 268-й пехотной дивизии не только подточило их силы, но и нанесло тяжелый урон в личном составе. Так что подкрепление совсем не выглядело готовым к бою, как и не было достаточным для успешного проведения операции. Подготовленный дивизионным командованием план с учетом реального тактического положения

подвергся основательной коррекции в штабе корпуса, а затем и армии. Уже на ранней стадии он отнюдь не был детищем ответственной за его осуществление дивизии. А затем последовало его детальное обсуждение с командующим корпусом, потом переговоры с командующим армией, в которых командир дивизии должен был дать ответы на всё до мельчайших подробностей.

Под конец командир дивизии еще раз выражает уже неоднократно выдвигавшиеся сомнения. Трижды план корректируется. Даже в самую ночь перед штурмом вносятся последние изменения.

Приказ по дивизии от 27 апреля 1942 года начинается так: «Численный состав врага в Павлове и лесочке к востоку («лесок Ланцингера») примерно 400 человек. Усиленный 289-й пехотный полк, командир майор доктор Клотц, с задачей уничтожить плацдарм, атакует 28 апреля Павлово и «лесок Ланцингера», сбрасывает врага в Угру и занимает прежнюю линию обороны».

Задачи четырех ударных групп: группы «Север» и «Запад»: после артподготовки и ввода пикирующих бомбардировщиков — атака на Павлово при поддержке двух танков; группы «Юг» и «Юго-Запад»: после последнего вылета пикирующих бомбардировщиков очистка «леска Ланцингера», отеснение врага на восток и сбрасывание в Угру; в соединении с группой «Запад»: завершающий удар по Угре и занятие старой линии обороны.

В приказах все было продумано до мелочей. Артиллерийская подготовка и поддержка в ходе сражения подробно расписана по всем отрезкам времени: когда задымление, когда огонь на разрушение, когда на уничтожение, когда беспокоящий огонь, когда подавление огнем. Позже никто из «самого верха» не сможет упрекнуть, что приказы были нечеткие или недостаточно полные... И все-таки наступление провалилось. Но не по вине задействованных на фронте сил. В соответствии с планом 28 апреля 1942 года в 6 часов 40 минут начинается огневая подготовка, в 7 часов 17 минут подлетают пикирующие бомбардировщики, в 7 часов 10 минут на Павлово выступают ударные группы «Север» и «Запад» и с ними два танка.

Тот, кто слышал гром усиленной артиллерии и оглушительные взрывы сыплющихся бомб, был уверен в успехе операции.

Между 7 часами 16 минутами и 7 часами 30 минутами оба прокладывающих путь танка — один уже обстрелян — вязнут в дорожной каше и, несмотря на все усилия, безнадежно застревают. А вместе с ними пехота лишается своего главного «пробивного» помощника! В 7 часов 30 минут группа «Запад», со все возрастающими потерями, окапывается на переднем рубеже. В это же время, как

только отгремели артподготовка и налеты бомбардировщиков, противник начинает наступление. Тут уж и группа «Север» вынужденно переходит к обороне. В 8 часов обе группы, «Запад» и «Север», прочно залегают. Противодействие неожиданно мощное. Потери растут неудержимо.

В 10 часов 30 минут наши пикирующие бомбардировщики совершают второй налет. И снова чрезвычайно эффективно, что позволяет группам «Юг» и «Юго-Запад» выступить в 10 часов 44 минуты. Лесок занят. Здесь прекрасно поработали и авиация, и артиллерия. При выходе из леса атакующих встречает массированный огонь тяжелых орудий, принуждая залечь. Потери продолжают расти. Особенно велики они в командном составе и в течение дня достигают такого уровня, что становится ясно: Павлово взять не удастся.

Почти без командиров, сильно поредевшие остановленные войска лежат на мокром снегу. Перед ними непостижимо свежий, боеспособный и тяжеловооруженный противник. Начавшаяся поземка ухудшает видимость. Как раз в тот момент, когда от северной части леска последние ударные силы поднимаются в атаку, большевик направляет туда шквал огня, не жалея снарядов. Вспыхивает паника, которая быстро перекидывается на соседей. И вот уже потерявшие самообладание солдаты спасаются бегством. Командиров, которые могли бы их остановить, уже нет. Так что они сами по себе возвращаются на исходную позицию, наголову разбитые, опустошенные и обессиленные.

В 20 часов очевидно уже всем: взятие Павлова провалилось! Капитан Штрёляйн, защитник Павлова, который со своим батальоном сделал значительный вклад в то, что до сих пор враг здесь не прорвался, смертельно ранен — он умрет в Смоленске. Потери составляют: 12 офицеров и 453 унтер-офицера и рядовых.

Уже на следующее утро имеется приказ группы армий: предоставить отчет о причинах провала операции! Командиры всех частей пришли с командиром дивизии к единому мнению: претензии к дивизии лишь тогда были бы уместны, если бы командование корпуса, армии и группы армий не были поставлены в известность о состоянии боевых подразделений перед началом операции. С ноября 1941 года всем штабам регулярно поставлялись сводки о положении дел и укомплектованности дивизии, без прикрас, не говоря уже о высказанных непосредственно перед операцией сомнениях.

30 апреля выходит приказ о проведении расследования, кто виноват. Даже пригрозили трибуналом! В дивизии не было ни одного человека, кто бы не знал о принятых мерах и не считал бы их позорными.

В этот день командир дивизии записывает в свой дневник: «Вина лежит на тех, кто несет ответственность за то, что эта воинская часть после всего, что она вынесла и чего достигла, была вовлечена в подобный оборот, прежде чем она могла бы восстановить силы! Дивизия ни в чем не виновата!»

Весь день 30 апреля в дивизионном штабе и штабах подразделений был заполнен составлением затребованных «отчетов». Сюда же приложили и оценку обстановки по показаниям 48 пленных. Все они единодушно свидетельствуют о неизвестном заранее факте, что именно в ночь перед штурмом на плацдарм были подвезены свежие, хорошо вооруженные бойцы. Далее пленные четко показывают, что во время предполагаемых артобстрелов и авианалетов войска скрывались в глубоко прорытых в отвесных песчаных склонах Угры туннелях. Главные силы вражеских войск под Павловом пережидали массированный огонь в блиндажах и траншеях.

К этим неожиданным факторам присоединили и уже известные: лоскутно скроенные соединения из совершенно незнакомых друг с другом частей разных полков и батальонов, без прочного каркаса из старших и младших командиров, без специалистов по оружию! Такое положение должно было вызвать сомнения в оценке боеспособности — и эти сомнения были высказаны!

И наконец, из боевых действий, почти сразу после выступления пехоты, выпали оба танка, от которых ожидалась чудодейственная сила, которая привела бы ударные группы к успеху.

После констатации этих фактов, а также принимая во внимание тяжелые потери и заслуги до настоящего времени, дивизия отвергает предъявленные ей обвинения. Повторим еще раз: уже до начала операции дивизия была не в состоянии вести наступательные бои такого рода, и теперь ее силы окончательно подорваны! Каждый офицер, унтер-офицер и рядовой исполнил свой долг, причем на пределе своих сил!

С июля 1941 года 98-я пехотная дивизия ни разу не подвергалась «капитальному ремонту», и совершенно непостижимо, как после всех испытаний еще кто-то остается в живых!

Командира дивизии переправляют самолетом сначала в штаб армии, затем в штаб группы армий, чтобы «держать ответ». На докладе у командующего армией он озвучивает переданный подробный отчет. С заключением командующего на руках на следующий день он предстает перед фельдмаршалом фон Клюге в Смоленске. Свое обстоятельное заключение фельдмаршал завершает словами: «Необходимость поднять состояние дивизии всеми возможными средствами полностью признается, равно как и требование попол-

нить ее старшими и младшими командирами и специалистами. Приведенные причины неудачи операции в Павлове убедительны!»

Пусть теперь пятно позора смыто и все обвинения с 98-й пехотной дивизии сняты, но осталось смутное ощущение, что там, «на самом верху», не знают границ, когда спускают боевым частям — особенно пехотным — невыполнимые задачи. И такой печальный опыт придется приобретать еще не раз.

Прибывшее 4 мая пополнение из 50 стрелков по меньшей мере численно окажет поддержку.

Сражение за Павловский плацдарм имело хоть одно отрадное следствие: враг приостановил атаки. Благодаря этому можно было беспрепятственно отвести выделенные для подкрепления части. Остались лишь 45 бойцов из 398-го пехотного полка под командованием лейтенанта Форстмайера и лейтенант Меркс с небольшой группой от 2-го батальона 9-го пехотного полка.

Поначалу затишье на фронте было воспринято с подозрением. Но потом потянулись недели, когда можно было использовать условия позиционной войны для восстановления инженерных сооружений и отдыха. В это время вторые батальоны полков получают новые вливания. К ним прибывают 8 унтер-офицеров и 48 рядовых, переведенных из 198-го артиллерийского полка в пехоту.

В конце мая все доты и блиндажи готовы к использованию. Укрепления круговой обороны огневых позиций артиллерии прошли испытания. Бои, проведенные в районе обозов, успешно заканчиваются взятием ранее оставленных 25 деревень. 1-я санитарная рота заканчивает оборудование пяти больших блиндажей для ухода за ранеными и операционный бункер в лесу неподалеку от Лужков. Это правильная корректировка размещения главного медпункта, который прежде в Гридинках постоянно подвергался обстрелам вражеской артиллерии.

В Губине, где 2-я санитарная рота на территории бывших зубо-врачебного и дезинфекционного пунктов организовала полустационарный полевой госпиталь на 150 больных, теперь оборудуется дивизионный дом отдыха, который примет 3 офицеров и 35 унтер-офицеров. Он не будет пустовать с первого дня и до последнего, когда дивизии снова скомандуют «шагом марш!».

Весна покрывает зеленью палисадники, просушивает дороги, согревает жилые помещения. Пребывание на нарах, в читальнях и комнатах отдыха с радио или в общей столовой — где стулья, столы и скамейки сколочены из березы и на всем печать немецкой чистоты, порядка и удобства — дает настоящий отдых. Питание с усиленным рационом — подспорье этому собственными шестью коров,

двадцать кур и разбитый огород — дают ощущение заботы о войсках. Вести с фронта дивизии о том, что враг укрепляет заграждения, еще больше повышают настроение.

Даже выносливые лошаденки, пережившие зиму, теперь радуют глаз и веселят сердце, когда мирно пасутся на зеленых лугах.

С началом июня по всему району дивизии главенствует разного рода военная подготовка. Так или иначе она касается каждого. Командир дивизии проводит трехдневные курсы повышения квалификации для командиров подразделений и кандидатов на эти должности. Сохранился их список: Хайм, доктор Эммерт, Штюмер, Валь, Хеллер, Коль, Вальц, Изеле, Эггершторфер, Хебер, Пак, Бюринг, Грое, Вайкард, Ротхаммер, Сейлер, Кидери, а вместе с ними и командиры полков Беценбергер — 282-й пехотный полк, Гайгер — 289-й, Кляйн — 290-й и Брюль — 198-й артиллерийский полк.

В то же время начинаются и более продолжительные курсы для личного состава: оружейные, орудийные, для административно-хозяйственных служб. День за днем подчиняются учебному распорядку под руководством командиров: в полевом запасном батальоне капитана доктора Эммерта; в учебно-тренировочной саперной роте капитана Лемана, в учебно-тренировочной истребительно-противотанковой роте капитана Сейлера; на учебно-тренировочной батарее обер-лейтенанта Тони и в устроенной в Губине санитарной школе.

Если никто не забыт в учениях, то никто и не избавлен от проснувшихся комариных роев, от прививок во избежание всяческой заразы милого Востока, от ежедневного приема пилюль. Рапорты о потоке больных и раненых через главный медпункт в Гридинках — всего в 4 км западнее Павлова — отражают реальную картину состояния здоровья и ранений в дивизии на позициях за Угрой. С 6 марта по 15 июня 1942 года в книгу регистраций внесено: 1530 раненых и 1013 больных; из числа последних в строй вернулось 272 человека!

В середине июня в корпусе начинаются «перемещения живой силы», которые коснулись и полков 98-й пехотной дивизии. Крайне неохотно покидают они с трудом и любовью обустроенные блиндажи и общежития в избах. Но всякий бывалый солдат-окопник знает: стоит только отстроить позиции, как их займет смена!

В этой нежеланной передислокации 289-й полк знакомится с местностью в излучине Угры под Городцом, 290-й полк — с окрестностями Павлова. В конце концов, как и ее сосед слева, 98-я пехотная дивизия переброшена направо, чтобы высвободить 52-ю пехотную дивизию для резерва армии. Но как только началась передислокация, кончились спокойные времена!

Уже в конце июня пошли слухи, что 98-я дивизия заменит 260-ю пехотную, своего правого соседа. Потом слухи стихли. В начале июля полевой запасной батальон с двумя стрелковыми и одной «тяжелой» ротами, которые под руководством своих офицеров заканчивали подготовку по ведению боевых действий под обстрелом противника, показал себя с наилучшей стороны. И снова энергия и выдержка командира Эммерта, как в зеркале, отразилась в действиях его бойцов. Не меньший пыл проявили и другие подразделения дивизии. Преодолев тяжелые зимние месяцы и отразив попытки неприятеля прорвать фронт, бойцы снова ощущали вкус и ценность жизни. На зеленых лугах опять цветут цветы, солнышко улыбается с голубого неба, в прозрачном воздухе разливаются трели жаворонков.

Даже на позициях повсюду проявляется проснувшаяся радость от благоустройства быта. Даже здесь, на передовой, во всем чувствуется привычка к организованному жизненному укладу и потребность немцев в чистоте, опрятности и порядке.

Боевая обстановка в районе расположения дивизии все еще остается неизменной. Время от времени большевик делает попытки переправить через реку разведывательные группы. На трех надувных лодках около 30 человек внезапно объявляются у Бельдягина на участке 5-й роты 290-го пехотного полка. Произошла короткая, но ожесточенная стычка, в результате которой фельдфебель Герстнер, унтер-офицер Майстер, ефрейторы Этцель, Замборн и стрелок Бухтман сбросили врага, потерявшего десять человек, в Угру.

А вот другом месте разгорелись тяжелые бои. К югу от «автостреды» положение принимает серьезный оборот. Батальон Валя, 282-го полка, выведен из боевых действий и переправлен на юг в качестве резерва армии. В эти дни середины июля воздух сотрясают гром артиллерии и шум боев. Теперь уже передислокация всей дивизии на юг не терпит отлагательств. Она начинается 27 июля и приводит полки в район между Мошином и Марьином, за Рессой и Угрой. Справа встает 282-й полк, южнее «автостреды», по центру 290-й и слева 289-й пехотные полки. На новом месте многое требуется сделать, гораздо больше, чем это позволяет все более обостряющаяся обстановка на фронте.

В начале августа под Ржевом противник вклинивается глубоко в немецкие позиции. И с этим все замыслы, касаемо южного участка от «автостреды», должны быть отставлены, а приведенные здесь в боевую готовность войска переброшены на север. Там наступают две новые вражеские армии!

Теперь на рубежах дивизии по обе стороны фронта царят напряжение и подозрительность, выливающиеся в активизацию разведы-

вательных дозоров. Тут и там внушают страх снайперы. Капитан Штубенрах из 282-го пехотного полка ранен в горло, но выжил.

8-я рота 198-го артиллерийского полка понесла тяжелую утрату: вахмистр Фритц, передовой наблюдатель, особо отличившийся у Чернижной, 8 августа при отражении вражеской атаки погиб от ранения в голову.

События, определяющие судьбу дивизии и кладущие конец ее дислокации на Угре, уже идут полным ходом. Положение левого соседа становится угрожающим.

19 августа 1942 года приказ по дивизии подобен разрыву бомбы: «ускоренные сборы» и «переброска на север» железнодорожными эшелонами, грузовиками и маршем в пешем порядке. Первоначально отправляется усиленный 282-й пехотный полк с дивизионом 198-го артиллерийского полка силами транспортного полка. На Воре припекает! Батальоны и дивизионы прибывают по каплям и тут же вводятся в бой. Все гораздо хуже, чем предполагалось.

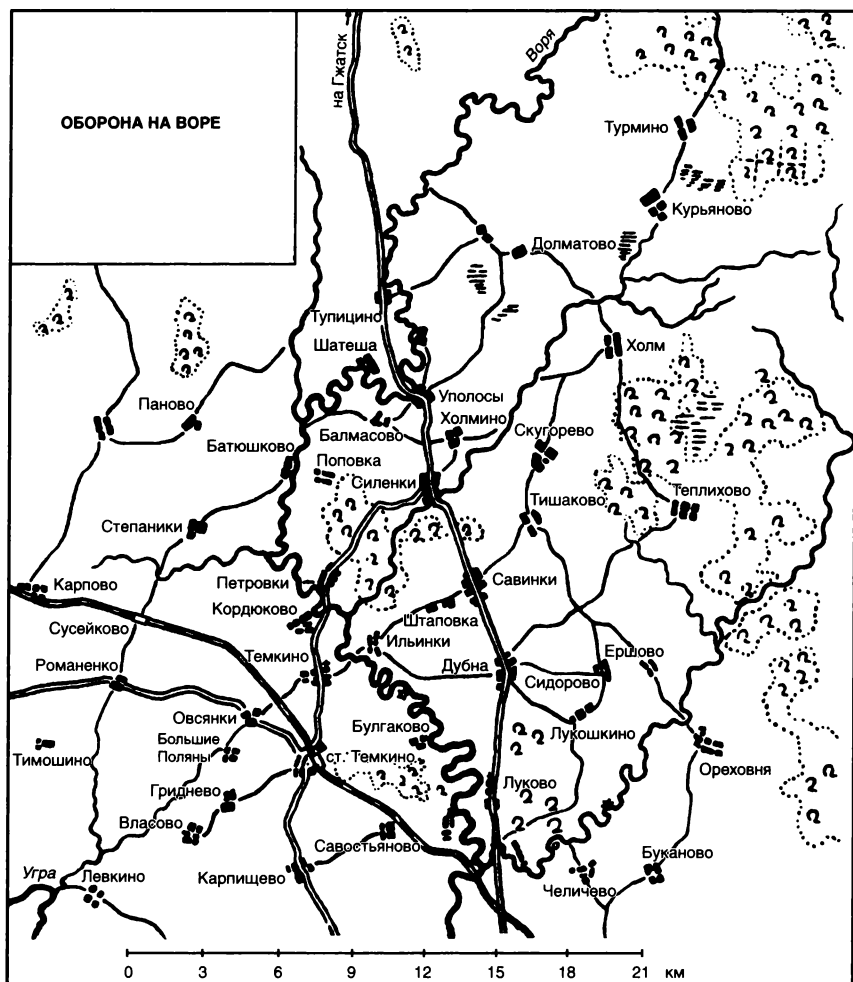
В последний раз все двигаются по лесным, грунтовым, размытым дорогам; по широкой дороге от Марьина до Климова Завода, на север, в направлении Вязьмы. А это значит прощание со всем, что создано собственными руками и полито собственным потом, а потому стало дорогим. Впереди — неизвестность.

Теперь, вырвавшись из оков позиционной войны, войска обнаруживают глубокие, незаполненные бреши в транспортных средствах: нехватка лошадей, повозок, грузовых автомобилей всерьез ставит под вопрос продвижение дивизии. Требуется помощь корпуса и соседних дивизий лошадьми для перевозки орудий и поклажи.

Автомобильная дорога на Вязьму намного лучше, чем здешние дороги в период распутицы, и все-таки по европейским меркам она не выдерживает никакой критики: рытвины, ухабы, нанесенный песок. Вот по ней и маршируют главные силы дивизии, потом выходят на «автостраду» на Гжатск и прибывают в район, подведомственный 3-й танковой армии со штабом IX корпуса, которому дивизия теперь подчиняется. Там, за Ворей, на исходных позициях приведены в боевую готовность огромные вражеские силы, откуда через три-четыре дня ожидается штурм.

Оборона на Воре

22 августа 1942 года усиленный 282-й пехотный полк первым выходит к Гжатску. Тут же он отводится на находящийся под угрозой участок Ширякино—Мошино и находится там в готовности

действовать по тревоге. Остальные боевые части дивизии, за исключением 290-го полка, также должны в течение 23 августа прибыть на новые позиции. Такое распоряжение командир дивизии получает в тот же день от командования армии, а двумя часами позже дополнительное указание командующего: к сумеркам разместить войска в 20 км южнее Гжатска у шоссе на Юдинов. Моторизованные части инженерно-саперного и истребительно-противотанкового батальонов проводят ночь в непосредственной близости от Гжатска.

Уже на следующее утро, 24 августа, начинается: при поддержке танков враг приступает к ожидаемому наступлению и ломится в

стык между XX и IX армейскими корпусами, между Санином и Бекрином через Ворю.

Усиленный 282-й полк, поднятый по тревоге, начинает продвижение на Михеево. Там, на южной окраине, встречаются командир дивизии и майор Хайм, ведущий 282-й полк, чтобы обсудить обстановку.

Положение решительно отличалось от того, что обрисовал штаб корпуса. Неприятель уже продвинулся на 4 км к северу и тем самым вторгся на 8 км в глубь ближайшего тыла! Приказ корпуса: «98-я пехотная дивизия... препятствует вражескому прорыву и контратакой отбрасывает вторгшегося противника за Ворю», — судя по обстановке, будет много сложнее выполнить. Между группой Карста в Мысине и 31-й пехотной дивизией южнее Бекрина уже зияет брешь шириной около 5 км, через которую враг продвигается в прорыв.

Но решающее значение имеет то, что почти прорвавшемуся неприятелю может противостоять не полная 98-я дивизия, а всего лишь один ее полк. А он даже не выведен на исходную позицию, как полагается для подготовки контратаки, и должен, как и опалось командование, быть брошен в бой сразу с марша!

С запада шум боя усиливается. Спрятанные в лесу южнее Струи танки ведут обстрел фугасами. Воздух вибрирует от рокота других, подходящих с юга танков. Струя горит. Из деревни и из леса южнее ее катят на колесах и бегут к «автострале» войска. Это части только что прибывших туда моторизованной группы инженерно-саперного батальона и 198-го истребительно-противотанкового дивизиона. Автомобиль командира саперного батальона попадает под вражеский огонь, обер-лейтенант Хауг и его сопровождающий ранены.

Майор Хайм прямо с марша бросает передовую 2-ю роту 282-го пехотного полка под командованием обер-лейтенанта Германа Зесснера на Струю и в лес к югу от нее, и, несмотря на усталость, она действует эффективно. Выдвинутая вперед 1-я батарея 198-го арtpолка оказывает существенную поддержку. Между тем спешившаяся с танков вражеская пехота на последних 300 м внезапно поливает 2-ю роту пулеметным огнем. В считанные минуты потери возрастают. Однако благодаря вводу пулеметного взвода фельдфебеля Кольба застопорившееся было продвижение возобновляется. Спустя полчаса Струя свободна. Танки противника и сопровождающая их пехота оттягиваются на юг. 2-я рота одержала победу, оставшись с мокрыми чуть не по пояс ногами, промокшими сигаретами и размякшим хлебом в карманах.

Тем временем обер-лейтенант Финке с 1-й ротой в хорошем темпе продвигается от Михеева через лес на Юртово. В схватке с

двумя танками и сопровождающей их пехотой рота выводит из строя почти всех рассеявшихся по ним стрелков. В бою погибли лейтенант Пфайфер и пулеметчик Топф, оба командира взводов фельдфебель Михель и унтер-офицер Шэфер ранены. Но танки разворачиваются и скрываются на юг.

В 14 часов лес южнее Струи очищен. Перед Юртовом роты делают короткий привал; раздача боеприпасов объединяется с выдачей хлебных пайков. После этого батальон выступает из леса на Юртово и занимает его при поддержке передового наблюдателя 1-го дивизиона 198-го артполка обер-лейтенанта Грюнерта и его подразделения. Взвод противотанковых пушек тоже внес свою лепту фугасными снарядами.

И снова большевик отступил, теперь на Чал.

Вот и капитан доктор Эммерт выводит свой сплоченный батальон, чтобы утром занять деревню Чал, исходный пункт для наступления на Бекрино. Начавшаяся в 18 часов атака наткнулась на сильную вражескую оборону с пулеметами, минометами, противотанковыми пушками и, что самое неприятное, на шесть танков, обстреливающих с окраины фугасами. Только 1-й батальон 282-го пехотного полка теряет в бою 3 офицеров, 8 унтер-офицеров и 69 рядовых. Среди 19 павших и командир 2-й роты обер-лейтенант Герман Зесснер, воюющий в полку со своим братом-близнецом с 1939 года. Обер-лейтенант Шунк, командир 4-й роты, тяжело ранен разрывным снарядом.

2-й батальон 282-го полка под командованием капитана Штюмера, поднятый в 10 часов 30 минут по тревоге, еще до полудня входит в район юго-западнее Химины. Здесь он, переподчиненный группе Карста со штабом в Мысине, готовится к атаке далее на юго-запад. Цель: высоты северо-западнее и севернее Шатеши. Разделенный на малые группы, он должен выступить из лесистой местности на восток от «автострады». Роты: 7-я лейтенанта Крайтмайера справа, 5-я обер-лейтенанта Делнера слева — тут же попадают под мощный пулеметный и артиллерийский огонь с юга. Но и он не смог остановить атакующих. При поддержке 8,8-см зениток и минометов батальона отделившаяся боевая группа из двух взводов 6-й роты занимает овраг юго-восточнее Шатеши. Подошедшие к этому времени танки 1-го батальона 18-го танкового полка воодушевляют 7-ю и 5-ю роты на решительный рывок. Несмотря на поддержку вражеской артиллерии, в ближних боях большевик выбит из Шатеши. На западе и юго-западе ее удерживает 7-я рота, слева от нее, на высоком берегу Вори — 5-я рота, в овраге юго-западнее основные силы 6-й роты. В 19 часов 30 минут Шатеша уже полностью в руках

наших рот. Они готовятся к тяжелому оборонительному бою, но для этого слишком мало времени. Уже с наступлением ночи батальону пришлось, после мощного обстрела, отражать контратаку неприятеля с танками и пехотой.

Точно так же поднятый по тревоге 289-й пехотный полк, половина 1-го батальона которого передана в подчинение группы Карста, в 16 часов прибывает со второй его половиной под командованием майора доктора Клотца и 2-й батальоном под командованием капитана Коля в Струю. Отсюда он будет обеспечивать оборону Юртова с юго-запада до юго-востока.

Надежно укрепившись под Гжатском, 290-й пехотный полк пребывает там, почти на отдыхе, в качестве резерва группы сухопутных армий, до 5 сентября. Расчлененная дивизия вечером 24 августа разбросана с боями по разным позициям, из которых тяжелее всего досталось усиленному 282-му полку, который сражался почти в одиночку.

Наступающее утро, судя по всему, предвещает еще более тяжкий день. Сделавшая без единого привала пеший переход группа инженерно-саперного батальона под командованием обер-лейтенанта Лапа к вечеру подходит к рубежу Слобода—Поворская. 3-я рота, еще ночью переподчиненная 1-му батальону 282-го пехотного полка, в час отделяется и принимает на себя танковое охранение под Юртовым.

В полночь, по приказу штаба армии, после перегруппировки начинается новая контратака.

Штаб 289-го пехотного полка при передислокации в Мысино принужден в 3 часа пополудни остановиться под прикрытием высокого берега северо-западнее Мысина под непрекращающимся огнем противника. Пришлось выбрать место для КП неподалеку, но и там движение связных находится под постоянным обстрелом вражеских танков, так что вскоре оно парализовано. Направлявшийся в штаб командир 1-го батальона 18-го танкового полка майор фон Цешау был убит. Его сопровождающие пришли в смятение.

Тем временем батальон Штюрмера провел исключительно тяжелую ночь. То и дело приходилось отбивать вражеские атаки. Утром 25 августа, между двумя и четырьмя часами, создается критическая ситуация, когда врагу удалось оврагом западнее Мысина выйти в тыл 7-й роты и занять юго-западную часть деревни. Завязались тяжелые кровопролитные бои с переменным успехом, в которых принял участие и лично капитан Штюрмер. С обеих сторон в бой вступили танки. Лейтенант Крайтмайер расстреливает экипаж одного

танка из пистолета, стрелок Элмар Ульрих из 7-й роты 282-го пехотного полка подбивает второй ручными гранатами.

После четырех часов все перешедшие Вору танки уничтожены или бежали, сопровождающая пехота выбита из деревни. Отбитый рубеж снова полностью в руках батальона, связь с 6-й ротой 289-го пехотного полка на западе установлена.

Начавшуюся на рассвете атаку обоих батальонов 289-го пехотного полка встречает вражеская контратака со стороны Бекрина, так что удалось занять лишь небольшой участок на западе и на юге. На пологой, лишенной укрытий высоте севернее Шатеша продвижение остановилось. Недостаточная поддержка артиллерии и усиливающийся вражеский напор на фланг со стороны кладбища парализуют атаку. Свою роль сыграло и то, что в самом ее начале был убит командир 5-й роты 289-го пехотного полка обер-лейтенант Зайбт. В 1-м батальоне тяжело ранен обер-лейтенант Форстмайер, командир 2-й роты, собранной из остатков 1-го батальона 398-го пехотного полка; вскоре он умрет в полевом госпитале.

На широком плато между Федьковым и Тупишином, которое все еще разделяет 282-й и 289-й пехотные полки, у врачей тяжелая и опасная работа: обихаживать раненых под вражеским огнем. Они оказывают медицинскую помощь прямо у переднего края и многим спасли жизнь своим беспримерным мужеством. Капитан медслужбы доктор Шустер из 1-го батальона 289-го полка, равно как и военный фельдшер 2-го батальона 289-го полка, выполняющий обязанности батальонного врача, самоотверженно шли в бой со своими бойцами.

Продолжительный массированный артиллерийский и минометный огонь противника на Шатешу служит причиной больших потерь защитников. Во второй половине дня в окопах рот остается едва ли по трети личного состава. Но каждому понятно значение этого бастиона на высоком берегу у излучины Вори. И каждый полон решимости выполнить приказ полка защищать позиции до последнего.

На удивление разведка боем, проведенная в рассветных сумерках на Чал, показала, что неприятеля там нет! Танки тоже исчезли. Продвижение немедленно возобновляется. Усиленный 3-й ротой 198-го инженерно-саперного батальона, 1-й батальон 282-го пехотного полка, с трудом продравшись через лес, в 11 часов 15 минут приближается к деревне Федьково. Там значительные силы противника. После короткой подготовки начинается атака. Видимость отвратительная. Перелески и кустарник затрудняют обстрел. Прицельный огонь вражеских пулеметов и противотанковых пушек, а

также стоящих танков заставляет батальон залечь. Особенно велики потери у саперов. Без основательной огневой подготовки и без огня на уничтожение вражеской боевой техники ротам, ослабленным еще утром, войти в населенный пункт явно не удастся.

Налет пикирующих бомбардировщиков на деревню и участок леса с юга и юго-востока от нее дает небольшую передышку и батальон решается атаковать снова. После короткого огневого удара в 15 часов 30 минут начинается атака. Она проведена удачно, и Федыково меняет хозяина. Проходит атака следующим образом.

Обер-лейтенант Финке встает во главе своей выстроенной ударным клином роты, одним махом пробегает последние 100 м под огнем пулеметов и минометов и врывается в северную часть населенного пункта. Здесь он обращает ошеломленного большевика в бегство и, не снижая темпа, гонит его на юг до опушки леса севернее Бекрина. Огонь собственной артиллерии попеременно с огнем вражеских пулеметов заставляет роту залечь.

Сильная оборона противника снова заметно снижает боеспособность 1-го батальона 282-го пехотного полка: 1 офицер, 7 унтер-офицеров и 60 рядовых покидают поле боя в результате ранения. Для 13 человек оно стало последним пристанищем.

Стремительная атака 2-го батальона 282-го пехотного полка 24 августа и стойкая успешная оборона 25 августа препятствуют расширению бреши на переднем крае, пробитой неприятелем накануне, как и препятствуют повторению опасной ситуации 24 августа. К тому же теперь оба батальона 289-го полка и 1-й батальон 282-го полка используют прикрытие с флангов для подготовки и проведения собственных атак. Потери 2-го батальона 282-го полка, принимая во внимание мощный вражеский огонь и ожесточенные ближние бои с пехотой и танками, очень велики: 66 павших и 218 раненых сократили численность бойцов почти на три сотни.

Вечером 25 августа противник все еще стоит по эту сторону Вори. Еще не задраена окончательно брешь на передней линии фронта. Но зато теперь с открывшимся видом на долину Вори 98-я пехотная дивизия может держать место прорыва под контролем, угроза большого и скорого прорыва почти устранена. Помимо больших потерь, противник оставил на поле боя 25 танков.

Ночь выдается беспокойная. Вражеские выжидательные позиции с танками в излучине Вори восточнее Отрадного и юго-западнее Уполозов уничтожены массированным огнем артиллерии. Недолеты наносят ущерб 5-й роте 282-го пехотного полка. Ночью, как и днем, не прекращается работа на главных медпунктах в Маньшине

и Чесалках. Санитарные автомобили только за первый день боев доставили в Гжатск более 200 раненых.

Ранним утром 26 августа над долиной Вори и близлежащей местности стелется густой туман. Он осложняет приведение в боевую готовность 289-го и 282-го полков. Над последним теперь поставлен командиром подполковник Фаульхабер. Но туман еще и защищает от прицельного огня противника. И еще раз ведется заградительный огонь по известным районам сосредоточения противника; атаки пикирующих бомбардировщиков поддерживают его. После этого в 4 часа 30 минут 1-й батальон 282-го полка и 3-я рота 198-го инженерно-саперного батальона идет в атаку от края леса севернее Бекрина на Чал; 2-й батальон 289-го полка продвигается по высоте севернее Шатеша на запад. В тумане по широкой линии фронта роты быстро теряют связь друг с другом. Это чревато сюрпризами.

1-й батальон 282-го полка, стремясь соединиться с 289-м полком, заходит слишком далеко на восток и оказывается на пути к Шатеше. Один лишь капитан доктор Эммерт со штабом и взводом саперной роты остается на юго-восточном направлении. Западнее Бекрина он натывается на роту 17-го пехотного полка соседней дивизии, подчиняет ее себе, снова теряет в тумане, попадает на врага и атакует. В отчаянном броске и последовавшем вслед за ним бое он теряет почти всех своих сопровождающих. Его адъютант, оберлейтенант Отто Зесснер, смертельно ранен. Тремя часами раньше умер брат-близнец Отто Герман от ранений, полученных 24 августа. Смерть воссоединила их, и похоронены они были в одной могиле под Чалом.

Постепенно туман рассеивается, капитан доктор Эммерт с четырьмя рядовыми своего штаба и группой саперов обнаруживают себя у околицы Бекрина, занятого неприятелем. Выйти отсюда при дневном свете невозможно. И уже вечером, когда все считали отряд пропавшим без вести, он возвратился с отправленным на Бекрино разведдозором 2-го батальона 289-го полка, численностью со взвод; капитан доктор Эммерт ранен.

Через высоту севернее Шатеша катят на юг восемь немецких танков. Им предстоит возглавить атаку. Усиленный 1-й батальон 282-го полка, командование которым перешло к оберлейтенанту доктору Финке, тоже продвигается на юг. Там он устанавливает тактическую связь с 2-й батальоном 289-го полка, а через него — с батальоном Штюрмера. С улучшением видимости продвижение набирает темп. Танки прокладывают путь пехоте, зачастую и тяжестью своего веса.

Очень скоро для батальонов доктора Клотца и Коля дело доходит до ожесточенных ближних боев при очистке от неприятеля оврага западнее Шатеша. Сломить стоическое сопротивление удастся с помощью 3-й роты 198-го инженерно-саперного батальона. Для отвлечения сил противника от сильно теснимого правого фланга 2-го батальона 282-го пехотного полка лейтенант Робра во главе штаба 1-го батальона 289-го пехотного полка проводит удачную контратаку. Тесная связь установлена.

1-й батальон 282-го полка встречается с плотным заполнением окопов и траншей противником на северной окраине Бекрина. Потери растут, так же как и в 289-м полку, который снова теряет одного из ротных командиров, а именно лейтенанта Пшерера, командира 8-й роты. Когда с установлением полной видимости вражеская артиллерия открывает огонь, наступающие войска вынуждены окапываться по дуге вокруг стоящего на речном грунте Бекрина. После обеда долина Вори занята сплошняком. С присоединением к 17-й пехотной дивизии на правом фланге боевой группы Края из батальона Карста на левом фланге, а также соединение 282-го и 289-го пехотных полков вокруг Шатеша по центру прежний передний край обороны восстановлен. Об этом и рапортует командир дивизии из КП в Михееве в штаб корпуса.

Потери очень тяжелы. Наряду с малой кучкой унтер-офицеров и солдат-окопников во 2-м батальоне 289-го пехотного полка из тех, кто начинал в полку в 1939 году, остались лишь его командир, обер-лейтенант Крайле и лейтенант Шалленберг. Во 2-м батальоне 282-го пехотного полка 66 убитых и 218 раненых — как уже было сказано, из строя убыло почти три сотни! Столь же тяжелы и потери 1-го батальона. Батальон волею случая и пылкой натуры своего командира — а он всегда был образцом для подражания у своих солдат — все три дня боев сражался в самых горячих точках; в общей сложности он потерял: 4 офицеров, 29 унтер-офицеров и 250 рядовых бойцов.

Вторгшийся в район Шатеша—Тупишино—Струя—Юртово—Толшино противник с ударными силами — одних только танков было подбито 35 штук — был уничтожен или бежал. Брешь на линии фронта закрыта, а замыслы большевика форсировать прорыв сорваны 98-й пехотной дивизией за два с половиной дня боев.

Сводка Верховного командования вооруженными силами Германии от 27 августа 1942 года отражает эти события скупой фразой: «Севернее Медыни нашей контратакой враг был отброшен на исходные позиции».

В 98-й дивизии догадались, что речь здесь, возможно, о ней.

Остатки 1-го батальона 282-го пехотного полка временно оттянули на Юртово. Саперы, тоже сильно поредевшие, направлены в Слободу на реорганизацию. А незадолго до отхода в тыл накрывает прямым попаданием штаб батальона. Прямо на месте гибнет военный фельдшер Крафт; капитан Лэпп, обер-лейтенант Вайнгэртнер и лейтенант Риннеберг ранены.

По всей видимости, и обессиленный противник реорганизуется и пополняет свои соединения. 27 августа в районе действий дивизии наступает передышка. Тут же все силы брошены на оборудование позиций. 1-я инженерно-саперная рота возвращается на фронт к 282-му пехотному полку, а 2-я рота с остатками 3-й — к 289-му пехотному полку.

Несмотря на ссылки о больших потерях и ожидание новых ударов противника, дивизии так и не удается вернуть себе 290-й полк, которого ей так не хватает! Полк стоит биваком южнее Гжатска и проходит обучение в преддверии получения новой задачи.

Постепенно листва окрашивается в желтый цвет. 31 августа задувает холодный северо-западный ветер, и горстка «стариков» с содроганием вспоминает о раннем приходе зимы в прошлом году.

Поле боя 25 и 26 августа под Шатешей со множеством выгоревших вражеских танков представляет собой печальное зрелище напрасных потуг противника переправиться через реку. Но оно же и доказательство успешной обороны немецких танков, противотанковых пушек и отделения истребителей танков с пехотой. Из 35 подбитых танков четыре Т-34 уничтожены лейтенантом Крайтмайером из 282-го пехотного полка и еще четыре — ефрейтором 2-го батальона 289-го пехотного полка в ближнем бою. С Железным крестом 1-го класса на груди храбрец из 289-го проживет еще день, а потом погибнет в следующем ближнем бою с танками. Один из специалистов по уничтожению танков пишет: «Подкрадываешься к танку, связку ручных гранат под гусеницы, гранату в башню или шель — и капут!» Те, кто так сражался, были простыми парнями, пехотинцами без брони, карликами против великанов! Стойкость пехоты перед танками приводит в изумление.

1 сентября царит странная тишина. Но и на участке Карста под Уполозами, у Фаульхабера под Шатешей, и у Гайгера перед Беркрином — все уверены в том, что это затишье перед бурей.

Около полуночи два перебежчика показали, что в 2 часа ожидается танковый удар. Утром 2 сентября на обнаруженные исходные позиции неприятеля налетают пикирующие бомбардировщики и обрушивается массированный огонь всей дивизионной артиллерии. Потребовались часы, чтобы парализовать намеченное наступление.

Однако уже скоро штурмовая авиация противника атакует населенные пункты, дороги и перелески. В 10 часов 10 минут вражеская артиллерия открывает ураганный огонь по всей линии фронта дивизии. Он не стихает больше получаса. Вслед за ним большевик с рубежа Санино—Бекрино начинает атаку мощной пехотой и 20 танками на участке 289-го пехотного полка.

И снова массированный огонь артиллерии останавливает движение и подавляет каждую новую попытку атаки. Обнаруженные исходные позиции врага у речной извилины в Отрадном, напротив района 282-го пехотного полка, также разбиты. Отсюда позже 20 танков звездообразно расползутся на север, северо-восток и восток. Но и им придется повернуть обратно под сильным огнем обороны. Лишь к Шатеше удастся прорваться клину танков. Однако совместным обстрелом окопной пехоты и 9-й батареи 198-го артполка с передовым наблюдателем обер-лейтенантом Керном местность очищена от танков. Во второй половине дня отбиты две атаки вражеской пехоты: подведенного по оврагу восточнее Шатешей батальона и отряда численностью в две роты, направлявшего удар по обе стороны Уполозов на север и северо-восток. Потери неприятеля очень высоки.

Когда темнота спускается на линию фронта, в штаб корпуса летит донесение: «Передний край дивизии выстоял, 12 танков уничтожено».

И снова пехота показала себя «броней против танков». И не только потому, что отсекала от танков и расстреливала сопровождающую пехоту, но и потому, что с достойной восхищения храбростью бросалась на самих чудовищ. Под Шатешей вечером догорают 9 вражеских танков и лежат 200 убитых. Перебежчики сообщают об огромных потерях. И тем не менее противник не берет паузу.

Ночь опять беспокойная, то и дело оживает огонь минометов и артиллерии. Ее сменяет день чрезвычайно ожесточенных боев и вместе с тем кульминация усилий неприятеля прорвать фронт. С рассветом 3 сентября разворачивается наступление противника по всему переднему краю обороны дивизии. Из 20 танков, выступивших с двумя батальонами пехоты на рубеже Санино—Бекрино, прорваться удастся лишь 8 танкам. Сопровождающая пехота отсечена и несет тяжелые потери. Отстреливаясь, танки поворачивают обратно. Столь же удачно отбита атака батальона противника с 10 танками на Шатешу.

Следующий танковый удар врага, 15 машинами с двумя батальонами сопровождающей пехоты, на рубеже Шатеша — Уполозы тоже

отражен, с большими потерями противника. Но он делает вторую попытку в том же районе: в атаке с такими же силами 8 танкам удается прорваться на плацдарм, Уполозы временно окружены. Сражение, в котором участвуют от 60 до 80 танков — в их числе некоторые весом в 42—52 тонны, — заканчивается 12 подбитыми машинами; причем два из них — пехотно-противотанковыми взводами ближнего боя.

Обороняющаяся пехота выстаивает этот день боев невероятной силы и жестокости с большими потерями. И все-таки выстаивает! При этом ей в немалой степени помогает испытанная в боях дружба и взаимовыручка с дивизионной артиллерией и ее передовыми наблюдателями, не отступающими ни перед какой опасностью.

И снова в штаб корпуса уходит гордое донесение: «Передний край дивизии там же, ни одного танка на выжженной земле».

Показания пленных подтверждают введение двух новых дивизий и не менее двух танковых бригад.

В последующие дни большевик предпринимает все новые и новые попытки вводом танков добиться прорыва, но теперь у него недостает наступательных сил пехоты. 4 сентября бомбы немецких пикирующих бомбардировщиков во взаимодействии с массированным артиллерийским огнем уничтожают исходные позиции неприятеля под Санином и Бекрином. В оборонительных боях против 17 танков, вышедших из того же исходного района, немецкие войска также одерживают кровопролитную, но победу. Семь пробившихся в Уполозы танков временно создают там критическую ситуацию, но и она успешно преодолена.

Остаточные слабые удары на следующий день повсюду парализуются одними лишь огневыми контрударами; так что 5 сентября можно считать спокойным днем. К тому же приходит радостная весть: 290-й пехотный полк наконец-то возвращается в родную дивизию. В резерве его сменит группа Карста.

На шоссе север—юг вторжение 15 танков снова поднимает на ноги все силы обороны. В результате 12 машин так и остаются на дороге; унтер-офицер 198-го истребительно-противотанкового батальона в одиночку уничтожил пять из них. Тем не менее одних лишь контратак явно недостаточно для очистки района от противника. Крайне негативно и чревато большими потерями действие вражеской артиллерии, которая в течение дня без передышки выдает на передний край до 5 тысяч залпов. В результате обозы получают дополнительную нагрузку: теперь в их задачу входит и подвоз в окопы на передовую всех еще боеспособных бойцов взамен вышедших из строя.

В ночи с 5 на 6 и с 6 на 7 сентября 290-й полк сменяет группу Карста и полк соседней дивизии слева. Части тут же занимают исходные позиции для возвращения прежней линии фронта. На рассвете 7 сентября при поддержке танков начинается беспощадная битва за изгнание большевика. В ходе сражения семь вражеских танков под Уполозами врываются на передовую. Фельдфебель Целлер из 14-й роты 290-го пехотного полка, хладнокровный и бесстрашный командир орудия, не дрогнув, остается у своей противотанковой пушки, подпускает танки на 100 м и подбивает два из них. Пехота, поначалу пришедшая в замешательство перед плюющими вокруг себя огнем колоссами, берет себя в руки, усиливает сопротивление; танки разворачиваются и уходят. Шальная пуля сражает фельдфебеля наповал.

Со 2 по 7 сентября в общей сложности уничтожено 29 танков; 233 человека взято в плен, не считая 108 перебежчиков.

Заключительный штрих этого оборонительного сражения был положен с сокрушением вражьего разведдозора. На рассвете 7 сентября долговязый лейтенант Зоффель из 1-й роты 289-го пехотного полка, разозлившись, в одиночку обращает в бегство 23 большевика, колошматя их прикладом и швыряясь комьями глины!

Бои с 24 августа по 7 сентября показали, что противник многому научился: сосредоточению артиллерийского огня; вводу штурмовой авиации против командных пунктов, огневых позиций и тыловых коммуникаций; массированному вводу танков и быстрой переброске резервов. Однако множественность атак, неиспользование местных успехов, беспомощность изолированных танков, равно как и сопровождающей пехоты, и отсутствие тесного взаимодействия разных родов войск стали причиной краха замыслов большевика, несмотря на неслыханный расход живой силы.

С введением в боевые действия 290-го пехотного полка полоса дивизии расширяется, теперь от Паськова до южных подходов к Лысову. Однако оборона слишком редка. Поэтому с радостью воспринято пополнение к трем унтер-офицерам и 74 рядовым 289-го полка в лице 22 желторотых лейтенантов из аэродромно-технического состава ВВС. Им назначено возглавить взводы. Нелегкая задача для юнцов! Но по численности это неплохая прибыль. И если у них храбрые сердца и добрая воля, то буквально за два месяца они научатся быть хорошими командирами и вратут в заботы пехоты.

С большой озабоченностью отмечают командиры-ветераны двух войн игнорирование высшим руководством с таким трудом добытого опыта: основная масса поставленных на ноги раненых и больных офицеров, унтер-офицеров и специалистов должна возвращать-

ся в свои части. А вместо этого одно за другим возникают «новые формирования». С потерей этих командиров пехота перешагивает границу предельного возраста. «Старение» происходит из-за того, что некоторые элитные в известном смысле соединения: войска СС, а также воздушные и военно-морские силы претендуют на молодежь. Сотнями тысяч получают они и удерживают у себя лучшую немецкую молодежь, молодежь, которая должна бы пополнить офицерский и унтер-офицерский состав пехоты!

8 сентября зарядил дождь и мгновенно превратил глинистые дороги в каток. Люди, лошади, автомобили — все скользят и буксуют. Эта непреодолимая помеха, помимо всего прочего, стала причиной приостановки всяческих атак.

Размеренность позиционной войны снова переводит войска на свои рельсы. Инженерно-саперный батальон тут и там выделяет свои роты полкам. Их использование в ночных условиях для устройства проволочных заграждений и минирования на переднем крае, тяжелое и опасное, быстро влечет за собой жертвы. Спотыкаясь во тьме и скатываясь в одиночные окопы и воронки, саперы тоже пополняют армию вышедших из строя. Но самые значительные потери составляют подрывы на минах — здесь больше всего тяжелораненых. За шесть недель выбыли из строя четыре командира взводов, в их числе лейтенант Бош и лейтенант Штайн. Одного из храбрейших и надежнейших унтер-офицеров инженерно-саперного батальона — штабс-фельдфебеля Шнеля и следом фельдфебеля Якоба смерть настигла 31 октября и 1 ноября.

Едва успокоившуюся от передраг дивизию, занятую на земляных работах по устройству блиндажей и окопов, снова всколыхнул приказ о «расширении рубежей». Снова передислокация! 282-й пехотный полк полностью прощается с прежними позициями и передвигается вправо от 289-го полка, который, в свою очередь, растягивается на 600 м влево, занимая рубеж 12-го полка 31-й пехотной дивизии. И только 290-й полк остается на той же линии обороны. Передний край дивизии отныне растягивается от Оленина через Шатешу на Лысово, включая всю излучину Вори. В этом районе дивизия в третий раз встречает 21 сентября — день, в который она начала свой долгий боевой путь через города и годы. Лишь малая ее часть сегодня здесь в живых.

Проведенная без военных инцидентов передислокация и расширение района обороны — по горькому опыту зимовки между Медынью и Юхновом — служит сигналом для возведения и обустройства новых позиций, как можно быстрее и тщательнее. На работах заняты все. Привлеченный к участию 198-й инженерно-

саперный батальон, во главе которого теперь вместо майора доктора Харсте поставлен майор Блох, показывает при этом свои наилучшие достижения и возможности. В его рапорте отражен объем проделанной работы: «Прокладка 1,06 км траншей; изготовление и укладка 112 мотков колючей проволоки и 427 рогаток; 20 проволочных силков с минами-сюрпризами; 750 м деревянных решеток для траншей; 750 м дорожных масок; вырубка 700 м² леса для секторов обстрела; закладка 216 дисковых мин и 35 мин натяжного действия; изготовление 650 м жердевого полотна; постройка 8-тонного моста длиной 14 м и 12-тонного моста длиной 66 м». И это всего за неделю! В тылу трудятся: 746-й инженерно-саперный батальон сухопутных войск, части 136-го и 313-го строительных батальонов, строительные роты военнопленных и украинцев добровольцев, 50 человек так называемых «хиви»¹, проживающих организованно и прилежно работающих.

Легкий ночной морозец и мягкие солнечные деньки в конце сентября и начале октября позволяют закончить основные работы до наступления осенней распутицы. Глинистая почва и высокий уровень грунтовых вод затрудняют земляные работы. Зачастую они могут проводиться только по ночам и как можно бесшумнее, ибо враг слышит и тут же стреляет. Вспомогательные силы из рядов 198-го артиллерийского полка, 198-го батальона связи и служб снабжения темными ночами тоже проливают каплю-другую пота.

В ясные звездные ночи летают вражеские бомбардировщики и сбрасывают свой груз на просторы советского рая.

В эти дни шесть частных атак противника численностью от 50 до 60 человек направлены на Шатешу и все отбиты 290-м пехотным полком, нанеся врагу ощутимые потери. Это был полный успех полка в безупречном взаимодействии с дивизионной артиллерией.

Ночи в основном проходят спокойно, но на переднем крае долгими темными часами едва ли кто может сомкнуть глаза. Все несут караул у протяженной тонкой линии фронта, все чувства обострены — и от этой службы не могут отвлечь ни болезнь, ни ранение, ни смерть. В дневнике командира дивизии есть такая запись: «В этой окопной жизни на передовой есть свои законы: 16 часов караульной службы, два часа чистки оружия и орудий и шесть часов сна. Но в рассрочку! Это с учетом отчаянной борьбы со слякотью, сыростью и все наступающей темнотой. Блиндаж мал, тесен и влажен, сквозь крышу, в которой, как правило, один лишь противоосколоч-

¹ «Х и в и» (сокращ. от нем. *Hilfswillige*) — вспомогательный служащий вермахта (представитель местного населения оккупированной страны). (Примеч. пер.)

ный слой, сочится вода, под ногами «гуляют» на раскисшей земле кругляки. Траншеи, глубиной выше человеческого роста, представляют взору только осклизлые коричневые стенки. Дальше 200—300 м обычно территория окопных работ и задач не распространяется. Именно здесь выполняет солдат-окопник свой главный долг: несет караул для защиты от противника, стойко переносит обстрелы и капризы погоды и отбивает атаки боевых разведгрупп, а то и куда больших сил.

С наступлением темноты он получает свою порцию еды, которую съедает при колеблющемся свете «свечи Гинденбурга». В короткие часы сна на голых досках — очень редко ему предоставлялась роскошь спать на матрасе — его мучают вши, от которых в такой грязи практически невозможно избавиться. Ни радио, ни короткие прогулки не разнообразят его жизнь. После смены караула он может снять напряжение лишь кое-какими физическими упражнениями. И каждый час, каждую минуту он находится на боевом посту.

Эта окопная полоса находится на переднем крае, и одна лишь пехота несет по-настоящему непрерывные и неизменные тяготы войны в сравнении с другими родами войск, которые знают передышку между боями — если подсчитать, она выльется в месяцы роздыха и отдыха, которых не ведает пехота.

Суровая, полная лишений и опасностей служба пехотинца, с отречением от всех мало-мальских радостей, не сопровождается оглушительными победами или громкими подвигами. Зато она согрета дружкой и товариществом редкой силы и глубины. И пока живы солдаты, знающие не понаслышке жизнь на передовой, такая дружба не умрет».

Собственные ночные разведывательные вылазки ставят окопников перед новыми испытаниями. Боевая разведгруппа численностью в четыре взвода под командованием лейтенанта Шёрнера и фельдфебеля Шварца из 9-й роты 289-го пехотного полка захватывает врасплох караул восьми блиндажей в овраге юго-восточнее Санина. Он уничтожен, 10 человек взяты в плен; но, к сожалению, тяжело ранен фельдфебель Шварц.

В начале октября больше всех ослабленный 282-й пехотный полк получил небольшое пополнение: 93 рядовых бойца из Гренадерского батальона Гро. 289-й пехотный полк принимает фельдмаршала фон Клюге. Тот осматривает позиции некоторых батарей, а потом уезжает, спасаясь от зарядившего на четыре дня дождя, превратившего и местность, и позиции в плачевное состояние. 19 октября один батальон 290-го полка был вынужден отступить с позиций

северо-восточнее Уполозов на несколько сотен метров, поскольку пребывание в низине становится невозможным. В одну из ночей этого «сезона дождей» лейтенант Моцина из 1-го батальона 282-го пехотного полка с боевой разведгруппой, составленной из бойцов 1-й и 3-й рот и усиленной взводом миноискателей и командой подрывников, вторгается на территорию неприятеля. Девять блиндажей застигнуты врасплох, их обитатели перебиты, а убежища взорваны. Собственные потери невелики.

Уже давно дивизия ждет обещанного пополнения личным составом. И наконец, 25 октября и 1 ноября оно подходит. Прибывшая из Хофа¹ «рота вылеченных» состоит из бойцов дивизии, и их встречают с распростертыми объятиями. И пусть все вокруг затянуто серой пеленой дождя, в родных подразделениях вернувшихся товарищей этот день озарен светом теплых улыбок. Повсюду радостные лица и оживленные разговоры.

Прибытие второго эшелона пополнения, гораздо более многочисленного, вызывает смешанные чувства. Конечно, 550 человек численно ощутимо пополняют ряды дивизии. Но кто они, эти новые боевые товарищи, у которых отныне одна судьба со старыми однополчанами? По большей части это пожилые мужчины, в основном женатые, никогда не нюхавшие фронта. Их «выбраковали» для использования в пехоте из высоких штабов: от Верховного командования сухопутных войск до командования корпуса. Другие, возможно, проштрафились и отправлены на фронт из строительных рот, автомобильных войск, авиационных и бронетанковых служб.

Разумеется, среди них есть и добровольцы, и просто надежные солдаты, которые, куда их ни пошли, будут честно исполнять свой долг. Но пригодна ли основная масса для пехотной службы? Станут ли они боеспособным «приростом»? Всем им придется нелегко, ох как нелегко! — и все-таки почти все они освоятся. Много времени на это им отпущено не будет, но испытательный срок большая часть пройдет успешно.

Еще разок погода улыбнется и ненадолго подарит мирное настроение поздней осени. С погожими днями оживится и деятельность. Все не занятые в боевых действиях на переднем крае подразделения дивизии примут участие в подготовке и обучении резервистов.

После трехдневной боевой пехотной подготовки бывший водитель санитарного автомобиля записывает: «Ну и намучились же мы под Машином! А 1 ноября нас посылают на шесть-семь дней на передовую. Маскхалат, винтовка, ранец боеприпасов — все страш-

¹ Хоф (Hof) — город в Германии на реке Зале. (Примеч. пер.)

но тяжелое. Мы сменяем пехоту на передовом рубеже. Мы, недавние пекари, мясники и снабженцы! В полвосьмого я впервые увидел врага. Блиндажи такие маленькие! Воды нет. Два часа караула, два часа отдыха, а между ними надо колоть дрова, топить, выгребать снег из окопов, чистить оружие, получать патроны и еду! Большевик стреляет немного. Пока ни с кем из нас ничего не случилось...»

Возвращавшиеся из таких нарядов обычно протопывали немалый маршрут, но в подразделениях их ожидали тепло и чистота. Больные и нуждающиеся в отдыхе находили уход в полевом госпитале 1-й санитарной роты, развернутом в Чесалках. Он мог принять до 80 больных и раненых. Зимняя кухня осиливала наплыв до 300 человек. Зубоврачебный пункт изготавливал в собственной лаборатории под началом доктора Шелленбергера до 50 пластин для зубных протезов. Для местного населения, живущего по большей части в ужасающих условиях, также устраивались ежедневные осмотры и лечение. А бойцам дивизии — так же как и за Угрой — был предоставлен так необходимый дом отдыха.

В середине ноября с 30 градусами мороза приходит настоящая восточная зима. Очень скоро вся земля покрыта снегом, мертва, пустынна и бескрайна. При взгляде за границу рубежа можно различить каждое дерево и каждый куст, каждую бойницу и амбразуру, из которой строчит пулемет, — черное на белом. Перед проволочным заграждением, а иногда прямо на проволоке виднеются темные скрюченные силуэты жертв неудавшихся разведывательных вылазок. А в окопах настроение приподнятое и оптимистичное. Оптимизм распространяется и на недавно прибывшее пополнение. Конечно, боевого опыта они еще не набрались и в стесненной окопной жизни не овладели как следует оружием, да и ускоренная выучка перед отправкой на фронт оставляет желать лучшего. Прозвища, которые они получили: у пехоты «гренадеры», у истребителей танков «скороспелки», — едва ли свидетельствуют об их ценности для боевой дивизии. Напротив, еще больше заметна нехватка выбывших из строя офицеров и унтер-офицеров, настоящих вожаков и застрельщиков, руководителей и воспитателей, которым нет замены. Скорее новички завоевывают к себе расположение безрассудством и безумством храбрых. Естественно, они увлекают за собой и других — однако и потери в их подразделениях слишком велики.

30 ноября пехота противника численностью 200 человек атакует батальон Бека 290-го пехотного полка. Он отбилсся ценой пяти убитых и шестерых раненых, но и сами положили тридцать восемь и взяли в плен четырех человек. Двумя днями позже 2-я рота

282-го пехотного полка проводит успешную разведывательную операцию на Батюшково.

Затем с 26 по 28 ноября сильные бураны погружают во тьму не только ночи, но и дни. Они заметают траншеи и дороги, и обеспечивают нескончаемой и почти бесполезной работой. На пронизывающем ледяном ветру посты приходится сменять каждый час. В последующие за ненастьем погожие ночи приходит другая напасть: чрезвычайно активизируется вражеская авиация, и зажигательные бомбы уничтожают в пожарах многие ценные убежища.

В одну из этих ночей особо отличился унтер-офицер Хофман из 3-й инженерно-саперной роты. Во главе команды подрывников в одной из операций боевой разведгруппы 282-го пехотного полка он проявил чудеса мужества и героизма.

Потом подошло Рождество, странным образом не потревоженное противником. Его отпраздновали — каждый мысленно с близкими у родного очага. Полевая почта вовремя и в большом количестве доставила посылки из дома. Рождественские кексы, курево, печенье и шоколад и, конечно, горячительные напитки объединили в маленькие теплые компании всех, в блиндажах и избах, за собственноручно сколоченными столами, на многих из которых стояли зажженные елочки. И повсюду звучали немецкие рождественские песенки.

Последние дни года, почти мирные, протекали при несильном морозе и не слишком беспокоящем враге. 31 декабря дивизия встречает Новый год сплоченным и надежным воинством на своих рубежах за Ворей, готовым и способным и в новом, 1943 году рисковать жизнью, чтобы защитить свою родину от большевизма.

1943

Новый год начинается умеренными морозами и затишьем на фронте — гораздо приветливее, чем предыдущий. В блиндажах на самом переднем крае пехота делит убежище с саперами, которые уже не первый день устанавливают заграждения. Несмотря на близкое расположение врага и частые обстрелы, 2-я рота 198-го инженерно-саперного батальона за одну ночь укладывает 360 минут. И внутри и снаружи усиливающиеся морозы доставляют неудобства. В конце января, когда температура воздуха достигает самого низкого показателя в новом году — минус 29 градусов, в дивизию поступает ряд знаковых приказов. Одним из них пре-

кращается существование одного из трех пехотных полков дивизии. Три других приказа были скорее из разряда тактических и моральных:

«Впредь больше никаких отходов, никаких сдач позиций!»

«Впредь только держаться любой ценой!»

«Все отрезанные части впредь должны держаться до снятия блокады!»

В чем подоплека таких приказов? Недоверие? Тяжелое положение? Распад? И какими будут последствия? Они окажутся в высшей степени губительными.

Почти в то же самое время дивизия получает уведомление о скорой переброске на юг.

Выбрать полк к расформированию оказалось нелегко и, наконец, с учетом всех точек зрения жребий пал на 289-й. Часть его должна будет войти в состав 282-го и 290-го полков, а другая — стать основой нового дивизионного батальона. Переформирование должно закончиться к середине февраля.

Это тяжелый удар, и его не может смягчить то обстоятельство, что численный состав двух других полков теперь увеличится до размеров полных трех батальонов.

Еще до конца января северный рубеж 290-го полка передается 292-й пехотной дивизии. И он с батальонами Бека, Эггерсорфера и Изеле занимает позиции бывших соседей, полка 31-й пехотной дивизии с основным пунктом в Кордюкове. 31-я дивизия отводится полностью, так что отныне южным соседом станет 183-я пехотная дивизия. Новый КП дивизии передвигается в Рамоны на трассе Темкино—Вязьма. 30 января новые позиции приняты. Их плачевное состояние повергает всех в изумление. Немало крепких словечек полетело вслед предшественникам.

Волнения передислокации быстро сменяются куда большей тревогой, пришедшей со словом «Сталинград». Конечно, истинного масштаба катастрофы еще не знал никто, но поводов для беспокойства уже хватало! Вот они и обозначились, первые далекоидущие последствия данного с размахом приказа сверху: «Держаться любой ценой!»

Большие перемены не заставили себя ждать и в судьбе дивизии: 30 января две трети инженерно-саперного батальона вывозят на 29 грузовиках из района обороны дивизии на масштабные работы по строительству оборонных и заградительных сооружений. В 21 час, в день приказа, колонна скрылась в туманных далях запада. Дивизии оставили для завершения инженерных работ на рубеже лишь 2-ю роту.

Никто не получил никаких разъяснений, и никто не знал правды: операция «Буйвол»¹ началась. Началось масштабное выпрямление линии фронта и отвод войск почти на 120 км в западном направлении. Между выступом в Сухиничах и вогнутостью линии фронта у Великих Лук натянута мощная хорда!

Как спокойно начался январь и как беспокойно заканчивается! И сама природа подводит черту неистовыми метелями, затянувшимися на двое суток.

Формирование нового дивизионного батальона успешно продвигается, его роты уже приобретают очертания.

До обживания и утепления новых позиций дивизии дело не доходит. Уже 8 февраля объявлена новая переброска, теперь на расстояние четырех батальонных рубежей. Все ближе подходят войска к своим старым позициям на Угре. Все дальше растягиваются рубежи обороны дивизии. По завершении приема позиций она насчитывает 32 км. Обустройство проходит в условиях новых буранов и снежных заносов, которые усложняют работу. На каждый объект уходит втрое больше времени.

Приготовления к предстоящему отходу на время прерываются из-за передислокации штаба дивизии в Поляны. Затем они возобновляются. До сих пор не прояснена целая куча важных вопросов. Что может и что должна дивизия брать с собой в 120-километровый путь? Что должно быть уничтожено, кем, как? Где и как должны быть оборудованы на пути отступления хранилища для боеприпасов и продовольствия для людей и лошадей? Где и как будет привлекаться местное население, кто будет организовывать кормежку и надзор? Какие заграждения следует создать, откуда и куда будут подвозиться взрывчатые вещества? Где брать горючее для автомобилей? Во всех штабах, и еще больше в тылу, идет напряженная работа. Возможно, до начала операции остается не более двух недель!

«14 февраля 1943 года пехотный 289-й полк прекращает свое существование. Его испытанные в боях офицеры, унтер-офицеры и рядовые, вершители и хранители славной истории полка, переходят в братские 282-й и 290-й полки дивизии, усиливая их численностью и боеспособностью. Из его же рядов формируется новый «дивизионный батальон». Впредь все бойцы дивизии будут в тесном взаимодействии с новыми подразделениями с прежним воодушевлением

¹ Зимой 1943 г. немецкая 9-я армия оставила ржевско-вяземский выступ. Операция по отводу войск на заранее подготовленные позиции была названа «Буйвол» (Büffel). Действия немецкого командования позволили сохранить немецкие войска и вывести их из-под угрозы окружения. Операция Büffel по сей день изучается в военных учебных заведениях многих стран как пример грамотно проведенной отступательной операции. (Примеч. пер.)

выполнять стоящие перед ними задачи» — так обратился к своим бойцам командир дивизии.

В тот же день под дуновением первого теплого ветерка дивизионный батальон выступает на усиление слишком слабой обороны. По пути погибает ефрейтор Келлер, командир 4-й роты нового подразделения, сформированной из бойцов разведывательного эскадрона, 13-й и 14-й рот 289-го пехотного полка и выделенных сил двух других полков дивизии. Первая тяжелая потеря. Через несколько дней батальон будет снова отведен с позиций, чтобы перед самым началом отступления пройти в Карпищеве обучение для выполнения предстоящих задач. На это ему будет дано всего пять дней!

Потянувший было оттепелью ветерок быстро сменился ледяным ветром и холодом. В ночь с 19 на 20 февраля были взяты пленные с рюкзаками. Из их показаний стало ясно, что на той стороне уже известно о скором отводе войск и принимаются меры. Агенты и доносчики, промышляющие в тылу с безобидными физиономиями обывателей, поставляют врагу добытые сведения.

Многочисленные пертурбации в подготовке к проведению операции «Буйвол» нечаянно оборачиваются для дивизии приятной стороной. За отпущенное время не все запасы снаряжения и продовольствия успевают вывезти. Так что фуража и довольствия достается войскам все больше день ото дня!

Но с этого времени ночные вылазки врага становятся регулярными. Определенно, неприятель хочет убедиться в верности полученных сведений. Тут и там с трудом удается не дать ему ворваться в траншеи. На ночь приходится через каждые сто метров выставлять удвоенные посты! В участвовавших ближних боях, которые ведутся в условиях снежных бурь при сильных ветрах, потери неумолимо растут. Особенно тяжело бьют они по боеспособности дивизий, когда в них погибают опытные бойцы. За последние 10 дней из-за ранений выведено из строя три офицера, в числе которых и офицер бывшего 289-го пехотного полка лейтенант Тео Дитцель. Вскоре он умрет в полевом госпитале.

В ночь с 27 на 28 февраля проводится ложный маневр: немецкая артиллерия производит 1660 залпов, а подожженные поленницы должны создавать впечатление горящих изб, чтобы инсценировать начало отступления. Большевик выжидает 24 часа, а потом идет в наступление сразу в нескольких местах на рубеже дивизии отрядами по 80—100 человек; особенно активны атаки на участке 290-го пехотного полка. Повсюду противник отбит с большими потерями. Только перед заградительными сооружениями перед траншеями полка Кляйна остаются лежать 160 убитых. К позициям 282-го пе-

хотного полка выезжают две многоствольные реактивные установки, что само по себе свидетельствует о готовности противника перейти к молниеносному преследованию.

Тем временем начинаются кое-какие приготовления на новых позициях, предусмотренных для дивизии в операции «Буйвол», — в 10 км от Спас-Деменска, между Куприном и Киркином. Промаршировав в метель до позиций, 2 февраля колонна 198-го инженерно-саперного батальона находит их в удручающем состоянии. Все придется возводить заново и практически из ничего. Нет ни инструментов, ни материалов, ни рабочей силы. 5 февраля начинается обустройство переднего края обороны. Но уже 7 и 8 февраля всякую деятельность пришлось остановить из-за ураганного снежного шторма. И только 10 февраля возобновляются планомерные работы в соответствии с точной трассировкой. 11 и 12 февраля разбушевавшаяся стихия снова парализует строительные и подрывные работы. Отрытый грунт заносит до такой степени, что исчезает и их след. Видно, несчастливая звезда сопровождает операцию «Буйвол»!

16 февраля гужевым транспортом прибывают остальные части инженерно-саперного батальона. 25 февраля, когда 1-ю роту возвращают на фронт для строительства заграждений в район действий дивизии, новый передний рубеж с блиндажами и траншеями уже приобрел свои очертания. К 5 марта первая линия, оборудованная в качестве опорного пункта, уже будет готова.

Организация предстоящей операции, которая должна проводиться в смене движения и остановок, сдерживающего сопротивления и обратных атак, требует многочисленных детальных обсуждений на всех уровнях. Никому не хочется повторить столпотворение еще свежего в памяти зимнего отступления 1941—1942 годов, когда то и дело приходилось либо торчать в пробках, пропуская другие части, либо отклоняться от намеченного маршрута.

Новый снегопад и сильные заносы заставляют противника проводить разведку боем. Особенно сильный удар пришелся на батальон Хеллера 282-го пехотного полка. Несмотря на черную тьму, в нем приняли участие четыре неприятельских танка. В ожесточенных ближних боях пали три рядовых, тринадцать было ранено. Но большевику не удалось взять пленного, а сам он потерял убитыми 40 человек. Уже во второй половине следующего дня три атаки противника на других местах захлебываются. В полночь почти полностью уничтожена атакующая группа численностью 80 человек. Потери следуют одна за другой, они — следствие упорной обороны. Но врага они, по всей видимости, не смущают; большевик гонит на смерть все новые силы. 5 марта он проводит атаки по всему фронту

дивизии, разной интенсивности и мощности. Канонада артиллерии не утихает с обеих сторон. Но нигде врагу не удалось прорваться. За последние шесть суток число чернеющих на нейтральной полосе трупов увеличилось до четырехста восьмидесяти пяти.

Операция «Буйвол»

Вечером 6 марта 1943 года в рамках начавшейся операции «Буйвол» два батальона покидают передовую, чтобы занять первые промежуточные позиции за 5 и 8 км в глубине немецкой обороны. В окопах на переднем рубеже пока остаются четыре батальона. Удастся ли оторваться от врага по всей линии фронта? В конце концов, большевик ведь владеет информацией о наших намерениях!

7 марта, воскресенье, вопреки всему негативному опыту, не преподносит неприятных сюрпризов: ни плохой погоды, ни вражеских атак. В 19 часов покидают передний край: 282-й пехотный полк слева, 290-й справа; на оборонительном рубеже для прикрытия остаются по батальону в три взвода каждый с тяжелым вооружением. Главные силы полков одним эшелоном маршируют к новому рубежу сопротивления между Бабинками и Куренками на Угре. В 24 часа начинают отход и подразделения прикрытия; оставляя за собой только разведдозоры. Перед Угрой, на восточном берегу, тремя группами — вокруг Абрамова, Прудков и Левкина — уже стоит смена, которая в 5 часов утра возьмет на себя функции арьергарда. Она продержится до 10 часов, затем ее сменит новая боевая часть, а она займет позиции на второй линии сопротивления. Конечный арьергард получил приказ между 15 и 16 часами отойти за Угру; в двух пунктах остаются небольшие передовые укрепления. Как только последнее транспортное средство закончит переправу, мост должен быть взорван. После этого Угра станет новой линией обороны, который предписано удерживать до вечера 9 марта.

Все протекает в соответствии с планом. Сухая погода, легкий морозец и прекрасная видимость благоприятствуют его исполнению. И неприятель пока что не идет по следу. Лишь вечером 8 марта он теснит по южному флангу дивизии. Вскоре именно туда, на стык с 268-й пехотной дивизией, будет направлен главный удар преследователей. Дивизионный штаб, перемещенный в Жолобово, перебрасывает туда резерв дивизии.

На протяжении всего дня 9 марта неприятель усиливает давление со стороны Климова Завода в направлении Знаменки. Перед позициями дивизии успешно отражены атаки на северный и южный

фланги разведывательных отрядов численностью по 100 человек. Лес почти повсюду не дает заметить врага на дальних подступах. Лишь однажды просматривались колонны на марше, численностью примерно в полк.

Из 268-й пехотной дивизии приходит сообщение о 20 танках. 98-я дивизия тут же передает ей на время взвод тяжелых противотанковых пушек.

Погода все улучшается. Каждый рад теплым солнечным лучам. Начинается оттепель. Так же планово, как и вначале, с 18 часов 9 марта осуществляется дальнейший отвод войск. Следующая промежуточная позиция Па тоже расположена за Угрой, которая здесь делает крутой поворот и, меняя направление течения, представляет собой прекрасный рубеж обороны.

Прикрытие состоит из трех групп. Для прикрытия стыка дивизионный батальон отправлен в Знаменку. Прежде, зимой 1941/42 года, этот населенный пункт был центром района привалов обозов и колонн дивизии.

Почти без давления противника протекает отвод войск за Угру. Беспокойной выдалась только ночь на 10 марта: на многих участках идет перестрелка.

Для усиления центра обороны под Знаменкой к западу от нее подтянута артиллерийская группа из четырех легких и тяжелых батарей 198-го артполка под командованием подполковника доктора Борковски, усиленная к тому же по одной тяжелой и легкой противотанковыми пушками. Подтянута к этому рубежу и вражеская артиллерия, которая огнем поджигает Знаменку. Но советская пехота не спешит вступать в бой, во всяком случае, она занимает район лишь тогда, когда 282-й и 290-й полки отступают за рубеж Великополья до Вешек. Вместе со штабом дивизии дивизионный батальон отходит на Луги. Подразделения прикрытия к востоку от рубежа обороны на этот раз противостоят врагу четырема группами.

11 марта день выдался солнечным и теплым. Повсюду журчат ручьи. К полудню большевик уже подошел к рубежу на стыке с 268-й пехотной дивизией и очень быстро переходит в наступление. Разворачивается интенсивный артиллерийский бой.

Несмотря на близкое присутствие противника, отступление протекает без эксцессов. Ночные передвижения не встречают препятствий со стороны врага, но осложняются начавшейся весенней распутицей. Оси ломаются, приходится перегружать поклажу, лошади измучены.

12 марта снова радует теплое солнышко, однако под его лучами продолжается таяние огромных снежных масс. Образуется множе-

ство глубоких промоин. Группы прикрытия перед лицом сильного противника заранее отходят за линию обороны. И все-таки рубеж между Городищем и Бабенками должен удерживаться до вечера. Первый удар врага приходится на арьергардную роту ротмистра фон Ханштайна из дивизионного батальона. В завязавшихся боях гибнет лейтенант Шумахер, ротмистр фон Ханштайн тяжело ранен, но доставлен в безопасное место. В 16 часов неприятель начинает атаку на рубеж сопротивления, главный удар по-прежнему направлен на стык дивизий. Впервые перед дивизией появляются танки. Атаку удается отбить благодаря четко управляемому и прицельному огню стянутой к Субботникам артиллерийской группы, в которую вошли также по взводу тяжелых противотанковых пушек, зенитных пушек и тяжелых пехотных орудий. Подбито пять танков. Этот успех облегчает отход в сумерках.

Ночные марши на заданное расстояние сразу после оборонительных боев ложатся тяжелой нагрузкой на войска. И хотя ночи стоят ясные и холодные, легкий морозец не может сковать зашедшее далеко таяние всего вокруг. И если прежде по ночам неприятель не давал о себе знать, то теперь все меняется. Утром 13 марта при поддержке танков он наступает по всему фронту дивизии между Пустошкой и Грядками. Четыре танка уничтожены. Вечером, после успешного завершения оборонительного боя, полки надеются на отступление без помех. До сих пор планомерно организованные перемещения и успешные оборонительные бои были бы невозможны без надежной поддержки маневренной дивизионной артиллерии, без решительных действий всей броневой боевой техники и без постоянно возобновляемой сети связи. Но и их использование было бы невозможным без устройства эффективных заграждений саперами дивизии!

Из Архамонов штаб дивизии переезжает в Береговую, на Угру. Назначенный резервом по центру нового рубежа обороны III дивизионный батальон под командованием майора Рубеля подходит туда лишь в 3 часа ночи. Рота Шалленберга сильно пострадала во время танковой атаки. На этом оборонительном рубеже снова предписано продержаться 24 часа. Однако дело не доходит даже до его занятия. Осложнения, возникшие у южного соседа, выдвигают дивизии новые требования: после поверхностной рекогносцировки срочно занять позиции на новом рубеже за Угрой между Дракином и Береговой. Всю ночь напролет дивизия снова находится на марше, чтобы успеть на заданные позиции до рассвета.

Но под покровом ночи по непросматриваемой местности и враг следует по пятам. Уже утром у реки появляются первые разведдо-

зоры, потом в течение дня подходят все новые силы, и уже к вечеру на Угре стоят три батальона.

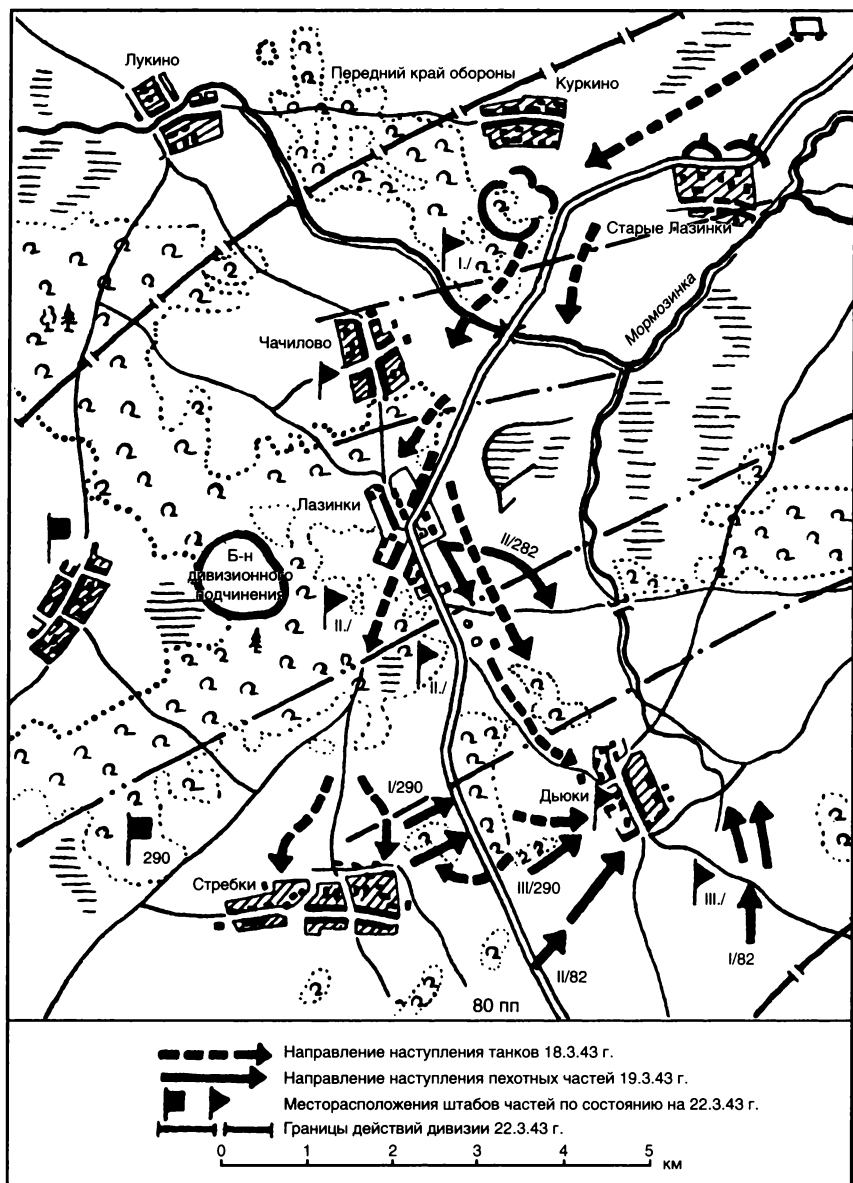
Благодаря произведенному сокращению линии фронта 282-й пехотный полк высвобождается, но тут же ему находится новое применение: он без передышки отправляется маршем на Гнездилово, для действий по обе стороны от Лазинок. За плечами у него восемь суток непрерывных боев; дни и ночи, которые, при двух-трех часах сна, стали тяжелой нагрузкой для людей и лошадей. И вот теперь ничего не подозревающий полк стоит в шаге от битвы жесточайшей силы, битвы, для которой ему потребуются все оставшиеся силы.

16 марта, после тихой ночи, занимается ясный, солнечный день ранней весны, который 290-й полк и дивизионный батальон встречают между Глотовкой и Высоким. Здесь, на рубеже, занятом лишь опорными пунктами, перед которым по всей длине возвышается густой лес, скрывающий любые вражеские передвижения, батальонам еще раз предстоит держаться 24 часа. 17 марта, после отражения трех атак противника, численностью в роту, дивизия отступает, проходит через район прикрытия 268-й пехотной дивизии и направляется в места расквартирования позади рубежа «Буйвола». Этой ночью дивизию покидает многолетний командир дивизиона тяжелой артиллерии подполковник доктор Борковски — бесстрашный и энергичный, последний из «стариков», опытнейший начальник и солдат без страха и упрека.

Итак, дивизия успешно завершила отход на предписанные ей позиции. От начала и до конца отвода войск полки и новорожденный батальон дивизионного подчинения в тесной взаимосвязи с саперами и истребителями танков, при поддержке день и ночь прикрывавшей их артиллерии не только не подпустили к себе врага, но смогли нанести ему ощутимый урон. И еще больше, чем прежде, следует отдать должное саперам, которые своей кропотливой работой обеспечили успех операции. Ни один брод не остался незаминированным, ни один мост не достался неприятелю; и каждое минное заграждение укладывалось лишь после того, как последний солдат прикрытия — часто в последний момент — преодолевал узкий проход.

Танковое сражение под Лазинками и Дьюками

Вечером 16 марта 282-й пехотный полк, почти без сил, занял свой новый район обороны по обе стороны от Лазинок. Граница справа: Дьюки (не включая населенный пункт), граница слева: Куркино (включая населенный пункт). И снова, в третий раз с

начала боевых действий в России, оторванный от родной дивизии, под чужим командованием, полк в короткие сроки, без рекогносцировки перебрасывается на совершенно неподготовленные позиции и попадает под только что начавшееся танковое наступление невиданной до сих пор силы и мощи.

Во время отступления по дороге от Каменки до Тупицына противник шел буквально по пятам. Однако предупреждения о приближении его танковой колонны не поступило ни в 282-й полк, ни в 98-ю дивизию. Уже 16 марта враг стоит у Старых Лазенок и Куркина и теснит едва занявшие позиции 1-й и 2-й батальоны 282-го пехотного полка в опорных пунктах, расположенных перед передним краем обороны на участке протяженностью 800 м. Немногочисленные противотанковые пушки вместе с артиллерией соседней дивизии Хама представляют собой не слишком надежный костяк обороны.

На рассвете 17 марта вражеская артиллерия и минометы начинают массированный обстрел опорных пунктов. Многочисленные прямые попадания приносят первые жертвы. Разведку боем также провести не удастся по причине мощного, хорошо направленного огня.

С проклятиями припоминает каждый из пехотинцев приказ корпуса: «Держаться до последнего патрона!»

На переднем крае, обустройство которого находится еще в зачаточном состоянии, роты в спешке и в ужасе перед надвигающейся бедой пытаются хоть как-то довершить начатое. Выбиваются из сил как 1-й батальон Валя слева, так и 3-й батальон Хеллера справа. 2-й батальон Хайма стоит в резерве в Новых Стрелках.

С большой озабоченностью отслеживает командование дивизии ход событий, на который оно никак не может повлиять. Как прежде, при переправе через Днепр, как на Воре, боевая единица снова расчленена и вводится в действие по отделениям.

Однако на долгие переживания о судьбе батальонов 282-го пехотного полка не остается времени: приказом по корпусу дивизии предписано провести разведку боем в районе действия 268-й пехотной дивизии с перспективой замены оной. Но уже разведка показала, что порядок действий на ближайшие дни противник будет определять сам.

Большая часть 98-й пехотной дивизии вошла в район Каменки, хотя далеко не все передвижения завершены. Первые часы после десятидневных арьергардных боев дивизия отдыхает, но уже утром 18 марта над дорогами и деревнями гудят, накатывая волнами, вражеские самолеты, поливая огнем бортовых пушек и засыпая бомбами любое движение, любой населенный пункт. Дома горят, в войсках смятение и большие потери.

В это же время из выдвинутых опорных пунктов южнее Куркина наблюдаются скопление войск и стягивание танков. Из-за

нехватки боеприпасов причинить достаточный ущерб вражеской артиллерии не представляется возможным. Танки все прибывают, и становится ясно: готовится крупномасштабное наступление!

В 9 часов оно начинается. События теперь разворачиваются с невероятной быстротой. Несмотря на внезапное — и повсюду превосходящими силами — продвижение по всей линии фронта, главный удар неприятеля нацелен на рубеж 282-го полка и наносится основными силами с неимоверной решимостью.

В опорном пункте южнее Куркина засел лейтенант Котхубер с частью 3-й роты. Справа от них, тоже на передовой позиции, залег обер-лейтенант Фокентанц. У обоих приказ держаться «до последнего патрона». Они — как, собственно, и другие выдвинутые за переднюю линию обороны части 2-го батальона — уже попрощались с жизнью. Лейтенант Котхубер так описывает начало наступления в своем военном дневнике: «Сначала поодиночке и тихим ходом по обе стороны от трассы Тупицыно—Лазинки надвигаются 50, 60, 70 танков с сидящей на их броне пехотой. Группами по пятнадцать—двадцать, накрывая друг друга огнем и паля перед собой, катится на полк около сотни чудовищ. Очень скоро первые машины охвачены пламенем, другие уткнулись рылом в снег. Остальные, не прекращая стрелять, двигаются вдоль дороги и вдоль переднего края. Сопровождающая пехота спрыгивает прямо в окопы, где тут же завязываются ожесточенные рукопашные бои.

Геройское сражение разворачивается между 3,7-см противотанковой пушкой 282-го пехотного полка и танком Т-34. Совсем без укрытия расчет пушки посылает один снаряд за другим в плюющую огнем машину, которая наползает, несмотря на несколько попаданий. Двое из расчета убиты. Двое других отскакивают в сторону. Один пытается засунуть в дуло ствола ручную гранату, второй — сделать еще один выстрел. Но танк опережает их — оба сражены смертельным снарядом».

Похожая ситуация сложилась и у батальона Хеллера 282-го пехотного полка. Его левая, 10-я рота левым флангом подходит к дороге на Лазинки. Отсюда она передает сообщение о передвижении с севера на юг от 80 до 100 танков противника. Через несколько минут южнее Лазинок на дороге показываются первые машины. Три подбиты. Затем следующие за ними танки уничтожают противотанковую пушку. Веером они рассредоточиваются по переднему краю. Скоро видны лишь башни вращающихся колоссов, по всей видимости, они давят гусеницами траншеи и небольшие доты. Обер-лейтенант Загер, командир 9-й роты 282-го полка, вместе со своим отделением управления роты гибнет от связки ручных гранат.

В этом сражении с 18 по 20 марта 1943 года пали многие безымянные герои 98-й пехотной дивизии.

Не все выдерживают чрезвычайное нервное напряжение схватки человека с танком, где надо пропустить бронированную махину над собой, а потом вступить в рукопашную прямо в окопах. Нервы сдают еще и от знания звериной жестокости большевиков. И не требуется особой отваги для танков проехать по трупам на участке раздавленной обороны и укатить вдаль, на поле главного боя, где и обороняться почти некому. Но если один-другой боец временно и теряет мужество, то очень скоро берет себя в руки и плечом к плечу с товарищами решает исход этих трех дней. Штабам в эти дни приходится пережить немало острых моментов. Когда до Лазинок доносится шум грохочущего боя, майор Хеллер в спешке отдает приказ подготовить Стребки к защите силами дислоцированных там обозов: должно хватить нескольких одиночных стрелковый окопов, пары снежных насыпей и нескольких изб. Подъездные пути заграждаются дисковыми минами. Черным на белом торчат они в снегу, только вот взрыватели не взведены, ибо в суете их не удастся найти. От вражеского снаряда взлетает на воздух склад инженерного имущества со всеми его сокровищами, включая и взрыватели. Вскоре горит вся деревня, защитников становится все меньше. Когда танки приблизились, огнем, управляемым обер-лейтенантом Мастом и лейтенантом Крайле, удается изолировать вражескую пехоту от танков, а через поле с торчащими минами они идти не отважились. Обстрелами всего, что еще не подождено, они выкуривают из-под обломков разрозненных защитников и расстреливают их. В конце концов с одним рядовым и одним пулеметом командир залегает за поленницей дров.

В эти часы невозможно было установить связь с другими ротами. Вечером выяснилось, что все атаки врага отбиты и передний край по-прежнему в наших руках! В березовой роще южнее Стребков майор Хеллер с двумя группами отставших от своих частей солдат держит круговую оборону.

Около 14 часов 30 танков противника снова наносят удар по Стребкам. Когда танки вошли в село, в крайнем доме, в здании школы, находился майор Хайм с небольшим батальонным резервом. Танки, продвигаясь, крушат последние избы. От села остается только кирпичная коробка школьного здания. Прислонясь к стене, сидит на корточках майор Хайм — старый рубака с неизменной сигарой во рту. Подле него несколько связных. Бронированный колосс стреляет через окно, над Хаймом свистит снаряд и разносит стену; осколками ранит несколько человек. Майор медленно поднимается и обращается к своему адъютанту: «Черт, вот и я стал чер-

ным!» Странно, но танк разворачивается без следующего выстрела, школа не занимается пожаром, а Хайм ухмыляется.

Переданный в распоряжение XII армейского корпуса 290-й пехотный полк стоит без дела в районе Каменка—Харламово. Но долго «лениться» не придется. У дивизионного батальона перспектив на передышку еще меньше. 17 марта он еще на марше, а 18-го уже подходит в Гранкино, где ему предстоит выждать в качестве резерва дивизии. Однако сладкие мечты о предстоящем отдыхе развеиваются как дым. Самым опытным совсем не нравится нарастающий уже с девяти утра шум боя на востоке. Тем не менее до предвечернего времени ничего не происходит.

Между тем на главном рубеже в неравном бою с численным превосходством вражеских танков уничтожены все немногие противотанковые пушки. Слабая артиллерия испытывает еще и недостаток боеприпасов, а целей для поражения великое множество. Таким образом, 282-й пехотный полк под командованием полковника Фаульхабера должен полагаться лишь на свои силы. Это настоящая проверка на мужество и стойкость, на верность сердец в бою не на жизнь, а на смерть. Беззащитная пехота против танков и пехоты, их сопровождающей. В то время как прорвавшиеся за линию фронта танки бьют вкруговую в деревнях, самолеты на бреющем полете расстреливают войска, автоколонны и любое подвернувшееся транспортное средство. 290-й полк с дивизионным батальоном, поднятые по тревоге, перебрасываются на рубеж Губино—Ташилово, а в это время офицеры, унтер-офицеры и рядовые 282-го полка совершают невозможное: препятствуют прорыву врага стеной своих тел. Одно из донесений тех дней передает впечатление от этой обороны: «Потом вдоль передовой линии пошли группы танков и брали один дот за другим под огонь своих пушек. Множество офицеров, унтер-офицеров и рядовых пало на месте. Сомкнувшись в боевые группы, немногие выжившие заградили путь танкам и превосходящим силам пехоты. Капитан Штубенраух собирает остатки 1-й и 3-й рот 282-го пехотного полка и ведет их на штурм сданных врагу позиций. И отбивает их! С горсткой бойцов он защищает позиции от повторных попыток захвата их неприятелем и наносит пехоте, сопровождающей танки, ощутимые потери. Его пример, его непоколебимая воля зажигают и других на подобные подвиги». Так, в борьбе с танками с ближних дистанций снова отличается капитан Крайтмайер. до самого вечера бой идет с переменным успехом. Неоднократно судьба обороны висела на волоске.

Вечером 18 марта противник хоть и оставался на отдельных, занятых им передовых немецких постах, но прорваться на рубеже

282-го пехотного полка так и не смог. Обнаруженные позже вражеские приказы показывают, что на участке обороны полка целью прорыва к Ельне было задействовано помимо главных сил в 150 танков, еще и две стрелковые дивизии. Без участия тяжелых бронейных орудий был подбит 31 танк. Удручающе велики наши кровавые потери в результате многочасовых ближних боев и контратак, и велико число жертв, раздавленных гусеницами танков. И все-таки чувство гордости переполняло всех выживших и устоявших перед лицом превосходящего противника.

Теперь 290-му пехотному полку предписано взять с боем свой будущий район с центром в Дьюках, занятый врагом.

В довольно холодную ночь, при свете луны, полк Кляйна без инцидентов занимает исходную позицию: 1-й батальон майора Бека — южный край Губина и территории южнее его, 3-й батальон капитана Изеле — район северо-восточнее Губина и 2-й батальон майора Эггерсторфера — район юго-западнее Ташилова. Под командованием майора Рубеля дивизионный батальон собирается на высоте 424.1, севернее Губина.

19 марта в 5 часов 15 минут полк приступает к подготовленной контратаке и уничтожает, как указано в приказе, «вторгшегося на передний край обороны врага».

Объекты атаки: для 2-го батальона — Лазинки, южная часть, и передний край на юго-восточном участке; для 3-го батальона — Дьюки и передний край на восточном участке; 1-й батальон вначале следует за 3-м, затем овладевает ложбиной северо-восточнее Стребков. Дивизионный батальон остается в распоряжении штаба полка.

Ранним утром разведка доносит: противник слаб только в крайних домах Лазинок и хорошо укреплен в Дьюках. Завяжется жесточайший бой, который потребует от каждого напряжения сил не меньше, чем накануне в 282-м полку. Но кровавая плата окажется еще выше.

Поначалу все идет неожиданно гладко. В быстром темпе передовые роты выдвигаются к дороге Куркино—Стребки. Враг опрокинут. Около 7 часов 30 минут 2-й батальон выходит на передний край севернее Дьюков, штурмует и занимает район. Но когда полк намеревается 3-й батальоном с фронта и 1-м батальоном с юго-запада приступить к самим Дьюкам, роты встречают массивный заградительный огонь, который открывают около 20 танков, хорошо замаскированных на восточной окраине населенного пункта. В рядах наступающих тут же образуются огромные бреши. Насмерть сражены возглавлявшие атаку командиры, прямо на бегу падают

бойцы, погибают занявшие места офицеров фельдфебели. Из десяти пулеметных расчетов уже в течение одного часа в результате прямых попаданий 10-я рота 290-го полка потеряла восемь! Враг оказывает противодействие такой силы, что без временной приостановки атаки и перегруппировки нечего и думать о конечном успехе!

Не жалея снарядов, вражеская артиллерия теперь обстреливает местность позади передовой линии — огневые позиции немецких тяжелых пехотных орудий и артиллерии. Одновременно штурмовая авиация противника с нарастающей интенсивностью покрывает весь ближайший тыл. Все вокруг воет и рокочет, свистит и стрекочет. Неистовая битва все разгорается. Воля к прорыву и решимость не допустить его стоят друг друга.

В 13 часов при поддержке казематной артиллерии и обоих дивизионов Керна и Делиуса 290-й полк предпринимает вторую попытку атаки на Дьюки. Одной боевой группе 3-го батальона с северо-запада, другой — с севера — удается на время ворваться в населенный пункт. Северная группа попадает под огонь танков и снайперов и, отступив, останавливается в 300 м от деревенской окраины с большими потерями и на исходе сил. Все новые русские танки появляются и вступают в бой, все новые, свежие резервы закрывают бреши в рядах противника. После выхода из строя всего офицерского состава 2-го батальона, включая адъютанта и офицера-ординарца, атаку приходится прекратить. Занятая линия в 16 часов будет сдана. Девять командиров рот выбывают по смерти или ранению. Истребители танков теряют в начале сражения обер-лейтенанта Мюллера, убитого прямым попаданием, позже обер-лейтенанта Янушкевича из-за тяжелого ранения.

Пусть цель атаки и не достигнута, зато большая часть прежнего рубежа обороны снова в наших руках. Он послужит хорошим плацдармом для продолжения наступления на следующий день. А в этот вечер командование получает новый приказ для дивизии, то есть для двух сильно обескровленных полков!

20 марта у противника должен быть отбит последний участок переднего края: Дьюки. Ночью без эксцессов проходят необходимые переформирования. А утром усиленный 290-й полк стоит в боевой готовности: 1-й батальон 82-го пехотного полка (приданный) — в километре на юго-восток от Дьюков; 2-й батальон 82-го пехотного полка (приданный) — в 800 м юго-западнее Дьюков; 1-й батальон 290-го полка — на дороге к востоку от Стребок; 3-й батальон 290-го полка — у опушки леса в 400 м западнее Дьюков; и 2-й батальон 282-го полка на переднем крае к северу от Дьюков. После атаки батальон примет участок восточнее Ташилова.

Дивизионный батальон стоит резервом в лесу восточнее Губина. Атака будет проводиться во взаимодействии с двумя батареями бывшего 667-го дивизиона штурмовых орудий под командованием майора Лютцова, 3-й ротой 198-го истребительно-противотанкового дивизиона, ротой 31-го истребительно-противотанкового дивизиона (четыре 7,62-см самоходные противотанковые пушки), двумя легкими дивизионами 31-го истребительно-противотанкового дивизиона и 4-м тяжелым дивизионом 260-го артиллерийского полка. Взвод 2-й роты 198-го инженерно-саперного батальона сопровождает штурмовые орудия для разминирования — трудная задача! Дважды совершат вылеты пикирующие бомбардировщики. Совсем другие условия по сравнению с первым наступлением!

В 9 часов, с восходом солнца, начинается атака, и тут же снова завязывается ожесточенный бой. Шесть артиллерийских дивизионов бьют по Дьюкам. Затем сбрасывают свой груз пикирующие бомбардировщики. Земля дрожит.

В 10 часов 30 минут по проложенному штурмовыми орудиями пути с юга и юго-запада наступает пехота и врывается в южную часть Дьюков. Затем расширяют прорыв и устанавливают связь с 1-м батальоном 282-го пехотного полка — первый значительный успех! К сожалению, центр и северная часть деревни будут стоять куда больших сил, времени и крови, прежде чем населенный пункт полностью перейдет в наши руки.

Блиндажи и доты отвоевываются по одному в жестоких схватках. Большевик дерется отчаянно. Здесь сражается недавно прибывшая со сталинградского фронта гвардейская дивизия! О ее возможностях командир дивизии позже скажет: «Давно я не видел такой ожесточенной и кровавой битвы!» В блиндажах рукопашные бои не прекращаются до тех пор, пока сопротивление не сходит на нет. Из каждого укрытия потом вытаскивают по 30—35 трупов. В 13 часов старый передний край обороны по большей части в наших руках. Впереди батальона, в окружении своего штаба, майор Бек штурмует хорошо укрепленный опорный пункт. Он и его адъютант лейтенант Штадлер тяжело ранены; лейтенант вскоре умрет. Командир 4-й роты 290-го пехотного полка капитан Мюнстерман убит; он расстался с жизнью вместе со слишком большим количеством храбрых унтер-офицеров и рядовых. Но Дьюки взяты! Хотя потери огромны, стойкость 1-го батальона 290-го полка отмечена как пример блистательного мужества. Майор Бек награжден Рыцарским крестом.

В 3-м батальоне 290-го полка три командира стрелковых рот были из строя. Капитан Изеле во главе своей роты, адъютант баталь-

она во главе другой врываются на прежний передний край обороны. Больше в свой батальон они не вернуться. В сражении с танками пехота за короткое время несет тяжелые потери. Хладнокровность, отвага, самопожертвование и плата ценою в жизнь — и все-таки пехотинец с мужественным сердцем — это смерть танку!

По окончании девятичасового боя, в 18 часов 35 минут, 290-й пехотный полк рапортует: «Цель достигнута. Передний край полностью в наших руках!» Предпринятая врагом в 20 часов отчаянная атака уже ничего не меняет. Дьюками надежно овладели наши войска.

Значительный успех, который, однако, стал возможен лишь при образцовом взаимодействии всех участвовавших в атаке родов войск: грамотно организованной поддержке дивизиона штурмовых орудий Лютцова; все более надежной дивизионной артиллерии; бесстрашного 198-го истребительно-противотанкового дивизиона в противостоянии вражеским машинам; всегда готовых к тяжелейшим испытаниям саперов дивизии; а также незаметно, но эффективно налаживающих связь радистов и телефонистов 198-го батальона связи. И все-таки доблесть на фронте зачастую была бы напрасной без неутомимой работы служб снабжения и военной администрации. За 6 дней подразделения снабжения подвезли на фронт только гранат 23 тысячи штук и 82 тысячи литров горючих и смазочных материалов для прожорливых штурмовых орудий!

По сравнению с огромным ущербом в живой силе, нанесенным врагу, количество трофеев невелико: 21 танк, 7 противотанковых пушек, 16 станковых пулеметов и куча винтовок. С немецкой стороны 14 офицеров, 83 унтер-офицера и 375 рядовых потерял один лишь 290-й пехотный полк; среди них убитыми: 6 офицеров, 22 унтер-офицера и 83 рядовых. К успеху 290-го полка достойно присоединяется 282-й полк дивизии, внесший свою лепту в срыв планов противника прорваться между Дьюками и Куркином!

В 19 часов командир дивизии посылает донесение в штаб корпуса: «Передний край обороны полностью под контролем 98-й дивизии».

В 22 часа большевик еще раз атакует Дьюки силами 15 танков и одного полка. Тщетно. Это его последняя попытка. В 23 часа в окрестностях населенного пункта, за который разгорелись такие жаркие бои, противника больше не наблюдается.

У соседей с началом весны тоже обостряется обстановка. На его участке 15 танков с сопровождающей пехотой сделали попытку прорваться от Куприна на Дьюки. Здесь множественные атаки до полудня отражал 82-й пехотный полк под командованием полковника Мёринга.

Потом шум боя стихает. Постепенно спадает и напряжение, наступают будни обычной позиционной войны.

С 7 марта, с начала операции «Буйвол», по 21 марта, то есть за 14 дней, 98-я пехотная дивизия в общей сложности потеряла: 40 офицеров, 229 унтер-офицеров и 1279 рядовых, в том числе 418 убитыми и пропавшими без вести. Горькая судьба 136 пропавших без вести не оставляет сомнений: занимавшие немецкие позиции большевики пристреливали каждого обнаруженного раненого выстрелом в затылок.

22 марта 1-й батальон 282-го пехотного полка под командованием капитана Валя и при поддержке батареи штурмовых орудий предпринимает последнюю, решающую атаку на выдвинутые опорные пункты, все еще занятые врагом южнее Куркина. После двух неудачных попыток враг делает выводы и 23 марта окапывается перед позициями дивизии.

Вышедшие живыми из этой передрыги слушают по радио сводку вермахта от 23 марта: «В ходе продолжительных оборонительных боев в районе Вязмы введенная в действие судетско-немецкая пехотная дивизия, уже отличившаяся в битве подо Ржевом, нанесла врагу особо тяжелые поражения на своем участке фронта в живой и материальной силе. В течение четырех дней она отражала атаки врага, уничтожая батальон за батальоном. Большинство исходных позиций неприятеля было уничтожено. На незначительном участке переднего края врагу удалось прорвать линию фронта. После мощной контратаки пехоты одного полка против отчаянно сражавшихся пехотных батальонов и танков в этот день во вражеских окопах осталось лежать только мертвыми 1700 большевиков. При осмотре поля боя по окончании сражения обнаружено, что в течение четырех дней эта дивизия уничтожила более 4 тысяч солдат; 80 советских танков либо сожжены, либо выведены из строя». Это сообщение вермахта было включено в приказ по дивизии, который заканчивался такими словами: «С прискорбием отдадим дань памяти павшим товарищам. Их жертва зовет нас к новым свершениям и победам».

Как и после битвы под Шатешей, в этой сводке не был назван номер дивизии, но пехоте не привыкать сражаться безымянно. Как и саперы, они врастают в землю; занимают, отбивают, удерживают завоеванные территории и в любую минуту готовы к бою: в снег и слякоть, в метель, мороз или туман, днем и ночью!

А дни и ночи с 18 по 21 марта 1943 года у Лазинок и Дьюков, пусть и без упоминания имен, — это гимн пехоте и ее боевым товарищам, гимн 98-й дивизии. Это беспримерный подвиг. Из-

лишне называть храбрецов поименно — каждый был героем! И нет нужды в особых знаках отличия и словесных похвалах.

82-й пехотный полк пока остается в распоряжении дивизии. Полным ходом идет укрепление и обустройство переднего края. Батальоны Изеле и Эггерсторфера 290-го пехотного полка соревнуются с батальонами Хайма, Хеллера и Валя 282-го полка. Лишь остовы танков и кучи вражеских мертвецов перед линией фронта напоминают о недавно отгремевших здесь боях. С кладбища танков, с трудом, под покровом ночи, истребительно-противотанковый дивизион вытаскивает четыре Т-34 и три Т-70, и после небольшой доводки из них составляют роту, которая еще послужит на переднем крае в качестве подвижного дота. Командование дивизии покидает Новые Стрелки и переносит КП в Нижнее Блевково.

Подводя итоги операции «Буйвол», можно сказать, что она была проведена с большим размахом, чем в 1917 году операция «Зигфрид» на западе. Немецкий фронт, составлявший до отхода 748 м, был сокращен до 343 км. Эвакуировано 168 тысяч тонн имущества, из них 120 тысяч тонн по железной дороге. Саперами уложено 75 тысяч мин, израсходовано 7600 тонн боеприпасов.

Уже 22 марта появляются первые признаки распутицы. 27 марта она уже в полном разгаре. В лужи и снежную кашу с серого неба сыплет теплый дождичек, возвещая весну. И вместе с этим регламентируется исключительная экономия боеприпасов.

Если подвоз в дивизии за период распутицы и осуществляется бесперебойно, так это благодаря собственному горькому опыту, приобретенному весной 1942 года. Маленькие, легкие гужевые повозки обеспечивают дивизию всем необходимым: боеприпасами, продовольствием, инженерным имуществом и вооружением — и днем и ночью. А весь автопарк в это время стоит в бездействии!

Дни и ночи между тем становятся спокойнее, частные вражеские атаки — все реже. Однако чрезвычайная влажность почвы и высокий уровень грунтовых вод требуют напряжения всех сил, чтобы справиться с этой напастью. Дождь сменяется вьюгами, и повсюду страшная грязь. В конце концов дивизионному батальону придется выбираться из слякоти и искать для лагеря более сухое место. Используемые им финские палатки в такой сырости не выдерживают. Снова начинаются и быстро ширятся заболевания: 1 апреля из одного только инженерно-саперного батальона выбывает 30 больных. Тем не менее работы перед линией фронта не прекращаются. Только в ночь с 20 на 21 марта два взвода 2-й роты 282-го пехотного полка в тяжелейших условиях заложили 500 дисковых мин. При закладке следующих 950 мин под Дьюками 3-я рота попадает под

сильный беспокоящий огонь. Работу приходится остановить — потери составили 29 человек! И все-таки в следующую ночь уложено 1444 дисковых мин перед передним краем обороны. В ближайшем тылу саперы дивизии без сна и отдыха прокладывают и поддерживают в рабочем состоянии дороги и мосты. Саперы корпуса им в этом верные союзники. Пройдет еще немало дней, прежде чем температуры можно будет снизить.

В испытанном временем взаимодействии трудятся на позициях 1-я и 2-я роты 282-го пехотного полка с 290-м пехотным полком. 3-я рота занята на строительстве дорог и мостов вместе с колонной «хиви» (добровольных помощников), с участием 1-й инженерной колонны, занятой на перевозке лесоматериалов. В короткие сроки батальон связи налаживает сеть, и уже вскоре, по завершении обустройства переднего края обороны, создана бесперебойная, надежная в эксплуатации при любых условиях система всех действующих средств связи.

Для большого потока раненых обе санитарные роты разворачивают в Могильном главный медпункт, а в Алферове — полевой госпиталь.

В апреле событий происходит немного: майор Бек, командир 1-го батальона 290-го пехотного полка, и обер-лейтенант Крайтмайер, командир роты в 282-м пехотном полку, получают по Рыцарскому кресту. 5 апреля температура еще раз понижается до минус 11 градусов, а вслед за этим начинается настоящая весна. Хлебопекарная рота отмечает своего рода юбилей: 12 апреля выпечена четырехмиллионная за время войны буханка хлеба.

Погрузочная станция Гривка попадает под обстрел дальнобойной пушки, которая по широкой окружности разбрасывает многочисленные снаряды. Вражеская авиация тоже не бездействует, тут и там нарушая покой. И все-таки затишье на фронте, теплая сухая погода и проснувшаяся радость жизни служат повышению боеспособности войск. Особенно радует циркулирующая с 19 апреля весть, в которую едва верится: будто после двух лет жесткого использования дивизию переведут в резерв группы армий и вывезут для обучения и отдыха! Неужели после окопной грязи и ночных караулов судьба улыбнется им? Повсюду солдаты радуются как дети.

И все-таки невероятное исполнилось! 23 апреля, перед самой Пасхой, объявлена готовность к маршу, а начиная с 24 апреля выведенные из пут позиционной войны батальоны и дивизионы потянулись в направлении Спас-Деменска. Губино и Лазинки, Дьюки и Стребки, Дуброво, Блевково и Бураки, Добрица и Милено остаются позади — а вместе с ними и множество могил!

К новым берегам манит новый день. 28 апреля под лучами ясного солнышка в Спас-Деменске на сборе 3-го батальона 282-го пехотного полка капитану Штубенрауху торжественно вручается Рыцарский крест. Те, кто при этом присутствовал, никогда не забудут эту картину: построенные открытым каре роты; суровые, обветренные лица солдат и в центре капитан Штубенраух — настоящий боец и человек!

В предписанном дивизии между Шуйцей и Десной районе для 10 дней интенсивного обучения и восстановления сил, как ни странно, имеются на удивление добротные квартиры в окрестных деревнях по обе стороны от «автострады» Юхнов—Рославль. В списке участников тактических занятий на местности по распоряжению командира дивизии значатся следующие имена: 282-й пехотный полк: Фаульхабер, Хайм, Фриц, Валь, Штубенраух, доктор Финке; 290-й пехотный полк: Кляйн, Эггерсторфер, Шерцлер, Изеле, Мец; батальон дивизионного подчинения: Рубель и доктор Мауль; 198-й артиллерийский полк: Делиус, Штауденмайер, Вильхельм, Керн и Грайнер; инженерно-саперный батальон: Блох; истребительно-противотанковый батальон: Хонзай и Зайлер; батальон связи: Кратц и Штайгеман; кроме того, капитаны Деллнер и Виттман.

Все наслаждаются уже непривычными удобствами, определенной свободой и тыловой жизнью при теплой погоде с легким ветерком.

Отношения с местным населением повсюду хорошие. Каждый день войска одалживают крестьянам упряжки для проведения весенне-полевых работ. Чернеющие свежевспаханные поля, зеленеющие луга с желтыми одуванчиками, за ними синеющие леса, сверху голубое небо с белыми облаками — все это цвета почти забытого мирного времени.

Из Регенсбурга в начале мая прибывает 250 выздоровевших бойцов, их встречают с радостью. После страшных потерь под Лазинками и Дьюками, когда каждый солдат на счету, они — ценное пополнение. К сожалению, в это же время 2-я санитарная рота под командованием доктора Штарфингера покидает дивизию. На ее место заступает новая моторизованная рота под командованием капитана медицинской службы доктора Рёбеля. Расставаться со ставшим родным подразделением очень тяжело.

Новые правила повышения в воинских званиях вызывают сомнение. Они должны содействовать быстрому продвижению молодых, подающих надежды «рубак». Остается только надеяться, что состязательность приведет в боевые части, в быстро старящуюся пехоту свежие силы. Конечно, безоглядные, увлекающие за собой смельчаки хороши в бою в качестве командиров младших подраз-

делений. Личное мужество и отвага, презрение к опасности — превосходные качества командира, ведущего своих бойцов в атаку. Но чем дальше продвигается «предводитель» к должности «руководителя» с его ответственностью за решение вопросов жизни и смерти, тем больше требуется другой смелости и высшего мужества: ответа перед Богом и собственной совестью.

Уже 7 мая приходит новое распоряжение: срок обучения окончен, ближайшая задача — уничтожение партизанского отряда численностью, по оперативной оценке, в 2—3 тысячи человек в «мамаевском лесу» к югу от Рославля. Странные вещи рассказывают об этих партизанах. Они живут обустроенным укрепленным лагерем в самой чаще огромного дремучего леса. Командиром у них кадровый полковник. Бандами по 300—400 человек они мародерствуют и грабят по окрестным деревням, наводя на всех страх и ужас.

221-я дивизия прикрытия с севера и 98-я пехотная с юга в срок с 12 по 18 мая должны прибыть на исходные позиции по железной дороге, на грузовиках и пешим маршем. Продвижение начинается 12 мая при почти летней жаре. Полковник Кляйн выбывает из строя по причине тяжелого приступа ревматизма. Его отправляют в госпиталь, а майор Рубель занимает его место. Соответственно доктор Мауль возглавляет батальон дивизионного подчинения.

Юго-западная группа под командованием полковника Фаульхабера, в которую входят 282-й пехотный полк, две роты 198-го инженерно-саперного батальона и 1-го батальона 198-го артиллерийского полка, железнодорожным путем прибывают в Унечу. Юго-восточная группа под командованием полковника Брюля, в которой 1-й батальон 51-го охранного полка, 2-й батальон 931-го пехотного полка, два взвода 1-й роты 198-го инженерно-саперного батальона, 2-я рота 66-го танкового дивизиона и 3-й батальон 198-го артиллерийского полка, собирается в районе к югу от Почепа. Южная группа под командованием майора Риделя встает в полной боевой готовности, примыкая с запада, в составе: 1-го батальона 45-го охранного полка, 2-го батальона 930-го пехотного полка, 198-го истребительно-противотанкового дивизиона и взвода 198-го инженерно-саперного батальона дивизии. КП дивизии вначале расположился в Почепе, затем перебазировался в Мглин.

Во время сосредоточения войск банды проявляют свое присутствие, но отнюдь не панику. Напротив, они появляются на уже пройденных участках. Немецкие посты вдоль железной дороги на отрезке Брянск—Унеча были выявлены, и часовые убиты; мосты и маршруты продвижения взорваны, дороги в выемках и тропы через болота заминированы, «ненадежные» жители деревень уни-

чтожены. Едва обнаруженные банды снова исчезают по лесным и болотным тропам, известным им одним.

Ну и как проводить операцию по прочесыванию могучего дремучего леса? Как обеспечить «неумолимое сужение кольца окружения» вокруг невидимого врага? Как избежать ловушек хитроумного, хорошо вооруженного и в высшей степени организованного противника?

В конце концов удастся взять группу, вышедшую за пределы леса. У одного из пойманных изъята «Клятва партизана». В ней показательно отражено то, что ожидается от каждого партизана:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, верный сын героического советского народа, клянусь не слагать оружия до того, как последний фашистский захватчик не будет уничтожен на нашей земле. Клянусь неукоснительно выполнять все приказы моих командиров и высшего начальства и хранить военную тайну. Клянусь мстить врагу неустанно и беспощадно. Кровь за кровь, смерть за смерть. Клянусь, не шадя жизни, содействовать Красной армии и беспощадно уничтожать вторгшегося на нашу землю гитлеровского захватчика. Клянусь, что лучше погибну в бою, чем выдам врагу моих товарищей и предам фашистскому отродью своих товарищей и Советскую родину. Если же преступлю эту клятву по слабости, трусости или злой воле и предам интересы моего народа, пусть меня постигнет бесславный конец от руки моих бывших товарищей».

В русле такой «клятвы» каждый акт разбоя, убийства, поджога и пыток, каждый налет и засада возводятся в ранг не преступления, а мщения. Что стояло в глазах каждого из этих «связанных клятвой» пленных? Страх отчаявшихся, злость непримиримых, загнанных и озлобленных, готовых ко всему! Кто глянул в такие глаза, знает: пощады не жди! Как не стоит ожидать и любых человеческих проявлений. В них только предельная жестокость и распоясанность, освобождение от всяческих цепей. Того, кто ступит сюда, ждет неумолимая страшная смерть. Горе тому, кто попадет в руки партизан!

Солдаты всего мира, особенно христианской Западной Европы, до этой войны сражались друг с другом, открыто объявляя друг другу войну, и вели боевые действия по законам войны при взаимном соблюдении отказа от жестокостей и пыток. А тот, кто теперь действует подпольно и скрытно, под прикрытием и без признанного солдатского медальона, кто из засады нападает и убивает, тот ставит себя вне принятых военных законов и не может быть признан европейским сообществом. Ибо никакой закон не может санкционировать и тем более возвести в ранг подвига убийство!

20 мая четыре боевые группы приступают к образованию первого из концентрических колец вокруг громадного зеленого лабиринта из болотных кочек, камыша и кустарника в густой чащобе, где еще в царские времена темный люд искал и находил убежище. Во влажной спертой духоте, судя по радиодонесениям, первая цель достигнута. Врага между краем леса и войсками не наблюдается.

Тогда идет продвижение внутрь лабиринта для разведки, обеспечения заслона, подтягивания снабжения и, главное, налажки устойчивой связи между подразделениями. Условия нечеловеческие. Командование остается на месте и руководит операцией по радиосвязи.

У саперов работы по горло: расчистить заминированные тропы, навести мосты вместо разрушенных или слишком коротких.

Усилия, затраченные на то, чтобы продрасться и прорубиться через эту чащобу, не шли ни в какое сравнение с ожидаемым успехом. 21 и 22 мая стянутые войска вели ожесточенное сражение — только не с живым противником! Шаг за шагом приходилось отвоевывать у леса каждую пядь дебрей или болота. К тому же 22 мая дождь зарядил с утра до вечера. И что в результате? Оставленные земляные укрепления. Гнездо пусто! Пташка улетела!

Устраивать засаду на врага следовало в Мамаевке, где, по словам местных, действует аэродром, куда прилетают и откуда отправляются на Москву самолеты связи.

Мокрая снизу, мокрая сверху, окутанная влажной чернотой ночь тянется бесконечно. Дождь не прекращается и утром 23 мая, когда в 8 часов четыре подразделения: Рубеля, Брюля, Риделя и Фаульхабера — выступают к предполагаемому по данным воздушной разведки лагерю партизан. Теперь во многих местах дело доходит до коротких перестрелок с внезапно появляющимся и исчезающим группами по 10—20 человек врагом. В бой они не вступают. Протрещат выстрелы, прошуршит листва, или хрустнет сухая ветка — и снова тишина. Продвигаться цепью в заросли невозможно. Проходят часы, прежде чем налаживается потерянная связь. Не остается ни одного, кто хоть раз не провалился бы в болото по пояс.

24 мая в 7 часов утра после очередной дождливой ночи кольцо окружения сомкнулось до последней «линии оцепления». Но сети были заброшены напрасно. Ни полковника, ни отряда в 2—3 тысячи партизан. Лагерь брошен, рыбка уплыла, хотя, по всему видно, недавно была здесь!

Потерь в наших рядах немного, но и банда не пострадала. Тщательно подготовленная операция объединенными силами с севера и юга потерпела крах из-за несоизмеримости задачи и условий, в

которых она проводилась. Причиной неудачи стали: полное бездорожье, густые заросли, в которых за несколько шагов уже не видно соседа и так легко потеряться, а также заболоченность на многие сотни метров и непрекращающийся дождь, зарядивший на 48 часов. Рассеявшись небольшими группами, используя смекалку, растворились лесные жители в чаще. В камыше в человеческий рост, в болоте по шейку, в кронах вековых деревьев пережидали они час за часом, пока опасность не миновала.

Подтвердились рассказы деревенских жителей об этом лесе и его обитателях. Их образ жизни и методы ведения боя с налетами и засадами никак не соотносятся с европейскими понятиями о патриотизме и человечности и ни в коей мере не заслуживают почестей или уважения!

26 мая 198-й инженерно-саперный батальон покидает пределы леса для прохождения — под Жуковкой на Десне — подготовки по преодолению водных преград. Но и главные силы дивизии освобождаются — к их великому облегчению! — от выполнения подобного рода задач. Прочесывать лес у Клетни их уже не посылают. Им предстоят большие, радикальные перемены.

В начале июня дивизию покидает призванный на другую службу подполковник Зоммер, 1-й офицер дивизионного штаба, прекрасно проявивший себя во многих трудных ситуациях. Его судьба окажется тесно связанной с несчастливой судьбой всей дивизии весной 1944 года.

Но пока что войска ничего не знают о своей дальнейшей участи, даже о ближайшем будущем. Обучение, восстановление, часы отдыха в тишине и под теплым солнцем кажутся неожиданным подарком. Это последние спокойные дни на долгое, долгое время — самые последние!

8 июня 1943 года командующий 4-й армии генерал-полковник Хейнрици прощается с командиром дивизии. 98-я пехотная дивизия покидает район боевых действий «Центр», расстается с 4-й армией, в рядах которой было прожито и пережито немало тяжелых моментов: под Москвой на Наре; в битве с морозами и угрозой уничтожения между Нарой и Угрой; в окружении у Павлова; в затыкании бреши у Жатеша на Воре; в танковом сражении на рубеже Лазинки—Дьюки.

Особого прощания и не было. Без всякой шумихи дивизия отпущена. Дорога ей свободна. Дорога куда?

Когда 9 июня в Брянске перегружают выслаемые вперед команды для переброски по железной дороге длительностью в четыре дня, всем становится ясно, что перебрасывать будут куда-то «очень далеко». Но куда — остается под завесой тайны.

Эта поездка в неизвестность в разгаре лета станет для всех забываемой, за короткое время все получают массу переменчивых впечатлений. В последний вечер перед отъездом бойцы сидят на завалинках и крылечках изб, в которых они расквартированы. На закате мирно течет беседа, играет губная гармошка, многие тихонько подпевают. Неподдалеку присели девушки и женщины, слушают.

А на следующий день затевается приключение. Начинается оно мирно, даже в приподнятом настроении и каком-то бесшабашном ожидании. Очень нескоро и постепенно забрезжит будущее. А пока даже машинисты локомотива знают не больше чем название станции, где им будет смена. Для полного введения в заблуждение противника даже придуман хитрый стратегический маневр: объезд в треугольнике Унеча—Клинцы—Сураж. Некоторые оптимисты делают прогнозы, что путь ведет во Францию или Италию. Но уже за Ромнами поездка через Черноземье — с чистенькими приветливыми деревеньками, симпатичными холмами и долинами, мимо лугов с пасущимися стадами — меняет свое направление. Когда потянулись широкие картофельные поля и бескрайние нивы, стало понятно, что мы продвигаемся на Кременчуг. Из всех вагонов допоздна в лунную ночь летят старинные походные песни.

Под чистым голубым небом занимается день 13 июня — Троица. Насколько хватает глаз, простираются плодородные земли с цветущими акациями, шестикрылыми ветряными мельницами, хлебами, огурцами и золотыми головами подсолнухов, которые станут привычным повседневным пейзажем.

Под Кременчугом переехали Днепр. Теперь должно решиться, где предстоит вести бои, где-то на Черном или Азовском море?

На полуденной остановке давит гнетущая жара: 35 градусов в тени! Вечером остался позади Днепропетровск в необозримых полях подсолнечника. Деревьев стало меньше. Возле хат сохнут брикеты кизяка. По высохшим пастбищам бродят сотни коз.

Новый день приносит старую жару и палящее солнце. Мелитополь. Теперь выбор ограничен. Неужели Кубанский плацдарм?

Потянулись ногайские степи. Ни деревца, ни кустика, бескрайняя пустота — ничего! А потом придвинулся Крым. Въезд на полуостров начинается по узкой, длиной с километр дамбе. Она проложена через узкий пролив в Азовском море к Сивашу и соединяет Россию с Крымом — без нее он был бы островом. Соленые озера простираются слева и справа. Обнаженные по пояс местные жители шлепают в стоячей воде и напластывают солевые пирамиды. Метровый бодяк с огромными колючками растет возле маленьких приземистых домишек на иссушенной зноем земле. И это

Крым? Житница России? Она разочаровывает. Слышатся названия «Керчь», «Крымская» — и уже не остается никаких сомнений: дивизии предназначена «горячая точка» — Кубанский плацдарм!

Вплоть до места выгрузки неподалеку от Феодосии, на берегу широкого залива Черного моря, «сказочно плодородный» Крым представляет собой открытое, пустынное, пыльное пространство, почти лишенное растительности. Жара усиливается. Далеко на юге виднеются нежно-голубые вершины Яйлы¹, на южных склонах которой должна располагаться невиданной красоты «ривьера». Едва ли кто ее увидит, ведь это было бы во время бегства!

В Керчи, куда пришлось маршировать в чудовищной пыли, термометр в полдень показывает 50 градусов. В 22 часа все еще 44 градуса в тени! В черте старого города много розариев и помидорных плантаций. Расположенный террасами город со светлыми каменными домами, избегающими по скалистым серым уступам, выглядит очень по-южному. Запыленные акации и ясени обрамляют улицы, на которых бьет ключом жизнь. Гора Митридат, символ Керчи, возвышается над портом и проливом, ее вершину венчает маленький храм античных форм.

Те, кто прибывал ночью, могли вдоволь «насладиться» впечатляющими «фейерверками», устроенными повторяющимися налетами вражеской авиации. Службы снабжения трудятся в порту как муравьи, принимая, складирова, перегружая, отправляя дальше грузы для всей кубанской армии, и, естественно, их деятельность магнитом притягивает советские бомбы. Здесь промедление смерти подобно. Переброска по пыльным улицам, погрузка на большие баржи и переправа через Керченский пролив — все четко организовано и ведется бесперебойно. Через два часа быстроходные десантные баржи уже причаливают к Таманскому полуострову. Свежеукомплектованные, как никогда раньше и уже никогда потом, части дивизии входят на Кубанский плацдарм. Пост управления в порту, например, засвидетельствовал: «3-й батальон 282-го пехотного полка 15 июня 1943 года пересек пролив между Керчью и Таманским полуостровом в составе: капитан (доктор Финке), девять офицеров, один военный чиновник, 469 унтер-офицеров и рядовых, 35 вспомогательных служащих вермахта; с 1 грузовым автомобилем, 1 легковым автомобилем, 2 мотоциклами, 80 гужевыми повозками и 5 велосипедами». Назад этот батальон уже не вернется.

¹ Я й л а (она же Южная или Главная) — одна из трех гряд Крымских гор, представляющая собой столовые известняковые массивы; высота до 1545 м. (Примеч. пер.)

Палящий зной, покрытые толстым слоем пыли приземистые каменные дома, чахлый кустарник и голые пустые поля — это Тамань. Ни одного зеленого пятнышка, на которое можно бы положить глаз. Над широкой дорогой, артерией плацдарма, по которой идет все снабжение, стоят непроницаемые столбы пыли. А вот первые квартиры расположены уже на подступах к плодородному краю, где далеко тянутся зеленые деревни, которые здесь называют «станции» с длинными непроизносимыми именами: Старотитаровская — Старая Стрела — Возрождение. В старицах и пойменных озерах копошатся огромные раки. Вода в Кубани более чем теплая.

В некоторых местах, в поросших кустарником лесистых долинах к востоку от Гостагаевской и Гладковской, дивизии еще раз перед боями выпадает насладиться идиллической лагерной жизнью на свежем воздухе. Густая листва хорошо защищает не только от палящего солнца, но и от наблюдения с воздуха. Единственный недостаток — отсутствие колодцев с питьевой водой. Многочисленные заиленные родники не восполняют нехватку. Нефтяные источники также составляют капитал этой удивительно плодоносной области в предгорьях Кавказа.

В лагере много рассказывают о враге. Старые «кубанские вояки» на голову превосходят «новичков» по опытности. С начала апреля 1943 года форсированным маршем 17-я армия спустилась с кавказских хребтов и рассредоточилась по широкой дуге, образовав Кубанский плацдарм, который, по сводке вермахта, все расширяется и непрерывно укрепляется новыми свежими силами.

Вот один из рассказов бывалых: «У нас за плечами уже три сражения. Адский минометный и артиллерийский огонь, благословение «сталинских органов» на голову, полчища танков и штурмовых самолетов, об ордах стрелковых дивизий уж и не говорю!»

Четвертая битва долго себя ждать не заставит. На 80 км линии фронта уже стоят в полной боевой готовности 3 вражеские армии, 22 стрелковые дивизии и 3 танковые бригады. Огромные, слишком огромные сухопутные силы и очень сильная артиллерия. Ее грохот день и ночь врывается в лесной лагерь.

В центр станицы Крымской, главного пункта всего фронта, стягиваются донесения сразу же организованной разведки, которая вдоль и поперек обследует местность, собирает сведения о прифронтовой зоне и силах неприятеля. Обстановка становится понятнее. Впереди местность еще более гористая, изрезанная ущельями, более лесистая и непроходимая и — еще более пыльная. Густая растительность по краям дорог в ущельях не дает развеяться поднятой пыли, и она вся остается под ногами. Тут и там открываются

красивые виды на горы и долины, затем еще раз на дальние дали: широкая полноводная Кубань на севере; и вершина за вершиной — могучий Кавказский хребет.

На участках 101-й и 97-й егерских дивизий многое говорит о тяжести проходивших здесь оборонительных боев. В том, что они носили масштабный характер, не остается никакого сомнения, стоит глянуть на изрытую бомбами и снарядами местность по линии фронта. Разведчику, командиру 4-й роты 198-го дивизионного батальона, командир полка одной из егерских дивизий гордо заявляет: «Вы находитесь в самом неустрашимом полку Восточного фронта!» — «Может, и так, — замечает несколько задетый капитан своим офицерам, — а вот оборудование позиций у вас не слишком убеждает».

Исходив местность, все находятся под сильным впечатлением от необычайной плодородности этого края. Персики, абрикосы, яблоки, груши, сливы всех форм и размеров, шелковица, вишня, орешники — деревья сгибают ветви под тяжестью плодов. Виноградники тоже обещают богатый урожай.

Жара, настоящее пекло, определяет распорядок дня. От 10 до 16 часов всё замирает. Многие солдаты испытывают вялость, сердцебиение, приступы головокружения. Поэтому учения начинаются в четыре, а то и в 3 часа утра, в прохладе и среди свежей еще зелени.

Из-за продолжительного зноя начинаются перебои с пресной водой. Разведка и расчистка источников, строительство колодцев добавляются к прежним задачам каждого подразделения. Горячо приветствуется и выдача тропического обмундирования.

26 июня подходят последние части дивизии, теперь она в полном составе находится на Кубанском плацдарме. В тот же день прибыло и пополнение в 2500 человек, наполовину состоящее из франконцев. Обрамленные темной зеленью кустарника, они выстроились в открытое каре и в лучах яркого солнца слушают: «Добро пожаловать в ряды 89-й дивизии!»

Все происходящее так разительно отличается от прежнего опыта на рубежах группы армий «Центр». Здесь, на Кубани, у дивизии есть все: пополнение, материальное и продовольственное снабжение, танки, штурмовые оружия, тяжелое вооружение, боеприпасы! Впервые пехотная дивизия не чувствует себя «бедной родственницей». И лагерная жизнь на свежем воздухе пошла всем на пользу. Загорелые, одетые в шорты войска наслаждаются последними, редкими днями свободы, которые быстро пролетают в учениях, трудах, отдыхе и порою под звуки губной гармошки. Через восемь суток они уже под звуки другой «музыки», под громами и молниями, в грохоте и пыли сражений, будут стоять перед врагом. Такова уж солдатская доля!

1 июля приходит приказ: 98-я пехотная дивизия меняет 101-ю дивизию южнее Киевского. В тот же день в дивизии новое пополнение: в свои подразделения вернулись 180 выздоровевших, которых, как принято, сердечно встретили. Теперь, когда с неопределенностью покончено, каждый внутренне готовится к близким боям, обещающими быть тяжелыми и кровопролитными.

Первое продвижение 7 июля в сторону фронта приводят дивизию в леса под Акерманку. Смена происходит без помех за две ночи, с 10 на 11 и с 11 на 12 июля. 1-й батальон 290-го полка под командованием капитана Меца передается в резерв корпуса. Также без трений происходит сдача-прием у саперов и истребителей танков. Как только командование дивизии получает приказ дислоцироваться в районе Садового, повсюду к выполнению задач приступают и телефонисты, радисты, административные службы и службы снабжения.

98-я пехотная дивизия выдвинута на рубеж Крымской Кубанского плацдарма. Ей предстоят тяжелые дни.

На Кубанском плацдарме перед Крымской

Для ориентации в новой обстановке ей еще предоставлена пара часов. Тут же организовывается оборудование второй и третьей линий обороны. В 4 часа утра 16 июля противник внезапно открывает ураганный огонь. Большой частью он сосредоточен на правом соседе, но отчасти попадает и на позиции 282-го пехотного полка. 40—50 истребителей поддерживают с воздуха от четырех до пяти батальонов, идущих в атаку. Эта частная атака отбита после ввода в бой штурмовых орудий.

Пока это еще не битва. В последующие дни бои сворачиваются. 16 июля всего лишь увертюра к «четвертой битве на Кубанском плацдарме», развернувшейся вплоть до 27 июля 1943 года между Новороссийском и Киевским.

Однако атака 16 июля уже дает представление об условиях и силах обороны на вверенном участке между Молдаванским и Киевским, который начинается южнее Подгорного, продолжается на запад от Горищного и заканчивается северо-восточнее Нового. Окопы частично разрушены огнем. Большевик засел на господствующей высоте 121.4, прямо под носом, с прекрасным обзором. А в придачу наши траншеи местами проходят по переднему скату — и это большой изъян. На счастье, численность боевого состава теперь позволяет занять все три линии обороны в ущелье. Оборона за счет этого об-

ретает прежде неведомые глубину и силу, а вместе с тем непрерывный огонь противника тоже дробится.

Участок позиций, занятый дивизионным батальоном, из-за продолжительных операций разведгрупп противника из ночи в ночь становится самым беспокойным рубежом. При необходимых контратаках потери неизбежны. А как держатся бойцы на передовой? Получивший двойное пулевое ранение в живот обер-ефрейтор Бауер из 3-й роты 198-го батальона дивизионного подчинения лежит в блиндаже командира роты. Когда лейтенант Кайзер подходит к нему, тот спрашивает: «Иван все еще в окопах?» — «Нет, выкурен», — отвечает командир. «Герр лейтенант, тогда я могу спокойно умереть!» Вот она, пехота.

Часами сражается артиллерия, одинаково сильная с обеих сторон. Наши пикирующие бомбардировщики один-два раза в день совершают налеты на вражеские позиции. По ночам активно бомбят уже самолеты противника. Все признаки подготовки к решающей битве! Ясность вносят перебежчики. 20 июля при 42-градусной жаре большевик произвел замену, ввел свежие войска и готовит прорыв.

22 июля в 5 часов 30 минут начинается четвертая, решающая битва. Ураганный огонь раскачивает блиндажи, как корабли в шторм, и в считанные минуты наполняет воздух пылью и густым дымом, оставляя видимость не более 15 м. Между 6 часами и 6 часами 45 минутами залпами по 84 снаряда в секунду на участке дивизии бушуют «сталинские органы». Дикая, адская стрельба. Все кабельные линии в момент повреждены. Через 20 минут выведены из строя и все радиостанции. С 7 часов до 8 часов 15 минут низколетящие штурмовики группами по три самолета прочесывают местность, поливают огнем бортовых орудий и засыпают бомбами траншеи. В 8, 11 и 16 часов бомбардировки повторяются. Воздух вибрирует от гула, шума, рокота, воя и грохота. Все вокруг сверкает, пылит и воняет.

Сомнений нет: 98-я дивизия в «пылу сражений»!

В 8 часов утра приходит первое донесение: по всему району действия дивизии, особенно на рубежах 282-го полка и дивизионного батальона, ведутся ближние бои. Противник наступает силами двух стрелковых дивизий при поддержке 80—100 танков и 150—200 самолетов штурмовой авиации, а также мощной артиллерии с избытком боеприпасов. Поле боя становится похожим на сцену, где разворачивается кровавая варварская драма. Беспреданно взлетают до небес фонтаны земли. В черных клубах дыма тут и там, как на представлении фокусника, взлетают огненными фейерверками танки, и ослепительным хвостом кометы с шумом и грохотом сыплются на землю самолеты. А на заднем плане стрекочут пулеметы и ухают

ручные гранаты. Земля дрожит. И кто в этой разбушевавшейся рукотворной стихии сможет избежать краха?

Бои идут с переменным успехом. С обеих сторон вовлечены такие силы и развязаны такие страсти, какие и не снились античным трагедиям! Воля к победе равновелика: враг жаждет прорваться, мы — не допустить прорыва. Опыт на рубеже Лазинки—Дьюки не прошел бесследно. Вечером на участке обороны дивизии подбито 16 танков, вражеской пехоте нанесен значительный ущерб. Несмотря на бреши, пробитые тараном в 30 танков, передний край обороны по-прежнему остался в руках пехоты дивизии. Только дорогой ценой куплена эта победа. Пал капитан Роппельт, командир 3-й роты 282-го полка, сражавшийся с начала боевых действий в 1939 году. Один лишь батальон Штубенрауха потерял 138 бойцов. Бывший разведывательный эскадрон в составе дивизионного батальона в начале дня теряет двух офицеров, 12 унтер-офицеров и 83 рядовых, а к вечеру число унтер-офицеров возрастает до четырех, а рядовых до двадцати двух. Если узкие окопы сокращают потери, то дислоцированный на открытой местности дивизионный батальон имеет убитыми четырнадцать и ранеными 38 человек. Контратака, предпринятая лейтенантом Эрбом с саперным батальоном, чтобы вытеснить ворвавшегося в траншеи большевика, заканчивается успешно, но стоит большой крови. На многих местах блокированные группы держатся часами, занимая круговую оборону, пока боевая группа не освободит их.

В 19 часов неприятель предпринимает новую атаку с участием танков — и снова безуспешно. Его передовая пехота, похоже, уже не способна к ближним боям. Спускается ночь, полная опустошения и изнурения. Сегодня враг не прорвался. Определенно, он попытается сделать это завтра.

23 июля в 5 часов 30 минут возобновляется сражение, центр тяжести которого неожиданно приходится на участок 1-го батальона 282-го пехотного полка. Даже при поддержке штурмовых орудий все равно к следующему вечеру создается обстановка довольно опасная, до тех пор пока стык с 97-й дивизией не «заштопан». Потери ужасающи. Только в расчетах штурмовых орудий трое убитых. Ночью противотанковая оборона претерпевает реорганизацию, из пехоты и саперов создается ударный резерв численностью в роту. Вводится и резерв корпуса — 1-й батальон 290-го полка, чтобы позади южного фланга 282-го полка восстановить связь с правым соседом, стоящим южнее Подгорного.

На рассвете батальону капитана Меца удается пробиться через «Ущелье смерти» юго-восточнее Подгорного, провести успешную атаку и заткнуть брешь. Победа, купленная дорогой ценой! Помимо

потери двух третей рядового состава, очень высоки и потери среди офицеров, в числе прочих: два командира рот, шедшие впереди своих подразделений обер-лейтенант Шнайдер и обер-лейтенант Эгенлауф.

Непостижимо и невероятно, но, несмотря на тяжелейшие потери, пехота на переднем крае обороны все так же выдержана и надежна, словно из закаленной стали. Здесь большевик не пройдет!

Перебежчики сообщают о возобновлении наступления 26 июля в 6 часов 30 минут. Точно в это время исходный район противника взят под огонь на уничтожение. И он тормозит наступление на три часа. А потом разражается. Главный удар снова направлен на участок 282-го полка и дивизионного батальона. Как и 22 июля, разгорается ожесточенная битва. В 14 часов перевес вроде бы в нашу пользу. Но в 16 часов атака нахлынула с новой силой. Два новых советских полка при поддержке 80 танков рвутся на рубеж 1-го батальона 282-го полка. Капитан Валь возглавляет контратаку. Успешно, но потери высоки, и в их числе он сам. Мужественный командир батальона получил тяжелое ранение и умер 13 августа в Симферополе, в полевом госпитале. Но повышение до майора он еще успеваеет получить. Когда командир дивизии сообщает эту весть своему бывшему полковому адъютанту, Валь скромно отвечает: «Сделал, что мог». Рыцарский крест он получит уже посмертно. Его стезей последуют и многие унтер-офицеры с рядовыми славного батальона. Поредевший батальон примет капитан Фокентанц.

Только беспримерной стойкости 1-го батальона 282-го пехотного полка, как и 1-го батальона 290-го полка, обязаны войска отражением вражеского наступления в вилке Подгорнова. На пике атаки, во главе рукопашной, особо отличается фельдфебель Хаас из 1-го батальона 282-го пехотного полка.

К ночи обстановка разряжается. Видно, большевик тоже устал или обессилен потерями. За ней следует тихое утро и почти мирный день! 27 июля станет последним днем успешной обороны на Кубанском плацдарме. Четвертой победоносной битвой!

До 16 часов враг выжидает. А затем обрушивается с непредсказуемостью стихийного бедствия. На переднем крае разгораются танковые, противотанковые и другие жаркие схватки с участием пехоты. В пылу сражений смертельно ранен капитан Шалленберг из дивизионного батальона — поражена сонная артерия. Дивизионная артиллерия ни на секунду не прекращает огня в обороне. Под ее прикрытием успешно исполняют свои функции передовые наблюдатели и всех родов войск.

С наступлением темноты на передовой уже не обнаруживается ни одного большевика. На протяжении пяти суток идет жесткое

соревнование, пока наша сторона не одерживает победу. Большевик, несмотря на превосходство в живой силе и технике, получил жестокий отпор. Штурмовые орудия 191-го дивизиона капитана Мюллера и грамотно организованная поддержка артиллерии с батареей усиления оказали действенную поддержку. Не меньшую роль сыграли и бойцы противотанковой обороны, пехотных противотанковых пушек, 198-го истребительно-противотанкового дивизиона и, напоследок, тяжелой румынской батареи капитана Подеца.

Сводки потерь дивизии в период с 16 по 27 июля 1943 года объявляют: за 10 дней обороны потери составили: 42 офицера, 188 унтер-офицеров, 1537 рядовых. Стойкость войск превыше всяких похвал!

Санитарные подразделения в главных медпунктах — селах Михайловский и Варенниковская — работают день и ночь с мобилизацией всех сил.

В последние дни июля сильно побитый враг отступает. Пленные оценивают потери в 50 процентов.

Позиции дивизии вплоть до третьей оборонительной линии так похожи на поля сражений Первой мировой войны: воронка на воронке. Воздух спертый, несет сладковатым трупным запахом. Жара уже с утра пробивает в пот. По меньшей мере дважды в день разражается сильная гроза.

31 июля навевает воспоминания о первых боевых действиях дивизии на Восточном фронте. Сколько воды утекло с тех пор! Куда приведут пути-дороги? Дивизия хорошо выучила урок: нельзя недооценивать этого восточного противника. И преимущество над врагом дает только осознание правого дела: сражаться и умереть за свободу родины от большевизма!

Такой же точки зрения придерживается и бывший начальник штаба полка, командир батальона, капитан в 282-м пехотном полку, а ныне председатель верховного суда земли доктор Эммерт. В своем письме капитану доктору Финку он пишет об этих днях боев: «Ваше письмо еще раз показало мне, что я потерял, уехав от вас. Здесь, на родине, мне становится невыносимо. 27 июля Хайм сообщил мне о потерях в моем бывшем 282-м полку. Можете себе представить, как тяжело я пережил это известие. Я принял единственно, на мой взгляд, верное решение: буду обивать пороги, пока министр не снимет с меня бронь. Если же мои усилия не увенчаются успехом, просто уеду без разрешения!» Эммерт выполнит свое обещание. Он погибнет в 1945 году боевым командиром полка.

Из полевого запасного батальона дивизии под руководством опытного командира Эггерсторфера (290-й пехотный полк) формируются новые обученные роты и вводятся туда, где бреши слишком

велики. Так, саперный взвод дивизионного батальона в начале сражения насчитывал 5 унтер-офицеров и 48 рядовых, а 28 июля в нем осталось всего 18 бойцов! Вновь прибывшие находятся под ошеломляющим впечатлением от боевой обстановки и непрерывного массированного огня вражеской артиллерии. Слишком быстро ворвалась в их жизнь война с ее неумолимыми требованиями, слишком рано им пришлось вырасти в опытных окопников. Все три линии обороны снова восстановлены неутомимой работой. Временные оборонительные рубежи защищают фланги. В том, что последует и пятая битва, никто не сомневается.

7 августа время пришло. С 7 по 12 августа 1943 года весь кубанский фронт дрожит под ударами молота на все готового большевика. На этот раз прорыв должен состояться! Он не пожалеет никакой крови, не покусится ни на какие расходы техники и боеприпасов. Немецкий фронт должен быть прорван!

Но немецкий фронт выгибается, но не ломается. Не рассыпается, несмотря на ураганный огонь массированных бомбежек, несмотря на валом хлынувшие атаки все новых стрелковых дивизий и ввод свежих танковых сил!

И вот все кончено. Немецкий фронт снова устоял, прорыва не случилось!

В основе успеха обороны лежат две закономерности: недостаточная подготовка и слабая мотивация вражеской пехоты и прервосходящая стойкость немецких солдат!

«Без особых изменений» чередуются дни и ночи. А артиллерия и тяжелые орудия все еще меряются силой, нападая и воздая и при этом расходуя силы и истощаясь. Помимо окопников это чувствуют саперы. Саперы — это особая статья! Их служба требует сильных рук, стойких сердец и стальных нервов. А если не хватает бойцов — они уже на переднем крае, бок о бок сражаются с товарищами по оружию. Вот таковы саперы 98-й пехотной дивизии!

Пока войска с напряжением всех сил ведут оборонительные бои на Кубани, на других участках Восточного фронта происходят весьма значительные перемены. И исходя из этого наступление на Кубанском плацдарме принимает все более острые формы. В конечном итоге западнее линии фронта лежит не только Керченский пролив, но и весь Крым, и выходы к Черному морю. Подвоз снабжения становится все более проблематичным, а вскоре и едва ли не прекратится. Пополнение взамен экстраординарных потерь совершенно недостаточно. В войсковых частях ходят самые мрачные прогнозы. И этому есть основания. Сталинград маячит перед глазами страшным призраком.

В начале сентября поползли слухи о возможном отводе с Кубанского плацдарма обратно в Крым. На передовой вздохнули с облегчением, пусть это всего лишь и слухи. В следующую ночь пленные сообщили, что планы предстоящего освобождения плацдарма прекрасно известны врагу. Вот еще раз вражеская разведка сработала на опережение. 10 сентября действительно начинаются серьезные перемены. Рекогносцировочные команды отправляются в тыл для детального изучения местности между передним краем и Керченским проливом, чтобы подготовить транспортировку громоздких грузов. В отступлении дивизия накопила богатый опыт. Приказы, которые теперь поступают, не требуют долгих разъяснений. Как прокладывать дороги, сооружать заграждения и организовывать эвакуацию, помнят многие участники операции «Буйвол». «Ветераны знают все!» Знают и понимают значение разведки отдельными неприятельскими танками. 14 сентября отражены две вражеские частные атаки дивизионным батальоном и 2-м батальоном 290-го пехотного полка. 14-я рота 290-го полка подбивает три танка, 110-я румынская тяжелая батарея противотанковых пушек уничтожает четыре. В тот же день лейтенант Винклер, храбрый защитник «фиктивной позиции» на участке дивизионного батальона, тяжело ранен. И все-таки этот день стал успехом батальона.

15 сентября 282-й пехотный полк еще раз отбивает атаку двадцати танков. В этот день первые высланные вперед команды отходят в тыл. В 17 часов главные силы исчезают из вида по мосту в направлении на запад. 2-й батальон 290-го пехотного полка и батальон прикрытия под командованием капитана Боппа, остаются на передовой.

Санитарные роты в Пиленкове и Вышестебевской ожидают большого наплыва раненых. Полевой госпиталь своевременно налаживает прием в Колонке под Керчью.

Оставление Кубанского плацдарма

Отход осуществляется планомерно, без давления со стороны противника. 16 сентября в 3 часа оборона находится в боевой готовности на рубеже «Гернот». «Планомерно» — точное определение для действий всех «кубанских» дивизий с 16 сентября по 8 октября 1943 года. Хотя противник активизировался уже на второй день, хотя танки шли за колоннами буквально по пятам — в полдень их насчитали 100 штук, — вскоре тут и там атаки были отражены, временная напряженность снята, и фронт организованно отходит на

Керчь. Свирепый, часто внезапно, но всегда безуспешно атакующий большевик несет тяжелые потери.

18 сентября на временном оборонительном рубеже «Зигфрид» отбито пять атак. Усилившиеся налеты истребителей говорят о решимости врага превратить отход в бегство. Много раз дело доходит до ликвидации вклинивания и контратак.

На рубеже «Фрида» дивизия встречает свой четвертый день рождения. Она, не опуская глаз, может смотреть в прошлое и с твердой решимостью — вперед. Опыт войны на Востоке научил бойцов пониманию, что сражаются они не против русского народа, а исключительно с большевизмом, уничтожающим свободу, право и культуру.

Большевик все еще надеется на богатый кубанский улов. После ураганного огня артподготовки 30 сентября в 15 часов 30 минут он наносит удар на участке 2-го батальона 290-го пехотного полка и вплоть до полуночи продолжает свои безуспешные атаки. Батальон пресекает все попытки прорыва на его рубеже. Роты держатся стойко. И в конце атаки, как и в ее начале, передний край по-прежнему в наших руках. Блестящий успех батальона на самом опасном участке обороны!

После такого «кровопускания» на новую атаку 1 октября у врага уже не осталось сил. День проходит спокойно, и в 20 часов начинается планомерный отход на «Венскую» позицию.

Благодаря активной поддержке артиллерии, всегда в боевой готовности и на этот раз хорошо оснащенной боеприпасами, а также вводу в действие пикирующих бомбардировщиков и тяжелых металлических установок, верных помощников пехоты — штурмовых орудий, все дальнейшие атаки противника были пресечены еще в зародыше, прямо в исходных районах, и отвод войск продолжился без помех. Взвод за взводом продвигались единым фронтом на запад, к Керченскому проливу, но их глаза и дула винтовок были нацелены на восток. 2 октября 282-й пехотный полк провел в отражении ожесточенных атак. 3 октября пал в окружении своих бойцов командир дивизионного батальона майор Рубель. 4 октября к вечеру первая часть войск дивизиона приступает к переправе в Крым из Ильича в Еникале.

Теперь 98-я дивизия выходит из состава XXXXIV армейского корпуса. Она уже получила предварительное распоряжение о ее новом использовании на Керченском полуострове. К передовым частям относится и 1-й батальон 282-го пехотного полка под командованием капитана Фокентанца. Ему выпадает тяжелое и, как покажет время, крайне неблагодарное задание в рамках последней операции по переправе «кубанской» армии в Крым.

В ночь с 8 на 9 октября 1943 года последняя часть «кубанской» армии проделала путь на Керчь. Спокойно и почти без потерь закончена эвакуация переднего края под защитой массивированного огня и эффективных заграждений, установленных саперами.

И совсем в другой ситуации, почти отчаянной, оказывается 1-й батальон 282-го пехотного полка, который получает особую задачу. 5 октября он сменяет 2-й батальон 170-го пехотного полка на косе Тузла, с приказом удерживать ее до окончания операции «Брунгильда».

Этот плоский, как тарелка, остров, расположенный в 7 км юго-восточнее Керчи, имеет ширину 500 м и 7,6 км длину. Грунт здесь песчаный. Лишенный растительного покрова, он не защищен от наблюдений со стороны противника. Остров возвышается всего на 60—70 см над уровнем моря, и при рытье уже после 30 см глубины появляется вода. На юге шелестит на постоянном ветру камыш. Этот кусок суши лежит поперек дороги к Керчи вытянутым вопросительным знаком, ближе к Таманскому полуострову, чем к Крыму. Если враг займет Таманский полуостров, то защита фланга с косы Тузла станет более чем проблематичной. Всякий движущийся объект на ней превратится в живую мишень. Прикрыться от обнаружения и обстрела негде и нечем. Основательная рекогносцировка и оценка обстановки привели к выводу, что положение защитников в этом случае будет безнадежным. К несчастью, скоро так и произойдет.

Уже в ночь на 6 октября под покровом тьмы неприятель высаживается на восточном крае острова. Причалить на плоскодонках здесь можно повсюду. Дважды за ночь 1-й батальон 282-го полка идет в атаку, чтобы сбросить в море невидимого, но ощутимо присутствующего врага. Ответный огонь его пулеметов и противотанковых пушек на плоской равнине имеет убийственную силу. И к нему никак не подступиться. Слабые роты несут большие потери.

На следующий день капитан Фокентанц в отсутствие опорных пунктов в западной части косы принимает решение при поддержке двух вновь переправленных 3,7-см противотанковых пушек предпринять третью атаку. Однако и эта попытка терпит неудачу. Потери принимают угрожающие размеры.

В 17 часов прибывает подкрепление: бывшие защитники острова — 2-й батальон 170-го пехотного полка под командованием майора Кремница. Остатки 1-го батальона 282-го полка переходят в его подчинение. Положение остается прежним.

Около полуночи большевик причаливает на трех больших моторных лодках на свой плацдарм на восточном берегу. Одну лодку удается расстрелять еще на плаву. Но затем со своего пяточка про-

тивник простреливает всю поверхность острова из тяжелых орудий. На рассвете 7 октября к ним присоединяются еще минометы и артиллерия с Таманского полуострова. Как только огонь затихает, предпринимается еще одна попытка прорваться через гумно, чтобы уничтожить противника, но уже в самом начале она подавляется тут же возобновленным огнем в обороне. И снова потери. Роты вжимаются в песок, стараясь пропустить огонь над собой. Минуты превращаются в часы на этом потерянном посту.

Таких тяжелых потерь можно было избежать и, наоборот, нанести ощутимый урон неприятелю, если бы равнинный остров был вовремя заминирован и если бы было организовано взаимодействие артиллерии и пикирующих бомбардировщиков, чтобы не допустить высадки врага!

Вечером 5 октября на Тузлинскую косу высадился 1-й батальон 282-го пехотного полка в составе: 5 офицеров, 18 унтер-офицеров и 127 рядовых. А покидал ее с потерями: 10 убитых, 50 раненых и 3 пропавших без вести. Потеряв почти половину своего состава, и так небольшой батальон сражался самоотверженно и полностью выполнил поставленную задачу: предотвратил воздействие врага с косы Тузла на переправу последних полков с Кубанского плацдарма.

Ни выстрела не раздалось с этого островка в сторону севера!

В утреннем донесении армии от 9 октября говорится: «Армия завершила переход по керченскому пути. Последние части армии: 97-я егерская дивизия, 13-й и 91-й горнострелковые полки 4-й горнострелковой дивизии под прикрытием массивов настильного огня и действий на поражение многочисленных тяжелых метательных установок оторвались от врага. В заключение на Керченский полуостров был эвакуирован гарнизон Тузлинской косы».

Фронтальная газета «кубанской» армии 10 октября 1943 года помещает обзор под заголовком «Восемь месяцев Кубанского плацдарма», в котором, среди прочего, говорится: «Преодоление ураганного огня и контратаки малыми силами против превосходящих сил противника — вот что сформировало характер этого единого оборонительного сражения. Только пехотинец, а вместе с ним сапер и радист, которые лежат в переднем окопе; только истребитель танков и штурмовой артиллерист, которые подчас в одиночку принимают бой с дюжиной танков и побеждают; только номер расчета, который защищает свое орудие даже голыми руками; только передовой наблюдатель, который ради эффективности своего орудия, окруженный врагом, передает данные для стрельбы — только все эти безымянные герои знают, что значит «ураганный огонь» или «контратака»! Пожалуй, основная тяжесть боев легла на плечи со-

единений, действовавших в районе Крымской, и среди них в первую очередь баварскую егерскую дивизию и введенную в бой в июне 1943 года франконскую пехотную дивизию. Но и защитники Новороссийска давали отпор не одной жесткой атаке.

В тылу этого фронта не было большого выбора надежных дорог для подвоза. И надежного обеспечения отхода тоже не было. Ближайший тыл прикрывала только вода. Лишь тот, кто жил и сражался на этом тесном пространстве, может оценить тяжелое душевное бремя, ложившееся на бойцов Кубанского плацдарма.

Приказ во что бы то ни стало отгородить Крым, связать и измотать противника придавал сил, проявлял верность, преданность, твердую волю и решимость противостоять превосходящим силам врага».

Оборона Керченского полуострова

Окаймленная румынскими войсками, 98-я пехотная дивизия принимает охрану Крыма.

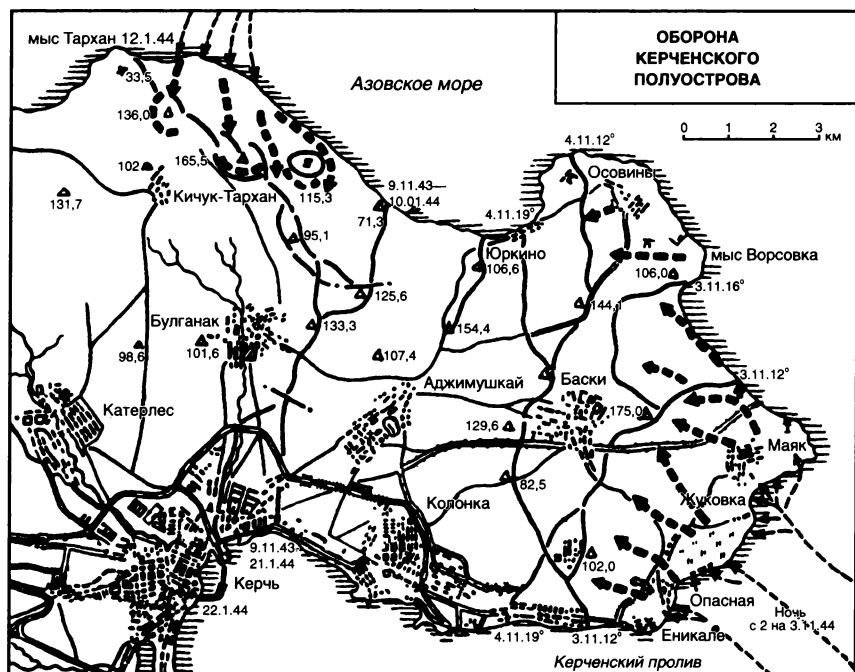
Как надолго? Прикажут и дальше связывать вражеские силы? Хватит ли на это собственных сил? Даже при самом оптимистичном настрое внимательное прослушивание сводок вермахта действует все более угнетающе. А какие еще чувства можно испытывать, когда стоящие восточнее Керчи части слышат о тяжелых боях в низовьях Днепра! Не станет ли Крым островом и ловушкой для его гарнизона? Все мысли теперь вертятся вокруг вопроса: где и когда в следующий раз высадится большевик?

Для решения поставленной задачи вырисовываются два елабых места:

1. Если враг высадится сразу в нескольких местах, то рассредоточенные на большие расстояния части дивизии окажутся раздробленными. Только при оголении протяженного участка побережья станет возможным быстро организовать очаги обороны.

2. Если врагу удастся прорваться в Крым в районе Перекопского перешейка, судьба большинства защитников Керченского полуострова, блокированных неприятелем, будет окончательно решена.

Если бы не было Сталинграда! Но теперь почти каждый знает, как жертвуют целой армией ради задачи «связать вражеские силы». И ничего удивительного в том, что после отвода «кубанской» армии на запад в самой продвинутой на восток дивизии, 98-й пехотной, растет «островное чувство». И чем дальше Восточный фронт отодвигается на запад, чем острее клин Керченского полуострова вре-

зается в неприятельский фронт, тем энергичнее обсуждаются все назревшие вопросы, в основном с глазу на глаз. Как долго? Зачем? Не будет ли уже слишком поздно? Не опередит ли нас большевик?

Однако эти теснящиеся мысли нигде не оказывают негативно-го влияния ни на волю к победе, ни на чувство долга, ни на непоколебимую веру и доверие к ответственным решениям верховного командования.

Керчь больше не напоминает развороченный муравейник, по которому взад-вперед снуют колонны солдат. Больше не поднимают по дорогам пыль немецкие и румынские воинские части, уходящие в глубь Крыма. Пролив, по которому еще несколько дней назад курсировали катера и паромы между Таманским и Керченским полуостровами, сейчас пуст. Над сушей и морем простирается только безоблачная синева. С 1 октября, после смены 10-й румынской дивизии, вахту на 120 км береговой линии несут подразделения 98-й пехотной дивизии.

На юге, у Тобечикского озера, в соприкосновении с румынскими соединениями начинается участок 282-го пехотного полка, который тянется через Керчь до Еникале. За восточную оконечность Керченского полуострова несет ответственность 290-й пехотный

полк. Вместе с тревожными подразделениями участок дивизии простирается вдоль Азовского моря до мыса Зюк, где снова примыкает к румынской зоне.

Непривычный для середины октября зной, неподвижный, тяжелый, давящий, нависает над голыми равнинами и грядами, над лишенной растительности поверхностью полуострова. И вдруг внезапно разразившаяся буря поднимает столбы пыли и гонит ее по степи. Свистят и завывают сильные порывы ветра. На высоком берегу дрожат домишки, у форта Тотлебен, южнее Керчи, грохочет метровый прибой. Враждебно вздымаются темные волны Черного моря с белыми пенистыми гребнями и набрасываются на прибрежные скалы. Но в то же время шторм — лучший союзник. Пока он бушует, не подойдет ни одно вражеское судно!

Только после тщательного изучения береговой линии и специфики ландшафта глубокого тыла становятся очевидны все трудности, с которыми столкнутся войска при охране 120-километрового рубежа длинными темными ночами. Не меньше возникло трений, прежде чем были согласованы задачи артиллерии в совместных действиях, поскольку каждая дивизионная, сухопутная батарея или батарея морской пехоты, зенитные пушки сухопутных и военно-воздушных сил, а также румынские батареи — все имеют собственные боевые задачи, разные условия и... желания!

А потом впервые на несколько часов зарядил дождь, и почва превратилась в густой клей, вязкий и тяжелый. Сразу испортились виды на переброску резервов, артиллерии и снабжений всякого рода.

У врага мест высадки более чем достаточно. Для обеспечения охраны требуется сил в десять раз больше имеющихся! Только на восточном берегу полуострова не меньше трех превосходных бухт. Именно здесь в самом деле и накатит большевистский вал.

Другую проблему представляют собой глубокие, вырубленные в карстовом грунте пещеры, возраст некоторых несколько веков. В запутанных лабиринтах этих катакомб, с их многочисленными полостями, проходами, тупиками, еще до занятия немецкими войсками Крыма обитали организованные банды из бывших советских солдат. Теперь они принялись небольшими маневренными отрядами наносить удары с тыла. С высадкой действующих войск они еще больше усилятся.

Все работы теперь подчинены подготовке к тому дню — а он не за горами, в этом уверен каждый, — когда высадка свершится. Пристрелка вражеских батарей свидетельствует о развертывании артиллерии и подгоняет к оборудованию позиций. Боевая подготовка к предстоящим сражениям занимает весь день полевого запасного

батальона под командованием капитана Фрёба. Точно так же готовятся дивизионный батальон капитана Меца — в Багерове; корпусный резерв, 1-й батальон 282-го пехотного полка капитана Фокентанца, — в форте Тотлебен; боевой резерв, истребительно-противотанковый дивизион капитана Янушкевича, — в Сказиевом Фонтане. Из тыловых служб выделены и обучены для использования на фронте 200 человек. Из всех штабов без исключения, административных и снабженческих служб формируются тревожные роты, проходящие ежедневную подготовку. Их командирами становятся чиновники и пожилые унтер-офицеры, которые также не избегнут тяжелых боев. И они не посрамят своих частей! Да, в эти последние 12 месяцев войны многие, не нюхавшие боев «казначей», вырастут до фронтовых офицеров и отдадут свои жизни в сражениях.

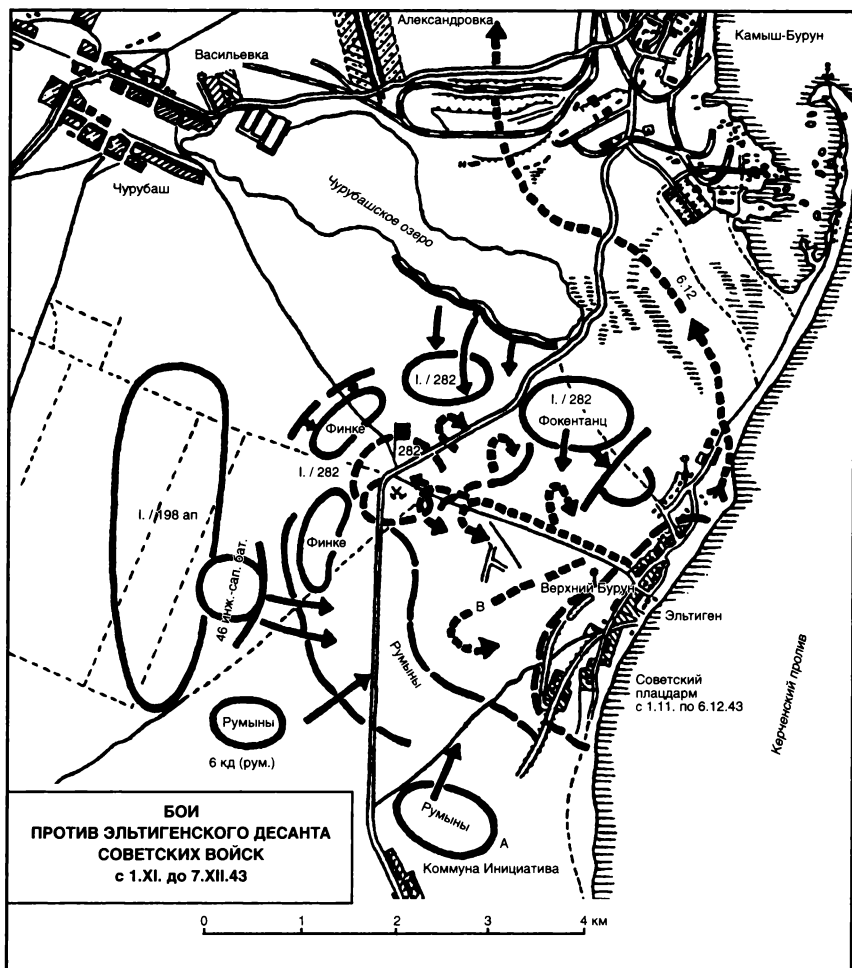
В конце октября увеличивается поток разведывательных донесений об активной подготовке неприятеля к переправе. В порту Тамани собралось 26 судов, среди них — канонерские лодки. Возобновляются налеты штурмовой авиации. Усиливается огонь артиллерии на Капканг, Джанкой и особенно на Баксы. Воздушная разведка дополняет картину предстоящего. Моторизованные транспортные средства дивизии приводятся в готовность к быстрой переброске резервов. В усиленном режиме обе инженерно-саперные роты, приданные пехотным полкам, возводят проволочные заграждения и закладывают минные поля. Состояние здоровья людей и лошадей оценивается как хорошее.

Погода в последние дни октября устойчиво прохладная и ясная. Так же ясны каждому и задачи дивизии: быть начеку, решительно атаковать, в сложной ситуации помогать друг другу и не ждать помощи со стороны!

И вот при такой установке 26 октября как гром среди ясного неба в дивизию спускается приказ: в рамках операции «Марс» начать отвод частей к Севастополю; больные незамедлительно эвакуируются, полевой госпиталь в Паша-Салыни с этого момента прекращает прием раненых!

И это теперь, когда большевик закончил сосредоточение своих сил! Никто не готов к такому повороту. В качестве средств передвижения только одному пехотному полку требуется 198 гужевых повозок, в наличии же всего двадцать пять. По опыту вывода войск с Кубанского плацдарма можно не сомневаться, что большевик немедленно развернет преследование. А Крым — степная равнина!

Следующий день тоже проходит под знаком отвода войск. Подготовка идет полным ходом, не теряется ни минуты, ибо на Таманском берегу уже просматриваются установленные погрузочные аппарели.

Длинноствольные батареи военно-морских сил подвергаются перебегающим бомбардировкам, банды из керченских катакомб действуют пулеметами и минометами. Да, отступление будет не из легких! До Севастополя — 300 км. К тому же из распоряжения дивизионному командованию выясняется, что 98-я пехотная дивизия останется последней под Керчью и на Севастополь пойдет арьергардом. Румыны выйдут на марш раньше. Так что 98-я дивизия сама себе союзник. В таком же положении оказалась и 50-я пехотная дивизия на Перекопе.

28 октября в 18 часов 30 минут поступает приказ: отвод войск начать 29 октября!

В 23 часа того же дня командиру дивизии звонит командующий: «Приказ фюрера: Крым не сдавать!»

Все повторяется, как зимой 1941/42 года под Москвой. Разве тогда эти шараханья из стороны в сторону почти не стоили дивизии жизни? Что будет на этот раз?

На этот раз нас и тысячи других немцев постигнет судьба под знаком «слишком поздно». Погода меняется. С востока налетает холодный ветер. У Тамани наблюдается скопление советских судов разного рода. Разведка доносит о базировании целого ряда аэродромов противника. Не кончаются обстрелы тяжелой дальнобойной артиллерии. День высадки приближается. Дивизия смотрит в него со спокойной решимостью. Она в полной боевой готовности. Винтовка под рукой у каждого, даже когда он чистит картошку.

Совсем иначе ведут себя в преддверии событий «тыловые крысы» — запрещенное слово! — обжившиеся в крымском тылу на Керченском полуострове, из которых не все еще покинули свои квартиры. В спешке, побросав всё из своей сытой и комфортной жизни, далекой от фронта, они бегут, как настоящие крысы с тонущего корабля. Стыдно, что и в этой войне есть такие тыловики!

31 октября под прикрытием штурмовой авиации от Таманского полуострова отходят три больших судна, курс: запад. Наша артиллерия быстро заставляет их повернуть назад. Опустив дымовую завесу, они исчезают. Это первое, осторожное прощупывание большевиком обстановки с целью вернуть себе Крым. 13 мая 1944 года ему это полностью удастся.

Оборона Крыма

В ночь с 31 октября на 1 ноября между 2 часами 30 минутами и 3 часами 30 минутами противник открыл массированный артиллерийский огонь по городу и порту Керчь, Еникале и участку побережья у Эльтигена. Только в район этого поселка из 40 стволов было выпущено 4 тысячи снарядов. Дивизия поднята по тревоге. Уже в 3 часа 45 минут все на ногах. Затем приходят первые сообщения: еще в темноте враг высадился с 50—60 катеров на участке 5-й роты 282-го пехотного полка у Эльтигена, обошел расставленные посты, взорвал их, занял старые морские бункеры и окопы и теперь готовится к продвижению значительными силами на запад.

Растянутые на 5 км 80 немецких солдат — пост через каждые 60 м — мало что могут противопоставить в темноте силам врага в 500—600 человек!

Как только начался ураганный огонь на Эльтиген, полковник Фаульхабер начал действовать. Он поднимает на ноги спящий под фортом Тотлебен 1-й батальон 282-го полка, высылает его с грузовиками в Камыш-Бурун, чтобы там дожидаться дальнейших распоряжений, а сам направляется на передовую, в направлении Эльтигена. Перед ним туда же выезжают капитан Фокентанц с лейтенантом Боксхорном и лейтенантом Кохом, чтобы на бывшем медном руднике установить связь со старшим командиром на участке обороны — капитаном доктором Финке.

Уже на подъезде, за 1500 м от места, машина попадает под обстрел с обеих сторон. На полном газу все-таки удается добраться до КП 2-го батальона 282-го пехотного полка. Поездка проходит в темноте, через ряды десантных групп, которые как раз переходили дорогу от Камыш-Буруна на Коминициативу. Командный пункт блокирован. Капитан доктор Финке совсем не против выполнения в лице капитана Фокентанца и его сопровождающих.

Примерно так же поначалу обстоят дела и на 2-й батарее 198-го артиллерийского полка капитана Хайбека, на чьих огневых позициях в рассветных сумерках внезапно вынырнул большевик. Батарея уверенно и спокойно прямой наводкой загоняет врага на горные склоны к западу от Эльтигена. Пока что неприятелю не сунуться на западные равнины полуострова. Похожая ситуация сложилась и на 3-й батарее 198-го артполка под командованием капитана Тони на юго-западе плацдарма. Капитан звонит на КП румынской роты, стоящей в 100 м от его позиций, — и отвечает ему большевик! Пулеметным огнем, управляемым с наблюдательного пункта, неприятеля сдерживают до тех пор, пока немецкая пехота не выбивает врага.

Между тем ранен полковник Фаульхабер и командование 1-м батальоном 282-го полка принимает обер-лейтенант Дей. Вначале южный отвесный берег Чурубашского озера охраняет лишь 2-я рота. Она находится под сильным беспокоящим огнем и несет потери. Уже ранены командир и его заместитель. С наступлением дня полковник Фаульхабер обзрывает всю критическую обстановку и, ни секунды не колеблясь, сам возглавляет 2-ю роту и ведет ее в контратаку на северный фланг вражеского плацдарма. Никаких средств для помех непрекращающимся налетам штурмовой авиации нет; на удивление хорошо вооруженный противник, затаившись в ямах, воронках, изгибах траншей, ожесточенно стреляет из автоматов и пулеметов — но сила удара роты, которую ведет в бой сам командир полка, так велика, что удается отбить и дорогу, и позиции, угрожавшие 2-й батарее и КП Финке на старом медном руднике. Большевик снова отброшен на горные вершины около Эльтигена. Таким

образом, в результате контратаки было достигнуто и радикальное сужение вражеского плацдарма. Задача дня большевика, вторгнуться на 20 км в глубь немецкой обороны, так и осталась несбыточной мечтой. И хотя потери в офицерском и унтер-офицерском составе велики, тем не менее контратаку Фаульхабера можно считать большой удачей.

Все новые попытки неприятеля снова расширить свой плацдарм потерпели крах.

Пленные свидетельствуют: маршал Тимошенко с тремя армиями на том берегу стоит готовый к броску. Эльтиген предусмотрен в качестве южного плацдарма, а Керчь — как второй, для северных армий.

Обстановка в корне иная, чем три дня назад. Если сейчас и возникла бы идея отступления, то было бы уже слишком поздно! Теперь речь идет о борьбе с большевиком не на жизнь, а на смерть! Теперь будет положено все, чтобы нанести ему полновесный удар. Это понятно каждому, кто знает, что в конце октября Крым уже стал островом.

Попытке капитана Фокентанца с подошедшими остатками 1-го батальона 282-го полка отеснить северный фланг противника южнее Нижнего Бунина удача улыбнулась меньше. Хотя батальон и отвоевал несколько сотен метров территории, но затем пришлось залечь в чистом поле.

День 2 ноября занимался безоблачным и прохладным. И тут же возобновились налеты штурмовиков. Каждое движение становится их целью. В воздухе стрекочет и заливается их бортовое оружие. На земле вздымаются пыль и песок от разрывов бомб.

Большевик принужден к обороне на своем плацдарме. Тут и там мелкие атаки и вылазки нащупывают слабые места в немецких позициях. Они внезапны, дерзки и хорошо организованы, равно как и упорная оборона. По всему видно, что десантом руководят бесстрашные, отчаянные и на все готовые вожаки. Так что 282-му пехотному полку предстоит еще одна проба на стойкость.

Сначала, с приказом очистить вражеский плацдарм, возобновляет атаку полковник Фаульхабер. К ним присоединяется 46-й инженерно-саперный батальон. С небольшим опозданием по железной дороге прибывают штурмовые орудия. Когда они готовятся вступить в бой, неприятель вводит штурмовую авиацию в таком объеме, что продвигаться приходится пядь за пядью. Такое впечатление, что они покрыли все небо. Потери высоки. К вечеру плацдарм, конечно, не ликвидирован, но тем не менее значительно сужен.

Однако беспечное ощущение, что со сжатием Эльтигенского плацдарма устранена первая серьезная опасность, продлится не-

долго. В тот же день, в 21 час, при поддержке мощного артиллерийского огня, длящегося не менее двух часов, на побережье от Еникале до Маяка происходит высадка советского десанта: образование северного, Керченского плацдарма начинается! Резервы корпуса и дивизии заняты в окружении Эльтигена. Как может тонкая сеть постов на восточной оконечности Керченского полуострова противостоять десанту?

В полночь обстановка вокруг Баксы с господствующей высотой 175 все еще не прояснилась. В это время выдвинутая дальше всех — до 800 м к проливу — восточнее Маяка 8-я батарея 198-го артиллерийского полка под командованием старшего на батарее лейтенанта Нэгеля уже три часа ведет на огневых позициях, оборудованных для круговой обороны, тяжелые оборонительные бои. Начавшийся сразу после 20 часов шквал огня из орудий всех калибров тут же привел к возгоранию многочисленных штабелей зарядных гильз. Несколько дотов поражены прямыми попаданиями; проволочные заграждения моментально сметены; потери растут. Радиосвязь с дивизионом восстановлена только через два часа. И уже в 21 час пулеметный огонь от Маяка поливает огнем позиции. Отбившиеся от 34-го дивизиона и двух разбитых батарей морской пехоты заверяют, что перед огневыми позициями не осталось наших сил, что повсюду прорвавшийся враг, высадка которого все продолжается. Лейтенанту Нэгелю становится ясно, что его 8-й батарее, с большой вероятностью, предстоит сражение «до последнего патрона». И он не станет его избегать.

Первое донесение, которое достигает ушей майора Хайма, командира 290-го пехотного полка, способствует его немедленному продвижению вперед во взаимодействии с взводом саперов полка. Быстро подтверждается, что между Еникале и Глейками продолжается высадка мощных сил противника. Первый резерв, сформированное из частей 1-го и 3-го батальонов 290-го пехотного полка «тревожное подразделение» под командованием обер-казначей Функа, вовремя подходит через Баксы. Около 24 часов он прибывает в распоряжение 8-й батареи лейтенанта Нэгеля и направляется к поселку Маяк. 36 бойцов подразделения остаются на батарее для поддержания круговой обороны. Не прекращая беспокоящего огня на побережье, батарея вместе с тем лихорадочно работает над восстановлением разрушенных траншей и блиндажей.

Поступающие на КП дивизии сообщения до сих пор свидетельствуют о масштабной высадке противником десанта. Принимается решение остановить врага еще на подступах к горным высотам восточнее Баксов. Правда, надежды на то, что удастся помешать за-

нятию высот, мало. Сам поселок Баксы находится под постоянным огнем. Тяжелее всего приходится 3-му батальону 290-го пехотного полка капитана Муттера. О судьбе 8-й батареи сведений не поступает. Опорные пункты пехоты во множестве смыты или уничтожены.

Как это часто бывало, не остается ничего иного, как снова привлечь саперов для оборонительных боев. Обер-лейтенант Пфитцер с 2-й и 3-й инженерно-саперными ротами получает приказ занять и удерживать господствующую высоту 175. Полковой и саперный велосипедные взводы 290-го полка вскоре выступают туда же. На высоте уже сидит капитан Штрасснер со своим наблюдательным постом. Около 2 часов с востока к высоте подступает враг, постоянно усиливаясь. Для защитников высоты, 9-й роты 290-го полка, пополнение саперами просто подарок небес.

Медленно светает. В проливе невооруженному глазу видно оживление переправы, задействованы и большие паромы — прекрасная цель для налета немецкой авиации! Но она не появляется.

Орудийный и пулеметный огонь со стороны Маяка на 8-ю батарею усиливается. Потом, накатывая волной, атакуют две боевые группы численностью с роту. Атаки заканчиваются кровопролитными неудачами. Орудийные расчеты бьются словно бывалые окопники. И тут же без промедления следуют атаки с юга. Частично они докатываются до огневых позиций. Завязываются ближние бои. Некоторые крайние блиндажи и землянки потеряны. Потери тоже чувствительны. В 5 часов 30 минут большевик, используя преимущество пересеченной местности, вторгается в тыл батареи. Начинается окружение. Теперь в обороне участвуют все без исключения. Обер-казначей Функ проявляет беспримерную выдержку.

Между тем все усилия введенных в боевые действия рот создать единую линию обороны терпят поражение как из-за недостатка собственных сил, так и в результате подавляющего превосходства вражеских. Раздробленные на малые группы, они тут же подвергаются атакам неприятельской пехоты. С рассветом начинаются мощные атаки на высоту 102 восточнее Джанкоя. В 6 часов утра все еще держится и обложенная высота 175. Вгрызаясь в землю, здесь бок о бок сражаются саперы и остатки 9-й роты 290-го пехотного полка. Примыкая к ним с юго-востока, держат оборону полковые саперы и велосипедный взвод того же полка. Другая боевая группа, собранная из частей 5-й и 6-й рот 290-го полка, под командованием обер-лейтенанта Венига в слабой связи с 8-й батареей обороняется от большевика, тщетно пытающегося пробиться.

Около 9 часов жесточайшая оборона 8-й батареи 198-го артполка подходит к концу. Не прекращавшиеся с 7 часов утра валы атак

истощили запасы боеприпасов и нанесли урон в живой силе. В 8 часов каждый боец получил последние 20 патронов. Два орудия и четыре пулемета выведены из строя. С напряжением всех сил и при существенной поддержке двух других батарей 3-го батальона на глазах тающее подразделение смогло продержаться еще час. В 9 часов лейтенант Нэгель приказал взорвать два оставшихся орудия. Дальнейшее сопротивление без снарядов и патронов было бы самоубийством. С остатками унтер-офицеров и рядовых Нэгель отступает. Дорога в узкой долине обстреливается с трех сторон, и новые потери неизбежны. Лишь малая часть батареи — в основном раненые — во главе с лейтенантом Нэгелем выходит из окружения.

Позже особым приказом по артиллерийскому полку были отмечены боевые действия 8-й батареи: «У всех нас перед глазами подвиг 8-й батареи, которая, верная своему долгу, стояла насмерть, как волнорез, разделяла хлынувшие массы неприятеля и часами сдерживала их».

Стойкость и отвага артиллеристов и пехоты воспрепятствовали молниеносному продвижению противника и дали дивизиону время для принятия контрмер.

Мыс Варсовка с высотой 106 на севере все еще наш. Но как надолго? У дивизии больше нет резервов. Теперь помощь должен оказать корпус. В 12 часов ей передается необстрелянная рота 218-го полевого учебного полка. Ей предстоит заткнуть брешь на севере между Баксами и высотой 144.1. Рубеж восточная окраина Капканга — восточная часть Джанкоя — высота 177 — телеграфная станция пока удерживается. Перед Капкангом и Маяком обнаружены скопления противника. Где же наша авиация? Какие превосходные цели для налетов! Исходные позиции, кишашие в узком проливе суда, паромная переправа! Но в небе царят вражеские штурмовики. По всей видимости, они будут осуществлять поддержку готовящегося сухопутного наступления на высоту 175 и от Маяка в северо-западном направлении. В 16 часов 30 минут противник начинает продвигаться к рубежу 144.1 — Осовины. Только что прибывший к югу от Юракова Кута 1-й дивизион 218-го полка полевой артиллерии под командованием капитана Гроха прямо с марша вводится в боевые действия восточнее населенного пункта.

А какова обстановка под Керчью? Во второй половине дня и здесь усиливается давление на поредевшие подразделения 3-го батальона 282-го пехотного полка, обороняющего рубеж между Джанкочем и морским побережьем. Перед самыми сумерками удастся организовать контратаку вместе со снятым с обороны побережья у Феодосии и переброшенным сюда отдельным батальоном дивизии

под командованием обер-лейтенанта Шёрнера и 1-й ротой 198-го инженерно-саперного батальона под командованием лейтенанта Зумфлета. Теперь оборона усилена: оба батальона вечером занимают позиции юго-восточнее и северо-восточнее металлургического завода в Войкове, выдвинув передовой отряд к Джанкою.

На следующее утро, в 6 часов, большевик переходит в наступление по всей линии фронта с одновременно включающимся артобстрелом; его цель: расширить свой плацдарм. По свидетельствам плененных, это три только что высадившихся полка двух гвардейских дивизий. Главный удар нацелен на Джанкой—Баксы. Разгораются ожесточенные бои, на всех участках по двадцать солдат противника на одного нашего бойца. Слишком неравные силы!

После трехчасового сражения перевес остается на стороне численного превосходства. Высоты 102 и 175 сданы врагу. Удержать Джанкой и Баксы далее невозможно. Потери в живой силе тяжелы. Невосполнимы утраты офицеров и унтер-офицеров.

Оборона организуется по обе стороны от Войкова: высоты 82.5, 129.6, 115.4, 106. На подходе корпусный резерв, 1-й батальон 290-го пехотного полка и батарея штурмовых орудий.

Хроника событий:

12 часов: 1-й дивизион 218-го полка полевой артиллерии сдает высоту 106 у мыса Варсовка и отступает на Юраков Кат;

14 часов: саперы под командованием обер-лейтенанта Пфитцера и обер-лейтенанта Штрауса все еще удерживают высоту 129, что западнее Баксов.

Они требуют подвоза боеприпасов и, получив их, держатся дальше, вопреки подавляющему превосходству врага. Ни вечером, ни ночью большевик не проходит. Его потери должны быть чрезвычайно высоки.

На юге, у Джанкой, дивизионный батальон отбивает многочисленные атаки на высоту 102. В тяжелых продолжительных боях следующих дней, вплоть до 6 ноября, передний край обороны отбит обратно. В них ранен обер-лейтенант Шёрнер.

В 5 часов отбита атака неприятеля, выступившего из Баксов с поддержкой артиллерийского и зенитного огня. Полковник Брюль направляет оборонительный огонь с выдвинутого наблюдательного поста у высоты 115.4. Он — сердечник оборонительного боя артиллерии.

Для защиты береговой линии Капканг—Колонка—Керчь батальон Меца с штурмовыми орудиями переброшен в район севернее Колонки. В это время осложняется положение на севере: от Осовин и кролиководческой фермы враг атакует на запад. Активизация штурмовой авиации и постоянный приток пополнений вражеских

сил вызывают опасение, что противник готовит наступление по широкому фронту. Насколько обоснованы эти опасения, покажет ближайшее будущее. С приходом сумерек большевик выступает с исходных позиций с направлением главного удара на высоту 144.1, которую еще удерживают части 1-го батальона 218-го полка полевой артиллерии. В ходе кровопролитных ближних боев, в которых погибает командир 4-й роты обер-лейтенант Бюттнер, высота сдадена, северный фланг вынужденно отведен.

Это стало болезненным завершением третьего дня боев. Спускающуюся на передовые рубежи, с таким трудом удержанные, ночь встречали измученные, до глубины души потрясенные кровавыми потерями бойцы перемешавшихся подразделений: пехотных, артиллерийских, саперных и тревожных — настоящее боевое содружество! Но как долго они еще продержатся? То, что в случае прорыва этой тонкой керченской линии грянет катастрофа, что вторжения противника в Крым не избежать, как и то, что потеря этого рубежа вполне предсказуема, — все это вовсе не кликушества пессимиста. Просто на боеспособные резервы уже никто не надеется. Если уж весь Восточный фронт дрогнул, то откуда возьмутся войска для Крыма за морем?

Обстановка на Эльтигенском плацдарме: усиленный за ночь десант противника предпринимает новую попытку расширить его на восток. Удар направлен на участок 1-го батальона 282-го пехотного полка. Но батальон контрударом возвращает себе утраченную территорию. Обер-лейтенант Дей пал, лейтенант Кох ранен, численный состав унтер-офицеров и рядовых стремительно уменьшается.

Выкованное полковником Фаульхабером кольцо выдерживает натиск. К тому же штурм ограничивает возможности вражеской штурмовой авиации.

Настоятельные запросы дивизионного командования резервов наконец удовлетворяются двумя румынскими батальонами. Ими усиливают северный рубеж и участок к югу от Керчи. В конце концов дают о себе знать и самолеты-истребители с пикирующими бомбардировщиками!

Румыны — хорошие люди. При умелом руководстве и при наличии боевого опыта они могли бы стать надежными союзниками. Но многие младшие командиры отнюдь не образцы доблести и уж совсем не вожаки, к тому же всем им не хватает твердости. Так что надежную полноценную поддержку они собой не представляют. Отправленные на север, к высоте 106.6, 11-й румынский егерский батальон и пять рот численностью 650 человек по истечении полной ночи внезапно обнаруживаются залегшими для обороны... в

полукилометре западнее, то есть в тылу! Вторым — полным! — румынским батальоном с рубежа южнее Керчи высвобождается одна стрелковая рота (!) 282-го пехотного полка!

В приказе на день от 5 ноября 1943 году командование дивизии открыто дает бойцам свое видение обстановки и напутствует: «Битва за Крым в разгаре. Мы оказались в серьезном положении и связаны друг с другом неразрывными узами в победах и поражениях. Теперь никто не может остаться в стороне, и нет среди нас никого, чей долг, в сущности, не был бы борьбой!»

Назначенный на 4 часа 30 минут 7 ноября штурм Эльтигена из-за румынских частей опаздывает, выступление из исходного района начинается только в 6 часов 45 минут и теперь лишается фактора внезапности. После захвата территории в 250 м в глубину продвижение застопоривается. Не хватает опыта, жесткости и наступательного порыва. Тем не менее отвлечение сил противника все-таки удастся.

Эльтиген уже не представляет собой прежней угрозы в обстановке все более сжимающегося кольца, блокирующего территорию длиной 3 км и глубиной от 500 до 800 м. И все-таки Керченский плацдарм по-прежнему и угрожает и изматывает. Исходящие оттуда продолжительные массированные артобстрелы и непрекращающиеся частные атаки большевика истощают и без того слабеющие силы. В сводке о боевом и численном составе командование дивизии указывает на потери и их следствия:

«С 1 по 7 ноября потеряно: 40 офицеров, 180 унтер-офицеров и 875 рядовых. На Кубанском плацдарме потеряно: 91 офицер, 469 унтер-офицеров и 3419 рядовых. Общие потери в живой силе: 131 офицер, 649 унтер-офицеров и 4294 рядовых — и это за три с половиной месяца! Теперь, после семи дней боев, напрашивается вполне обдуманный вывод, что в обозримом будущем настанет день, когда ослабленных сил сопротивления не хватит, чтобы воспрепятствовать вторжению в Крым. Очень простой арифметический пример!»

Главные медицинские пункты в Катериесе, Багерове и Мариетнале, при их непрекращающейся нагрузке, сильно страдают еще и от постоянных налетов самолетов-штурмовиков.

9 ноября большевик предпринимает новую попытку прорыва свежими силами. Под Баксами атака отбита, в немалой степени благодаря действенной поддержке артиллерии. После 14 часов противник нападает на северные позиции румын и почти без потерь занимает их. В это же время на юге, под Керчью, батальон Штубенрауха удерживает свои позиции. По окончании боев защитники по всему фронту находятся на своих прежних позициях, обессиленные, но гордые собой. За исключением севера! Здесь зияет огромная

брешь. Обстановка совершенно непонятная. И ночь не вносит ясности. Определенно одно: надо идти навстречу угрожающей опасности. 10 ноября в 5 часов 30 минут выступает дивизионный резерв с батареей штурмовых орудий, чтобы отвоевать бывшую милю обороны румын. В 12 часов это удастся сделать. Весь вопрос в том, можно ли рассеянных и напуганных румын, которые нерешительно начинают возвращаться, оставить здесь одних!

Однако кульминация этого дня еще не достигнута. В 14 часов в район Баксы выдвигаются два полка неприятеля. Они ломают сопротивление значительно поредевшего батальона Муттера и катят валом дальше, на Аджимушкой. С непоколебимой стойкостью, на свой страх и риск, небольшие группы резерва предпринимают контратаки, которые неизбежно разбиваются о нахлынувшие массы противника. Других сил для сопротивления нет. Таким образом здесь образуется огромная брешь, через которую враг мог бы прорваться в Крым, будь у него побольше отваги!

Вот и создалось положение, какового было не избежать, если правильно оценить силы сторон. В дивизии нет ни одного думающего солдата, который бы не ожидал этого. Определенно, и командование обороны Крыма владело ситуацией. Теперь сюда направляются свежие войска, поскольку Крыму придется и значение «большой политической важности» по отношению к Турции. Поэтому все может быть!

Солдаты 98-й пехотной дивизии, сражающиеся на керченском фронте, девять дней ведут непосильные бои; 216 часов не утихает огонь артиллерии и минометов неприятеля. Они измотаны бессонницей и ежедневно переживают потерю товарищей.

Ценой невероятных усилий командованию дивизии удастся добиться от корпуса и армии использования авиации для прикрытия войск. Ночью совершается налет. Но брешь по-прежнему зияет. Если вражеская разведка ее обнаружит, то уже утром решающим прорывом большевик будет в Крыму. Командир дивизии не устает предупреждать о возможности такого развития событий. И что?

Ему обещают придать для прикрытия бреши полевой учебный батальон 50-й пехотной дивизии. Но враг не ждет.

11 ноября три дивизии противника начинают крупную наступательную операцию. Мощный удар наносится чахоточному гарнизону полуострова. Устоять под натиском свежих резервов он не может. Огнем прямой наводкой защищается легкая зенитная батарея Аджимушкой. Но и она, охваченная с двух сторон, вынуждена отступить. В 8 часов противник уже продвигается из Аджимушкой на Керчь — вот его цель!

В следующие часы события сменяют друг друга беспорядочно и непредсказуемо. Командование дивизии не может оказать на них никакого влияния. Весь фронт, состоящий из одних опорных пунктов, дрогнул. Все более или менее боеспособные офицеры и унтер-офицеры брошены на наиболее уязвимые участки, которым грозит окружение. В конце концов, из последних сил удастся остановить большевика на самом узком перешейке полуострова. В 13 часов образуется слабая оборонительная линия от восточных окраин Керчи до высоты 71.3, состоящая из небольших групп сопротивления.

Командир дивизии докладывает командиру корпуса о всей серьезности положения линии обороны, натянутой до разрыва. Эта информация доносится по телефонной связи и дальше, до командования армии.

То, что дело дошло до оставления сражающихся войск в таком отчаянном положении, свидетельствует либо о серьезных ошибках, либо — что еще ужаснее — о невозможности кардинально исправить ситуацию!

Но теперь кое-что предпринимается: поздним утром «Юнкерсами» на аэродром Багерovo прибывают штаб, инженерно-саперный взвод и взвод связи 123-го пехотного полка под командованием полковника Бирмана, а также передовой 1-й батальон майора барона фон Бибра. Грузовики без промедления отвозят только что высадившихся на фронт. Там, после короткого построения, они приступают к своим задачам. Еще до начала сумерек, благодаря решительной атаке 1-го батальона 123-го пехотного полка, стратегически важный горный район восточнее Булганака, высоты 133.3 и 125.6 по большей части возвращены и, таким образом, серьезная угроза снята. Однако обстановка на юге, у 218-го полка полевой артиллерии, и на севере, у 290-го пехотного полка, все еще вызывает опасения. Но и противник выдохся. Спасение только в этом. Каждый час без введения в бой частей 123-го полка грозит с большой вероятностью прорывом фронта.

Откуда пришли эти в последний момент «посланные с небес» на спасение пехотинцы? В спешном порядке 123-й пехотный полк 50-й дивизии в конце октября 1943 года был отправлен самолетами из Крыма на Днепр. Там, после прорыва у Мелитополя, он стоял бастионом против непрерывно атакующего врага. Позже, в тяжелых боях, он удерживал открытой переправу через Днепр у Берислава. Едва отойдя зализывать раны, к своим кухням, технике, смене обмундирования, полк снова перебрасывается в район боевых действий, в Крым. Без обоза, без тяжелого вооружения, без гужевого

транспорта. Позже, через много недель, те из них, кто не сгинет в волнах Черного моря, вернутся водным путем к своим частям.

Только знание всех этих предшествовавших обстоятельств дает возможность правильно оценить состояние и достижения 123-го пехотного полка.

Все участвующие в боях под Эльтигеном части 98-й пехотной дивизии после замены их румынскими войсками немедленно выводятся и перебрасываются в район Керчи. 1-й батальон занимает позиции рядом с 3-й батальоном 282-го пехотного полка; командир полка принимает свой прежний участок с КП в Керчи. Центральный участок фронта с 12 ноября берет на себя 1-й батальон 121-го пехотного полка 50-й пехотной дивизии под командованием капитана Рихтера. Проведенная им в тот же день успешная атака уже к полудню приводит к реальному отвлечению сил противника. Ему на подмогу подводится еще 400 человек маршевого батальона дивизии. Правда, для укрепления боевой мощи фронта это слишком малые силы. Но поскольку рубеж, который отводится для обороны этим частям пополнения, сильно разрушен, тут не помогут масштабные «вливания».

Многие штабы и соединения понесли непомерные потери в офицерском и унтер-офицерском составе и становятся нежизнеспособными. Сколько раз на приближение этого момента указывалось вышестоящему командованию! Больше штурмовых орудий, больше подвоза снарядов для артиллерии, противотанковых пушек и минометов, новых боевых батальонов — вот требования, которые выдвигаются снова и снова! Будут ли они выполнены, будут ли вообще приняты во внимание?

Затишье оказывается коротким. Вскоре на передней линии заново вступает тяжелая артиллерия, возобновляются налеты штурмовой авиации. Малые, переброшенные с других фронтов резервы вводятся для возмещения свежих потерь. Но есть и отрадные перемены. 123-й пехотный полк, который с 15 ноября, после прибытия его 2-го батальона обер-лейтенанта Мертенса, сражается в полном составе, отражает на своем рубеже все вражеские атаки, валом накатывающие с 12 ноября под прикрытием танков, и становится настоящим краеугольным камнем обороны.

Воскресный день 14 ноября снова проходит под знаком упорного стремления большевика совершить прорыв, на этот раз под Булганакком. Передний край 123-го полка, только что укрепленный 3-м батальоном майора Беренфенгера, который введен на участок между 1-м батальоном своего и 1-м батальоном 121-го пехотного полка, лежит в огне и дыму. Тут и там разрываются снаряды всех

калибров. Особенно опасны осколки, поскольку земля покрывает скальные породы лишь по шиколотку или по колено. Для пехоты совсем негодное укрытие!

И тем не менее только на рубеже батальона Беренфенгера подбито 9 танков. По одному из их числа уничтожили лейтенант Гэртнер и обер-ефрейтор Климпель. Ни один пехотинец противника не ступил на рубеж. Солдаты 123-го полка сражаются безупречно.

Даже северный рубеж, слишком протяженный для 250 бойцов 290-го пехотного полка, удержан, несмотря на несколько сильных атак.

Постепенно отдельные обороняющиеся группы собираются в организованные тактические части. Командир 123-го полка теперь объединяет под своим командованием 3-й дивизион 23-го полка полевой артиллерии майора Кюрта, 1-й батальон 121-го пехотного полка, неполный 290-й пехотный полк майора Хайма и свой полк в бригаду Бирмана.

За неистово громыхающим днем приходит тихая, спокойная ночь с густым туманом. Ни звука, ни шороха, не видно ни зги. Но суровая бдительность оставляет едва ли хоть час для сна. Таков уж удел передовой пехоты, за спиной которой все могут спокойно уснуть.

16 ноября — день, полный неожиданностей. Во-первых, наши пикирующие бомбардировщики совершают налеты на вражеские позиции, и наконец-то появляются наши истребители. Они дают надежду на то, что дивизия еще не списана. А затем дивизия получает две противотанковые роты, так называемые «офенроты» с реактивными противотанковыми ружьями для борьбы с ближних дистанций. И последним сюрпризом явилось упоминание имени дивизии в сводке вермахта: «В тяжелых боях последних недель... особо отличилась в Крыму 98-я франконско-судетская пехотная дивизия». Только вот, многих из тех, кто достоин услышать такое признание, уже нет в живых!

В ночь на 17 ноября противник снова атакует бригаду Бирмана. Бои идут до рассвета с переменным успехом, до тех пор пока не вводятся резервы. Пленные сообщают о готовящемся наступлении по широкому фронту четырьмя стоящими на плацдарме дивизиями под командованием генерал-полковника Петрова. А один перебежчик дополняет сведения: цель наступления — взятие Керчи, чтобы открыть путь в глубь Крыма. Из перехваченных радиogramм становится также известно о выдвигании артиллерии на огневые позиции. Намерения неприятеля недвусмысленны.

Зато двусмысленно положение наших сил на Восточном фронте. Пока 98-я пехотная дивизия, проливая кровь, сражается за Керчь,

Восточный фронт все дальше отступает на запад. Вот уже Житомир объявляется направлением главного удара, и очевидно, что фронт стоит в сотнях километров западнее.

Какую же роль играет теперь Крым, ставший «островом»? Этим вопросом задается каждый, кто стоит на переднем крае его обороны. Защитники сетуют: «Гарнизон Крыма — уже готовый лагерь военнопленных. Большевику остается только обождать, пока спелый плод не упадет прямо в руки!» Уже давно утрачена возможность вывозить из Крыма какие-либо полезные ископаемые или хозяйственное имущество. Даже подвоза снабжения, столь необходимого для выполнения приказа «Не сдавать Крым!», уже давно нет. Чтобы произвести впечатление на Турцию, надо удерживать Крым? Так Турция прекрасно информирована о реальном положении дел на «острове» и явно в курсе, что все это продлится не долго! Что за безумие жертвовать целой армией ради дезинформации или из-за упрямства!

Определенно, и высшее руководство задается теми же вопросами и не допустит бесполезной жертвы. Войска твердо в это верят и без колебания вверяют ему свои жизни.

На фронте подлинное ликование: «Юнкерсом» наконец доставлено 3 тысячи снарядов для пехоты — маленький знак обеспеченности в будущем.

Пасмурные дни с плохой видимостью сменяют холодные ветреные ночи и дарят небольшую передышку. Большевик все еще медлит. 19 ноября, когда видимость улучшается, пикирующие бомбардировщики совершают несколько налетов, в основном на Эльтиген. А пока 20 ноября в 4 часа 05 минут противник открывает ураганный огонь, на участки Фаульхабера и Бирмана произведено 10 тысяч выстрелов. В 5 часов начинается наступление силами 600 пехотинцев и 40 танков. Главный удар первоначально направляется на 23-й дивизион полевой артиллерии. Часом позже положение на фронте таково: батальоны Фокентанца и Штубенрауха, 1-й и 3-й 282-го пехотного полка, в низине между Керчью и Булганакком при взаимодействии со штурмовыми орудиями и превосходной поддержкой артиллерии отбивают две атаки. На севере, при большей активности артиллерии, бои не ведутся. Пехотинцы 3-го батальона 123-го и 1-го батальона 121-го пехотных полков отражают многочисленные атаки противника, частично с использованием ручных гранат. Фронт под Булганакком выдержал. Но на участке дивизиона Кюрта прорываются ударные силы танков и сопровождающей их пехоты. Дивизион полностью раздавлен, и на его рубеже зияет огромная брешь. В невероятных усилиях двум ротам 2-го батальона 123-го полка удается контратакой предотвратить дальнейшее продвижение не-

приятеля в тыл. Занявший дома в Булганаке враг вытеснен в ходе ожесточенных боев. Десять подбитых танков остаются торчать на дороге. Но почти двухкилометровую брешь между бригадой Фаульхабера и бригадой Бирмана закрыть от расширения пока можно лишь отсечением огнем.

Двадцать танков, прорвавшиеся на этом участке, без подкрепления не могут продвигаться дальше на запад, и это время должно быть использовано. Подбрасывается 2-й батальон 282-го пехотного полка капитана доктора Финке — дивизионный резерв. Появляются наши пикирующие бомбардировщики и покрывают бомбами исходные районы вражеских резервов и все районы передвижений.

Пока что прорыв никем не занят.

В 13 часов 35 минут к нему снова вылетают пикирующие бомбардировщики и «Мессершмитты» Me-111, с громом и молниями они расчищают путь для наступления по сходящимся направлениям 2-го батальона 282-го полка и высвобожденными частями 1-го и 2-го батальонов 123-го полка. Благодаря образцовой поддержке 198-го артполка удастся подойти к старой линии обороны и таким образом заткнуть брешь. По всему восстановленному фронту проносится вздох облегчения.

После всего, что разворачивалось на плацдарме, этот успешный контрудар можно считать выдающимся достижением участвовавших в операции рот. Боевые подразделения совершили невозможное. Но потери опять велики. Хоть до отпуска дело и не доходит, но численный состав рот снижается до 15 человек. Огромные потери в вооружении также ослабляют обороноспособность войск.

Пусть большевик и имеет многократное превосходство, но и его силы не безграничны! Должно быть, нанесенный ему ущерб огромен, ибо в ноябре дело так и не доходит до крупной наступательной операции.

23 ноября выходит запрет на все отпуска из Крыма. Хотя и без того проехать было бы вряд ли возможно: на «острове» наступает настоящая осень. Ухудшение погоды пока не приводит к распутице, но раскисшие до состояния вязкого клея просторы препятствуют движению транспорта. Ночи чернее черного и совершенно беззвездные. На фронте это значит «бессонные». Ранняя тьма — долгая тьма! Над Керчью рвутся снаряды, по всему фронту бесшумно взлетают и падают сигнальные ракеты.

Чтобы возместить потерю 3-го батальона 23-го полка полевой артиллерии, приходится использовать 1-ю роту 46-го инженерно-саперного батальона в качестве пехоты. И все-таки передний край обороны остается тонкой, словно натянутая струна, линией, без

глубины, без резерва, уязвимой для прорыва. Батальону 50-го пехотного полка до сих пор не подтянули обозы. Вывоз и подвоз всякого рода, уход за оружием, орудиями и обмундированием становятся большой проблемой. Для того чтобы углубить жалкие окопы-укрытия, чтобы хоть как-то защититься от непрерывного огня противника, не хватает подрывных средств, шанцевого инструмента, дерева, колючей проволоки, противотанковых и противопехотных мин. Всего не хватает! И такое положение не изменится за долгие недели обороны Керчи до самого ее конца. Это тяжело давящий груз для командиров, лишения и мучения для солдат. Но это ничего не меняет, приказ «Не отдавать Крым!» остается в силе.

В эти дни дивизия временно передается в подчинение 150-му артиллерийскому дивизиону под командованием майора Мариенфельда. Затем по воздуху прибывают два маршевых батальона — но без офицеров и унтер-офицеров!

И хотя вслед за ними присылают целый ряд офицеров из «резерва фюрера», почти все они необстрелянные, неопытные юнцы, лейтенанты всех родов войск, которые до сих пор — на пятом году войны! — еще ни разу не стояли лицом к лицу с врагом. Что толку от них? Неужели там, наверху, их действительно считают достойной заменой офицерам-пехотинцам? На них должны равняться и им доверять закаленные на передовой солдаты? Кто за это ответит и кто взял на себя ответственность, посылая этих мальчишек в Крым, в этот мешок, где слишком много людей, но слишком мало бойцов?

Приказом этих дней было велено найти заслуженного унтер-офицера или рядового, уже награжденного Железным крестом 1-го класса, для представления его к Рыцарскому кресту. Представитель оказался некого. Не нашли ни одного: возможные кандидаты либо выбыли по ранению, либо убиты.

И так уже катастрофическая, но все возрастающая нехватка младших командиров и подготовленных, опытных рядовых пехоты заставляет бывалых солдат гораздо чаще подставлять свою грудь опасности, чем раньше. В подобном образе выхоленной дивизии, как 98-я пехотная, после четырех месяцев боев не осталось ни одного выжившего ниже командира взвода, достойного носить эту награду. А сколько достойных смельчаков, незамеченных и ненагражденных, скромных и великих, осталось лежать и забыто на полях от Керчи до мыса Херсонес, с 1 ноября 1943 года до горького конца в мае 1944 года! И сегодня актуальны строки из далекого 1916 года:

Niemals wird erreicht, was dem deutschen Fußvolk gleicht!
Aber wißt: In eurer Hand ruht das ganze Vaterland!
Äußre Ehren kennt er nicht, kennt nur seine harte Pflicht.

Ernst das Auge, schmal die Wangen; leise in den Tod gegangen.
Schlicht und tapfer, spät und früh, unverzagt in Stürmen...
Anspruchslose Infant'rie: Möge Gott dich schirmen!¹

В конце ноября во время своего визита генерал-полковник Йенеке высказал командиру дивизии: «98-я пехотная дивизия достигла сказочного успеха в обороне!» — «Только с боевыми товарищами 123-го и 121-го пехотных полков», — был ответ.

До того, как неприятель приступит к новой попытке взять Керчь, дивизия получит настоящее подкрепление. 800 рядовых и унтер-офицеров из Норвегии пополняют поредевшие ряды дивизии. Их встретят с радостью. На всей территории Крыма, особенно в районе Симферополя и хребта Яйла, а также в районе Багерова, вооруженные банды принуждают к передвижению караванами с охраной. Ни одно транспортное средство теперь не пускается в путь без двоих сопровождающих.

Активизировавшиеся, несмотря на шторм и дождь, действия авиации с обеих сторон свидетельствуют о возобновлении боев. В течение 72 часов не стихает огонь зенитной артиллерии и самолетов-истребителей противника. С 28 ноября множатся признаки скорой масштабной наступательной операции. К 4 декабря напряжение спадает, а уже в 5 часов 25 минут начинается ураганный огонь, который не стихает до 6 часов 45 минут. Затем в сторону фронта дивизии выдвигаются при поддержке танков четыре полка противника, с явной целью прорвать его. Пока оборона повсюду идет успешно. Снова и снова, не обращая внимания на большие потери, атакует вражеская пехота при поддержке пулеметного и артиллерийского огня. Если до 9 часов главный удар операции был направлен на северное побережье, то теперь центр тяжести перенесен к югу. С удвоенной силой враг рвется к участку фронта южнее Булганака. Целые стада танков с восседающей на чудовищах пехотой. Одной ударной группе удается прорваться. Она огибает населенный пункт с запада и ударяет в тыл подразделениям 123-го пехотного полка вплоть до высоты 101.6. Здесь смята танками и уничтожена 13-я рота 123-го полка. Затем, захватив пленных, танки разворачиваются к

¹ Нет равного солдату-пехотинцу Германии!
В его руке покой Отчизны всей!
Ни громкой славы — лишь суровый долг.
Глаза строги, и исхудалы щеки,
легко идет на смерть он в рань и ночью.
Простой и храбрый, в штурмах без упрёка,
неприхотливый гренадер, пусть Бог тебя хранит!

(Перевод Л. Ведерниковой)

фронту. Но из 27 машин вернутся лишь шестнадцать. Роты 1-го батальона 123-го полка и 1-я рота 46-го инженерно-саперного батальона сражаются с отчаянным мужеством. Адьютант 1-го батальона 123-го полка лейтенант Энгельман убит за пулеметом перед командным пунктом. Обер-лейтенант Квирин, командир саперной роты, падает в 20 м от танка, сраженный его огнем. Из одиннадцати уничтоженных танков восемь подбиты пехотой, три — зениткой. Введенные в район боевых действий дивизии зенитные орудия полностью оправдали себя; часто установленные в самых горячих точках, они доказали свою непоколебимую стойкость. Один лишь пехотинец Хефтер из 4-й роты подстрелил из тяжелой противотанковой пушки четыре Т-34. Рядовой Лунген погиб, устанавливая под пятый по счету танк магнитный подрывной заряд.

После четырех часов ожесточенных боев, когда солнце клонилось к закату, мужественные пехотинцы и саперы все еще стояли на своих позициях. Все сражались беспримерно.

В 22 часа на КП корпуса уходит рапорт: «Все атаки отбиты, передний край полностью в наших руках».

Короткая ночь дала небольшую передышку, а в 6 часов 15 минут следующего дня, 5 декабря, противник снова открывает ураганный огонь, который на этот раз длится 1 час 45 минут. В 8 часов из-за дымовой завесы выныривают 20 танков, доходят до Булганака, пересекают линию фронта и атакуют передний край обороны с тыла, прямо под огнем. К 8 часам 30 минутам 30 танков ссаживают сопровождающую пехоту в тылу 1-го батальона 123-го пехотного полка. Чтобы не допустить их продвижения на север, к высоте 101.6, вводится бригадный резерв. 1-я батарея 150-го артиллерийского дивизиона под командованием обер-лейтенанта Франке встает под Булганаком временным оборонительным рубежом. Пока все взгляды и стволы нацелены на юг, новые силы противника появляются на севере, на рубежах 2-го и 3-го батальонов 123-го полка и 1-го батальона 121-го полка. Каждый понимает: теперь дело касается всего и всех! До 9 часов 3-й батальон 123-го полка отбивает семь вражеских атак; девять танков подбито. А затем большевик на этом направлении, похоже, выдохся. Зато на юге он собирает силы в кулак. Все больше танков прокладывают дорогу в грунте на передовой южнее Булганака, а потом сгружают на нее пехоту и боеприпасы. Майор Зайт со своим батальоном держит под массированным огнем скопления вражеской пехоты, и с заметным успехом. До самого вечера большевик с завидным упорством продолжает атаки, которые захлебываются в его крови. Зенитная артиллерия и истребительная авиация вносят свою лепту в успешное завершение обо-

ронительных боев этого долгого дня: сбито 42 самолета противника. На рассвете противотанковые пушки 198-го истребительно-противотанкового дивизиона пресекают попытку оттащить с поля боя позади Булганака десять неподвижно стоящих танков. Девять из них уничтожено. Одно лишь орудие подбивает шесть. Засевших в укрытиях и упорно отстреливающихся большевиков удается уничтожить только в результате двухдневного боя местного значения силами 1-й батареи 150-го артиллерийского дивизиона.

Фронтная газета «кубанской» армии от 7 декабря 1943 года пишет об этих боях: «Наши франконско-судетские пехотинцы, долго и ожесточенно противостоявшие большевистскому натиску, в опаснейших условиях снова добились исключительного успеха». И не в последнюю очередь батальоны 123-го и 121-го пехотных полков!

Во время этого сражения румыны готовились к занятию Эльтигенского плацдарма. С 3 декабря их артиллерия плюется снарядами из 80 стволов. 4 декабря с помощью немецких штурмовых орудий начинается сужение кольца. Большевики, прижатые к морю, с приближающимися румынами, под непрерывным артиллерийским огнем и бомбардировками, бьются на удивление стойко. Они знают: конец близок! Но и железная воля командира дивизии и защитников Эльтигена не уступает. Непрекращающимися боевыми вылетами им помогает штурмовая авиация. 6 декабря при поддержке всех имеющихся в распоряжении пикирующих бомбардировщиков и «Хейнкелей» He-111 начинается последняя атака на Эльтиген. От исходной линии утром 7 декабря штурм блокированных укреплений должен покончить с десантом.

Сводка вермахта от 8 декабря провозглашает: «В Крыму 6-й румынской кавалерийской дивизией под командованием генерал-лейтенанта Теодорини разгромлен вражеский плацдарм южнее Керчи. В ходе тяжелых боев уничтожен советский морской десант, взято ровно 2000 пленных».

Правда, 98-я пехотная дивизия видит все несколько иначе.

В ночь с 6 на 7 декабря температура воздуха впервые снижается до 0 градусов. Эта ночь перед последним штурмом румын Эльтигена и темная, и холодная. И столь же холодна решимость полковника Гладкова, защитника Эльтигена, когда он, оставив на плацдарме всех раненых, между полночью и рассветом с восемьюстами до зубов вооруженными десантниками без труда прорывает блокаду румын на севере и северо-западе. Имея цель присоединиться к главному, Керченскому плацдарму, он пробивается к горе Митридат. О том, что лиса, которую надеялись легко вынуть из ловушки, улизнула, дивизионное командование пока не знает. Благо полковник

Фаульхабер вскоре после полуночи получает донесение: «Румынская батарея к югу от Керчи атакована и истреблена». Кем? Полковник тут же поднимает по тревоге все тыловые части и информирует командование дивизии. Пока он еще не представляет себе истинный размах угрозы. В штабе дивизии полагают, что с группой партизан он управится своими силами, ибо кто, кроме банды, мог совершить нападение?

В 3 часа один захваченный капитан отряда Гладкова вносит ясность о том, какой «подарок» приготовили покорители Эльтигена 98-й дивизии. Готовые сражаться хоть на ножах, защитники Эльтигена вырвались из окружения и серьезно угрожают правому флангу на участке Фаульхабера.

Пришла пора действовать — и полковник Фаульхабер не медлит. Он организует круговую оборону всех командных пунктов, огневых позиций и обозов, занятие склонов Митридата и переброску 11-й роты 282-го пехотного полка с керченского фронта.

Дивизия, несмотря на усиливающиеся в это время бои на главном фронте, обещает существенную поддержку. Первым делом командир высвобождает 2-ю роту 198-го мотопехотного батальона.

К этому времени обстановка сильно обострилась. Слабая охрана на Митридате сброшена. Там теперь в блиндажах сидит эльтигенский десант. То, что он тут же воспользовался радиосвязью, выяснилось почти сразу. Другая группа продвинулась к Булганaku. Завязался бой. Вскоре после этого успешно проведена атака на рубеже 3-го батальона 282-го пехотного полка — на приморском шоссе! — двумя батальонами и танками. КП полка блокирован. Командир и адъютант сменяют друг друга у телефонного аппарата и автомата.

Оставленные в Эльтигене выбрасывают белый флаг. Теперь там празднуют «победу».

Полковнику Гладкову не удается осуществить задуманный план и прорваться к северному фронту. Однако он может создать новый опасный плацдарм «южная окраина Керчи с горой Митридат». Этого не может допустить 282-й полк, командование дивизии тоже не хочет создания второго фронта, на котором в ожесточенных боях увязнет каждый офицер, унтер-офицер и рядовой, способные держать винтовку. Эта опасность безоговорочно должна быть устранена. Ситуация под Эльтигеном для полковника Фаульхабера повторяется теперь у горы Митридат.

В течение 7 декабря для решительного боя дивизия подтягивает сюда силы: 150-й артиллерийский дивизион майора Мариенфельда, части 198-го мотопехотного батальона, две роты 198-го инженерно-саперного батальона и шесть штурмовых орудий 191-го дивизиона.

В ходе боевых действий по принципу разведгрупп под командованием полковника Фаульхабера уничтожаются одно укрепление за другим вверх по склону горы. Тяжелые бои несут с собой и тяжелые потери: за один день 7 декабря 21 убитый и 81 раненый.

В ночь с 8 на 9 декабря к пристани на южной окраине Керчи причаливают свежие силы большевиков с тяжелым вооружением. Они прекрасно понимают, что тот, кто владеет горой Митридат, владеет обстановкой на главном поле битвы, поэтому и придает ей особое значение.

И все-таки 10 декабря Митридат уже в руках бригады Фаульхабера. Враг сброшен вниз и теснится в предместьях Керчи, лишенный возможности создать новый плацдарм.

На протяжении 10 декабря подводятся батальон 10-го румынского кавалерийского полка и румынский горнострелковый батальон. Под руководством штаба 98-й дивизии и при поддержке десяти штурмовых орудий они должны добить бывший эльтигенский десант. Из этого вместо боев выходит почти бескровный захват в плен. По контингенту пленных видно, какое значение противник придавал Эльтигенскому плацдарму: 65 офицеров, 714 рядовых. Трофеями взято: 1800 винтовок, 720 автоматов (!), 52 ручных пулемета, 8 станковых пулеметов, 10 легких и 27 средних и тяжелых минометов; 15 малых и 25 больших катеров.

Приказ по дивизии от 12 декабря 1943 года гласит: «Все принимавшие участие в окончательной атаке на Митридат — штаб, штабная рота и части обоза 282-го пехотного полка, 2-я рота 198-го мотопехотного батальона, батальон Мариенфельда, 198-й инженерно-саперный батальон, 1-я рота 71-го инженерно-саперного батальона, части роты морской пехоты порта Керчь, 191-й дивизион штурмовых орудий, 1-я батарея 198-го артиллерийского полка и части 4-го дивизиона того же полка, части артиллерийской группы «Людвиг», 2-я батарея 9-го румынского артиллерийского полка, 279-й зенитный дивизион сухопутных сил, 1-е отделение 89-го зенитного дивизиона, 2-е и 3-е отделения 191-го зенитного дивизиона — отлично проявили себя в рукопашных и ближних боях или обеспечили образцовую поддержку и тем самым сыграли решающую роль в проведенной 11 декабря 1943 года операции по окончательному устранению плацдарма Митридат».

Полковник Гладков в последнюю ночь уходит на штурмовой лодке. Плененный 1-й адъютант подтверждает уже известные намерения противника обвалить весь фронт дивизии. Конец Эльтигенскому плацдарму на самом деле пришел у горы Митридат. Полковник Фаульхабер, который первым ударом оттеснил эльтигенский

десант к морю, у Митридата нанес ему окончательный удар 11 декабря в 12 часов.

Румынские горнострелковые части переводятся от горы Митридат на юг для защиты береговой линии. 98-я пехотная дивизия теперь в полном составе стоит на главном рубеже под Керчью.

Холодный ветер задувает с востока. Первые снежинки падают в черную грязь. В разбитых окопах, как и по ту сторону фронта, лежат, сидят на корточках измученные пехотинцы и усталые расчеты тяжелых орудий. Большая часть раненых все еще заполняет главные медпункты в Багерове и Салыни, полевые госпитали в Мариентале (в бывшей гостинице) и в Кобеке недалеко от Ислам-Терека. Бои почти стихли. По всему видно: настала передышка.

В это время дивизию покидает полковник Кляйн, командир 290-го пехотного полка, крепкий пруссак и суровый солдат, который принес славу своему полку и о котором любой в дивизии говорит с неизменным уважением. Его место занимает полковник Шмидт из пехотной школы в Деберитце.

С 13 по 23 декабря снегопады сменяются ливнями, легкий морозец продуваемыми ветрами. 123-му пехотному полку, наконец, возвращают долго отсутствовавшую истребительно-противотанковую роту. Правда, на пути уходят под воду одно орудие и 16 рядовых — жертвы вражеской подлодки и волн Черного моря. Чуть позже хорошо показавший себя на деле 1-й батальон 121-го пехотного полка, верный товарищ по оружию 123-го, сдает свои позиции 150-му разведывательному отряду. Когда 19 декабря ненадолго проглядывает солнышко, все собравшиеся в Консервтресте почетным караулом приветствуют вручение Рыцарского креста полковнику Фаульхаберу, с чьим именем тесно связаны Эльтиген и Митридат.

В сочельник 24 декабря повсюду стихли жаркие бои. Все скромно и тихо отмечают Рождество, с письмами из дома и товарами от маркитантов. К «И на земле мир» еще очень долгий путь — это чувствует каждый. Не христианское учение оказалось несостоятельным, а люди оказались неспособными жить в мире!

Последние дни старого года проходят в густом влажном тумане, чуждом теплом климате и с незначительным беспокоящим огнем. Наблюдения и показания перебежчиков склоняют к предположению, что большевик опять готовит масштабное наступление. Об этом свидетельствует и оживление разведывательной деятельности противника.

Еще до конца года дивизию постигает тяжелая утрата. 30 декабря командир 1-го батальона 198-го артиллерийского полка капитан Штайн тяжело ранен и вскоре умирает. Его никогда не ослабевающая боевая готовность и высокое чувство боевого товарище-

ства создали особые узы между его батареями и 282-м пехотным полком.

Со знанием того, что человек может вынести даже кажущееся невозможным, уменьшенная в размерах дивизия шагнула в новый год. Все мысли обращены к родине. В твердой вере, что сражаются, защищая и сохраняя ее, бойцы черпают силы и в новом году рискуют за родину жизнью.

1944

С мягкой мартовской погодой приходит Новый год, чтобы уже на второй день закутаться в холодный влажный туман. К туману добавляется дождь. Совсем не подходящая погода, чтобы развеять заботы дивизии. Несмотря на явные признаки приближающегося штурма, выводятся 1-й и 2-й батальоны 123-го пехотного полка и батальон Мариенфельда с половиной штурмовых орудий. Взамен ожидаются три батальона 615-го полевого учебного полка под командованием полковника Бетца — без 13-й и 14-й рот.

На Перекопском перешейке создается угроза вторжения неприятеля в Крым. Под Керчью обстановка почти не меняется.

Керчь все больше превращается в развалины. Единственный жутковатый пятачок, еще как-то пригодный для человеческого существования, — обугленный и пустынный. Признаков жизни почти нет. То тут, то там промелькнет тень посыльного, разорвется среди руин тяжелый снаряд — и все.

Совершенно отсутствуют траншеи, ведущие к переднему краю, а копать их нет сил. Хотя при возобновившемся беспокоящем огне противника они очень нужны.

Вплоть до 8 января полуостров погружен в молочный туман и мелкую сеть дождя. Раскисшие дороги уже внушают опасения. Тревожные ночи требуют повышенной бдительности.

Перед рассветом 10 января, после короткого, но мощного огневого удара, на рубеже 3-го батальона 290-го пехотного полка, стоящего тонким фронтом, между высотой 125.6 и побережьем, внезапно появляются и устремляются в атаку плотные массы большевиков. Выставленные посты мгновенно опрокинуты, затоптаны, а их остатки отброшены на тыловой рубеж у КП батальона. Здесь удается сдержать дальнейшее продвижение врага.

С рассветом начинается не только солнечный, но и горячий день боев. С 4 часов 15 минут по всему участку обороны дивизии происходит ураганный огонь. Одновременно стартуют налеты штурмо-

вой авиации на огневые позиции и командные пункты. Осколочная авиабомба попадает точно ко входу в дот и ранит едва успевшего переступить порог нового командира, полковника Шмидта. Свою часть он не покидает.

После двухчасовой артподготовки две вражеские дивизии переходят в атаку, направляя главный удар на северный фланг переднего края дивизии. Почти в то же время во многих пунктах побережья Азовского моря начинается высадка десанта: восточнее мыса Тархан, к подножию гребня высоты 115 и до высоты 88.5. Угроза рубежу Шмидта смертельная. В мгновение ока один полк неприятеля овладевает подножием и штурмует слабо защищенные высоты. Против десанта брошен стоящий северо-западнее Булганака дивизионный резерв — 2-й батальон 290-го полка. Безрезультатно. Батальону не под силу отбить только что занятые врагом высоты. Сигнал тревоги понуждает его в ускоренном темпе продвинуться на восток, на прорванный передний край 3-го батальона 290-го полка.

На рубеж Бирмана между тем тоже начались атаки с поддержкой танков. Подвергшийся угрозе северный фланг у высоты 125.6 вынужденно резко развернут на запад и растянут. Вершина и восточный склон, несмотря на ожесточенное сопротивление, потеряны. Тяжелые бои на протяжении всего дня ведутся и за высоту 133.3, рубеж 125-го полевого запасного батальона. Уже выведенный к этому времени из боевых действий 3-й батальон 123-го пехотного полка снова брошен в бой. Потери растут пугающе. Весь фронт обороны охвачен огнем сражений, и исход никому не известен. Донесения с участка 290-го полка заставляют опасаться худшего. В этой обстановке стойкость 1-го батальона 290-го полка под командованием капитана Меца, который закрепился на отсечной позиции и выдерживает любой натиск, становится для полка спасением. Когда возникла опасность утраты высоты 95.1, капитан Мец, колеблясь, встает во главе 3-й роты своего батальона, которой командует обер-лейтенант Хайнритц, и совместными усилиями они сбрасывают вторгшегося на высоту врага. В ходе дальнейших боев удается занять и удержать линию между высотами 95.1 и 79 (между высотами 133.3 и 71.3).

С невероятной быстротой большевик завладевает всем гребнем высот по побережью Азовского моря. Теперь он угрожает охватом не только бригаде Шмидта, но и огневой позиции 11-й батареи 198-го артполка. В спешке батарее приходится сменить позицию, оттянувшись на запад. 198-й мотопехотный батальон, выжидающий под Керчью, поднят по тревоге и направлен в район восточнее Кичук-Тархана. Но пока он туда доберется, пройдут часы. А

пока для занятия высоты 115.5 еще до рассвета 11 января из ущелья юго-восточнее высоты 165.5 первой подходит 3-я рота оберлейтенанта Зарембы. Два выделенных корпусом батальона с двумя батареями 191-го дивизиона штурмовых орудий приближается со стороны Тархана. Эти части должны отбить высоты обратно.

3-я рота 198-го мотопехотного батальона на исходных позициях несет потери под активным беспокоящим огнем противника. Однако под защитой сумерек ей удается преодолеть длинный путь вверх по склону к высоте 115.5. Для основной массы личного состава, которая в возрасте от 35 до 50 лет, это довольно тяжелая нагрузка. Часто приходится делать привалы. В конце концов рота оказывается на плоском, широком куполе горы. Застигнутые врасплох, многочисленные посты опрокинуты или уничтожены. Тут открывается мощный пулеметный огонь. Оказывается, северные плато имеют сильную оборону. Завязываются тяжелые, кровопролитные ближние бои, все больше переходящие в сражение за перевес. В результате рота за 30 минут теряет 50 процентов личного состава. А большевик подтягивает на плацдарм все новые, свежие силы.

Около 10 часов проведенный врагом контрудар, с двух сторон и превосходящими силами, сбрасывает со склона остатки 3-й роты — всего-то 20 человек. Здесь их встречает только что подошедшая 2-я рота 198-го мотопехотного батальона. Под командованием капитана Фокентанца они приступают к новой атаке. Мужественный, но мало перспективный шаг. Им удается подняться всего лишь на 100 м. Несколько мощных контратак останавливают продвижение. Пропадает без вести командир 2-й роты. О штурме вдоль всего гребня пока ничего не слышно.

А продвижение двух батальонов с штурмовыми орудиями задерживают безобразно раскисшие дороги и налеты штурмовой авиации противника. Только в 10 часов они, при завывающей, сдувающей с голых склонов и высот хребта буре, приступают к атаке двумя ударными группами. Ожесточенные кровопролитные бои продолжаются 21 час. Упорное сопротивление морского десанта, засевшего в каждом из старых дотов, удастся сломить только отчаянной борьбой боевых разведывательных групп с применением штурмовых орудий. После овладения высотой 88.5 у мыса Тархан возникает необходимость нового удара, на высоту 136. И только потом можно приступать к штурму главной высоты 165.5. К нему приступили уже в вечерних сумерках. Шаг за шагом идет мучительное продвижение под огнем противника, вверх, в ночь. Теперь дело за пехотой. Бои длятся всю ночь, и только утром горный район, протяженностью 4 км, взят. До высоты 115.5!

На участке Бирмана бои за группу высот 133.3 и 125.6 идут с переменным успехом. 11 января около полудня создается очень напряженная обстановка. Снова и снова враг пытается осуществить прорыв танками. Потери приняли такой масштаб, что дальнейшее сопротивление оказывается под вопросом. Лишь с напряжением всех сил удастся предотвратить вторжение на передний край между Булганаком и высотой 95.1. А на высоте 95.1 обер-лейтенант Хайнриц с 3-й ротой 290-го пехотного полка стоит, как железная стена, которую нельзя сдвинуть. И только в ночь с 11 на 12 января высота оставлена по приказу свыше, поскольку дальнейшее ее удерживание стоило бы неоправданных потерь.

Везде потери удручающе велики; на гребне высоты в 198-м мотопехотном батальоне, в бригаде Бирмана, во 2-м и 3-м батальонах 290-го пехотного полка. Здесь они просто необозримы.

К счастью, ночь дает всем небольшую передышку. А 12 января при температуре минус 2 градуса и ясном солнышке начинается новый тяжелый день. Сначала в небе появляются рассыпанные в цепь штурмовики, затем в сопровождении танков начинается атака на высоту 165.5. Здесь она отражена. Но беда нависла над 290-м полком. Уже несколько часов нет связи с тылом у 2-го и 3-го батальонов, которого враг теснит с трех сторон. Нет подвоза продовольствия и боеприпасов. Целую ночь раненые лежат в окопах без медицинской помощи. Противник, используя преимущество рельефа местности, подбирается все ближе. Немногие, сохранившиеся в хорошем состоянии доты переполнены тяжелоранеными. Сильный артиллерийский огонь простреливает все просматриваемое поле боя. Тогда по приказу командира батальона лейтенант Венинг с остатками 2-го батальона прорывается в тыл. Это всего лишь 2 офицера и 20 рядовых. Оглядываясь назад, они видят, как большевики стреляют в вышедшего им навстречу врача с поднятым флагом Красного Креста.

Всего лишь 15 человек добираются до позиции полковых пехотных орудий, как раз вовремя, чтобы защититься от преследователей. Потом постепенно подтягиваются еще несколько бойцов рассеянных батальонов. Всего же от 2-го и 3-го батальонов 290-го пехотного полка осталась лишь горстка. Две трети рядового состава. Оба врача, лейтенанты медицинской службы доктор Легде и доктор Мюллер, как и оба оставшихся офицера, попали в руки врага, мертвыми или тяжелоранеными. С приходом вечера эта горстка с остатками 198-го мотопехотного батальона, измотанные боями, лежат на новой линии обороны, протянувшейся от моря, с севера, через высоты 165.5 и 95.1 до высоты 133.3. Этот рубеж выдержит все дальнейшие атаки неприятеля.

Беспримерная стойкость 1-го батальона 290-го пехотного полка быстро становится легендой, а его командир, капитан Мец, награжден Рыцарским крестом.

Ночью подходят два румынских егерских батальона и тут же занимают позицию позади катастрофически ослабленного переднего края обороны 290-го полка.

Командир дивизии докладывает в корпус, что обескровливание дивизии потерями командиров, старших и младших, и бойцов дошло до той черты, за которой тяжелейшие последствия станут необратимыми. Каков же ответ? «Держаться!»

Сражение за периодически раскалывающийся передний край продолжаются 13 и 14 января с тем же накалом. По ночам под интенсивный вражеский обстрел попадают маршруты подхода и населенные пункты за линией фронта.

По-прежнему ожесточеннее всех обороняются огнем высоты 133.3 и 165.5. Их обходят стороной и вражеские танковые атаки, и наши контратаки под защитой штурмовых орудий. Ближние бои, естественно, приносят новые потери. Выходят из строя два танка неприятеля, но и штурмовые орудия подвержены той же участи.

Поскольку большая часть переброшенной в Крым пехоты недостаточно обучена и совершенно неопытна, все больше возрастает вес тяжелого оборонительного оружия. Неоценимое значение здесь имеют введенные в боевые действия части 27-го зенитного полка. Неоднократно они успешно вступали в наземные бои и давали надежную защиту.

И что толку в такой обстановке от двадцати пяти назначенных приказом сверху в командиры пехотных взводов молодых, необстрелянных лейтенантов, прибывших 15 января? Никто не отказывает им в «горячем порыве». Но именно это и опасно. Такая горячность на фронте «сжигает» без пользы не только командира, но и его солдат.

15 января на своем наблюдательном посту на передней линии пал смертью храбрых капитан Штрасснер, шесть раз раненный, выдающийся командир батареи 198-го артиллерийского полка. Невосполнимая утрата для полка и для всей дивизии! В этот же день командир его полка полковник Брюль — за мужество, неиссякаемый боевой дух и личное руководство с передней линии огневой поддержкой полка — представлен к Рыцарскому кресту. И 15-го же января вечером полковник Бирман передает в штаб дивизии: «Многодневный изнуряющий огонь артиллерии, противотанковых и минометных орудий, вопиющий недостаток бойцов привели на грань человеческих возможностей и высшей мере истощения войск, так что дальнейшее удерживание позиций вряд ли возможно. Роты на

исходе своих сил!» Если уж такой опытный фронтовик, как командир 123-го полка, подает такой рапорт, значит, войска действительно истощены! Значит, предъявляемые требования за гранью их возможностей! Таков же приговор и командира дивизии, который вместе с требованием немедленного подвоза снабжения для трех фронтовых батальонов направляет в штаб корпуса и этот суровый рапорт командира полка.

Только вот откуда может прийти облегчение? И будет ли рапорт с той же оперативностью передан дальше, «наверх»? Приметы того, что предъявляемые войскам непомерные требования приняли угрожающие масштабы, все множатся.

Лишь тот, кто держит руку на пульсе жизни бойцов на передовой и в условиях быстро меняющейся обстановки чувствует настроение фронта, может дать верный прогноз того, что произойдет или может произойти в ближайшем будущем. Иначе вожди, управляющие горячей ситуацией «решением сверху», уподобляются шахматисту, который двигают фигуры одним холодным рассудком. Сердце и совесть здесь не нужны.

В единодушной оценке положения и степени боеспособности войск с тремя старшими командирами на участке и начальником артиллерии дивизии 16 января 1944 года командир дивизии докладывает командующему, что боевая операция по возвращению недавно потерянной высоты 115.5 им не предусмотрена. Потери в живой силе, нехватка командиров, о которых рапортовалось неделю за неделей, а также необходимость беречь людей гораздо больше требуют спрямления линии фронта занятием одного из участков, где вклинился враг.

Следующая ночь проходит в полемике между командиром дивизии и командующим. Тот своим персональным звонком приказывает: «Высоту 115.5 взять боем!» Командир опять повторил предыдущий доклад и настойчиво попросил отменить приказ, принимая во внимание предстоящие события. Командующий ответил: «Нет! Атаку осуществить!» Командир дивизии обратил внимание начальника на последнюю сводку об укомплектованности, на рапорт полковника Бирмана и на общее положение в Крыму, которое требует беречь силы. Еще раз он выражает просьбу отменить приказ, выполнение которого приведет к провалу. И снова: «Выполнять приказ!» После короткой паузы командир: «Доскональное знание тактической обстановки и состояния войск обязывает меня довести до вашего сведения, что выполнение этого приказа приведет к неоправданным жертвам. По этой причине я не могу его выполнить». Ответ: «Выполнять приказ!» Воцарилась тишина, только слышно, как гудит линия. Командир дивизии борется с собой. Потом четко

произносит в трубку: «Прошу возложить исполнение этого приказа на другого офицера. Я отказываюсь брать на себя ответственность за бессмысленные жертвы, мне не позволяет совесть». — «Это ваше последнее слово?» — «Так точно».

За ночь последовали еще два звонка. Командующий оказывал давление во все более резких выражениях. В конце концов он перешел к обвинениям в трусости и дезертирстве. Это как раз те самые оголтелые обвинения, к которым в последнее время все чаще прибегают «командиры командиров» войсковых соединений, чтобы принудить их к безоговорочному слепому повиновению.

После отстранения генерала Гарайса полковник Брюль получает приказ по прибытии подкрепления возглавить штурм высоты. Командир дивизии объявлен больным.

Его судьба быстро решена: он отправлен в отпуск без права возвращения.

Атака назначается на 21 января. Несмотря на протесты полковника Фаульхабера, батальон Фрица снимается с важнейшего участка фронта, керченского порта, и заменяется там румынами, которые, как выяснится, совершенно не подготовлены к предстоящим боевым действиям.

Совместно с 1-м и 2-м батальонами 123-го пехотного полка и при поддержке двух батарей штурмовых орудий 1-й батальон 282-го пехотного полка с высоты 165.5 выступает к высоте 115.5. В это же время 198-й мотопехотный батальон под командованием майора Зоммера из района севернее высоты 95.1 наносит внезапный удар по южному куполу высоты 115.5, который взят первым же приступом. Совсем иначе развивается продвижение на гребень высоты. Атака захлебывается с большими потерями. Из 12 штурмовых орудий восемь выбывают из строя из-за повреждений ходовой части. До совместных действий северной и южной групп дело вообще не доходит. Мотопехота разбита наголову, остатки сброшены со ската. Обер-лейтенант Хаберкорн, командир 1-й роты, погиб.

В конце концов приходится отказаться от штурма и перейти к обороне. Операция «Морская звезда» провалилась. Повторились события от 10 января.

Как результат — три разбитых пехотных батальона. Отсутствие подготовки к пехотным атакам; отсутствие опытных боевых офицеров, унтер-офицеров и рядовых; непригодная для атаки открытая местность и опустошительный огонь многократно превосходящих сил противника — вот что изначально лежало в основе краха операции.

И еще один немаловажный фактор. Неудача при добросовестной артподготовке, при участии штурмовых орудий и при решимости

трех испытанных в боях «батальонов» значит одно: пехота под Керчью в ее нынешнем состоянии не способна на такие атаки! Не принимать этого во внимание по меньшей мере легкомыслие. Эти серьезные пробелы невозможно восполнить ни боевым настроением войск, ни волюнтаристскими приказами верховного руководства.

Высота 133.3 на участке Бирмана после ожесточенного боя 3-го батальона 123-го пехотного полка с шестью штурмовыми орудиями против танков и ударных рот противника потеряна. Утром 22 января она будет взята снова. Но этот день, 22 января, создаст кризисную ситуацию на другом участке фронта, возможно, самую серьезную из всех, на которые был так «щедр» этот период с 1 ноября 1943 года. В 21 час 30 минут противник открывает ураганный огонь из многоствольных минометов и артиллерийских орудий по переднему краю 3-го батальона 282-го полка Штубенрауха, на восточный район Керчи и керченский порт. Через два часа огонь устремляется в тыл. И вслед за этим дымящиеся окопы штурмуют большевики — пьяные, оружием массы. Вместе с тем под дымовой завесой в порту, за позицией 3-го батальона, высаживается новый десант противника. В несколько мгновений передний край заполнен и смят. Со всех сторон, охваченные превосходящими силами, группы пехотинцев рассеяны. Все решает не лучшая подготовка и не большая отвага большевика, а неистощимые запасы людей и техники.

Прорыв вклинивается далеко в восточную часть Керчи. Обер-лейтенант Калетта отрезан и взят в плен. Обер-лейтенант Маузер, командир 10-й роты, и лейтенант Зибенлист убиты, а вместе с ними и большая часть отчаянно сражавшихся пехотинцев. Центром и душой сопротивления на портовой дороге становится обер-лейтенант Хасс из 198-го инженерно-саперного батальона. У КП батальона с кучкой бойцов еще держится лейтенант Георг. Под покровом темноты ему удастся пробиться со своим отрядом на запад.

Что можно сделать при отсутствии резервов в условиях валом катящегося наступления по всему фронту все прибывающими силами врага? И вдруг происходит невероятное: плохо организованный, неуверенный в себе большевик, вопреки ожиданиям, довольствуется передним краем. Он не продвигается глубже в город и не идет в наступление через Булганак, дальше на запад, в Крым! Так что на рассвете удастся частями 1-го батальона 186-го пехотного полка и 173-го инженерно-саперного батальона немного выдвинуться вперед и создать оборонительную линию на оси север—юг. На большее сил не хватило. Конечно, команды, составленные из различных подразделений, как лоскутное одеяло, с малым числом чужих офицеров и унтер-офицеров — весьма сомнительный гарнизон. Но это не их вина!

Именно эту осевую позицию 24 января и штурмует большевик, в полной решимости занять город. В считанные минуты в руинах на взрытой снарядами местности разгораются ожесточенные ближние бои. Те самые румыны, введенные в южной части порта вместо 1-го батальона 282-го полка, страшно напуганы. Они выгоняют грузовик и бегут оттуда. Остальные — на своих двоих.

Не раз кажется, что вся оборона рухнула. В 11 часов из дивизии рапортуют командующему: «Или в течение 48 часов сбрасывается воздушный десант, или большевик займет Крым!» Причины, приведенные в обоснование такого жесткого требования, командующий не может оспорить.

Двум батальонам 685-го пехотного полка удается создать линию обороны через северный район Керчи до кладбища; она пролегает от портового мола вдоль железнодорожной насыпи к кирпичному заводу.

Последняя запись в дневнике капитана доктора Мауля, командира 198-го мотопехотного батальона, гласит: «Если говорить о Керчи, нельзя не отдать должное 98-й пехотной дивизии, а если говорить о 98-й дивизии, то ее величайшим подвигом следует назвать Керчь!»

Полковник Фаульхабер после критического уровня потерь оценивает положение последних дней как крайне серьезное. А мнение такого стойкого в любых ситуациях командира — не пустые слова. 26 января свистопляска начинается по новой. Вначале «обжигает» на севере, на приморском фронте. Вклинения врага удается блокировать лишь частично. Атаки на высоты на участке бригады Бирмана захлебываются под огнем. Под Керчью противник наступает с таким превосходством в живой силе и технике, что с утра и до вечера длящееся сражение только к рассвету начинает стихать. В северном районе города неприятель вклинивается глубоко к кирпичному заводу. Путь на запад свободен. Теперь никто не в силах помешать прорыву. И снова большевик медлит. Подтянутый 121-й мотопехотный батальон затыкает брешь и отражает атаку опомнившегося врага.

Среди потерь 282-го полка числятся лейтенант медицинской службы доктор Цевль, который был смертельно ранен, и с ранением — капитан Штубенраух, один из «стариков», из храбрейших один. Весной 1945 года в должности адъютанта дивизии он падет без вести в битве за Берлин.

В этой крайне напряженной обстановке, буквально за мгновение до гибели, воздушным путем прибывает незнакомый батальон, чтобы поправить положение под Керчью. Это передовой батальон вновь созданной 73-й дивизии под командованием генерал-майора

Бёме, которую планируют перебросить в Крым. Однако до 1 февраля из-за дождей и снегопадов стоит нелетная погода. В приказе по корпусу обстановка в Крыму предстает во всей ее безнадежности: «98-я дивизия незамедлительно начинает подготовку к отводу трех батальонов в район Перекопа».

Командир дивизии до конца отстаивает ее пребывание на прежних рубежах. Тщетно. Его доводы отклонены. И это в такой обстановке!

Отныне генерал-лейтенант Гарайс отбывает в «предписанный отпуск».

В Симферополе он получает в качестве напутствия от генерал-полковника Йенеке поручение настоятельно испросить у Верховного командования сухопутных войск переправки в Крым воздушным путем двух дивизий. Иначе тот будет потерян. При докладе у командующего группы армий фельдмаршала фон Клейста он узнает, что в скором времени предстоит сдача плацдарма Никополь: более десяти дивизий противника, не считая танков, высвобождены для взятия Перекопа.

Тем самым решена судьба Крыма и его защитников! 8 февраля 1944 года полковник Рейнхардт принимает командование 98-й дивизией. Большая личная ответственность помогает ему быстро разобраться в обстановке и в состоянии части, которая все еще гордо зовется дивизией.

На фронте становится все тревожнее. После жарких боев за Керчь, где удача изменила врагу, теперь он явно готовится к последней, решающей битве во взаимодействии с прорывом с севера. Большие и малые операции боевых разведывательных групп теперь проводятся непрерывно и не дают ни мгновения передышки измотанным немецким подразделениям, держа их в постоянном напряжении вот уже четвертый месяц. Часто вынужденными контратаками так называемым боевым группам кладется конец.

Линия фронта похожа на лоскуты. К роте морской пехоты порта Керчь примыкает бригада Фаульхабера с остатками обоих батальонов 282-го пехотного полка, 685-м пехотным полком и подразделениями 186-го пехотного полка 73-й пехотной дивизии, без артиллерии. По центру — бригада Бирмана, составленная из объединенных батальонов 123-го пехотного полка, 3-го батальона 23-го полка полевой артиллерии, 3-го батальона 920-го пехотного полка, 125-го полевого запасного батальона, 1-го батальона 615-го полка полевой артиллерии и 1-го батальона 23-го полка полевой артиллерии. На севере стоит так называемая бригада Шмидта составленная из остатков 290-го пехотного полка, двух румынских егерских батальонов и тревожных подразделений дивизии.

Под словом «бригада» маскируется общевойсковая часть, какой на самом деле она не является. Под этим условным наименованием скрывается малобоеспособная смесь многочисленных войсковых частей и остатков разбитых подразделений.

Поэтому и подготовлено перестроение керченского фронта обороны на две полосы дивизии. Прибывших воздушным путем частей 73-й пехотной дивизии еще не хватает для истинного облегчения. К тому же приближение решающей битвы при Перекопе реально требует возвращения 123-го полка его родной дивизии. Из-за потери немецкими войсками Никопольского плацдарма высвободившиеся неприятельские дивизии начинают отбрасывать угрожающие тени. Что же будет с защитниками Керчи? Что будет с войсками всего Крымского фронта, если при Перекопе произойдет прорыв превосходящих сил врага? Это будет концом защитников Крыма.

Так и случится? Да! Неожиданно? Нет!

Уже однажды, 26 декабря, после высадки мощного вражеского десанта, четко просматривалось, какая опасность грозит Крыму при недостаточной оборонной мощи и увеличении сил и средств противника. «При сдаче полуострова Керчь, — пишет фельдмаршал фон Манштейн в своей книге «Утерянные победы», — создалось положение, с которым силами армии было уже не справиться». Но уже тогда по опыту были известны «боевые способности» наших союзников. Когда у Феодосии против десанта ударных сил противника выставляется румынский горнострелковый армейский корпус, «румыны тут же отступают до восточных пригородов Старого Крыма при одном виде нескольких советских танков».

Не следует ли переложить ответственность на Верховное командование вермахта? Если оно обладало информацией о наших союзниках, о развитии обстановки с ноября 1943 года до все более ухудшающегося положения немецких войск на Керченском полуострове, при Перекопе и вместе с этим во всем Крыму? Если постоянные письменные и устные доклады, предостережения, просьбы и требования командиров частей, из последних сил удерживающих Керчь, оно оставляло без внимания? Если оно, зная нависшую беду, в конце концов оставляет на верную гибель испытанных защитников, месяцами державших успешную оборону?

15 февраля 282-й пехотный полк заменяется подразделениями 73-й пехотной дивизии и отправляется в район Консервтреста для отдыха и пополнения. До 8 марта еще раз дается небольшая передышка. В тот же день прекращает свое существование бригада Бирмана. Ее южный рубеж принимает 73-я пехотная дивизия. 21 марта с фронта 98-й дивизии уходит 123-й пехотный полк с его энергич-

ным командиром, который на протяжении трех месяцев плечом к плечу сражался вместе не на жизнь, а на смерть. И выстоял!

С 12 февраля, с выводом 615-го полевого учебного батальона полковника Бетца, готовится возрождение 289-го пехотного полка. Передислоцированный на восточный берег полуострова Казантип, 1 марта 1944 года он обретет новую жизнь. В этот день назначенный его командиром подполковник Гёттиг, уже с 1 февраля воюющий на Керченском фронте, принимает штаб, штабную роту, два батальона и две тяжелые роты — 13-ю и 14-ю. Вместе со своим полком командир пойдет навстречу своей тяжелой судьбе. А пока по его настоятельной просьбе полку дано 14 дней на подготовку к боевой готовности, поскольку пробелы в обученности велики.

Положение на фронте пока без перемен. То тут, то там возникают небольшие стычки, прорывы и контратаки, но оборона держится твердо. Образцово работают пехота и батареи 198-го артиллерийского полка, как и недавно введенный 27-й зенитный полк. На их примере и румынские батареи набираются опыта в искусстве обороны.

15 марта 289-й полк перебрасывается на северный фланг Керченского фронта. Понятие «бригада» упраздняется. В предпоследний раз все три пехотных полка дивизии, как это было за Угрой и Ворей, бок о бок держат оборону. Флангом примыкая к 73-й пехотной дивизии, стоят справа по обе стороны от Булганака: 1-й батальон капитана Фритца и 2-й батальон капитана доктора Финке 282-го пехотного полка во взаимодействии с 1-м дивизионом капитана Глатте 198-го артполка. К северу от них замыкают фронт 1-й батальон капитана Меца и 2-й батальон 290-го пехотного полка. Ober-лейтенант Хайнрицц и 25 рядовых 3-го батальона ощущают себя маленькой боевой группой в рядах 1-го батальона. Остаток мотопехотного батальона под командованием капитана Панрукера с 3 апреля переподчинен 290-му полку. Между 290-м и 289-м пехотными полками как крепкое связующее звено держит оборону испытанный 85-й горнострелковый полевой запасный батальон. Этот батальон, с личным составом по семьдесят опытных окопников на подразделение и взводом легких пехотных орудий, подчинен 289-му полку. Береговую охрану на Азовском море обеспечивает румынский батальон. 290-й и 289-й пехотные полки взаимодействуют со 2-м дивизионом капитана Герхарда и 3-м дивизионом майора Керна 198-го артиллерийского полка. Тяжелый дивизион майора Зайта получает право защищать фронт дивизии на предполагаемом направлении главного удара. Зайт вскоре примет на себя бремя командования всем 198-м артполком вместо отправленного в отпуск полковника Брюля и будет достойно нести его вплоть до горького

конца под Севастополем. Между испытанными в боях товарищами давно завязалась настоящая боевая дружба.

Новый 289-й полк без промедления начинает устройство фортификационных сооружений, окопов и траншей; возведение второго внутреннего рубежа и огневых позиций: пулеметных, пехотных орудий и противотанковых пушек. И уже вскоре вырисовывается уверенность в готовности к обороне: 1 апреля достигнуто вполне удовлетворительное состояние рубежей.

Нехватка живой силы и отсутствие всяких перспектив ее пополнения. Из вылетавших в отпуск вернулись только пехотинцы. Саперы и истребители танков требуют ограничения численного состава обозов. Все, без кого так или иначе можно обойтись, затыкают брешь на фронте. Ни одного писаря не осталось в обозе. Для кухни, автомобилей с боеприпасами и продовольствием теперь предусматривается по одному водителю без сопровождающих. Прореживание доводится до предела. И как следствие такого положения: вражеская пропаганда разбрасывает листовки, в которых, называя попавших в плен поименно с указанием номера части, солдат дивизии призывают стать перебежчиками. К этому Советы добавляли: «Ваши потери никогда больше не восполнятся! Боеприпасы кончаются! Скоро кончатся и продукты! Советские войска в Крыму день ото дня становятся сильнее. Пробил ваш последний час! Всякий, кто окажет сопротивление, будет беспощадно уничтожен! Только плен ваше спасение!»

И это было не пустыми словами. В эти дни один обер-ефрейтор записывает в свою записную книжку: «Мы похожи на большой лагерь пленных, которых молча сдали».

Под конец марта начинаются разведывательные операции неприятеля, в основном направленные на 85-й полевой запасный батальон и рубеж 290-го пехотного полка. Вражеские штурмовики валами накатывают на огневые позиции. Счастливым избегнувший в январе уничтожения 290-й полк теперь близок к гибели. Удар приходится на участок фронта шириной в батальон и снова ставит «дивизию» в критическую ситуацию. С высоты 165 майор Краусс на свой страх и риск ведет оборонительный огонь из тяжелых орудий. Дивизионная артиллерия ведет заградительный огонь. Подполковник Гёттиг посылает резервную роту в контратаку. Хорошо организованная, она проходит успешно. Враг смят и отброшен. Но по ее завершении шальная пуля насмерть сражает ее командира.

На следующий день подполковник Гёттиг и подполковник Лау, наблюдая с высоты 165, руководят сооружением нового переднего края со скошенным в тыл правым флангом на участке 85-го поле-

вого запасного батальона. К ночи он готов. Угроза еще раз предотвращена. Наткнувшийся на неожиданно упорное сопротивление большевик снова берет паузу. Так проходят первые дни апреля, без каких бы то ни было масштабных боевых действий. 7 апреля по ранению стопы выбывает батальонный командир 289-го пехотного полка капитан Шапер. На его место заступает обер-лейтенант Бергерт. Но уже через четыре дня он освобождает эту должность по причине «убытия по смерти». В остальном потери 289-го пехотного полка держатся в рамках приемлемого. Но на всех, как кошмар, лежит тяжесть боев за Перекоп и общее положение на Восточном фронте. Тем не менее основная масса войск по-прежнему безгранично доверяет Верховному командованию. Однако есть и другие, думающие и опытные, искушенные в событиях последних лет. Но то, что в действительности предстоит в ближайшем будущем, намного превзойдет все самые пессимистичные ожидания.

В ближайшем тылу врага наблюдатели фиксируют сосредоточение тяжелого вооружения и артиллерии, а кроме того, активизацию учений танков во взаимодействии с моторизованными частями. Нет сомнений, что именно здесь готовится новая наступательная операция с превосходством в бронетехнике и маневренности. Очевиден замысел обойти с флангов только что начавшийся отвод немецких войск, окружить и уничтожить их. И время операции диктуется от Перекопа, а отнюдь не из Симферополя или Ангербурга. Уж на эту опасность руководство не может закрыть глаза и определенно примет действенные меры. А если на это уже не будет возможности, то ответственные за судьбу крымских войск начальники — хотя бы из-за опасности, грозящей им самим, — воспротивятся завышенным требованиям и бессмысленным приказам. Ведь войска доверяют им безоговорочно!

8 апреля разыгрывается предпоследний акт в драме защитников Крыма. С превосходящими силами — 2 танковых корпуса и 18 дивизий — большевик, после тщательной, никем не потревоженной подготовки, приступает к наступательной операции при Перекопе и на сивашском фронте. 9 апреля его танки уже стоят под Джанкоем, в глубоком тылу Керченского фронта, ничего не подозревающего о том, что уже 24 часа творится на севере и теперь накатывает валом.

Подготовленные командованием армии планы с распоряжениями и приказами, полными цифровых выкладок, боевым командирам, вплоть до командиров полков, неизвестны. Все они под грифом строгой секретности! Так что случается то, что и должно было случиться, — на ничего не подозревающие войска под Керчью стремительно надвигается гибель.

Потеряно много драгоценного времени, прежде чем приказ об отступлении приходит на Керченский фронт. Учитывая чрезвычайность положения, в котором солдаты месяцами сохраняли боевой дух, стойкость и выдержку, это непостижимо. Очевидно, все еще находясь в плену впечатлений от успешного вывода войск с Кубанского плацдарма, командование Крыма надеется с таким же масштабом и таким же успехом провести и этот «отвод». Но теперь противник устанавливает правила игры! Если планы в момент их составления еще и имели смысл, то теперь они разом лишились всякого смысла. И ближайшие события беспощадно докажут это.

10 апреля, на второй день Пасхи, только через два дня с начала перекопского наступления, дивизия получает приказ об отходе. Начало маневра в 19 часов. В 8 часов приказ под условным названием передается в боевые части: «Организация полной маневренности!»

«Полной маневренности» для частей на позициях, которые по большей части вообще немобильны! Лошади находятся в более чем 30 км в тылу от передовых рубежей. Для тяжелых боевых машин и орудий вследствие отсутствия тягачей приказ вообще невыполним.

Так, едва начавшись, отвод войск превращается в соревнование между моторами и пешеходами, ну, в лучшем случае лошадьми. А противник моторизован!

В первой половине дня оттягиваются на запад первыми: все румыны, «хиви», зенитные подразделения и штурмовые орудия. Около полудня на КП дивизии состоялось обсуждение обстановки. Здесь и стала очевидной вся серьезность происходящего. Враг уже вторгся в Крым не только через Перекоп, но и через залив Сиваш, прошел с танками через Джанкой и уже наносит удар по Симферополю. Сейчас он ближе к Севастополю на расстояние в половину меньше, чем защитники Керченского фронта. Во второй половине дня вражескими танками расстрелян на марше к Симферополю дивизионный обоз. Лишь немногим водителям и сопровождающим удалось уйти на Севастополь.

Между Керчью и Севастополем

По плану отвод войск должен проходить следующим образом: каждый полк выделяет для арьергарда по батальону, который повел полковник Шмидт. Таковыми определены: 1-й батальон 282-го пехотного полка под командованием капитана Фритца; 1-й батальон 290-го пехотного полка под командованием капитана Меца и 85-й полевой запасной батальон под командованием майора Краусса.

Им предстоит оставаться на переднем крае до 3 часов 11 апреля, а затем отойти последними. Возражение полковника Фаульхабера по поводу смены времени отхода на более ранний срок, не проходит. По пути отхода на линии Багеро — гребень высоты, по северной оси, создать новый фронт и держаться до 9 часов, затем для прикрытия отходящих войск занять рубеж «Мария». На деле все вышло иначе.

Смог бы изданный приказ: никаких подрывов техники, никакого привлекающего внимание огня из тяжелых орудий, никаких поджогов — уберечь действительно «последние» боевые части, кто знает? Уже после полудня с ужасом и едва сдерживаемой яростью батальоны прикрытия видят и слышат, как подрываются объекты на аэродроме Багеро, как румыны и морская артиллерия расстреливают боеприпасы, как враг, мобилизованный по тревоге и особо внимательный после Перекопа, с удовлетворением обсуждает в открытой телефонной и радиосвязи данную ему наводку. Этому бессмысленному и губительному легкомыслию тех, кто далек от фронта, батальоны Фритца, Меца и Краусса обязаны своей близкой гибелью.

И снова фронтовики видят, как на их глазах уничтожается или растаскивается гражданскими масса продовольствия и обмундирования, на этот раз из лагеря 73-й пехотной дивизии в Багеро.

Главные силы полков в 19 часов, в соответствии с планом, начинают покидать позиции. Полки, батальоны, как они значатся в приказах командования. А каков их реальный численный состав? 290-й пехотный полк, например, насчитывает всего 200 бойцов. В 282-м полку дела обстоят не лучше. Разгромленный мотопехотный батальон в ночь на 10 апреля сменяется 73-м мотопехотным полком. Штаб покидает позиции только в 2 часа утра. В полдень в Багеро успешно проводится погрузка в вагоны, но при выгрузке у Семи Колодезей в результате атаки низколетящих самолетов имеются потери. Пешим маршем батальон прибывает в Старый Крым, а отсюда на грузовиках вывозится в направлении запада.

13-я и 14-я пехотные роты со своим тяжелым вооружением почти сразу после 19 часов сталкиваются с реальностью отступления. Имеющимися в их распоряжении средствами тяги тяжелые противотанковые пушки и пехотные орудия никак не проташить по хлюпающей грязи. В результате пламенных, но бестолковых усилий большая их часть вообще выходит из строя — и это в первый же день отвода войск! «Почти сразу, — говорится в одном из отчетов 198-го батальона связи, — транспортные средства стали непригодными. К такому темпу отступления наши, с таким трудом и заботой содержавшиеся в исправности машины совершенно не приспособлены. Пришлось их взорвать». С наступлением темноты начинают

передислокацию и батареи 198-го артиллерийского полка. 1, 2 и 4-й дивизионы оставляют до 23 часов по батареям для поддержки арьергарда на старых позициях. 3-й дивизион под командованием майора Керна осуществляет прикрытие позади рубежа «Мария», где предполагается первый отпор врагу. Предусмотренные планом промежуточные рубежи так и остаются на бумаге. Развитие событий таково, что уже в полдень 11 апреля приходится одним марш-броском пройти более 80 км до рубежа «Парпач».

Полковник Фаульхабер покидает свой КП 10 апреля между 23 и 24 часами. Связи с батальоном Фритца больше нет, а вот вражеские танки внезапно подходят на расстояние 200 м. Дальнейшее ожидание бессмысленно. С тяжелым сердцем, в тревоге за свой 1-й батальон, полковник Фаульхабер уезжает. Мысли все время возвращаются к его предостережению от слишком долгой задержки на переднем крае. Свой 1-й батальон он больше не увидит. 282-й полк — теперь он состоит всего лишь из поредевшего батальона Финке с остатками других подразделений — после тяжелых потерь от налета штурмовой авиации, через Катерис, Багерово и Салун в 8 часов 30 минут прибывает на свой рубеж на Татарском валу. КП располагается на высоте 143.9. Здесь полк — практически единственный боеспособный батальон всей 98-й дивизии — на голой равнине, теснимый врагом, в одиночку держит оборону до самого вечера. Главный удар большевик направляет в район по обе стороны шоссе и держит его на протяжении всего дня. В полдень приближаются 30—40 танков, которые активно обстреливают позицию, но на большее не отваживаются. Около 15 часов на участке соседней дивизии справа прорываются танки с сопровождающей пехотой и начинают охватывать 282-й полк. В последнюю минуту каким-то чудом удается проскочить между танками и отступить в район Семи Колодезей, где личный состав собирается и приводит в порядок свои ряды. С наступлением темноты марш продолжается дальше, на рубеж «Парпач». Для многих он станет испытанием, для некоторых — злым роком. Едва вышедшая на марш 8-я рота 282-го пехотного полка под командованием лейтенанта Шаля попадает в окружение танков. В огне погибла большая часть бойцов со своим командиром, многие пропали без вести. Ефрейтор Лембергер, ветеран роты, наутро единственный рапортует о прибытии, за плечами «офенрор» с одним зарядом.

290-му пехотному полку, в малом численном составе, поначалу удается без помех сняться с позиции. Но уже в окрестностях Багеровой части 198-го батальона связи, прикомандированного к штабу полка, окружены маневрирующими танками. В плен попали все. Похожая история вышла и с высланными вперед группами полко-

вого штаба, взводами батальона связи и инженерно-саперного батальона и 14-й ротой 290-го полка. Лишь одной трети автоколонны удается добраться до Паша-Салыни. Но затем с юга подходят вражеские танки, блокируют мост и уже никого не пропускают. Из последних, кому удалось прорваться, — командир 198-го истребительно-противотанкового дивизиона с несколькими сопровождающими. И то только благодаря смельчаку-водителю, который ловким маневром спас своего раненного в руку и в бедро командира. Пропадают все технические средства связи 290-го полка, две последние тяжелые противотанковые пушки и дивизионная радиостанция. От 1-го батальона, находящегося в арьергарде, больше нет сообщений.

Подполковник Гёттиг отдает приказ своему полку отойти на рубеж «Мария» кратчайшим путем: через Кези, Джейлав, Маяк-Салынь. Сам он ждет прибытия полка в Кези. 22 часа, 23 часа, 24 — надежды тают с каждым часом! Наконец появляется командир передового батальона обер-лейтенант Бегерт с докладом о подходе. Но только в 3 часа ночи оба батальона подходят к восточному выезду из Кези. Успеют ли они еще своевременно занять оборонительный рубеж «Мария»? От полевого запасного батальона никаких сведений. Около 9 часов утра подполковник Гёттиг докладывает в штаб дивизии: «Батальоны на подходе». И тут же получает приказ: «Продолжать марш вдоль железной дороги на рубеж «Парпач» между Аджи-Эли и морем». Чуть позже командир 289-го полка получит донесение «от передовых»: «Батальон Бегерта полностью рассеян штурмовой авиацией. Обер-лейтенант Бегерт пал, масса убитых и раненых». С рассветом штурмовики снимают богатый урожай с горимых и беззащитных ныне бывших защитников Керченского полуострова. При абсолютном превосходстве в воздухе противника отдельные разрозненные вылеты истребителей ничего не меняют.

Донесения, которые еще доходят командирам арьергарда на бывший КП полка, расположенный в 1,5 км к югу от Кези, к 23 часам сообщают о планомерном отходе всех трех батальонов. После полуночи связь с 1-м батальоном 282-го полка обрывается. У 1-го батальона 290-го полка и 85-го полевого запасного батальона пока что все в порядке.

Через полчаса полковнику Шмидту становится известно, что около 24 часов враг начал движение. Но сведения, которые он получает в 5 часов утра в Джейлаве, превышают все его опасения. Подтянувшиеся из его рассеянного штаба, из батальонов Фритца и Краусса — всего 40 человек — сообщают, что нападение под покровом тьмы хорошо информированного и бдительного врага

стало концом бойцов прикрытия. Вражеские танки взяли в кольцо слишком долго задержавшийся на переднем крае 1-й батальон 282-го полка и расстреляли его в неравном бою. Спаситься удалось немногим. Капитан Фритц был тяжело ранен. По пути отступления, оказавшись в безвыходной ситуации, он приказал бойцам, выносившим его, положить его на землю и спастись самим. Так, тоном не терпящим возражений он, мужественный офицер и ответственный командир, простился со своими солдатами.

Майора Краусса с его 85-м полевым запасным батальоном постигла та же участь.

От батальона Меца так и нет вестей.

В 6 часов все еще надеющиеся на чудо командиры арьергарда видят приближение танков, группами по 40—50 с перевозимой пехотой, и многочисленных противотанковых пушек, которые движутся с северо-востока на запад. Реализуется именно то, что предполагалось при наблюдаемых учениях противника позади вражеского фронта при Баксах восемь дней назад. Но теперь, в отсутствие средств обороны, единственный выход — отступление. Этот род отступления многие потом с негодованием называли «бегством». Это тяжкое оскорбление для чести настоящих солдат, переживших такое, ибо нет их вины в созданном положении!

Чтобы не повторить судьбу отрезанных и плененных частей, полковник Шмидт со своим небольшим сопровождением решает немедленно отъезжать. Но еще успевают получить последние точные сведения о 85-м полевым запасным батальоне. Как и батальон Фритца, батальон Краусса тоже слишком поздно оставляет главный рубеж. Уже на рассвете, частично рассаженный по машинам, частью готовящийся к отправке, он попадает под обстрел танков. Немногие выжившие попадают в плен, среди них и батальонный командир. Похожая участь постигает легкую саперную колонну 198-го инженерно-саперного батальона. Ее, отступающую из инженерного парка, обошли подошедшие с севера танки, окружили и основную массу взяли в плен. Ее пожилой гаупт-фельдфебель позже умрет в плену.

А где же запропастился батальон Меца, 1-й батальон 290-го пехотного полка? Он перед угрозой вражеского охвата справа и слева уже в полночь покидает свой рубеж и под пулеметным огнем успевают отъехать на Багерово. На северном краю аэродрома капитан Мец в соответствии с приказом занимает промежуточный рубеж, который должен удерживать до 9 часов. Однако уже в 7 часов появляются вражеские танки, но на время останавливаются в нерешительности. В 8 часов 30 минут они идут в наступление широким фронтом. Расступившаяся автоколонна, которая должна была вывезти на запад

подразделения 1-го батальона 290-го полка, при выезде из Джейлава охвачена танками и расстреляна. Спаслись немногие.

«Арьергардный полк Шмидта» 98-й пехотной дивизии прекратил свое существование!

11 апреля майор Керн с 3-м дивизионом, в соответствии с боевым заданием, занимает позицию позади Татарского вала в районе железнодорожной станции Ташлыяр. Позиция из-за местных условий плоха так, насколько это только может быть возможно — и большевик это знает! Укрытием служит один лишь вал, видный издали. Но хуже другое: ее защищает только половина предусмотренного состава, остальная пехота выбыла!

11 апреля противник тут как тут. И столь же быстро ему дают понять, с какой решительной обороной ему предстоит здесь встретиться. Так что при всем своем натиске преследования здесь он ведет себя крайне осторожно. Прямой наводкой дивизион Керна подбивает первые прорвавшиеся танки. Но и в наших рядах первые потери людей и орудий. Командир 9-й батареи обер-лейтенант Шваб погибает в доте от бронебойного снаряда. До самого вечера 3-й дивизион не прекращает огонь, нанося ущерб противнику. Но потом, при попытке сменить позицию, передки орудий уничтожаются огнем танков. Последний заряд уходит на подрыв собственных орудий и боеприпасов. Отчаянная, но достойная славы жертва, которую дивизион приносит ради того, чтобы уберечь еще боеспособные части «дивизии» и замедлить продвижение врага. Остаток маленькой боевой группы Керна с трудом уходит от превосходящих сил противника. Да, орудия потеряны, но не честь оружия!

О занятии армией предусмотренного планом рубежа «А-2» за рекой Сомарли речи уже не идет. Все оставшееся имущество должно быть уничтожено. Разрешена лишь походная выкладка — рюкзак за спиной.

Вечером 11 апреля 289-й пехотный полк прекратил свое существование. Подполковник Гёттиг создает из остатков своих батальонов боевую группу численностью в батальон под командованием капитана Хорстмана и передает ее в подчинение полковнику Шмидту. Но прежде чем она сумела занять рубеж «Парпач», ее судьба была решена. Без какой-либо противотанковой защиты она окружена танками и расстреляна; выжившие взяты в плен. Командир 289-го полка снова остался без команды.

Измученные, из последних сил остатки 290-го полка поодиночке и группками добредают до рубежа «Парпач». Им предстоит в районе между Семисоткой и Азовским морем защищаться от превосходящих сил противника. После трех дней и ночей боев и бег-

ства они представляют собой весьма небоеспособный гарнизон. Однако по приказу они должны продержаться здесь перед лицом почуявшего вкус охоты врага до 6 часов 13 апреля! Но даже если им это и удастся, как потом защитники отойдут по равнинной местности без единого укрытия?

25—30 рядовых 1-го батальона, 13-я рота с одним станковым и тремя ручными пулеметами плюс 30 человек отбившихся от своих — вот и весь нынешний численный состав 290-го полка. Единственная надежда пехоты хоть как-то выполнить невыполнимый приказ — это их верный союзник все четыре года войны: дивизионная артиллерия.

Утром 12 апреля полк Фаульхабера стоит на рубеже «Парпач» южнее Огус-Тобе. От прежнего 282-го полка остался лишь батальон Финке. Позже ему будут переподчинены боевая группа Керна и батальон служб тыла — по большей части чужие дивизии подразделения. И снова, как на рубеже «Мария» 11 апреля, 282-й полк остается единственным подразделением 98-й пехотной дивизии, которому предписано удерживать позицию с 6 до 18 часов. В полдень, после тяжелых оборонительных боев, особенно за Семисотку, сопротивление не имеющих боевого опыта тыловых служб сломлено. Батальон разбегается и сдается в плен. В образовавшуюся брешь потоком хлынула вражеская пехота, сопровождающая танки. Батарея 1-го батальона 198-го артиллерийского полка стрельбой прямой наводкой заставляет ее отступить.

Между тем на южном фланге наблюдается скопление более чем 100 танков неприятеля в полной боевой готовности. Недопустимо, что войска остались без каких бы то ни было боевых средств. Многократные попытки полковника Фаульхабера добиться бомбежки такой примечательной цели, не имели успеха. Так что полк был предоставлен собственной судьбе, а точнее — просто оставлен. Но не дивизионной артиллерией! Северо-западнее железнодорожной станции Ак-Монай 1-й дивизион 198-го артиллерийского полка оборудовал огневую позицию. Ее огонь и огонь 2-го и 4-го дивизионов держит врага на расстоянии. Лишь к вечеру враг заканчивает развертывание войск к общему наступлению.

В 17 часов начинается массированное огневое нападение на позиции всех видов вооружения. Для прикрытия меняющихся предписанную в последнюю минуту дислокацию 1-й и 2-й батарей на переднем крае остается 3-я — для подавления огня противника. Когда ее орудия уже лежат на линии вражеского пулеметного огня, она по приказу командира подрывает оставшиеся боеприпасы. Расчетам посчастливилось скрыться на заранее подготовленных грузовиках.

Из каменоломни юго-восточнее Ак-Моная не перестает действовать 2-й дивизион. При поддержке орудий передовой он расстреливает 12 танков и отражает одну атаку за другой. Пехоты на его участке с гулькин нос, так что действенной помощи она оказать не может. К тому же обороноспособность измотанных артиллеристов с каждой минутой слабеет. Огус-Тобе сдан. Тем не менее батареям ранним вечером еще удается совместно с пехотой и благодаря прямой наводке с пристрелянных позиций как-то сдерживать натиск. Вот только для передислокации времени уже не отпущено. Каждым выстрелом батарея обеспечивает отход расчетов, а оставшимся снарядам подрывает последнее орудие. Капитан Штауденмайер, прежде адъютант полка, а ныне командир 4-й батареи 198-го артполка, сам управляет заградительным огнем своей батареи, а под конец собственноручно взрывает ее. После этого героического поступка он числится среди пропавших без вести. Капитан Герхард с остатками своего дивизиона успевает отойти. Позади временного оборонительного рубежа севернее Цюрихталя он передается в ведение пехоты.

Пример легкой артиллерии подвигает тяжелый дивизион капитана Грайнера, который до наступления темноты обеспечивал действенную поддержку в тяжелых оборонительных боях, под покровом ночи отвести свои орудия с помощью тягачей.

Остатки бывших трех пехотных полков ночным маршем уходят от полного уничтожения.

12 апреля 1944 года с утра до вечера 98-я дивизия, точнее, то, что от нее осталось, сражается не на жизнь, а на смерть! Редко боевое товарищество вот так до последнего сохраняет нерушимый союз, как батареи 198-го артиллерийского полка во всех боях и жертвах дивизии. 12 апреля стальной блок закрыл огнем вздыбленный передний край.

Опыт, приобретенный с начала отступления, особенно в свете последних событий, все больше порождает в душах защитников Керчи ощущение покинутости. Действия врага не удивляют — удивляет то, что воюющие войска оставили без всякой защиты перед превосходящими силами большевика. Но они исполняют свой долг, с безоговорочным доверием к руководству. Беспрецедентной величины суточные переходы, полная самоотдача, сдерживание врага из последних сил — все совершается безропотно. Эти вера и стойкость были поколеблены лишь в последний момент, уступив место горечи и разочарованию, когда Верховное командование нарушило собственное слово, данное действующим войскам, и принесло их в жертву жестокому врагу.

Расчет 3-й батареи по вступлении в Цюрихталь поступает в качестве «артиллерийской роты» в распоряжение Фаульхабера. У полковника остается мало времени в преддверие часы, прежде чем подступит враг, чтобы собрать и упорядочить поредевшие ряды, распределить оружие и остатки боеприпасов, выверить списки и составить сводку чудовищных потерь. Вместе с пехотой до последнего разделяют общую судьбу в боях и потерях саперы, истребители танков, а также приданные подразделения телефонные и радиоотделения 198-го батальона связи.

Между тем остатки мотопехотного батальона под командованием капитана Панрукера проходит через пылающий Симферополь до аэродрома Сарабус. Здесь он будет успешно держать оборону против вражеских атак до 12 апреля. 13 апреля он отойдет на Севастополь, где с 15-го марш-броском от монастыря Гайтаны займет позицию «Инкерман».

В этой неопишуемой суете, сами в режиме сборов и отступления, санитарные службы делают невозможное.

Водители санитарных автомобилей под постоянными налетами низколетящих самолетов едва могут спасти своих раненых и себя. В паническом страхе тащить за спиной повозку с горящими боеприпасами лошади переходят на галоп. Другие, прибыв на станцию, претерпевают грохочущее и сверкающее воздушное нападение. Во мгновение ока все полыхает. Затем все пожирающее пламя переходит на штабеля сапог и полевой почты — повсюду сыплются искры, слышатся взрывы. Общее бегство от танков и штурмовиков теперь охватывает всех, даже самых отважных.

13 апреля еще до рассвета полковник Шмидт отступает с пробившимися в Цюрихталь — в общей сложности 120 человек с пятью пулеметами — на Салы. С ними предстоит защищать северный въезд на горную дорогу, ведущую на Яйлу. В это же время все еще оставшиеся обозы и колонны выходят на марш. В 9 часов отставших отрезают и берут в плен передовые танковые отряды. Кое-кому все-таки удается уйти и в спешном порядке бежать на юг.

Боевой отряд Фаульхабера, усиленный «артиллерийской ротой» 2-го батальона 198-го арtpолка вместе с батальоном Финке, усиленным отставшими от своих частей, препятствуют вторжению врага на высоты к югу от Цюрихталя. Но на длительное сопротивление наседающему с севера и востока противнику сил не хватает. Вся первую половину дня арьергард, резко повернув из Цюрихталя на юг, уходит к горам — единственной надежде на спасение. В самый последний момент! Уже на подходе к Салам вражеские танки, атакующие от Старого Крыма и Карасубазара, обстреливают скопление

колонн у начала горной дороги. Тут отличился один унтер-офицер 198-го истребительно-противотанкового дивизиона. Двумя орудиями он выбивает из группы в 30 танков девять, причем последние из них в одиночестве, после того как весь его расчет погиб. Но Рыцарский крест, к которому его представили повторно, он не получит!

В самих Салах царит страшная неразбериха от наплыва солдат и транспортных средств: румыны перемешались с немцами, лошади с моторизованным транспортом. Все рвутся через горы к морю. Жалкая картина полного поражения, а не «планомерного» отхода!

Решительными и твердыми действиями полковникам Фаульхаберу и Шмидту удается до 11 часов 30 минут сдерживать врага от операций непосредственно на участке отхода.

Теперь и судьба 198-го артиллерийского полка предreshена, она катится к своему горькому концу. Оставшиеся, с невероятным трудом спасенные орудия невозможно переправить морским путем в Севастополь, горные дороги также непригодны для шестерки лошадей в упряжке, так что с тяжелым сердцем артиллеристы взрывают последние шесть тяжелых полевых гаубиц s.FH 18 и двенадцать легких l.FH 18 неподалеку от Судака. Повозки разламывают, лошадей пристреливают. Со слезами на глазах переживают страшную экзекуцию ездовые, ведь по большей части это лошади, которые трудились в дивизии с момента ее образования. Благодаря самоотверженному уходу они не только пережили четыре года войны, и из них три тяжелейших в России, но и находились в прекрасном состоянии. Адьютант 198-го артполка так пишет об этих событиях: «Этот жуткий вечер стал моим самым страшным потрясением. Когда уничтожили орудия, повозки и лошадей, дивизионы разделились на «артиллерийские роты». Потом их погрузят на грузовики и моторизованным эшеленом отправят в Алушту».

Уже вечером натиск танков со следующими за ними вражескими передовыми отрядами настолько силен, что полковник Шмидт на временном оборонительном рубеже севернее Сал вынужден свернуть боевые действия. Между тем по приказу полковника Фаульхабера части 282-го и 290-го полков, а также артиллерийские роты под командованием майора Зайта отправляются через Яйлу. Вместо переставших соответствовать действительности терминов «полк» и «батальон», теперь употребляется «боевая группа». В группе могут быть сто, а могут и 10 человек. Старый фронтовик обер-лейтенант Шелер-Пробст — под Севастополем он будет ранен в девятый или десятый раз — возглавляет одну из таких групп. Командирами взводов у него артиллерийский офицер, казначей и врач; рядовыми — истребители танков и связисты. И на всех одно штурмовое орудие!

Конечно, это горстка мужественных бойцов, но никак не боевая группа.

И вот теперь нескончаемые колонны беглецов, жаждущих найти защиту в Севастопольской крепости, текут и текут на юг. Даже самым строгим командирам не удастся внести долю порядка в полную неразбериху. Множество групп и группок устраивают столпотворение: толкаются, останавливаются, напирают — все рвется вперед. К вечеру 13 апреля главные силы 98-й пехотной дивизии входят в Судак. А дальше движение застопорилось. Многочасовое ожидание вносит сумятицу и нервозность. С темнотой слышатся выстрелы. Поначалу стреляет одна противотанковая пушка. Снаряд за снарядом летит на город на колонны, отчасти ожидающие в шеренгах по четыре, отчасти готовые к маршу. Из слуховых окошек на чердаках и из окон строчат автоматы, повсюду полыхает дульное пламя. Прибывает всего несколько грузовиков. Ситуация готова разразиться паникой. Но «старики», разбросанные по подразделениям, спасают положение: они прицельно стреляют в дульное пламя. Со стен сыплется штукатурка, крошится кирпич. Есть раненые — но обстановка быстро успокаивается, потерявшие было голову приходят в себя. Около полуночи начинается выступление, однако до рассвета то и дело возникает суматоха.

И снова полковник Шмидт с боевой группой Меца численностью 40 человек обеспечивает фланговое прикрытие севернее Ускута. Группа задерживается до 11 часов следующего дня, а затем отходит арьергардом. Прежний арьергард северо-западнее Судака, вынужденный фланговым огнем танков со стороны гор, снимается уже в 22 часа 30 минут. При установлении связи с командованием дивизии полковник Шмидт на следующий день во время налета штурмовой авиации будет ранен и эвакуирован. Никогда не шадивший себя, он был для своей части образцом солдатского мужества. Больше своего полка он не увидит; в 1945 году после пятого ранения попадет в плен. Противоправно задержанный в Чехословакии, он до сих пор влачит в государственной тюрьме жалкое существование!

Яркое утреннее солнце немилосердно высвечивает удручающую картину бегства. По обочинам дороги, по которой вьется длинная змея колонн, лежат горящие машины и повозки, мертвые и раненые лошади. Солдаты в сторонке облегчают свои вещмешки. Транспортные средства уже катятся вниз по склону, к морю. Но есть в этой мрачной картине и светлое пятно: обозы 198-го артиллерийского полка держатся прежним строем. Через несколько часов все распрощаются и с этой местностью, с машинами и лошадьми. Без помех со стороны противника марш благополучно подходит к Алуш-

те. По дороге к дивизии присоединяется еще небольшое отделение 198-го батальона связи, вышедшее из Карасубазара. В Алуште собирается полк без артиллерии. Здесь неожиданно выпадает несколько часов спокойного отдыха. Но и этот неожиданный подарок омрачен печальными событиями: неподалеку, на лугу, вахмистры артиллерии по приказу расстреливают лошадей, верных спутников за четыре прошедших года. И снова с глазами полными слез стоят вокруг ездовые, конюхи и все их друзья — все, кто их выхаживал и спасал. Одно утешение: терять больше нечего. Почти весь автомобильный и гужевой фонд начальника службы снабжения дивизии уничтожен.

Благодаря приему отбившихся от различных частей бойцов численный состав 290-го пехотного полка увеличился до 250 человек, с тремя пулеметами, но без единого тяжелого оружия. Майор Мец назначен его командиром, обер-лейтенант Юст — адъютантом.

С усиленной охраной на севере войска проводят первую спокойную ночь в Алуште с 14 на 15 апреля.

В полдень — как в добрые старые времена! — полностью моторизованная колонна дивизии начинает движение дальше, на Ялту. Артиллерия, не распределенная на артиллерийские роты, пока остается на месте. Ее вывезут чуть позже вместе с частями 198-го батальона связи и остатками обоза на нескольких военно-морских паромах. В последний момент выйдут они в море. Переполненные до краев суда уже на выходе были обстреляны вражескими танками; имелись жертвы. Но внезапно опустившийся морской туман защищает паромы, как и движущиеся по суше колонны, от дальнейших нападений с суши и с воздуха. Лишь благодаря ему они без излишней гонки подходят к Балаклаве, где 15 апреля войска беспрепятственно высаживаются поблизости от Севастополя.

Колонна дивизии спешит вступить в Ялту. Здесь она ненадолго задерживается: на брошенных тыловых складах обнаруживается изобилие продовольствия. Небольшая передышка на берегу лазурного Черного моря под лучами теплого весеннего солнышка, и через пару часов колонна продолжает движение в направлении Алупки. Хотя огневые нападения с высот, окаймляющих шоссе, задерживают переезд, вынуждая делать остановки и отстреливаться, зато нет налетов штурмовой авиации!

Арьергард под командованием полковника Фаульхабера, действительно последний и ближайший к врагу, едет «налегке», то есть избавившись от всего лишнего. Только боеприпасы в изобилии штабелями уложены в грузовиках. Все сопровождающие вооружены до зубов. Здесь же и командир дивизии в автомобиле с радиостанцией. Если случается даже мелкая поломка, машины безжалостно

сбрасываются со скал в море. Приходится с трудом преодолевать непривычную крутизну приморского шоссе у Ялты и Алесандры. За одним из поворотов из ближнего леса открывается огонь. Тогда радисты и телефонисты из 198-го батальона связи под командованием обер-лейтенанта Шелер-Пробста устраивают соревнование пулеметных очередей по цели. Через несколько минут все кончено. Теперь в колонне на шесть раненых больше. Мимо проносятся дворцы и пальмы, за ними сверкает бликами синее море.

Радиодонесение сообщает, что большевик отовсюду наступает на Севастополь. На севере он следует по пятам 50-й пехотной дивизии и серьезно теснит отступающих. Через несколько дней там завяжутся ожесточенные бои. Приходится торопиться. В спешном порядке в Севастополе возводятся оборонительные укрепления. Они должны прикрыть эвакуацию из Крыма, которую надо провести, прежде чем противник завершит сосредоточение и развертывание сил. Всем уже давно стало ясно, что оставление Крыма пойдет в ускоренном темпе.

15 апреля прибывает первый эвакуационный транспорт. По крайней мере внешне все выглядит «планомерным отводом» войск по примеру отступления с Кубанского плацдарма. Порядок следования таков: сначала румыны — от них на фронте уже мало толку; затем железнодорожники, почтовики, офицеры специальных служб; штабы и части, не имеющие отношения к боевым действиям, такие как организация Тодта, вольнонаемные и «хиви», штабные секретари-машинистки, персонал Красного Креста; службы снабжения, обозы, автомобили, лошади, сундуки и чемоданы — и снова румыны действующих войск. «Плановая» эвакуация всех этих разношерстных униформистов из аппарата военной администрации и гарнизона Крыма проходит под прикрытием фронтовых войск. Они же будут здесь держаться «до последней капли крови».

В Румынии, в Бузау, работают «теневые штабы» армии; для 98-й пехотной дивизии это «материковый штаб» под руководством майора Хеллера. В его обязанности входит предоставлять квартиры возвращающимся отпускникам, выздоровевшим бойцам и солдатам запасных частей, подразделять их, укомплектовывать офицерским и рядовым составом и доводить до боевой готовности. Но теперь в Бузау никто и не помышляет об успешной защите Крыма. Собранные члены дивизии теперь задерживаются с отправкой, маскируются под специалистов, и, таким образом, к середине мая набирается около 400 человек — слабый, но костяк будущей возрожденной дивизии.

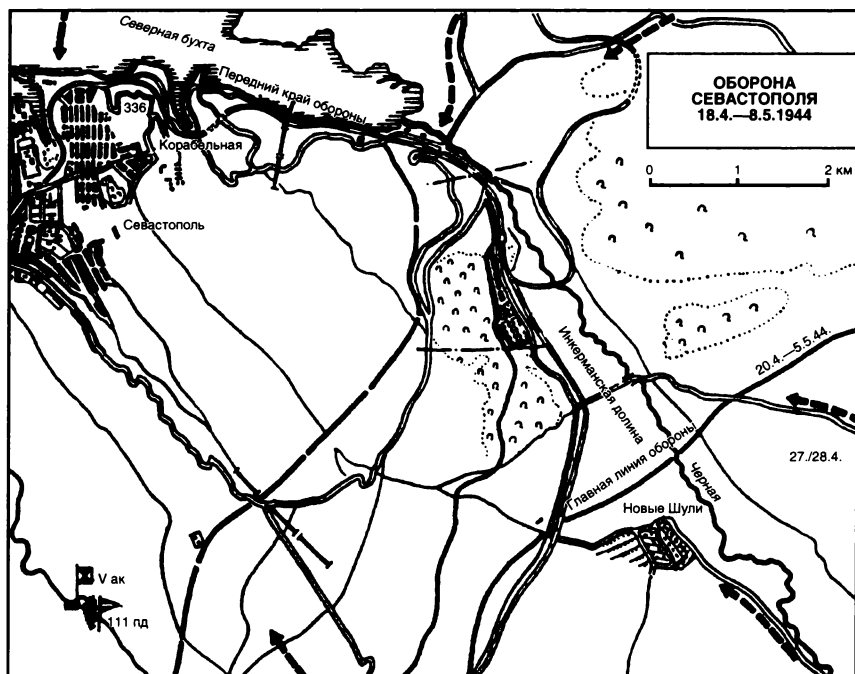
16 и 17 апреля остатки 98-й дивизии входят в крепость восточнее Севастополя и тем самым заканчивают продиктованный врагом по-

зорный марш. На его протяжении с 10 по 14 апреля 1944 года не только судьба 98-й пехотной дивизии, но и всех защитников Керченского полуострова висела на волоске. Все они едва избежали плена. От этого бесславного конца их уберегли не «планирование» и «меры» тыловиков, а лишь собственная необычайная стойкость. Помимо разгромных потерь в живой силе, лошадях, оружии и орудий, этот «отход» обернулся для дивизии бегством ради спасения собственных жизней. И все-таки главные силы дивизии были выведены из-под обстрелов вражескими танками и самолетами, несмотря на отсутствие всяческого прикрытия со стороны! Спасение от полного уничтожения удалось лишь благодаря отчаянному броску через горы и неповоротливости большевика в ночное время.

Севастополь с 18 апреля по 9 мая 1944 года

В эти дни Севастополь напоминает встревоженный муравейник. Беспреданно прибывают отставшие от своих частей, поодиночке или группами, пешком или гроздьями свисая с разных повозок и машин. Кто сгружается, кто погружается. В районах сбора необозримое море покинутых грузовиков и телег.

Для пробившихся от Керчи из-за крутых вершин Яйлы внезапно открывается город, сбегаящий по покатым склонам. Будет заблуждением считать, что Севастополь — подходящая крепость для защитников сухопутного фронта. Входы почти всех бетонных сооружений и казематов морской крепости — а именно таковой и является Севастопольская — не защищены со стороны суши. Как «противотанковый рубеж» под Симферополем был по большей части лишь обозначением на карте, так и Севастопольская крепость для всей сухопутной обороны обернулась не мощной защитой, а скорее разочарованием. Для встроженных орудий французского происхождения нет боеприпасов; разного рода долговременные огневые сооружения оказались «разоруженными»; а главное — предназначенные для пехоты окопы всего лишь на 50—60 см глубины выдолблены в известняковой породе. Скоро выяснится жесткая нехватка стрелковых боеприпасов. Но решающий проигрышный момент в том, что противник имеет многократный перевес в живой силе и технике, боеприпасах, артиллерии, танках, а также господствует в воздухе! Вскоре это возымеет еще более губительное действие, чем под Керчью. И кроме того, большевик прекрасно ориентируется на местности в Севастополе и его пригородах.

Руководству Крыма удастся собрать осколки обоих «корпусов» под Севастополем, усилить их разношерстным «пополнением»: военнослужащими разных родов войск — и подготовить их к совместным боевым действиям. На рубеже, отведенном 98-й дивизии, дивизионный командир собственноручно распределяет по взводам имеющиеся в наличии пулеметы. Продолжается самообман в названиях, все еще расхожих в употреблении: «дивизии», «полки», «батальоны».

Уже 17 апреля начинаются налеты вражеской штурмовой авиации, артиллерия обстреливает город; есть раненые. Большим преимуществом крепости является то, что в ее вырубленных в скалах казематах, не пробиваемых бомбами, можно разместить медицинские пункты для сотен раненых. Из одного такого 15 апреля был вывезен морем старый полевой госпиталь, а на смену ему пришла санитарная рота.

18 апреля все позиции заняты. Несмотря на невероятное смешение защитников Севастополя, чужих друг другу бойцов сплачивает одно: убеждение и даже твердая вера в то, что теперь начнется эвакуация из Крыма. В этом никто не сомневается. Эта мысль занимает все умы, когда передний край обороны Севастополя покрывает и Гайтанский массив.

Между 111-й дивизией справа и 336-й дивизией слева в последний раз будут сражаться бок о бок три полка 98-й пехотной дивизии. 282-й полк с батальоном Финке, батальоном зенитчиков без орудий и с батальоном артиллеристов 198-го артполка должен защищать Гайтану фронтом на юго-восток. На северо-западе, также на Гайтанском массиве, располагается боевая группа 289-го полка с двумя батальонами, составленными из бывших отпускников, остатков 85-го полевого запасного батальона и артиллерийских рот 198-го артполка. Эти части под командованием собственных офицеров скоро проявят себя надежной опорой и боевым коллективом, знающим свой солдатский долг. В район 289-го полка введены 198-й мотопехотный батальон и 300 румын в подчинение батальону Домке. Один станковый пулемет, несколько противотанковых пушек и батарея 8,8-см зенитных пушек дают полку некоторый заслон из тяжелого вооружения противника. Подполковник Гёттиг оборудует свой КП в монастыре Гайтана, полковник Фаульхабер — в юго-восточной части Гайтанского массива.

Левая боевая группа 290-го полка непосредственно примыкает к 336-й дивизии. Два батальона — один из которых пополненный 1-й батальон 290-го полка под командованием майора Меца — переподчинены временно исполняющему обязанности полковому штабу. От старого остались лишь осколки. Поначалу расположенный в одном из ущелий Гайтанского массива, 290-й полк вскоре передислоцируется по обе стороны от основной дороги, перед Танковой горой, на участке 336-й пехотной дивизии. 24 апреля он бросается в атаку на Танковую гору против с ходу перешедшего в наступление врага. Там, на одном из передних скатов и на открытой всем взорам долине, он продержится, несмотря на потери, до 3 мая. Майор Мец — для всех бойцов 290-го полка последний «старик» — 30 апреля ранен во время разведывательного дозора. В штабе остается только обер-лейтенант Юст; 5 мая в качестве начальника прибудет еще один, чужой обер-лейтенант.

КП дивизии обосновался в Инженерном ущелье. Связь со своими полками он осуществляет по проводной и радиосвязи.

На рубежах идут активные работы. Настроение хорошее, почти оптимистичное. По всем расчетам, через 14 дней последние из ныне обороняющихся уже будут садиться на суда. Неудивительно, что при таком настроении сильные становятся сильнее, а слабые — которых большинство — следуют примеру сильных. Те, кто пережил атаки вражеских танков и налеты вражеской авиации, об опасности морской переправы даже не думают. Немецкие военно-морские силы —

равных им нет во всем мире! Они и военно-воздушные силы не оставят защитников Крыма в беде!

Деятельность штаба 198-го артполка отныне сводится к функции отделения связи артиллерии с другими родами войск. Для чужих, лишь оказывающих поддержку батареям просьбы пехоты 98-й дивизии остаются делом второстепенным. Так что артподдержка оставляет желать лучшего. И только в результате долгих настойчивых требований майору Зайту удастся получить в распоряжение трофейные орудия и право укомплектовать расчеты собственными людьми.

Большой удачей для налаживания связи явилось то, что 198-й батальон связи понес вполне приемлемые в создавшейся обстановке потери и смог справиться со своими обязанностями. Однако в результате активизирующихся обстрелов уже в первые дни приходится закапывать множество линий, поскольку линейных связистов для ликвидации повреждений не хватает.

Всего шесть часов форы дает преследующий враг остаткам дивизий, отступающим с Перекопского перешейка, а затем прямо с ходу переходит в наступление в северной части района боев. На юге осложнение обстановки в передвижениях вдоль и поперек Главной гряды начинается только 26 апреля.

Утром 20 апреля большевик направляет мощные разведывательные удары, поддержанные танками, на рубежи обороны 50-й и 336-й пехотных дивизий, которые простираются от Инкерманской долины до долины Бельбека, а оттуда, изгибаясь к западу, до побережья. Атаки удастся отбить.

С этого момента развитие событий ожидается на южном рубеже; и именно туда, на участок 98-й дивизии, направлен главный удар противника. Рубеж дивизии тянется от побережья, западнее Балаклавы, через высоты Сапун-горы к Инкерманской долине. Кроме 98-й, здесь держат оборону также остатки 73-й и 111-й дивизий. С Сапун-горы на высоте 235 м идет уклон с востока на запад к полуострову Херсонес, который представляет собой голое каменистое плоское плато. Кто владеет высотами Сапун-горы, тот господствует над полуостровом до самого побережья. Врагу это известно!

20 апреля 1944 года, в тот момент, когда стоящие в Севастополе и его пригородах войска крымского фронта физически и морально готовы к боям за отступление с Крыма, Гитлер приказывает: «Севастополь держать как крепость!» Войскам объявлено, что причиной такого уму непостижимого приказа является необходимость политического воздействия на Турцию. Через три недели, когда уже все будет кончено, об этом обосновании никто и не вспомнит!

Нет никакого сомнения, что, получив такой приказ, все командующие и командиры Крыма прекрасно осознавали все его безумие. Севастополь не удержать! При неумолимо возрастающем превосходстве сил противника — и при настрое войск на отплытие! — больше трех недель не выстоять. За этот период можно было с помощью до сих пор безупречно действовавших военно-морских сил в тесном содружестве с крепкими военно-воздушными силами провести отвод войск в Констанцу, причем с тем же успехом, что и с Кубани в Крым.

Но время было потеряно. Хотя повсюду распространялась легенда, что немецкие самолеты могут вывезти защитников Севастополя в 48 часов.

24 апреля 1944 года приказ довели до сведения частей. Они восприняли его как смертный приговор. Они, которые долгие месяцы противостояли превосходящим силам, не хотели верить, что приказ подлинный и обязателен к исполнению. Как могут защитники держаться без снабжения? Через пару дней все аэродромы определенно будут взорваны артиллерией и бомбами! И морским путем нечего ожидать достаточного подвоза. Весь предыдущий и весь последующий опыт подтвердит это. Катастрофа неизбежна! И наконец, откуда войскам черпать силы, если нет никакой надежды на будущее? Если последний марш-бросок противника несет с собой полное уничтожение?

Солдатам разных родов войск, используемым в качестве пехоты, непривычно и крайне трудно ориентироваться на поле боя с чуждым ландшафтом, изрезанным ущельями, крутыми склонами, с полным набором естественных и искусственных препятствий. Для огня с высот и фланкирующего огня немногих оставшихся тяжелых орудий позиция удобная. А вот твердый известняковый грунт не дает установить их, как и углубить траншеи. Для этого не хватает инструмента. Между тем вражеская артиллерия с каждым днем активизируется. Инкерманская долина с ее круто уходящими вверх каменистыми берегами снова наполняется грохотом снарядов и осколочных авиабомб. Залп за залпом.

В воздушные бои с непрерывно атакующими вражескими бомбардировщиками время от времени вступают немецкие истребители; и то, как они ловко очищают небо, приносит некоторое облегчение.

Под огнем неприятеля гибнет масса лошадей. Тысячи храбрых четвероногих друзей на дне долин, где они мирно паслись, находят свою мучительную смерть. А ведь их выпустили туда из милосердия, освободив, вместо того чтобы пристрелить.

С возрастом ночных беспокоящих налетов противника и применением им крайне эффективных светящихся авиабомб войска лишаются и нескольких темных часов отдыха. Все более нарастают беспокойство и суета. Неизбежные передвижения, даже небольшими скоплениями, тут же становятся мишенью для вражеской артиллерии и штурмовиков. Обстреливают даже одиночные автомобили. Не раз командир дивизии на выездах в свои «полки» преследовался 40—50 выстрелами. И все-таки он появлялся там снова и снова.

От ночных бомбардировок особенно страдают раненые. Аэродромы находятся под постоянными обстрелами и налетами штурмовиков. На взлетно-посадочных полосах, освещенных ночью лишь слабыми вспышками фонариков, «Юнкерсы», частично загруженные ранеными, разлетаются вдребезги, иные загораются, еще не выйдя на старт. Экипажи санитарных машин, в дневное время перевозящие раненых в бухты, а по ночам на аэродромы, переживают самые страшные моменты в своей жизни, слушая крики и стонания беспомощных пассажиров, видя сыплющиеся с небес бомбы и объятые пламенем самолеты. И помощи ждать не от кого!

На ночном предполье враг медленно, но неудержимо выходит на главный рубеж атаки. 27 апреля он чувствует себя готовым к началу штурма Севастополя. При поддержке танков и с массированным вводом истребителей-бомбардировщиков он идет на прорыв фронта с направлением главного удара на высоты Сапун-горы. Однако неожиданно-негаданно удается отрезать пехоту от танков и заставить ее отступить, а вклинившимся танкам нанести значительный ущерб, прежде чем они убираются восвояси. Штурм сорвался, потери неприятеля велики. Полный успех в обороне! Но пока что не вся вражеская артиллерия разведана по огневым позициям, не все силы сосредоточены и развернуты. И что будет потом?

Командующий крымскими войсками генерал-полковник Йенеке точно знает, что произойдет потом. И он не намерен бессмысленно жертвовать целой армией, которая и так уже почти разгромлена. 24 апреля он летит к Гитлеру. Первичные переговоры заканчиваются неудачей. Он потребовал немедленного вывода войск в такой форме, что дело дошло до острого конфликта. Еще не добравшись до Крыма, генерал-полковник Йенеке получает приказ об отстранении от должности и вместе с тем запрет на появление в Крыму.

А в это время для любого здравомыслящего человека понятно: надо спасать то, что еще можно спасти. Единственно верным решением было бы немедленное привлечение каждого доступного морского и воздушного судна для вывоза войск. Любое другое решение ведет к потере армии, к катастрофе. Не должно было най-

тись никого, готового выполнить приказ, которому не подчинился генерал-полковник Йенеке!

Раздираемые противоречивыми чувствами, бойцы после успешной обороны залегают на своих позициях, исполненные гордости за свой успех и удрученные предчувствием грядущих бед. И все-таки они еще не потеряли веры в Верховное командование.

2 мая 1944 года командир V армейского корпуса берет на себя командование войсками на плацдарме Севастополь. Он пообещал Гитлеру удержать Севастополь, если прибудет подкрепление (!). Действенное подкрепление пехотных и артиллерийских сил при известном положении дел с транспортировкой может прибыть только через три недели!

4 мая 1944 года противник полностью закончил развертывание войск и все другие приготовления к последнему, решающему штурму Севастополя с последующей целью окончательно освободить Крым.

5 мая с небывалым сосредоточением техники он начинает наступление. Сначала главный удар направлен на северную часть плацдарма. 48 часов он ведет ураганный огонь из 400 стволов, реактивных установок, тяжелых метательных орудий и минометов. Затем вся советская 2-я гвардейская армия идет в атаку. И снова враг вводит мощные военно-воздушные силы, и снова наши истребители и подразделения зенитного дивизиона Пикерта действуют против них успешно. По наземным целям зенитная пушка тоже бьет на полную мощность. Однако против превосходящих танковых сил ее мощи недостаточно.

В то время как на северном участке плацдарма разворачиваются ожесточенные бои с большими потерями и расход живой силы достигает максимума, защитникам 98-й дивизии приходится отбивать лишь слабые атаки. В этот день прорыв на севере большевику не удался, не удастся и на следующий день. Но 7 мая станет решающим днем. Ранним утром враг выступает от побережья к высотам Сапун-горы и с превосходством в живой силе, технике и самолетах начинает атаку на южном участке. Передний край дивизии часами скрывается, как под дымовой завесой, под дымом и пылью. Южная часть основной позиции прорвана в нескольких местах. Особо стремительно и угрожающе события развиваются у правого соседа, на высотах Сапун-горы. Здесь враг продвигается по серпантину до развилки дорог юго-западнее Думского. Вечером обстановка настолько осложняется, что передний край на северном участке, обозначенный командующим как «держатъ безоговорочно!», должен быть сдан, а вся оборона Крыма ограничена полуостровом к югу от бухты Северная.

С 7 на 8 мая в организованном порядке и с малыми потерями части 98-й дивизии оставляют Гайтанские высоты. Подполковник Гёттинг самовольно меняет задачу своему полку: отойти через долину Инкермана и занять новый рубеж. Он опасается, что не успеет до восхода солнца подойти к новой позиции, расположенной на переднем скате и хорошо просматриваемой врагом, поэтому под свою ответственность он направляет полк на позицию вдоль переднего края. Без помех и потерь 289-й оказывается на месте задолго до рассвета.

На новой позиции Николаевка, на западном и переднем скатах долины Инкермана, самой западной линии на карте, полкам предстоит тяжелый день боев. Их командные пункты расположились на покинутом дивизионном КП в Инженерном ущелье; 282-й полк — в Думском, остатки мотопехотного батальона — возле Английского кладбища. Командование дивизии переезжает в Двор Делгарди, строго на юг от Севастополя.

С собранной в кулак властью, намного превосходя силами и теперь полностью завершив подготовку, противник, как и ожидалось, утром 8 мая возобновил свои усилия по уничтожению 17-й армии. То, что именно это было его целью, сообщали еще 1 декабря 1943 года пленные под Эльтигеном. Враг наносит удар по высотам Сапун-горы. Потеряны Николаевка, николаевское винодельческое хозяйство и Английское кладбище. Тогда предпринимается отчаянная попытка хотя бы приостановить близкий прорыв фронта. Боевая группа Мариенфельда 111-й пехотной дивизии и боевая группа Фаульхабера 98-й пехотной дивизии идут в контратаку, чтобы отбить высоты Сапун-горы. С беспримерным мужеством капитан доктор Финке еще раз — последний! — ведет свои поредевшие роты на штурм. Только его батальону, единственному из всех, удается занять гребень горы, здесь закрепиться — и погибнуть!

Бои продолжаются до вечера. Оборона сплотила всех еще боеспособных солдат: не только пехоты, артиллерии, саперов и истребителей танков, но и других подразделений — не важно, фронтовых, снабженческих или административных. Все знали: речь идет о жизни и смерти.

9 мая — день начала конца немецких защитников последнего клочка крымской земли. Сражение возобновляется. С рассветом полковник Фаульхабер из Думского наблюдает непрерывное просачивание врага через Английское кладбище с фронта и во фланг. С югом связи больше нет. В течение первой половины дня противник вторгается с севера в Инженерное ущелье. Здесь был тяжело ранен капитан Тринкле, командир артиллерийской роты при

282-м полку, и с тех пор пропал без вести. Через высоту Памятник замечено обратное движение. Через Английское кладбище противник наносит удар на запад. Остатки батальона Финке с тяжелыми потерями отброшены назад. Отходящий одним из замыкающих капитан доктор Финке смертельно ранен.

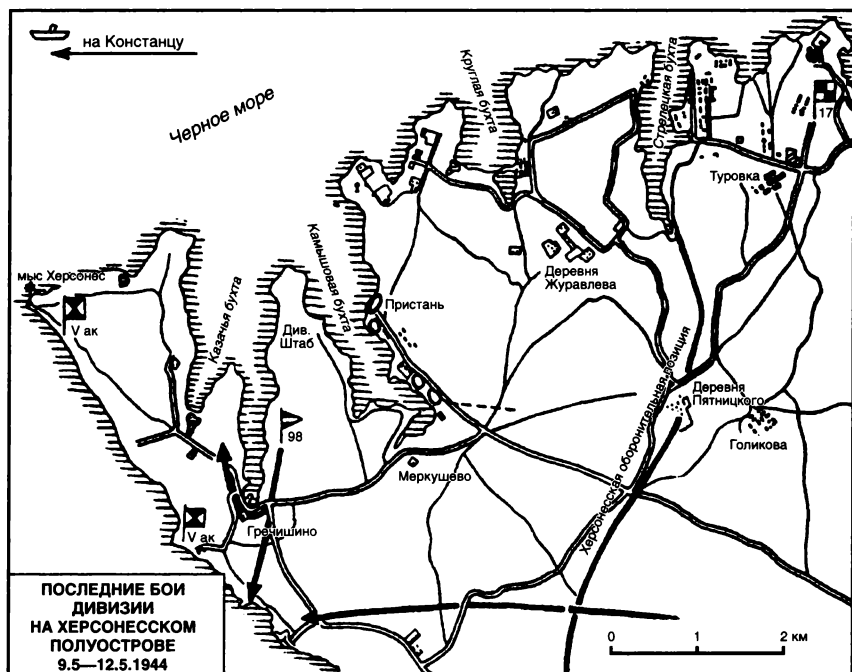
Каким был доктор Финке, явствует из его письма жене, написанного после получения им и отклонения предложения о предоставлении ему брони: «Чем тяжелее становятся бои, тем больше мой уход был бы похож на дезертирство. Знаю, ты возразишь, что я должен думать о семье. Как много я о ней думаю! Но кто рядом со мной не делает то же самое? Высшая честь для мужчины — в военное время исполнять свой долг там, где труднее и где ты нужен. А это по-прежнему на фронте! Не сердись и не грусти! Гордись!»

98-я пехотная дивизия гордится им и ему подобными.

С 11 часов обрывается связь 282-го полка с дивизией. Полковник Фаульхабер собирает отставших от своих под Думским. Под командованием 1-го адъютанта-секретаря, фельдфебеля Симанка, они повторно вводятся в оборону. Разведдозоры доносят, что Инженерное ущелье в руках врага. И на фронте большевик смыкается. Мотопехота с последней противотанковой пушкой подавлена. Думской держится до 13 часов, почти окруженный. Боеприпасы на исходе. Едва ли не в последний момент полковник Фаульхабер — сам комендант полосы обороны — отдает приказ к отходу через Противотанковое ущелье. Он сам, капитан Мауль, возвратившийся в полк 4 мая, и лейтенант Урхан с двумя группами прикрывают отход. Полковник Фаульхабер ранен двумя пулеметными выстрелами; позже ему отнимут правую ногу. С ним дивизия лишится выдающегося командира полка и настоящего отца своим солдатам. А от полка остаются жалкие обломки.

Во время этих событий боевая группа 289-го полка упорно держит свою полосу обороны на позиции Николаевка. Вернувшись с передовой, подполковник Гёттиг еще застаёт финальную битву батальона Финке. В радиотелефонное оповещение дивизии вдруг на той же волне врывается голос с сильным восточным акцентом: «Да, да, Гёттиг охвачен с обеих сторон, и ему со своим полком лучше сдаться!» А потом в поле видимости появляются спускающиеся с высоты пехотинцы. Им вслед трещат орудия преследователей.

То, что по всему фронту приходит в движение, вряд ли можно назвать отходом. И сами немецкие солдаты, гонимые подавляющими силами противника, стиснув зубы и пылая гневом, ощущают свое отступление бегством! Они достигли нечеловеческих вы-

сот в мужестве, стойкости, выдержке — и вот теперь их поставили в такое унижительное положение!

Приказ по армии отойти на мыс Херсонес только легитимировал и без того происходящие события. На окраине Севастополя отсечной позиции нет. Уже в 15 часов южная часть города в руках врага. Северо-восточная тоже. На севере остаткам 50-й и 336-й дивизий приходится с большими потерями пробиваться через развернутый строй неприятеля, прибывшего через бухту Северная.

В 98-й дивизии потери тоже велики. В числе последних «стариков», унтер-офицеров и рядовых, выбывает и командир 198-го истребительно-противотанкового батальона обер-лейтенант Плянес, сраженный выстрелом. Капитан Панрукер тяжело ранен и эвакуирован самолетом на «большую землю»; он умрет в Венгрии. Командование остатками мотопехотного батальона примет капитан доктор Мауль. 8 мая в боях в укрепрайоне Гайтани—Инженерное ущелье—Противотанковое ущелье пал на переднем крае лейтенант Урхан. Полковник медицинской службы доктор Г.В. Шмидт выбывает из строя по причине тяжелого ранения. Лейтенант Вайнцирль, один из последних офицеров 198-го инженерно-саперного батальона, тяжело ранен и переправлен в Констанцу; здесь он на-

всегда сомкнет веки. От унтер-офицерского и рядового состава батальона осталась лишь горстка бойцов: с 12 апреля по 12 мая саперы потеряли почти 400 человек!

В то время как во внутреннем обводе Севастополя еще идут бои, боевая группа 289-го полка передвигается по открытой местности к Севастополю. Повсюду лежат раненые и убитые. С шумом проносятся бомбардировщики и сбрасывают свой зловещий груз. Появляются новые убитые и раненые. Подполковник Гёттиг остается невредим. Дальше, на запад, на Херсонесский рубеж!

Боевая группа 290-го тоже прокладывает себе путь сквозь артиллерийский огонь и налеты авиации. Путь мимо южного выезда из Севастополя к Двору Делаярди стоит тяжелых потерь. В спешке группа собирается в пещере, чтобы переждать налет истребителей-бомбардировщиков, которые устроили охоту из бортового оружия.

То, что осталось от 282-го полка, капитан Фокентанц, заходя с севера, ведет обходным путем к Херсонесской позиции. Там 282-й полк, предназначенный в дивизионный резерв, должен разместиться в одном большом доте позади переднего края.

Лишь когда большевики подошли на 150 м к Двору Делаярди, командир дивизии покидает свой командный пункт. Капитан Шерцлер с двумя группами мотопехоты прикрывает отступление, следуя длинными перебежками. С нескольких точек местность обстреливают группы Т-34. Во впадинах и лощинах артиллеристы взрывают свои орудия. Под свист пуль собственной пехоты все, наконец, достигают позиции.

Мало бойцов добралось до Херсонесской позиции. Части принимались, перегруппировались и вводились в боевые действия. Для всех, кто стоял на передовой, эта позиция стала большим сюрпризом: прекрасно инженерно оборудованная, с системой сквозных траншей, дотов и дзотов, железобетонных укрытий и жилых блиндажей, хранилищ для боеприпасов и продовольствия. В последних оказалось вдоволь запасов, а вот боеприпасов в обрез. В траншеях проложен кабель, протянутый до КП батальонов. Позиция, огибающая подковой порты и гавани и выходящая к бухтам, вплоть до промежуточных траншей имеет глубину 2 км.

На стиснутой со всех сторон арене начинается разворачиваться последний акт трагедии для многих тысяч немцев. Подмостками, на которых она будет разыграна, служит западная оконечность Херсонесского полуострова. С высот Сапун-горы они видны как на ладони.

Вечером этого черного «дня бегства» становится известен новый приказ Гитлера о том, что Крым теперь должно оставить! То, что

три недели назад было бы воспринято как акт благоразумия, доказательство моральной зрелости и ответственности, теперь звучит злой насмешкой и издевательством! Только теперь открыто выражаются сомнения, горечь и гнев. Если драгоценный Крым можно оставить сегодня, то что мешало это сделать пару недель назад, когда еще тысячи бойцов были живы, а не принесены в жертву своей воле и бессовестности?

Всю ночь на 10 мая идут приготовления к завтрашней обороне. Вначале надо определить этапы боя для боевых групп, в которых еще царит полная неразбериха. С рассветом упорядоченные батальоны и роты — с достаточным количеством тяжелого пехотного оружия и недостатком боеприпасов — ждут врага: 289-й пехотный полк справа, 290-й пехотный полк слева.

Все те, кто стоит на этом последнем крымском рубеже, вовсе не прирожденные воины. Скорее это по необходимости выученные сражаться на открытой местности и в окопах пехотинцы. Но все эти солдаты стояли горой друг за друга и на деле доказали свое мужество, стойкость и самообладание. Даже находясь в безвыходном положении, остатки старой 98-й дивизии до последнего дня исполняли свой долг, несмотря на повсеместные признаки поражения. Именно поэтому 10 мая все проведенные противником атаки были отбиты большой кровью. А теперь каждый ждет скорой посадки на корабли!

В течение дня с распоряжением «довести до сведения войск» по частям распространяется новый приказ Гитлера. В нем говорится, что все немецкие и румынские военно-морские силы Черного моря вышли к берегам Крыма, чтобы в следующую ночь вывезти войска из Севастополя. Поддержка с воздуха гарантируется. В полдень 10 мая вмешается вся эскадра дальней штурмовой авиации. Неужели такое возможно?

Дальняя штурмовая авиация так и не появилась. Таковой нет на всем Восточном фронте. А корабли? Корабли есть, но...

Потери среди 30 тысяч надеющихся на эвакуацию в течение 10 мая растут ужасающе, и более всего — поблизости от причалов. Здесь толпятся не участвующие в боях, готовые к отплытию части и многочисленные раненые. Бомбы сменяющих друг друга истребителей-бомбардировщиков уничтожают херсонесский аэродром — последний! Тринадцать еще пригодных для использования немецких истребителей поднимаются в воздух курсом на материк и... исчезают. Теперь превосходство противника в воздухе действительно «абсолютное».

Вот несколько картин из начавшейся «эвакуации».

Первые подошедшие самоходные десантные баржи взяли на борт помимо личного состава и штабы руководства армии. Баржи подвозят к двум кораблям, стоящим на якоре в открытом море, 3 тысячи человек. Без прикрытия собственной авиации они атакованы и потоплены вражеской. Еще одну баржу, груженную в основном подразделениями снабжения, членами штаба и другими солдатами 98-й пехотной дивизии, непрерывно атакуют низколетящие штурмовики. Осторожно, но решительно полковник доктор Бранд не дает разгореться панике, возникшей за время более чем двадцати атак с воздуха. Это благодаря ему судно смогло вернуться к берегу и почти половина эшелона была спасена. Но в присвоении ему Рыцарского креста 2-го класса Верховным командованием вермахта было отказано!

Унтер-офицер Вернер из штаба дивизии, как и тысячи других, пережил воздушный налет на свое судно: «Баржа, палуба которой кишит солдатами, отчаливает. И тут же справа и слева, впереди и позади нас рвутся снаряды вражеской артиллерии.

Едва мы вышли из зоны досягаемости орудий, как налетели штурмовики и принялись кружить над нами, обстреливая из бортовых пушек и пулеметов. Лежу возле пустой канистры и морского офицера. Вдруг пулеметной очередью ему отрывает обе ноги и руку. По всей палубе мертвые и покалеченные. Отовсюду вопли и причитания. Неподалеку на воде расстрелян быстроходный катер. Вокруг плавают доски, среди них выныривают головы. Один матрос орет: «Поплавок пробит, тонем! Барахло за борт!» Тут же через поручни полетели ранцы, вещмешки, снаряжение. Что осадка стала глубже, заметили все, даже пехота. Кое-кто уже барахтается рядом, некоторые тонут! Добираемся до крутого берега у Максима Горького II, уже без налетов. наших мертвых и раненых вытаскиваем на сушу. Санитары возятся с ними».

Вечером 10 мая каждый ждет приказа: с наступлением темноты отвод! Ничего подобного. Обещанных военных кораблей для эвакуации так и не дождались. Да они и по времени не успели бы. Командующему крымскими войсками не остается ничего другого, как объявить отсрочку исполнения приказа на 24 часа!

Еще 24 часа обороны! В таком положении! Практически без боеприпасов! Сданные на потеху артиллерии и авиации неприятеля!

На рассвете 11 мая на отдалении в 25—30 км в открытом море показался конвой из 10—12 военных кораблей да еще с одним румынским. Тот, последний, дал пару залпов по суше и исчез. А потом начали сновать туда-сюда паромы и катера, доставляя на корабли людей. «Как только на большой румынский катер «Романия» было

погружено от 80 до 100 человек, последним командир 198-й хлебопекарной роты, — свидетельствует обер-казначей Фойхт, — налетели вражеские штурмовики. «Романия» тем не менее дает ход. Несмотря на защиту с помощью счетверенной зенитной установки, тут и там имеют место прямые попадания. Осколки дерева и стекла, стоны несчастных. Число размещенных внизу раненых увеличивается. И снова колокол бьет тревогу. Снова стреляет зенитка. Двигатели работают на полных оборотах. Опять падающие вокруг бомбы вздымают фонтаны воды. Позже, когда судно остановилось, чтобы перегрузить людей на подошедший транспорт, еще раз появляются истребители-бомбардировщики. Осколки, пробоины, грохочущий удар сотрясает все судно и вырубает огни. Одна бомба попадает в машинное отделение, и вытекающее горячее тут же загорается. Все бросаются к выходу. Едкий дым и горячий воздух спирают дыхание. К крикам раненых добавляются свист выходящего пара и пальба взрывающихся зенитных боеприпасов. Мы очертя голову бросаемся в волны, прочь от тонущего судна. А потом бешено гребем, спасая свои жизни».

Войска на переднем крае с ужасом видят, как над одним из пяти кораблей на горизонте поднимается столб черного дыма, из которого затем вырываются языки пламени. Вот та же участь постигла второй корабль. Третий спешит в сторону берега, спуская на воду шлюпки с людьми. Это «Хельга», на борту которой боеприпасы. Целых полчаса снаряды сбрасываются в море, потом солдаты снова пересаживаются на борт «Хельги», прямо на плаву. Вскоре за ней следуют истребители-бомбардировщики. Прямое попадание по центру корабля, котел взрывается, начинается пожар. Кто остался невредим, прыгает за борт. Три десантные баржи с саперами прочесывают акваторию и спасают людей. Четырежды они доставляют на берег раненых. Отважный поступок, достойный славы, подвиг!

11 мая большевик ведет наступление при массивной поддержке тяжелых орудий и танков. Все его попытки выйти на передний край обороны отражены отчаянно сражающимися за свою жизнь и свободу. Потери везде велики, как на передовой, так и на причалах. Старший врач доктор Денглер, попавший потом в плен, по свидетельству обер-казначей Транка, остается подле раненого фельдфебеля штаба дивизии, не желая оставлять его в одиночестве. Такие образцы товарищества и самоотверженности не редкость в эти последние дни всеобщей беды.

А в это время последний «командующий Крыма» предает своих солдат страшной судьбе, на которую он обрек их своими приказами. Вот некоторые из них.

Будучи командиром V армейского корпуса:

16.04.1944: «Кто в укрепрайоне во время боевых действий покинет свои позиции и отойдет в тыл... будет пригнан обратно силой оружия или расстрелян как трус».

19.04.1944: «Каждый солдат V армейского корпуса должен знать, что лично отвечает за оборону Севастополя...», а также «честь каждого солдата V армейского корпуса состоит в том, что он скорее погибнет, чем отступит хоть на шаг».

«Кто отступит или хотя бы дрогнет, будет утоплен в Черном море».

«Все бойцы V армейского корпуса могут быть уверены, что командование корпуса сделает для них все и скорее погибнет, чем бросит их на произвол судьбы».

«Настанет день, когда я переправлю V армейский корпус из крепости Севастополь на материк».

Уже будучи новым «командующим армией»:

3.05.1944: «Никогда не может быть допущено даже мысли об отступлении... Германия ждет, что *мы* исполним наш долг».

И что же? В ночь с 10 на 11 мая 1944 года, после всех этих грозных и пламенных призывов держаться до последнего вздоха, командующий армией бросает свою сражающуюся «армию» и отплывает в Констанцу. Он послушен «приказу фюрера»!

В 20 часов после массированного огневого удара противник принимает новую атаку на передний край и причалы. И снова она отражена. Потом, наконец, приближается давно и напряженно ожидаемый час отхода для погрузки и выхода в открытое море. На ночь с 11 на 12 мая обещано достаточное количество судов! Призрачным маршем, мимо горящих машин, убитых и покалеченных лошадей, дымящихся штабелей подорванных боеприпасов пробираются к морю отдельные группы. Противник почти не беспокоит ни главные силы, ни арьергард. Теперь дело за кораблями!

Предписанные дивизии причалы расположены в 30—40 м под крутым берегом, который сначала почти отвесно спускается вниз, а потом переходит в обломки больших и малых валунов, булыжников, гальки. У самого берега мелко. Суда с неглубокой осадкой могут подойти близко.

Два часа лихорадочного ожидания проходят в полнейшем бездействии. Ничего не происходит! За эти 120 минут большая часть готовых к отправке бойцов могла бы уже погрузиться. Но не появляется ни одного плавсредства. В числе ожидающих 282-го полка и капитан Фокентанц. Он рассказывает: «У места погрузки суша внезапно обрывается, словно отрезана ножом. В 20—30 м внизу плещется море. Для спуска к скале приставлены лестницы, ши-

риной в 2—3 м. Ночь ярко освещают вражеские «рождественские елки»¹.

Гудят самолеты. Причалы запружены людьми. Техника, имущество свалены в кучи. Сюда и сыплются бомбы! Никто не позаботился о мерах безопасности. Больше никакие сдерживающие факторы не действуют, срабатывает инстинкт самосохранения. В грохоте рвущихся снарядов и бомб отчаявшиеся люди пихают друг друга, скатываются по крутому склону, гроздьями висят на лестницах, карабкаются друг по другу и падают на убитых, раненых и омываемые волнами камни. А со стороны моря налетают все новые низколетающие штурмовики и обстреливают людские муравейники из бортового оружия».

Лейтенант Георг из 282-го полка записывает: «Лежим на мысу. Бомбы падают в море. Рядом лежат артиллеристы и связисты, которые ждут еще дольше. На воде загорается корабль и почти сразу превращается в пылающий факел. Что там происходит? За нами не приходит ни одно судно! Неделями войска держались, надеясь на то, что их спасут морем. И что теперь? Нас бросили за ненадобностью? На море чисто! Где обещанные корабли? Где немецкие авиационные эскадры?» В отчаянии некоторые пытаются выйти в море на плотах, чтобы избежать страшного плена. Пояс заграждений из вражеских снарядов пересекает всяческую попытку.

Становится окончательно ясно, что сюда, где боевые части 98-й дивизии ожидают спасительной армады, ни один корабль не придет! Возможно, на других местах и прошла удачная погрузка для переправки людей в открытое море, но этого явно не было достаточно. Последний акт трагедии доносит это сообщение: «Транспортный флот военно-морских сил в достаточном количестве стоит на рейде у Севастополя. Однако огнем противника разрушена система связи и передачи приказов начальника военно-морского района. В результате этого причалы и места для швартовки по большей части остаются пустыми, а готовые к отправке войска ждут напрасно!»

Подполковник службы Генерального штаба Лау, 1-й офицер штаба 98-й пехотной дивизии, отказывается взойти на борт последнего переполненного катера. Штаб еще не полностью переправлен, и он ведет оставшихся 50 человек к другому месту швартовки, где готовится к отплытию катер обеспечения безопасности полетов. Благодаря его настойчивости 15 человек из его команды взяты дополнительно. С остальными подполковник Лау остается

¹ «Рождественские елки» (Christbaum, нем., жарг.) — осветительно-сигнальная многозвездная ракета. (Примеч. пер.)

на берегу. С тех пор он числится пропавшим без вести. Вот поступок, достойный чести офицера штаба соединения: в тяжелейший час, в условиях бегства, нести свой груз ответственности за боевые части по законам совести!

Под отвесным склоном стоит и ждет горстка мотопехоты. Ближе к берегу подходит баржа, вытребованная у военно-морских сил майором Керном, офицером связи дивизии. Капитан доктор Мауль руководит погрузкой. Не хватает только бойцов прикрытия с пулеметом. Они вот-вот должны подойти. Со словами «Я не брошу своих людей» он уходит в темноту. После недолгого ожидания баржа по приказу командира флотилии отходит. Капитан доктор Мауль, лучший из лучших 98-й пехотной дивизии, с тех пор числится без вести пропавшим.

Величие человеческого духа тех командиров, которые неразрывно связали свою судьбу с вверенными им войсками и разделяли ее вплоть до горького конца, ярким светом пронизывают тьму отчаяния и печали завершающейся трагедии. «Духовная сила тех будет по праву восславлена сильнейшей, кто познал и сладость, и беды, но не бежал от опасности»¹.

Теперь, когда ночь уступает место рассвету, появляются вражеские самолеты. Оживляется артиллерия. Залпы «сталинских органов» устанавливают огневую завесу над поверхностью вод. Корабли так и не пришли.

Светлеет. Занимается утро 12 мая 1944 года. Море пусто. Танки наступают широким фронтом и открывают огонь. Голосят и стонут раненые. Кто-то молится. Кто-то впал в протрацию. Некоторые бросаются прямо на огонь. Тут один офицер подводит черту: «Кораблей больше не будет! Нас списали. Предали». Попытка продолжать бой была бы теперь столь же бессмысленна, как и преступна — это значило бы подвергнуть массы немецких солдат, оттесненных к морю, жестокому уничтожению. Поэтому следует приказ: сложить оружие, выкинуть белые платки.

26 тысяч солдат, по данным противника, сдаются в плен. Плен, по жестокости и унижению человеческого достоинства не идущий ни в какое сравнение со всем, что может вынести человек. Эти тысячи, выстоявшие под градом огня в тщетном ожидании спасения, теперь согнаны как скот и как скот погнаны в глубь чужой страны. Старейший из 98-й пехотной дивизии, прошедший долгие годы

¹ Из «Речи Перикла в память павших». (Примеч. авт.)

страшного плена, обер-лейтенант Гёттиг скажет, подытоживая прошлое: «Жизнь определенно не высшая из добродетелей. Гораздо важнее сохранять нравственные устои и поступать по совести».

Большинство военнопленных составляли немецкие солдаты, меньшинство — румыны. Каждому, кто попал в плен, было это известно.

В Крыму целая армия была бессмысленно загублена. Начиная с 10 апреля действующие войска были лишены всего, что у них должно было быть для успешной обороны, их принесли в жертву без всякой военной необходимости. «В Крыму все было кончено, — пишет Петер Бамм, — 17-я армия прекратила свое существование. Эта была катастрофа, по размаху в чем-то превосходящая даже Сталинград. По крайней мере, в равнодушии Верховного командования к судьбам солдат. Но катастрофу эту засекретили. Солдатам было приказано молчать о ней. Запрещено было говорить о катастрофе в Крыму даже между собой!»

Сохранившиеся остатки 98-й дивизии в Румынии ждал большой сюрприз: был наложен запрет на повышение в званиях и представления к наградам 98-й; предписывалось перевести в другие части две трети командиров; ни в одном подразделении не оставлять более трети их наличного состава. Это последнее распоряжение, помимо стыда за бесчестное оскорбление, вызвало у выживших еще и горькую усмешку: оно не касалось почти ни одного! Столько «виноватых» не осталось.

Особо «отмечен» 282-й пехотный полк: его бойцы узнают, что он вообще вычеркнут из истории 98-й пехотной дивизии. Будто не их плотью и кровью удобрены поля боев, будто не с их боевым участием 98-я пехотная дивизия снискала себе почет и уважение! И вот 282-й исчезает. Вместо него для комплекции появляется номер другой, чужой части. То, что она пользуется доброй славой, ничего не меняет ни в оценке, ни в последствиях такой уму непостижимой фальсификации. В ходе этих разбирательств фельдмаршал Кейтель собственноручно передал дивизии письменное распоряжение, запрещающее когда-либо еще подавать постоянно повторяющиеся представления к Рыцарскому кресту того самого отважного унтер-офицера истребительно-противотанкового батальона, который под Салами один подбил девять танков.

Похвалу и признание получают в сводке вермахта от 14 мая 1944 года совсем другие. Там значится: «В не имеющей себе равных операции по транспортировке подразделениями немецких и румынских военно-морских сил, равно как и частями военно-воздушных сил, несмотря на жесткую оборону врага, осуществлен вывоз участвовавших в боевых действиях в Крыму союзных войск». А «Фронтная

газета Кубанской армии» в номере от 16 мая 1944 года сообщает: «Переправка последних немецких частей с Севастопольского плацдарма подводит черту под главой, отображающей особые достижения соединений немецкого морского и воздушного транспорта».

Все, кто сражался и пережил катастрофу в Крыму в рядах 98-й пехотной дивизии, могут с высоко поднятой головой и законной гордостью хранить память о тех днях своей старой дивизии. И никто из нас не забудет товарищей, отдавших там и тогда свои жизни.

Возрожденная 98-я пехотная дивизия 11 мая 1944 года — 5 мая 1945 года

(Автор последующих глав — барон Богдан фон Рекум)

Усталые, бесконечно усталые, прибывают остатки 98-й пехотной дивизии в порты Сулины и Констанцы. 13 мая последние защитники Крыма ступают на материк, среди них генерал-майор Рейнхардт с 35 человеками 282-го и 42 человеками 290-го пехотных полков. Их до обидного мало, и полны обиды их мысли о конце боев, в которых они до последнего честно исполняли свой долг, и о репрессиях, предпринятых против них! Неделями они лежали в обнимку со смертью, и она уносила одного за другим. Теперь, когда долг выполнен, им отказывают в признании. Но что удручает больше всего, это то, что их товарищей бросили в беде и сдали в погибельный плен!

Выспаться, прийти в себя, а потом написать домой — вот страстное желание каждого.

Больше 24 часов тянется путь вдоль полноводного рукава Дуная через Галац и Брэилу или через впечатляюще огромный мост от Чернаводы до места сбора в районе Погоанеле. Здесь им действительно удастся и выспаться, и прийти в себя. Многие отпускники и выздоровевшие уже на месте, они успели подготовить квартиры для вновь прибывших товарищей. Первым делом начинают заново составляться списки рот, от которых мало что осталось. Это удается сделать лишь благодаря памяти выживших да задержанной на долгие месяцы почте. Только по окончании этого тягостного труда можно было разослать повестки родным со скорбным известием о трагической судьбе их солдат, и то, по большей части, лишь предполагаемой. Смерти или плена из 98-й пехотной дивизии избежали всего 1226 человек, из них 699 из действующих войск и 527 человек из подразделений снабжения.

Постепенно численный состав возрастает за счет возвращения новых партий отпускников и выздоровевших. Затем подвозятся бойцы 336-й дивизии, которую в Крыму постигла та же участь. Их должны будут распределить по подразделениям 98-й дивизии, что служит хорошим признаком того, что ее сохраняют. Но уверенности в будущем пока нет.

То, что скапливается в «материковом штабе» 98-й пехотной дивизии в Коту-Шиори, опытный адъютант дивизии майор Хеллер распределяет по войсковым частям. Униформы и белья пока что хватает, чтобы обеспечить выживших в Крыму. Оружия маловато; нескольких орудий и мизерного количества боеприпасов по меньшей мере хватит, чтобы выставить посты перед канцеляриями командиров подразделений. Полевых кухонь и обычных для этой местности повозок тоже пока хватает. Однако в таких обстоятельствах учений по овладению оружием провести невозможно. Так что солдаты в основном спят и занимаются спортом.

А потом наступает день, когда намечается просвет в судьбе дивизии. Первым делом она направляется на комплектование и обучение в район Аграма. 5 июня начинает прибывать транспорт для переправки, в основном по трассе Фетишти—Филиппополь—София—Ниш—Белград. Через 12 дней долгий переезд оканчивается и приносит новые сюрпризы: воздушные тревоги и набеги партизан. К счастью военнослужащих и облегчению начальников эшелонов, до стычек дело доходит лишь в одном районе. Поезд, перевозивший штаб дивизии и 289-й полк, в районе Ромербада был вынужден вступить в короткий бой, результатом которого были двое убитых из 289-го полка. Из-за взрыва на железнодорожной линии Белград—Аграм поезда пущены в объезд, и только благодаря этому эшелоны проходят без серьезных препятствий.

Район размещения вокруг Аграма слывет опасным из-за партизанских набегов, но, вопреки ожиданиям, все обходится без серьезных инцидентов. Хорватское население, чувствующее себя угнетенным православными сербами, напротив, держится вполне дружелюбно.

От штаба дивизии, расположенного в Самобаре под прикрытием 3-й роты 98-го мотопехотного батальона, майор Хеллер, 1-й адъютант штаба Мюльенер и комиссия по закупке лошадей находятся в беспрестанных разъездах, чтобы укомплектовать дивизию. К новому этапу эвакуации почти все поставлено и заготовлено. Новенькое, прямо с фабрик! Однако сформировать пока что удастся лишь одну истребительно-противотанковую роту вместо бывшего батальона. То есть вместо двадцати четырех 7,5-см орудий в наличии только двенадцать, и ни одной зенитной пушки!

Перед отправкой успевают прибыть еще и эшелоны с запасными воинскими частями 111-й дивизии, так же как и 98-я, разбитая в Крыму. Ее традиции должны сохраниться в придании номера 117 бывшему 282-му полку, который по приказу Верховного командования сухопутных войск свой номер теряет. Более того, он вообще вымарывается. Ветераны 282-го встречают этот приказ крайне болезненно, хотя они и рады пополнению из 117-го. Этот пехотный полк, формирование 12-й волны мобилизации, укомплектовал дивизию в качестве третьего кадрового полка. Прежде он достойно сражался на южном участке Восточного фронта. Его путь проходил через Моздок, Кубань, Миус, Таганрог, оборонительные бои в нижнем течении Днепра и, наконец, Крым.

Отзыв отпускников в часть, мероприятие, обусловленное военным временем, также используется для отправки нового пополнения с вокзалов Граца и Винер-Нойштадта. На практике это выливается в то, что отпускников и командировочных — за исключением военноморских и военно-воздушных сил и служб особого назначения — снимают с поездов, идущих на юг, и в закрытых вагонах отправляют в дивизию. Точно таким же образом, как в двадцать—двадцать две другие дивизии, возвращают бойцов в 98-ю. Очень непопулярная мера. Тут остается только одно: расположить к себе по праву выражающих недовольство солдат. По большей части это удается.

В это же время в подразделения прибывают и новые командиры. Полковник Линдиг встает во главе 117-го пехотного полка, оберлейтенант Винцен — 289-го, майор Вайт принимает командование 290-м пехотным полком, а полковник Кёнигер — 198-м артиллерийским.

Не легкая это работа — из такой разношерстной компании чужих друг другу людей создать дивизию, в которой все при полной взаимовыручке делали бы общее дело. То, что этого удалось достичь, заслуга командира дивизии. В том, чтобы новые ее члены почувствовали себя как в родной семье, ему помогали немногие из оставшихся «стариков»: офицеров, унтер-офицеров и рядовых.

Еще до окончания боевой подготовки, в июле, приходит оповещение, что следует готовиться к скорой отправке. Куда и с какой целью, пока неизвестно.

В районе Ровиго, севернее реки По, дивизию выгружают, поскольку все мосты через реку разрушены. По проселочным дорогам ночными маршами дивизия выходит в район западнее Римини к устью По. Вначале ей предстоит роль резерва группы армий «С». 117-й пехотный полк сразу используется в береговой охране между устьем Савио и южной оконечностью озера Комаккьо; 98-й мото-

стрелковый батальон под командованием LXXIII армейского корпуса, примыкая с севера, несет охрану от Мезолы до рукава По. 290-й пехотный полк в хороших условиях размещается около Форли-пополи рядом с Чезеной; 289-й пехотный полк — возле Сан-Бартоломео, у шоссе Форли—Равенна. Все подразделения с воодушевлением приступают к дальнейшей боевой подготовке, прерываемой лишь на окопные работы на тыловых позициях у морского побережья или устройство отсечных траншей вдоль рек. Большой помехой в обучении служат работы по возведению прибрежных дотов, поскольку те часто расположены в километре друг от друга, а разделяющие каналы делают невозможной прямую связь. К тому же в этой береговой полосе активно действуют презирающие международное право банды, что приводит к первым потерям.

Считаясь с возможным в будущем отводом войск, дивизия поочередно с одной инженерно-саперной ротой несет службу на По, чтобы, во-первых, разведать переправы, а во-вторых, потренироваться на местности и овладеть переправочными средствами.

Несмотря на сложности, обусловленные разбросом размещения и привлечением к береговой охране и инженерным работам, командиру дивизии, как констатирует фельдмаршал Кессельринг, командующий группой армий «С», удалось заразить 98-ю пехотную дивизию своим духом и сделать из нее полноценное боевое соединение.

Сражение за Римини с 28 августа по 15 сентября 1944 года

28 августа, когда командиры собрались на совещание в штабе дивизии в Вилла-Гамба, приходит приказ о ее дальнейшем использовании. По нему следует: «На Адриатическом побережье 71-й пехотной дивизии и 1-й парашютно-десантной дивизии совместно с 10-й армией предписывается отойти через Метауро на Зеленую линию¹. Там они ведут борьбу с подавляющим превосходством противника». У 71-й пехотной дивизии возникла проблема: войска западных союзников смогли опередить ее и подойти к линии раньше. По этой причине 26-я танковая дивизия ускоренно перебрасывается на восточный участок 71-й дивизии, чтобы в случае необходимости отбить Зеленую линию. 98-я пехотная дивизия тут же приводится в готовность к маршу. 98-й мотопехотный батальон

¹ Зел е н а я л и н и я — немецкое обозначение оборонительного рубежа немецких войск в Северной Италии; условное наименование, данное союзниками. — Готская линия. (*Примеч. пер.*)

переподчиняется 71-й дивизии. В течение двух следующих ночей 117-й пехотный полк сменяют части 162-й дивизии.

Постоянно обостряющаяся обстановка вынуждает прибегнуть к вводу частей дивизии в боевые действия отдельными полками и даже батальонами, поскольку не хватает транспортных средств. Дивизия раздроблена: 117-й полк переходит в подчинение 1-й парашютно-десантной дивизии, 290-й полк — 71-й пехотной дивизии.

98-й мотопехотный батальон первым из воинских частей подходит к своему рубежу севернее Зеленой линии и окапывается у шоссе Таволето—Мондайно с фронтом на юг. Соприкосновения с вражеской пехотой пока нет. 1-я велосипедная рота для сближения проделывает путь в 150 км на велосипедах и 10 км пешком за 51 час. Ранним утром 31 августа мотопехота в полном составе занимает свою позицию. А вот 117-й полк уже по дороге натывается на прорвавшиеся польские танки и рассеивается. Ничто не указывало на такое развитие событий. 290-й пехотный полк без инцидентов достигает района Салудечо и после полудня 31 августа занимает позицию у магистрали запад—восток. Охранение выдвинуто вплоть до южной окраины города Мондайно. Высота 374, по донесениям разведки, занята врагом.

После спокойной ночи в 3 часа противник неожиданно атакует 5-ю роту 290-го полка с востока и северо-востока. Рота выдавлена со своих позиций и теряет множество бойцов, которые взяты в плен. За этим налетом следует танковая атака, которая расширяется на весь полк. Пять танков подбито. В результате тяжелых боев с танками и пехотой полку приходится отступить на несколько сот метров к северу. Черетто оказывается на боевом рубеже. На северной окраине Мондайно резервной роте полка удается сдержать атаку, при этом перед фронтом приходится оставить два легких пехотных орудия. Мотопехоту и весь 290-й полк активно обстреливает тяжелая корабельная артиллерия. В конечном итоге мотопехотному батальону ничего не остается, как переместить свой рубеж назад, на уровень рубежа 2-го батальона 290-го полка. Под прикрытием огня 1-го батальона 198-го артиллерийского полка 290-му удается отбить одно из оставшихся на передовой орудий.

Теперь атаки неприятеля с участием танков следуют одна за другой. Отразить их получается лишь с большими потерями, правда, с той и другой стороны. С переменным успехом боев тактическая связь с соседями частично потеряна. Численный состав рот в этот день падает с 60 до 20, а то и 10 человек. После горького опыта военных действий в России запрещено отправлять в атаку более 60 бойцов. Остальные ждут в обозе.

В течение этих столкновений врагу удастся организовать главный удар на Монтеккьо. Боевые ряды 26-й танковой дивизии прорваны. К вечеру вражеские танки подходят к неразрушенному мосту у Морчано. Корпус вынужден оттянуть 98-ю пехотную дивизию, 26-ю танковую и 1-ю парашютно-десантную дивизии на рубеж Таволето—Монтефьоре-Конка—Кроке — северный берег Конки.

Только после отражения множественных вражеских атак 290-му полку удастся оторваться от противника и, пройдя насквозь позиции 289-го полка, отойти на Джеммано. Фольксдойче III категории¹, воспользовавшись ситуацией ночного отрыва, спешно поменяли сторону. С их уходом дивизия ничего не потеряла.

Обострение обстановки в районе 26-й танковой дивизии и ее левого соседа принуждает 3 сентября к перемене фронта. В ночь на 4 сентября 98-я дивизия занимает рубеж Джеммано—Кроке—Сан-Савино. Корпус надеется, что 26-я танковая и 1-я парашютно-десантная дивизии удержат рубеж, проходящий через Кориано, вдоль Марано и до Адриатического моря.

Утром 4 сентября дислокация такова: 1-й батальон 290-го пехотного полка под командованием майора Якоба находится восточнее Джеммано, 2-й батальон 289-го пехотного полка пока еще возле Монтефьоре-Конка, 2-й батальон 290-го полка под командованием капитана Лудина — к востоку от Кроке и в соприкосновении с ним, 1-й батальон 289-го полка под командованием капитана Шалленберга — до горы Сан-Савино включительно; между ними — рота 198-го инженерно-саперного батальона для обеспечения стыков. В предполье этого рубежа стоит 11-я рота 9-го мотопехотного полка. На северном фланге, перед Сан-Савино, сохраняется соприкосновение с 26-й танковой дивизии. Перемена фронта требует полной переукладки линий связи, которая и осуществлена в течение ночи под командованием лейтенанта Байна из 198-го батальона связи. Отлично выполненная работа!

Следующий день начинается без особых боевых действий, однако неприятельский артиллерийский огонь все нарастает. Пехота пользуется случаем, чтобы окопаться; артиллерия — для пристрелки. К тому же от гребня высоты Сан-Савино и нагорного города Джеммано открывается прекрасный обзор. Но то, что предстает

¹ Фольксдойче (нем. Volksdeutsche) — в нацистской Германии немцы, не проживавшие на ее территории; ср. «рейхсдойче» (нем. Reichsdeutsche); «германцы рейха»; Deutsche Volksliste подразделял фольксдойче на четыре категории; категория III: личность германского происхождения, этнически частично смешавшаяся с местным населением, например, посредством брака с местным партнером или посредством рабочих связей. (Примеч. пер.)

взору наблюдателей, вызывает тревогу. На протяжении всей первой половины дня неуклонно продвигаются вперед вражеские танки и пехота. Они насчитали 150 танков и гусеничных боевых машин, которые постепенно разворачиваются в сторону дивизии.

Около полудня противник открывает ураганный огонь и разбивает все как обнаруженные, так и предполагаемые позиции батарей. Плотность огня такова, что даже знатоки называют ее «небывалой». Мощные корабельные снаряды проносятся, как скорые поезда, и рвутся с ужасающим грохотом. Ни одна каменная стена не может перед ними устоять, и даже в скалистом грунте образуются внушительные выбоины. Вначале еще четко различимы ведущие огонь корабли, но вскоре весь район севернее Конки заволакивают непроницаемые клубы дыма и пыли. Затем, после многочасового грохота, взрывы на передовой стихают, а свистящие над головами снаряды бьют дальше в тыл. Теперь нарастает другой, тяжелый гул. Из-за рассеивающейся пелены дыма выползают танки. Битва за высоты, а с ней и первое серьезное испытание новой 98-й дивизии началось. Задача удержать нынешний рубеж дивизией выполнена, как и когда-то.

Вследствие особо жесткой обороны силами 71-й пехотной дивизии, боевой группой 26-й танковой дивизии и 290-го пехотного полка у 8-й британской армии не остается иного выбора, как вместо 46-й дивизии ввести в боевые действия свою 1-ю танковую дивизию. Ее задача: прорваться в Ломбардскую низменность и занять рубеж Феррара—Болонья. С той же целью справа от V британского корпуса выступает на Кориано 1-й канадский корпус. Здесь на отсечной позиции строго на восток от населенного пункта ему противостоит 117-й пехотный полк; 1-я парашютно-десантная дивизия и 26-я танковая дивизия обороняют рубеж от Сан-Савино до моря.

В боях с переменным успехом в конечном итоге вражеское наступление срывается по всему фронту. Очагом боя на участке дивизии стали Кроке и Сан-Савино. В обоих пунктах командиры батальонов ведут свои части на передний край. Капитаны Лудин и Шалленберг в бою за здания подбивают несколько британских танков из «панцерфаустов»¹ и во главе передовых подразделений успешно проводят молниеносную контратаку. На рубеже роты на стыке танки противника прорываются без сопровождающей пехоты и по шоссе за передней линией устремляются на север и на юг. Инженерно-саперная рота смята. В образовавшейся брешии наблюдение и охрану осуществляют лишь разведдзоры. В ночь на 5 сентября подходит

¹ «П а н ц е р ф а у с т» (Panzerfaust, нем.) — ручной противотанковый гранатомет. (Примеч. пер.)

2-й батальон 289-го пехотного полка под командованием капитана Арнольда и принимает на себя оборону в Савино в северном направлении. Одна из его рот поддерживает батальон капитана Шалленберга, который в этот день будет тяжело ранен. Как только прибывает санитарный автомобиль, чтобы забрать его и других раненых, противник открывает огонь. Событие, которого «старики» времен восточной кампании не ожидали здесь встретить. Это повергает их в шок.

Савино с его кладбищем становится следующей значимой целью неприятеля. Потери в 289-м полку столь велики, что дивизия вынуждена принять решение ввести мотопехотный батальон под командованием капитана Плайна на смену 1-му батальону 289-го пехотного полка. Капитан Заремба в тяжелых боях за здания продвигается с двумя взводами своей 1-й роты и «панцерфаустом» от северного квартала Кроке на юг, чтобы соединиться с соседней частью. При этом он в темноте тяжело ранен из пулемета. В Савино то же происходит и с обер-лейтенантом Шёрнером, командиром 2-й роты: в борьбе за позиции к востоку от церкви он тяжело ранен. Позже английские танки и пехота блокируют здесь штаб, части 2-й роты мотопехотного батальона и части 1-го батальона 289-го пехотного полка. Получив это известие, дивизия приказывает собрать оставшихся из этого батальона и отвести на старые позиции. Там выясняются странные вещи: англичане покинули Савино после того, как исчерпали все резервы дивизии и путь на северо-запад уже был для них открыт! Они так и не узнали о преимуществе своего положения.

Почти в то же время левый сосед с тремя танками идет в атаку на Савино с целью восстановить связь с 289-м полком. Каково же было его удивление, когда оказалось, что населенный пункт свободен от противника, а тот находится в километре от него.

Вечером 5 сентября 129-й противотанковый артиллерийский дивизион со 2-й и 3-й ротами 290-го пехотного полка переходит в контратаку через боевые порядки сильно побитого 2-го батальона 290-го полка, расположившегося со своими остатками западнее Камехино. Начав в 21 час 15 минут, они стремительным натиском, при поддержке всей имеющейся в распоряжении артиллерии, полностью овладевают Кроке. Более 120 человек — и среди них около 30 бойцов 98-й пехотной дивизии — освобождены из плена или из убежищ в подвалах. Два штурмовых орудия с очевидным успехом гонят спасающихся бегством англичан. После этого выставляется охрана на север и на юг, поскольку связи с двумя соседями в этих направлениях нет.

В 4 часа утра совершенно неожиданно противник контрударом во фланг левой роты сминает ее. Правая рота поначалу пытается

организовать вокруг высоты 235 круговую оборону, но потом вынуждена отойти на Броччи. Враг следует за ней до рубежа Менхино—Иль-Палаццо.

Во всех боях за Кroke значительную поддержку оказывает артиллерия 71-й пехотной дивизии совместно с двумя дивизионами 5-й горнострелковой дивизии. На шоссе Кroke—Морчано, хорошо просматривающемся от Джеммано, 5 сентября отбиты три танковые атаки, последняя с 80 машинами.

Дальнейший успех 7 сентября определили возвращение Менхино собранными в одну роту остатками 129-го противотанкового артиллерийского дивизиона и Иль-Палаццо подразделением 98-й пехотной дивизии. Из Менхино вызволено 20 пленных. Но потери велики. С 6 по 13 сентября с переменным успехом идут бои за Джеммано, дальше на юг наступает некоторое затишье.

Смененный в ночь на 6 сентября 1-м батальоном 6-го танкового полка 1-й батальон 289-го пехотного полка уходит из Савино. Вышедший из подчинения 1-й парашютно-десантной дивизии 117-й пехотный полк возвращается в свою. Там он своей стойкостью обеспечил возможность образовать прочный фронт, а сразу по прибытии вводится для прикрытия бреши между 290-м и 289-м полками, в которую норовит прорваться враг. Вскоре в боевые действия вводятся и остатки мотопехотного батальона и обе роты 198-го инженерно-саперного батальона, чтобы сломить усиливающийся натиск неприятеля. Вражеский беспокоящий огонь на пути подвоза Монтескудо и Трариви усиливается по ночам, так что не удается доставить на фронт пищу и боеприпасы. Старые вояки, однако, знают, как прокормиться, пока вокруг бегают куры и свисают свежие виноградные грозди. Вот только недостаток боеприпасов становится головной болью. Но вот уже сформированы колонны доставки и своевременно отправлены на передовую. В каком объеме идет расход боеприпасов, показывает перечень за 7 сентября, один из многих дней: 198-й артиллерийский полк израсходовал 5 тысяч снарядов; противник за тот же период — от 50 до 70 тысяч!

Стойкость рядовых пехотинцев, старших и младших командиров заслуживает благодарности и группы армий, и корпуса, и армии. В дополнении к сводке вермахта от 10 сентября 1944 года говорится: «98-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Рейнхардта особо отличилась в тяжелых оборонительных боях на Адриатическом побережье».

В период с 1 по 9 сентября 98-я пехотная дивизия, включая 117-й полк без приданных ему танков, уничтожила 40 танков противника. По неоднократным высказываниям фельдмаршала Кессельринга,

это благодаря стойкости 98-й пехотной дивизии отступающие рядом или между ее полками другие немецкие дивизии приходили в себя и затем образовывали вместе с ней новый фронт. Свой немалый вклад в это внесли 100-й горнострелковый полк под командованием подполковника Эрнста, неустрашимый противотанковый артиллерийский дивизион под командованием майора Циглера, штурмовые орудия и другие подразделения неизвестных формирований. Упомянув успехи в обороне, нельзя не назвать соседа слева, 26-ю танковую дивизию, которая сражалась с 98-й пехотной в тесном боевом содружестве.

Свой успех 98-я дивизия рассматривает как настоящее боевое крещение после ее второго рождения.

На несколько дней воцаряется затишье. V британский корпус сильно пострадал и теперь вынужден перегруппировать силы, чтобы приступить к новым атакам. Но уже 12 сентября зафиксирована подготовка к наступлению на отсечную линию Савино. Истребители-бомбардировщики атакуют одиночные цели бомбами и самолетным вооружением. Около 18 часов ураганным огнем по всему участку от моря до территории за Джеммано вступает артиллерия.

Передний край обороны 98-й пехотной дивизии перемещается от Савино, чуть западнее большого шоссе до высоты со знаком «15 км», а оттуда дугой вокруг Крое и западнее от него, затем — дальше на юг, в направлении Джеммано. 10 сентября после жесткой обороны он был потерян. Артиллерийский огонь неприятеля все нарастает, а истребители-бомбардировщики светящимися авиабомбами превращают ночь в день. Все линии проводной связи буквально размолоты, противотанковые пушки частично засыпаны, одиночные стрелковые окопы разворочены. Когда огонь, наконец, стихает и британская пехота начинает наступление, собравшись с силами, поднимаются еще оставшиеся в живых на переднем крае. За каждый клочок земли идут ожесточенные ближние бои. Вечером 13 сентября 290-й пехотный полк стоит строго на север от Золлары — восточная окраина Монте-Коломбо. Восточнее Трариви и вдоль шоссе на Векиано вторая часть дивизии образует новую линию фронта.

В районе западнее Савино противнику танковым ударом с юга удается отрезать и взять в плен часть 117-го и 289-го пехотных полков, а также 9-го мотопехотного полка. Раненые в этом котле поднимали белые лоскуты с нарисованными на них собственной кровью красными крестами, чтобы остановить направленный на них огонь. Мотопехота, обороняющаяся под Трариви, теперь насчитывает лишь слабенькую роту. В бою за Монтесендо артиллерийский

дивизион 114-й егерской дивизии несет тяжелые потери. Новые позиции ранним утром пробиты вражескими танками. При этом потеряны последние четыре противотанковые пушки тяжелой истребительно-противотанковой роты, лишь одну из них удастся вернуть. И снова 98-я дивизия смогла предотвратить прорыв. За мост Векиано сражается штаб 289-го пехотного полка под командованием подполковника Винцена со спешно собранными остатками из других подразделений. Ночью с 14 на 15 сентября дивизию сменяет 356-я пехотная дивизия.

С этим для 98-й пехотной дивизии и заканчивается битва за Римини. По документам LXXVI танкового корпуса, позже взятыми войсками союзников в качестве трофея, 98-я пехотная дивизия за период с 26 августа по 15 сентября 1944 года потеряла 4338 человек — самые тяжелые потери во всех дивизиях корпуса в это время и в этом месте. По канадским данным, в это же время она, помимо того, потеряла 2050 человек взятыми в плен.

Упорная оборона 98-й дивизии имела и еще одно, тогда неизвестное, следствие. Против 71-й и 98-й дивизий сражались V британский танковый корпус с 46-й и 56-й пехотными дивизиями, а также 1-я британская танковая дивизия. 22 сентября британский командующий принужден был расформировать 1-ю танковую дивизию и 56-й пехотный полк. Все батальоны 8-й британской армии были сокращены с четырех до трех рот. Эти изменения явились следствием тяжелых потерь в битве за Римини. Они услышали настоящий немецкий язык! Немецкая дивизия с «черными кошками»¹ показала острые коготки.

Награждением Рыцарскими крестами подполковника Винцена, командира 289-го пехотного полка; капитана Шалленберга, командира 1-го батальона 289-го пехотного полка; капитана Лудина, командира 2-го батальона 290-го пехотного полка, и унтер-офицера Бауера, командира 5-й роты 117-го пехотного полка, были отмечены образцовые действия офицеров, унтер-офицеров и всей дивизии.

Оборонительные бои под Болоньей в Этрусских Апеннинах

После вывода дивизии с фронта она размещается в обширном районе вдоль Виа-Эмилия для отдыха и комплектования. Наиболее пострадавшие полки пополняются за счет отпускников, выздоров-

¹ «Черные кошки» — здесь: немецкие танки «Пантера». (Примеч. пер.)

вевших и из 198-го полевого запасного батальона майора Фрэба. Некоторые потери невосполнимы по своему объему: 14-я рота 290-го пехотного полка к 15 сентября потеряла одного офицера, 13 унтер-офицеров и 72 рядовых (ср.: в Крыму: 2, 21, 91!); тяжелая истребительно-противотанковая рота недосчиталась: 10 человек убитыми, 33 человека ранеными и 30 человек пропавшими без вести.

Остатки 1-го батальона 117-го пехотного полка переданы его 2-му батальону, раненый командир которого майор Зоммер заменен капитаном Зоннтагом. На место попавшего в плен раненым капитана Арнольда, командира 2-го батальона 289-го пехотного полка, заступает майор Мец, до сих пор командовавший 1-м батальоном 117-го полка. Капитан Гайер принимает 1-й батальон 289-го полка. Место раненого командира 2-го батальона 290-го полка капитана Шикеданца занимает еще в бою капитан Лудин; командование мотопехотным батальоном принимает капитан Грабер. Новый командир 198-го артиллерийского полка полковник Швирц сохранит свою должность до самого конца. Вместо выбывшего по ранению майора Керна командиром 3-го батальона 198-го артполка назначается капитан Ригер. Когда 20 сентября прибывает пополнение, 1-й батальон 117-го полка комплектуется заново и командовать им поручено капитану Кайлу.

Отдых 290-го полка прерван раньше, чем предполагалось. 18 сентября 5-я американская армия начинает наступление на Зеленую линию. Она оттесняет упорно сопротивляющиеся немецкие дивизии, с направлением главного удара восточнее перевала Футы, на север. Очевидно ее намерение продвинуться в долину По у Болоньи. Целью немецкого командования становится заблаговременно остановить врага в горах, чтобы у него не было возможности даже заглянуть на равнину.

Первая угроза проявилась в долине реки Сенио. В страшной спешке туда перебрасывается 290-й пехотный полк, и еще ночью он занимает позиции протяженностью 6 км по прямой южнее Касола-Ваисенио с задачей заградить долину. Устанавливается тактическая связь направо, там фронт делает изгиб назад. Едва забрезжило утро 28 сентября, на возвышающемся Монте-Батталья с руинами наверху наблюдаются активные перемещения с фронтом на север. Это могут быть либо немецкие наблюдатели, либо партизаны. Тем не менее разведдозор 290-го полка определяет, что там ведутся окопные работы. Тогда целая рота приступает к разведке боем на Монте-Батталья. При подходе к горе она попадает под обстрел сверху. Несомненно, там засели американцы. Без тяжелого вооружения роте в условиях крутизны горы и глинистого грунта приходится остано-

виться. Не лучше дела и у подполковника Вайта, который получил задание взять вершину со своим мотопехотным батальоном.

На переднем рубеже участка 290-го пехотного полка ночь проходит относительно спокойно. Назначенное на 29 сентября повторение атаки проходит под проливным дождем и снова терпит неудачу. Через несколько дней полк возвращается к дивизии.

Ночной прорыв целого американского батальона по горным тропам в частично лесистой местности не мог не удалиться, поскольку немецкой воздушной разведки более не существует как таковой, а численный состав обороняющейся дивизии слишком мал, чтобы прикрыть все, что ей поручено.

4 октября, когда дивизия снова собралась в полном составе, она получает приказ выступить в долину реки Силларо, чтобы сменить там 44-ю пехотную дивизию, «магистра и гроссмейстера Тевтонского ордена», которая на исходе сил оказывала ожесточенное сопротивление и вынуждена отступить перед превосходящим противником: 85-й и 88-й американскими дивизиями, продвигающимися соответственно по западной и восточной сторонам долины.

Обе американские дивизии полностью моторизованы, в каждой по три полка с тремя батальонами и тремя стрелковыми ротами с 11 легкими и 2 тяжелыми пулеметами, тремя 6-см минометами в каждой. Тяжелые роты вооружены двумя легкими и двумя тяжелыми пулеметами и шестью 8,1-см минометами. Во всем остальном организация очень похожа на немецкие войска. Оснащение танками, однако, намного обильнее. В каждой дивизии по танковому отделению и бронированному истребительно-противотанковому артиллерийскому дивизиону. Правда, при сильных дождях их использование в стороне от твердых дорог весьма ограничено.

И вот навстречу такому врагу выезжает штаб 117-го пехотного полка с 1-м батальоном, чтобы первыми сменить правый полк 44-й дивизии. К сумеркам ни штабу полка, ни батальону еще не удается найти тех, кого следует заменить. Абсолютное господство в воздухе противника требует крайней осторожности. По приказу командира батальон окапывается метрах в пятистах пятидесяти южнее моста у Идрометро. 2-й батальон 117-го полка, который на следующий день встает на рубеж 423—488—Пальмона, западнее 1-го батальона, тут же втянут в тяжелые бои. К востоку от 1-го батальона 117-го полка должны еще подойти сначала 2-й, а затем 1-й батальон 289-го пехотного полка. В ночь с 5 на 6 октября достигнута линия Метролиди-Сорпа—538—Фальчетто. Немного позже 1-й батальон 289-го полка продлевает линию переднего края на восток и теперь может смотреть и действовать в направлении Джесо.

Ожидаемый главный удар противника обрушивается со всей силой на Монтеренцио, на восточном берегу Силларо. 2-й и половина 1-го батальона 117-го полка в полной мере ощутили его мощь. До 10 октября капитану Зоннтагу удается сдерживать продвижение врага на Пальмону. Однако уже вечером этого дня враг появляется у него в тылу и вынуждает отступить. В этот же день танками опрокинут 1-й батальон 117-го полка в долине Силларо; командир батальона капитан Кайль погиб. Две саперные роты под командованием штаба 198-го инженерно-саперного батальона не могут исправить положение. лейтенант Лаудиен, который утром принял командование 5-й ротой 289-го полка, держится образцово всего с 4 унтер-офицерами и 25 рядовыми.

Утром 6 октября 1-й батальон 289-го полка занимает свои позиции. К вечеру в нем насчитывается 40—50 человек во главе с офицером-ординарцем лейтенантом Майерхёфером, единственным оставшимся офицером. Все остальные убиты или взяты в плен. Во время личного выяснения обстановки пал вначале адъютант, за ним — капитан Гайер. Шаг за шагом приходится отступать. Несмотря на то что имеется возможность визуального наблюдения, поддержка артиллерии крайне затруднена из-за постоянной смены местоположения. С трудом доставленные на горную местность противотанковые и тяжелые зенитные пушки оказывают пехоте действительную помощь, но из-за непрерывного передвижения туда-сюда то и дело возникают «короткие замыкания». 11 октября, как раз когда лейтенант Лаудиен в очередной раз отбросил американцев со своей позиции, ему на помощь приходит зенитная артиллерия, но, приняв атакующих людей Лаудиенса за побеждающего врага, буквально сметает их! Эта ошибка стоила одиннадцати жизней. Подобные оплошности допускает и противник. Примерно в то же время четыре истребителя-бомбардировщика совершают налет на здание в полной уверенности, что там обнаружены немецкие части. В результате первого же захода они уложили расположенный там американский батальонный штаб: 4 убитых и 14 раненых.

С падением Монтеренцио 15 октября 2-му батальону 289-го пехотного полка приходится переместиться под Сан-Клементе на северном берегу Силларо. 1-й батальон, который отчаянно сопротивляется продвижению неприятеля на Монте-деле-Томбе, тоже вынужден отступить. Бои за Томбе теперь ведет 1-й батальон 290-го пехотного полка. Шесть дней потребовалось противнику, чтобы окончательно овладеть горой. На одну ночь КП 290-го полка переносится в Касса-Аквабона, центр сопротивления на переднем крае, где должны сойтись оба крыла батальона. В этих боях особо отли-

чились: командир 1-го батальона 290-го пехотного полка лейтенант Пашке, лейтенант Ганаузер из 6-й роты и офицеры-ординарцы полка лейтенант Кунце и лейтенант Кроне.

17 октября потерян Сан-Клементе, взятый приступом с юга. 20 октября совершенно неожиданно из темноты появляются американские 350-й пехотный полк, атакующий Батталья, и 349-й полк той же дивизии, штурмующий Монте-Гранде. 2-й батальон 117-го пехотного полка, выведенный из-за тяжелых потерь, в срочном порядке пополняется и бросается в бой с целью отбить Монте-Черере. Но сделать этого не удастся как в этот, так и в последующие дни. Тем не менее этот батальон под командованием капитана Зоннтага предотвращает уже подготовленный прорыв неприятеля. За проявленный героизм капитан Зоннтаг награжден Рыцарским крестом.

На другом фланге дивизии, под Монте-Спадуно, 290-й пехотный полк ведет бои с 78-й британской пехотной дивизией. С рассветом 20 октября англичане внезапно открывают заградительный огонь вокруг вершины на Спадуно, расположенный позади немецкого фронта, чем приводит пехоту в недоумение. Но оно быстро проясняется: одной вражеской роте удалось незаметно подойти к вершине по образованному коридору! Теперь она спешит навстречу своей судьбе: пока на передней линии отбиваются все попытки неприятеля пробиться к отрезанной роте, резервная рота полка очищает вершину. Капитан и 30—40 рядовых взяты в плен. Только четыре дня спустя англичане сумеют полностью овладеть горой.

Отныне полк стоит на линии: русло ручья севернее Сан-Тромба, которое ведет наверх к Касса-Монте-Мерло, — 236—362—Касса-Ор-тиче. Здесь он будет оставаться до смены 8 декабря.

289-й пехотный полк держит оборону на рубеже: 358—Каса-иль-Силларо—Касса-Нуова в долине Силларо. 117-й пехотный полк выводится после замены его частями 1-й парашютно-десантной дивизии.

По причине плохой погоды и стойкого сопротивления немецких дивизий — и в первую очередь 98-й пехотной — напор противника ослабевает, и в начале ноября его атаки прекращаются. В середине месяца ощущается острая нехватка боеприпасов. Между тем полоса дивизии становится второстепенным участком фронта. Основные бои ведет теперь LXXVI танковый корпус, и туда направляется весь запас сэкономленных боеприпасов.

В долине Силларо теперь царствует позиционная война. Из-за полного отсутствия воздушной разведки немецким войскам приходится ограничиваться наземной разведкой. Идет охота за языками, чтобы выяснять распределение вражеских сил. После длитель-

ного и основательного наблюдения в ночь с 1 на 2 ноября боевая разведгруппа из трех унтер-офицеров и десяти рядовых 2-й роты 289-го пехотного полка под командованием лейтенанта Майерхёфера наносит удар по Касса-Бернарди. Поселение расположено в 1 км от немецкой линии фронта, на правом берегу реки. При рассмотрении местности в бинокль обнаружена усадьба, оборудованная в качестве опорного пункта. Операция заканчивается полным триумфом: в плен взято 17 человек и внушительный арсенал оружия. Особо отличился здесь ефрейтор Феттер.

За проявленный героизм и мужество он получает трехнедельный отпуск!

В это же время остатки «пехотной учебно-тренировочной бригады» под командованием подполковника Кингиера поступают в распоряжение 98-й пехотной дивизии и сливаются с 117-м полком, который с этого момента получает название «117-й пехотный учебно-тренировочный полк». Прежний пехотный учебно-тренировочный полк Дёберитц в первые дни февраля 1944 года был внезапно вывезен из Дёберитца на нормандский фронт. После тяжелых боев у перелеска Валлиэль-Гранде он уже носит имя учебно-тренировочной бригады и служит мобильным резервом армии. Повсюду, где возникает потребность в поддержке, эта бригада оказывает неоценимую помощь. Но из-за отсутствия собственной запасной части она в конечном итоге расформируется. А пока командование новым полком вместо отозванного на другую должность подполковника Линдига принимает подполковник Кингиера, который и останется его командиром до самого конца.

Еще раз 290-й пехотный полк выводится для отдыха и пополнения. Но этот период не протекает безмятежно. Южнее Болоньи его вводят на несколько дней на довольно спокойном участке фронта 362-й пехотной дивизии, на перевале Фуа. 6 декабря выходит распоряжение командования 10-й армии о том, что 98-я пехотная дивизия — пока в составе 117-го и 289-го полков — по причине расширения рубежа 1-й парашютно-десантной дивизии выводится из боевых действий и направляется в тыл для отдыха и пополнения. По осуществлении этих мероприятий с той же целью она высвобождает 65-ю пехотную дивизию. Смена позиций должна быть закончена к 13 декабря.

В эти дни в распоряжение дивизии поступает новый 198-й истребительно-противотанковый дивизион, собранный в Медицине из других дивизий группы армий. Существовавшая до сих пор противотанковая рота под командованием обер-лейтенанта Хоффмана, с двенадцатью 7,5-см противотанковыми пушками в моторизован-

ном взводе, вводится в его состав в качестве 1-й роты. 2-я рота с четырнадцатью 7,5-см противотанковыми пушками и 3-я рота с двенадцатью 3,5-см зенитными пушками придают батальону значительный «вес» в вооружении. Командование батальоном доверено капитану барону Гедульту фон Юнгенфельду.

Битва за Баньякавалло с 12 по 28 декабря 1944 года

Начиная с 4, а особенно с 5 декабря, с тех пор как канадцы образовали плацдарм западнее реки Ламоне, дивизия взирает с тревогой на районы боевых действий LXXVI танкового корпуса у подножия Апеннин и LXXIII армейского корпуса в долине По. 7 декабря выходит приказ на сбор позади левого фланга XIV танкового корпуса. Два дня спустя командование 10-й армии вынуждено из-за напряженной обстановки ввести 98-ю пехотную дивизию в бой в составе LXIII армейского корпуса.

8 декабря 289-й и 9 декабря 290-й пехотные полки выводятся из района южнее Болоньи, а 12 декабря 117-й пехотный учебно-тренировочный полк с рубежа на Силларо. Их продвижение на новые позиции проходит, при всем напряжении, медленнее, чем это необходимо. 11 декабря дивизия с первыми подошедшими частями полков занимает отсечную позицию на Сенио. Артиллерия пока на марше в районе Масса-Ломбардо—Конселиче.

На следующий день канадцы прорываются через Ламоне на ширину 10 км и на глубину 3 км от реки. После ощутимых потерь накануне 356-я пехотная дивизия уже не может справиться с танками противника на таком обширном пространстве. Все имеющиеся в распоряжении части 98-й пехотной дивизии немедленно вводятся для смены на севере 870-го полка 356-й дивизии. Еще ночью с 12 на 13 декабря 289-й полк занимает участок местности южнее автобана вдоль Виа-Мартини восточнее Фоссо-Вецьо.

Примыкая с севера, 2-й батальон 290-го полка принимает оборону находящегося под угрозой Баньякавалло. Застигнутый на марше к своей дивизии 1-й батальон 994-го полка 278-й пехотной дивизии остановлен приказом и брошен в бой у Канале-Навилло. К северу от него, в образовавшейся брешии между 356-й пехотной и 114-й егерской дивизиями, сражаются 114-й и 190-й разведывательные отряды и пулеметный батальон Кессельринга.

В ту же ночь 2-й батальон 117-го пехотного полка начинает контратаку в Аббадессе. Канадцы, перешедшие у Виолы-Канале-

Навилё с танками и пехотой, между тем подошли к Менгуцци-Сан-Карло и продвигается дальше вглубь. В возникшем хаосе бои быстро переходят в рукопашные, в результате которых враг оттеснен к каналу. 13 декабря в 20 часов 98-я дивизия принимает северную часть участка 356-й пехотной дивизии до своего 289-го полка включительно. В этот день 289-й пехотный полк уже отразил множественные танковые атаки неприятеля и быстрыми энергичными действиями снова вытеснил его со своих позиций.

14 декабря 1-й батальон 290-го и 1-й батальон 117-го пехотных полков вводятся на севере в соприкосновение со 2-м батальоном 117-го полка у канала Навилё. Несмотря на все усилия, уничтожить вражеский плацдарм под Виолой все же не удается. Более того, 14 декабря противнику даже удается несколько расширить его. 289-й пехотный полк после удачно проведенной атаки удерживает занятую позицию и отражает все попытки врага вернуть утраченное.

Между тем подошли все без исключения подразделения артиллерии и сильным массированным огнем начинают осуществлять поддержку пехоты в оборонительных боях. Боеприпасов в избытке с обеих сторон, так что потери уже в первые дни огромны. По этой причине роты пополняются на 50 человек численного состава за счет полевого запасного батальона.

В эти же дни в дивизию возвращается заново укомплектованный и на высшем уровне подготовленный 198-й мотопехотный батальон под командованием капитана Грабера. С его прибытием уже можно проводить реорганизацию. 1-й батальон 117-го пехотного полка сменяет 11-ю роту того же полка, которая, в свою очередь, сменяет 1-й батальон 290-го пехотного полка, чтобы тот занял рубеж на северном фланге, где стоит 2-я рота мотопехотного батальона с батальонным штабом. На юге полковник Винцен со 2-м батальоном 290-го полка бесменно несет свою вахту. Теперь все полки находятся под единым командованием. Лишь в 289-м и 117-м полках пока остается по мотопехотной роте.

В боях 15 декабря позиции у Навилё потеряны или должны быть сданы в ближайшем будущем, чтобы спрямить линию переднего края. Полк Вайта, например, уже стоит за Фоссо-Муньо на расстоянии броска ручной гранаты от врага.

На фронте вдоль Виа-Гуарно вплоть до изгиба Муньо наступает затишье. Во многом благодаря артиллерии и «Тиграм» 504-го тяжелого танкового батальона и его всегда готового прийти на помощь командира майора Нила, а также батальона «Пантер» майора Фёрстера. Превосходно показала себя и новая 2-я рота 198-го истребительно-противотанкового дивизиона, введенная на северном фланге.

17 декабря вновь идут тяжелые бои по обе стороны от Баньякавалло и на стыке с 114-й егерской дивизией. Несмолкающий массивный огонь 198-го артиллерийского полка поддерживает сильно потесненную пехоту. За четыре дня артиллерия расходовала по 2500 снарядов в сутки. И тем не менее потери в окопах столь велики, что артиллерии приходится передать ей часть своих бойцов.

У 289-го полка дело доходит до ожесточенных ближних боев. КП 5-й роты окружен, но снова вызволен офицером-ординарцем 2-го батальона с двумя штурмовыми орудиями. Зато врагу удается следующей ночью внезапным нападением на КП 1-го батальона взять в плен почти весь штаб капитана Херцера; сам командир погиб, спастись удалось лишь офицеру-ординарцу. Тогда лейтенанты Майерхёфер и Штайнле возглавляют контратаку и при поддержке двух «Тигров» берут в плен нескольких канадцев. По просьбе противника происходит обмен пленными. После этого на данном участке фронта становится спокойнее.

На участке Вайта 17 декабря 5-я канадская танковая дивизия переходит Фоссо-Муньо. Несмотря на ожесточенное сопротивление, в последующие дни ей удается развить успех настолько, что приходится оставить этот рубеж и отступить за Сенио на «священную германскую позицию». Последний контрудар, предпринятый с передового командного пункта 290-го пехотного полка с четырьмя «Тиграми» и остатками одной роты и солдатами штаба полка, продвигается лишь на 200 м, а затем захлебывается под артиллерийским огнем противника. Два танка подбиты.

Предписанное на 19 декабря отступление на участке Вайта возможно осуществить лишь с тяжелыми боями. Капитан Грабер погиб. Сводка информационного центра I канадского корпуса 21 декабря упомянет об этом: «Командир батальона лично возглавил последний контрудар и пал при этом». Об этом событии будет сказано и в 5-й канадской танковой дивизии 22 декабря, причем с упоминанием имени капитана Грабера. Еще в одном отчете 1-й канадской дивизии, которая непосредственно сражалась против 289-го и 117-го полков, будет сказано: «Противник до последнего держался за каждый дом».

На новой позиции Сан-Потито—Фузиньяно вскоре наступает затишье. После тихих рождественских дней 28 декабря дивизию сменяет 16-я танково-гренадерская дивизия СС, и в последующие ночи она марширует в район размещения для отдыха и пополнения Медичина—Будрио. Лишь 2-й и 3-й дивизионы 198-го артиллерийского полка остаются в районе боевых действий, переподчиненные 90-й или 29-й танково-гренадерским дивизиям. Только

через 14 дней удастся вернуть в дивизию один дивизион через замену, а другой — просто отвести.

Командир LXXIII армейского корпуса генерал пехоты Достлер в одном из приказов по части выражает дивизии признание и благодарность за ее стойкий боевой дух, который позволил предотвратить прорыв через Ламоне, Навильо и Сенио. И еще один знак признательности за стойкость, отвагу и веру всех и за руководство дивизией она получает в сочельник, когда становится известно, что генерал-лейтенант Рейнхардт награжден Рыцарским крестом Железного креста с дубовыми листьями и мечами. Дивизия горда своим командиром.

Последние бои

26 января 1945 года время отдыха подошло к концу. С большим энтузиазмом прошедшая подготовку и оздоровление дивизия готова к предстоящим боям и спокойно смотрит в будущее. Ее путь снова лежит в район вокруг Сенио, к выступу линии фронта на восток у Луго. Этот выступ принуждает врага к свертыванию защиты на Сенио.

В те два с половиной месяца, что дивизия располагается на этом рубеже, много раз менялась дислокация полков и батальонов. До масштабных операций дело не доходит. Однако на восточном берегу Сенио теряются одна позиция за другой. В конце концов остается занятым лишь небольшой участок.

Владение восточной дамбой играет решающую роль в обороне. Только с нее открывается обзор на лежащую впереди местность. Вот только против бронебойных снарядов, которые бьют и бьют, увеличивая потери, на ней нет защиты. Пулеметные гнезда в буквальном смысле раздолбаны. Но при сдаче восточной дамбы артиллерия не может обеспечить сколь-нибудь значимое огневое прикрытие перед пехотой. Гребни дамбы находятся друг от друга на расстоянии всего 30—35 м. Мины для минометов, которые к этому времени к тому же стали дефицитом (!), не могут быть использованы по соображениям безопасности, а легких гранатометов уже нет.

С родины, которая сама стала театром военных действий, пополнение почти не поступает. Отпускники с трудом добираются до своих частей. Уже в конце 1944 года железнодорожное сообщение в Италии парализовано в результате бомбардировок и диверсий, устроенных партизанами. Так что подвозка теперь может осуществляться только грузовыми автомобилями. И для перевозки солдат они остаются единственной возможностью. На организованных «перевалочных станциях» грузовики и даже персональные авто по-

лучают попутчиков. Этот метод, опробованный еще в России в 1941 году, не позволяет, однако, контролировать передвижение во-еннообязанных. Исключительно благодаря сознательности и дисциплине большинство возвращается на передовую. Продолжительность и темп таких путешествий многим предоставляет возможность лучше узнать Италию и итальянцев, поскольку поездка от Альп до фронта, да еще переправа через По длятся по многу дней. Рекорд здесь побил офицер-ординарец 290-го пехотного полка, который четверо с половиной суток добирался с родины до своего полкового КП под Луго... на велосипеде!

Численность боевого состава пехоты, которая больше не пополняется, неуклонно снижается. Так, дивизия вынуждена ввести на правый фланг сначала одну, потом две роты мотопехотного батальона, чтобы сократить протяженность рубежей 1-й и 2-й батальонов 289-го пехотного полка. С апреля 1945 года 1-й и 2-й батальоны 290-го пехотного полка стоят вокруг Котиньолы. 1-й батальон 117-го пехотного полка, чей 2-й батальон все еще в резерве дивизии, примыкает к 362-й пехотной дивизии.

Тревога командиров все возрастает из-за сокращения численного состава их подразделений, из-за постоянной нехватки боеприпасов и горюче-смазочных материалов, из-за надвигающегося наступления противника, в чем уже нет сомнений. Всем понятно, что на нынешних позициях нести длительную оборону не удастся, что существует большая опасность разгрома перед По, так что в вышестоящие штабы постоянно направляются ходатайства о перенесении фронта за реку, которая на большой протяженности является естественным препятствием для неприятеля. Однако фюрер, который самолично решает такие вопросы, жестко отвергает всякое «назад». Даже приготовления к отступлению за многочисленные на этой равнине реки строго запрещены. И это при том, что при абсолютном превосходстве противника в воздухе промедление грозит катастрофой. Также отклонен последний запрос 10-й армии о начале отступления в ночь на 9 апреля — день ожидаемого наступления неприятеля. Так что не остается ничего другого, как с открытыми глазами смотреть в лицо неизбежному. Вследствие крайнего ограничения расхода боеприпасов на стороне противника такое затишье, что британский командующий армией дает разрешение высшим военным чиновникам Новой Зеландии и представителю короля посетить войска на передовой.

Однако истинное положение вещей большинству в войсках неизвестно, так что командиры полков оценивают настроение в боевых частях как хорошее.

3, 4 и 5 апреля, как и ожидалось, враг предпринимает попытки устранить дозоры мотопехотного, 1-го батальонов 289-го полка и 2-го батальона 290-го полка на восточном берегу. Лишь немногие из них удались. Почти повсюду контратаками враг отброшен. По разведанным армия противника пополнилась 2-й новозеландской дивизией, известной как ударная.

6 апреля дивизии за выдающиеся заслуги первой на итальянском театре военных действий присвоено звание 98-я национальная гренадерская дивизия.

Утром 9 апреля сначала вражеская артиллерия действует несколько активнее, чем обычно, а потом неожиданно с юго-юго-восточного направления от Апеннин появляются эскадры бомбардировщиков. Сомнений нет: началась последняя битва. И никакое припасенное тайное или чудо-оружие не сможет поправить положение.

Вражеские эскадры облетают полосу дивизии и сбрасывают на ОП артиллерии свой смертоносный груз. Чудовищный гул и грохот впечатляет даже сторонних наблюдателей. Потом над землей поднимается огромное облако пыли, из которого сыплются балки, камни, комья земли.

Моральный урон высок, материальный много меньше. Вслед за ковровым бомбометанием идут налеты истребителей-бомбардировщиков на одиночные цели и передовые одиночные окопы. Начиная с 15 часов 20 минут вражеская артиллерия проводит пять волн заградительного огня с длительностью 40 минут через десятиминутные паузы. Этот огонь сметает истребители-бомбардировщики от позиций и дамб, и теперь они обстреливают или засыпают бомбами все, что движется или выглядит подозрительным. После этого они подают сигнал своей пехоте к наступлению.

Перед каждым атакующим батальоном на дамбовые позиции идут по шесть огнеметных танков. С 15 часов они зачищают местность, изливая свой полыхающий подвижный заградительный огонь. Примерно в то же время новозеландская пехота переходит через дамбу. Потери врага хорошо освещают создавшуюся обстановку: целая 2-я новозеландская дивизия в 7 часов 30 минут следующего утра недосчитывается лишь 30 бойцов!

Однако не вся полоса переднего края подверглась ураганному огню. Так, КП 2-го батальона 289-го пехотного полка, взвода пехотных орудий и батальонного врача избежали каких бы то ни было повреждений. Кабельные линии за короткое время настолько повреждены, что уже не подлежат ремонту. Однако радиосвязь с левой ротой и полком все еще существует. Каждые полчаса приходит радиограмма: «Обстановка без перемен». Но не появляется ни одного

раненого, не поступает никакого сообщения с переднего края о количестве потерь. Численный состав в окопах батальона на начало боев равнялся 4 офицерам и 50 рядовым.

Постепенно видимость ухудшается, особенно на участках вдоль реки и — видимо, из-за применения дымовых гранат — между рекой и командным пунктом. После 19 часов 30 минут с правого фланга на короткое время слышится, как строчит немецкий пулемет. Потом поступает радиограмма: «Оба командира, один ранен, сообщают держат круговую оборону». И всё. Дальше с того пункта — тишина. Отправленный в батальонный резерв (велосипедный взвод с двумя «Тиграми») посыльный, которому дано задание вызволить обоих командиров, не возвращается. Второй посланный тоже пропадает без вести. Быстро темнеет, так что о применении танков в такой тьме и думать нечего. Неопределенность все нарастает. Артиллерия тоже страдает от темноты, а также от недостатка боеприпасов. Наконец, огонь вражеской артиллерии на передовой линии стихает. Спускается ночь. Шум боя становится глуше и постепенно смолкает. Чуть позже установлено, что враг продвигается по дорогам, проходящим в 500 м по обе стороны КП. Около 21 часа лейтенант Хайнрих докладывает, что на дамбе нет ни врага, ни друга, а со стороны реки доносится шум работ. Между тем возвратившийся командир 8-й роты 289-го пехотного полка сообщает, что расчет двух средних минометов вытаскен из укрытия и расстрелян на месте. Вероятно, это дело рук поляков, которые участвуют в наступлении.

Связи с 1-м батальоном 289-го полка больше нет. Его радиостанция уничтожена прямым попаданием из истребителя-бомбардировщика. Дороги заняты неприятелем. Около 23 часов из полка доставляют приказ: «Подготовиться к отходу! Ждать приказа!»

Приказ поступает в 24 часа. И уже через 10 минут остатки батальона бредут по полям, обходя стороной дороги. Направление указывают лишь компас да свет Полярной звезды. Впереди лейтенант Хайнрих, в середине капитан Фольк, замыкают лейтенант Мельтретер и врач с медперсоналом. Командир и адъютант — повсюду, где необходимо. С расчетом двух станковых пулеметов включительно — всего 25 человек!

У поперечной дороги Луго—Барбиано происходит вооруженный инцидент. На дороге стоят человек двадцать из вражеской пехоты и непринужденно болтают. Двое отделяются от группы и начинают приближаться. Тогда лейтенант Хайнрих с сопровождающим, шлем в одной руке, пистолет в другой, идут им навстречу. Тут поблизости раздаются три выстрела, оба припадают к земле. Остальные бегут в сторону Барбиано. Теперь еще один выстрел раздается слева. Лей-

тенант Хайнрих мгновенно бросается на стрелявшего и обезоруживает его. Тот сдаётся и беспрекословно следует за лейтенантом.

Воспользовавшись ситуацией, они перебегают дорогу и устремляются к железной дороге. У Канале-ди-Луго выясняется, что нет врача, лейтенанта Мельтретера и сопровождающего. Для розысков уже слишком светло. Так они и пропали без вести. Тяжелая потеря.

На передовой позиции «Лаура» оставшиеся бойцы рассредоточиваются на ширину 200 м и поддерживают радиосвязь. Уже через короткое время через офицера-ординарца передается приказ дальнейшего отступления к Сантерно. Капитан Фольк выходит раньше, чтобы раздобыть боеприпасов (для каждого пулемета осталось не более 150 патронов).

290-й пехотный полк отвел свои боевые дозоры еще до начала наступления. КП полка находится под таким обстрелом, что за пять метров ничего не видать. Котиньола, напротив, обстрелу почти не подвергается — нечем. Из-за этого 1-й батальон 290-го полка несет ощутимые потери. Главный удар противника направлен на 2-й батальон полка. Между 289-м и 290-м полками, под Касса-Бентини, противник проходит и тут же наносит веерные удары. В Глинелли с чрезвычайным упорством обороняется обер-лейтенант Эммерих, командир 8-й роты 290-го полка. Контрудар 2-го батальона не удается: резерв взят в плен, прежде чем приступает к атаке. Второй очаг сопротивления, который существенно сдерживает продвижение противника, образует полковой саперный взвод. Попытка офицера-ординарца полка лейтенанта Кунце прорваться к взводу заканчивается для него пленом. Так что приказ об отступлении саперный взвод так и не получает. Позже капитану Лудину лишь с горсткой его людей окольными путями удастся выйти из окружения. 1-й батальон 290-го полка, напротив, беспрепятственно покидает свою позицию и отступает на новый рубеж: передовую позицию «Лаура». Через два часа, после того как обозы оставили Массса-Ломбарду, город серьезно пострадал от бомбардировки.

Мотопехотный батальон, который не подвергся нападению, как и 1-й батальон 117-го пехотного полка, сумели своевременно отступить. На позиции «Лаура» под Сант-Агатай их уже ожидает 2-й батальон 117-го полка. Позже здесь будет передний край обороны.

10 апреля враг ведет преследование чрезвычайно медленно, так что «дивизия» получает время для подготовки. 2-й батальон 289-го пехотного полка принимает остатки 1-го батальона своего полка, которые, однако, многочисленнее, чем собственные роты. Только вместе с ними становится возможным обеспечить охрану автодорожного моста Молинелло-Пьяни и распределить два оставшихся

пулемета на участке «большой петли» старого русла Сантерно. Только что подошедший взвод 198-го истребительно-противотанкового батальона под командованием обер-лейтенанта Вихарда принимает рубеж до сходней у «малой петли». К счастью, взвод хорошо оснащен боеприпасами, ибо связи с собственным обозом больше нет. К тому же появляется унтер-офицер отделения боевого питания, взятый в плен и бежавший, который разыскивает свой обоз.

На протяжении первой половины дня батальон теряет почти половину своего личного состава в результате троекратного коврового бомбометания, накрывшего все его подразделения. Полк рад, что может выделить для него хотя бы горстку солдат для пополнения, ибо из размеченных бомбами объявляются всего три-четыре человека.

Похожая ситуация и во 2-м батальоне 290-го пехотного полка. У кладбища под Луго еще какое-то время идут бои, но уже после полудня плацдарм Сант-Агата становится передним краем. Здесь части 2-го батальона 117-го и 290-го полков держатся до 11 апреля. Около 14 часов новозеландцам удается под Молинелло-Пьяни сломить сопротивление отбившихся от 2-го батальона и частей прикрытия 1-го батальона 289-го пехотного полка. Их остатки в 16 часов появляются у Сантерно, где их встречает огонь артиллерии и многоствольных реактивных установок. За этот плацдарм отчаянно сражается наступающая 8-я индийская дивизия.

В 5 часов утра без подготовки, широким фронтом противник форсирует реку. И снова 2-й батальон 290-го полка, который и так целую ночь находился под сильным обстрелом, оказывается в центре боевых действий. От него уже мало что осталось. 1-й батальон теперь тоже почти потерял боеспособность. В 11-й роте 289-го полка выстрелом в голову убит обер-лейтенант Вихард. Его взвод полностью разбит. Резервов больше нет. Одни лишь сотрудники штаба 1-го батальона 289-го полка защищают фланг у «большой петли», излучине Сантерно.

Позже батальон получит выделенную ему тревожную роту, роту Тидемана, чтобы заблокировать противнику путь на Ольмо. Эта рота, собранная из солдат тыловых служб, после первого короткого шока бьется превосходно, хотя совершенно не имеет боевого опыта, чтобы устранить вклинение противника и прорваться к Сантерно. В распоряжение 290-го пехотного полка поступают 26-й танко-разведывательный батальон с 2-й ротой 198-го инженерно-саперного батальона. Оба подразделения так и не достигнут исходного района. Они будут обнаружены воздушной разведкой и артиллерийским огнем прижаты к земле и уже не смогут пошевелиться.

Только около полуночи на 12 апреля части 2-го батальона 117-го полка, которые по ту сторону реки препятствуют малейшему продвижению врага, получают приказ к отступлению. Для того чтобы преодолеть 100 м от восточного к западному берегу, потребуется почти час — так стянулось окружение вокруг них.

Свежие батальоны и танки новозеландцев 12 апреля начинают наступление от «малой петли» Сантерно в направлении Масса-Ломбарды и с меньшими силами — на Ольмо. Ни одна из трех 7,5-см противотанковых пушек на восточном берегу у Масса-Ломбарды не сделает ни выстрела: они будут разбиты или засыпаны под массивным артиллерийским огнем и налетами истребителей-бомбардировщиков. Затем танки прорвутся через КП Вайта. 290-й пехотный полк отступает от Масса-Ломбарды, который превращен в груды развалин, и занимает позицию между Конселиче и Имолой.

117-й полк под натиском индийцев тоже вынужден сдать, избежав окружения, можно сказать, в последний момент, когда с севера атакует и глубоко вклинивается свежий полк. Немногие из затронутых этим наступлением части 289-го полка и мотопехотный батальон успевают отойти от Сантерно и потом еще держатся у канала Молини до 19 часов. Хотя приказ «держаться до последнего» никто не отменял, после 19 часов слово высшего руководства падает в цене.

После этого часа полк, получивший пополнение в лице 2 офицеров и примерно 15 рядовых, переживает еще одну вражескую атаку. Затем с приходом темноты начинается отход на новый рубеж, который достигнут около полуночи. 117-й и 290-й полки собираются с численностью по 3 офицера и около 20 рядовых. На этот момент в 289-м полку на батальон насчитывается примерно по 40 человек. Немногие оставшиеся — это бойцы, по-настоящему сплоченные в последнем бою вокруг своих командиров. Поскольку в таких вооруженных силах некого выставить на нейтральную полосу, враг то и дело просачивается тут и там и внезапно появляется то на фланге, то в тылу этих маленьких островков сопротивления.

Несмотря на значительное рассредоточение, частые огневые нападения противника все-таки приносят потери.

Новая позиция, конечно, совершенно не обустроена, да и когда бы? Найти, выбрать, окопаться — нет уже ни сил, ни времени. Участок 289-го пехотного полка к обороне в высшей степени непригоден: малые и большие усадьбы с густыми живыми изгородями не дают мало-мальского обзора. К тому же полк должен контролировать еще и большое шоссе на Масса-Ломбарду, и это без единого бронебойного оружия!

До 12 апреля удары врага были направлены исключительно на LXXVI танковый корпус, а с его отходом — на I парашютно-десант-

ный корпус, принуждая и его к отступлению. Все другие дивизии пока стоят на своих старых позициях, частично в глубине Апеннин. 278-я пехотная дивизия находится на марше на Сесто-Имолезе. Ее головные части смогут подойти не раньше 12, а то и 13 апреля. Также в пути с севера и 29-я танково-гренадерская дивизия. До завершения этих маневров надо продержаться, иначе весь фронт пошатнется. Но чем держаться?

13 апреля в 7 часов 30 минут противник на правом фланге подходит с танками к большому шоссе. Теперь оно становится передним краем! Поскольку средств обороны нет, танки спокойно идут от одного окопа к другому и расстреливают мотопехоту. Боевые группы 290-го и 117-го пехотных полков скоро тоже оказываются в тяжелом положении. В 290-м полку погибает фельдфебель Франкербергер — после капитана Лудина выдающийся одиночный боец полка. Некоторые танки, штурмовые орудия, противотанковые пушки и артиллерию еще можно подбить, но наступление уже не сдержать. Двум стоящим на восточном берегу реки батальонам к полудню удастся переправиться на другой берег, хотя и с большими потерями. Они вдвойне тяжелы, поскольку и наши батальоны в предыдущую ночь тоже лишились при переправе многих своих бойцов. 289-й пехотный полк, очевидно начавший отступление позже, попадает под сильный обстрел английских танков. Подполковник барон фон Рекум, командир 2-го батальона 289-го полка, выбывает по причине тяжелого ранения, батальон принимает обер-лейтенант Шерле, сам раненный, и замещает его до тех пор, пока не передает командование капитану Фольку. Командование 1-м батальоном принимает капитан Шпенглер.

13 апреля дивизия получает приказ: после замены ее 278-й пехотной дивизией занять промежуточный рубеж на Рено. Позже этот приказ будет отменен во второй части и дивизия получит предписание маршем отойти в район Молиanelлы для отдыха и пополнения. И снова артиллерии не будет дана передышка, она переподчиняется 278-й пехотной дивизии. В конечном итоге артиллерию возвращают дивизии, хоть и после троекратной смены приказов. Такая чехарда с приказами приводит к ненужному снованию туда-сюда и без того вымотанных войск и крайне отрицательно сказывается на их настроениях.

Эти последние дни с маршами через рисовые поля приносят и обозам большие потери. Нет укрытий от широкого обзора, как нет и возможности быстро спрятаться в садах во время налетов истребителей-бомбардировщиков. Все пригодные для транспортировки дороги ночи напролет подвергаются бомбардировке военно-воз-

душных сил неприятеля. Это тяжелые и опасные ночи не только для водителей, но и для гаупт-фельдфебелей, которые должны быть одновременно повсюду.

После переправы через Силларо остатки дивизии без отдыха, но и без инцидентов маршем прибывают в новый район размещения. Здесь они два дня — просто подарок небес! — отсыплются и приводят себя в порядок. Отсрочка идет всем на пользу. Ибо уже 16 апреля поступает приказ отойти на северный берег Рено. В районе Сан-Николо-Феррарезе в ожидании пополнения оборудуется тыловой рубеж. Пополнение прибывает, находятся отставшие от частей, возвращаются выздоровевшие — теперь численный состав батальонов поднимается до 50 человек в каждом.

Когда между 29-й танково-гренадерской дивизией и 42-й егерской дивизией образуется брешь, 18 апреля 98-я пехотная дивизия получает приказ в срочном порядке ее закрыть. На участке 289-го полка западнее Портомаджоре завязываются тяжелые бои за Рипаперсико. Полку едва удастся избежать окружения. Здесь погибает лейтенант Хайнрих, верно исполнивший свой долг образцовый офицер и солдат.

Все последующие дни без передышки наполнены боями и буквально ведут к концу дивизии. Ее потери принимают такой размах, что полки теперь представляют собой разве что малые боевые группы, которые ведут храбрейшие из храбрых. 19 апреля еще раз поступает пополнение. Выглядит оно плачевно. Вооруженные трофейными винтовками, к которым нет боеприпасов, некоторые солдаты появляются вообще без касок и саперных лопаток! Отрядами по 10 человек с одним офицером они тщетно стараются сдержать батальоны врага, наступающие в сопровождении танков. В одну из коротких пауз удастся отвести одно орудие, но чаще танки просто давят такие горстки гусеницами, а оставшихся берет в плен следующая за танками пехота. И тем не менее 20 апреля с помощью штурмового орудия «хорниссе»¹ и самоходной артиллерийской установки 2-й роты 198-го истребительно-противотанкового дивизиона удается еще раз отразить атаку вражеских танков.

Перед 1-й ротой 198-го истребительно-противотанкового дивизиона, который следует к каналу Николо в районе Ронко, внезапно взлетает на воздух мост. Чья-то ошибка? В спешном порядке избирается направление на Гамбулагу, где должна быть другая переправа. Внезапно перед зданиями выскакивают англичане. Не мешкать! На полном газу через городок и к мосту! Все транспортные средства благополучно переходят канал, за исключением последней

¹ «Хорниссе» (нем. Hornisse) — шершень.

машины, где сидит командир роты. Английский танк преграждает ей путь и не дает ни въехать на мост, ни отступить.

Надежды получить передышку на несколько часов, после того как канал и взорванный мост остались позади, не оправдались. Целый день боев, и британским 18-й пехотной и 6-й танковой дивизиям удается прорваться. Это незамедлительно возымело последствия. Много раз боевым группам приходится в спешке покидать позиции, чтобы не оказаться отрезанными. Остатки торопятся отойти по шоссе Вогенца—Кона. На одном из мостов жертвует собой выставленная генералом Рейнхардтом гаубица: она уничтожает вражеский танк и в следующее мгновение сама разбита двумя орудиями. Тем не менее натиск противника сдерживается, образуется люфт. Полковнику Швирицу, вопреки всем преградам, удается спасти свой полк переправой через По-ди-Волано.

Под Баурой, на следующей речной излучине, образуется новый фронт. Здесь капитана Лудина настигает его судьба. Санитарный автомобиль, который перевозит капитана с сильным жаром, расстреливают из истребителя-бомбардировщика. И это только начало дальнейших потерь. 24 апреля тяжело ранен полковник Винцен, и капитан Шпенглер становится последним командиром 289-го пехотного полка. Вслед за капитаном Лудином смерть настигает и командира 2-го батальона 289-го полка капитана Фолька.

То, что враг еще сдерживается на По, исключительно заслуга капитана Шпенглера с его личной отвагой.

Тысячи транспортных средств скопились в ожидании переправы через реку, и число их постоянно увеличивается. Никакой регулировки, никакой организации — и все потому, что фюрер запретил всякие приготовления. Так что последней страшной катастрофы на По было уже не избежать.

Правда, из корпуса регламентируется очередность переправы: орудия, тяжелое оружие, грузовые автомобили, подвижные средства связи и кухни, автомобили с боеприпасами. В действительности же соблюсти этот регламент уже невозможно, и все происходит совершенно иначе.

98-й дивизии, во всяком случае, повезло: на По стоит ее тыловая резервная инженерно-саперная рота. Фактически с ее помощью и производится переправа под Креспино. При этом удается перевезти 17 легких и 3 тяжелые полевые гаубицы. Лошади преодолевают реку вплавь, а плавающему транспортеру приходится сделать шесть ездов туда и обратно с разведывательными сведениями. Неблагоприятная погода мешает вражеским самолетам совершать налеты, так что потери от бомбардировки крайне малы.

Последние защитники плацдарма под командованием подполковника Вайта с беспримерным воодушевлением проводят еще несколько контратак. Позже, когда натиск противника усиливается и танки грозят прорывом, их переправляют на другой берег с помощью штурмовых лодок. Капитан Шпенглер, представленный к Рыцарскому кресту Железного креста с дубовыми листьями и мечами, так и не доживет до вручения награды.

Утром 25 апреля гарнизон, держащий оборону на другом берегу, прежде чем принять своих, «принимает» штурмовую английскую лодку с разведдозором, возглавляемым офицером. С этих пор старший лейтенант перемещается вместе со штабом дивизии, поскольку передать его не представляется ни возможности, ни времени. Еще раз сдержать наступление врага у отходящих частей нет сил. Когда 98-я дивизия снимается из-под Бауры, американцы уже продвинулись вперед на 70 км к западу от По. Ранним утром 25 апреля они с пятью дивизиями переправляются через реку, и дальше их наступление идет в хорошем темпе, ведь сопротивления оказывать больше некому.

Остатки немецких войск спешат как можно быстрее подойти к Альпам, чтобы занять там хорошо укрепленную Синюю линию. Только вот как это осуществить? Противник полностью моторизован и царит на дорогах днем и ночью. Немецкие же войска в основном на конной тяге или вынуждены пешком тащиться по местности, где население поступает с бывшим союзником как разбойник с большой дороги и убивает в лучших итальянских традициях. Авиация противника теперь единственный хозяин в небе и безнаказанно наносит разгромные удары, поскольку приходится маршировать и при свете дня.

На Эче возникают те же трудности при переправе, что и на По. И снова 198-му артполку удается перевезти на северный берег все имеющиеся орудия. Но нет ни боеприпасов, ни горючего, ни фуража, ни продовольствия, а повсюду банды разного сброда подстерегают одиноких разведчиков, посыльных и отставших от своих частей. А вскоре, обнаглев, они начинают нападать и на небольшие отряды или штабы. 28 апреля капитан Висков, командир 198-го инженерно-саперного батальона, схвачен в своей машине и повешен. Несколько дней спустя обер-лейтенант Ройтнер из штаба дивизии трусливо сражен пулей из засады.

29 апреля, когда войска достигли района Моргано, противник уже выступил с запада на Тревизо. Чтобы не подвергаться опасности окружения, приказано, не мешкая, продолжить отступление вечером. Численный состав опять увеличился за счет отбившихся от всех дивизий 10-й армии. Как только головная колонна поворачивает в Истрану, ее встречает шквал огня. В мгновение ока 3-й ди-

визион 198-го арtpолка снимает орудие с передка и стреляет по домам ближайшего перекрестка. Враг тут же умолкает. Еще несколько выстрелов он делает в темноту, туда, где затихает гул отходящих танков. В городке спокойно, лишь горит несколько зданий. Дорога снова свободна. Марш продолжается, трое пленных вместе с полком. Бойцы 289-го пехотного полка, пересекающие шоссе ближе к Тревизо, обходятся без инцидентов.

На рассвете гонимые врагом войска получают небольшой отдых: 117-й пехотный полк в Корнуде, 290-й в Ониго, а артиллеристы в Крочетто. Вот только слишком часто беспокоят американские танки, подходящие с запада и с севера. Орудия 3-го батальона палят по всем направлениям. Как арьергард 10-й армии, 98-я дивизия получает приказ — последний и невыполнимый — продержаться под Фенером 24 часа. Вечером 30 апреля 1945 года имеются достоверные сведения, что 289-й пехотный полк при попытке выйти из окруженной Корнуды по мосту через Пьяве разгромлен. Отважный капитан Шпенглер погиб. Лишь очень немногим удалось бежать в долину Кордеволе. Также под Корнудой уничтожена и последняя горстка 117-го полка. Кто не погиб, попал в плен. Штаб 198-го арtpолка теперь состоит из командира, четырех офицеров и троих рядовых. Немногие орудия 1-го и 3-го дивизионов после сражения под Ониго остались без боеприпасов. Так что защищать Фенер можно разве что пистолетами. Под Сан-Марией 290-й пехотный полк и небольшая боевая группа Венинга теряют почти половину своего численного состава. Конец настал.

1 мая бандиты препятствуют проходу войск через Беллуно. После получасовых переговоров их предводитель, ошибаясь в их численности, все-таки дает отмашку. Но за это потерянное время англичане успели подойти от Понте-нелле-Альпи к развилке и перекрыли дорогу. Тогда LXXVI танковый корпус решается на прорыв через долину Кордеволе.

А здесь, на Синей линии, уже стоят бандиты. Во время переговоров, которые генерал Рейнхардт ведет лично с одним из их предводителей, приходит известие о прекращении огня¹. Это был день 2 мая.

На входе в долину Кордеволе расположились лагерем штабы и войска 98-й, 162-й (тюркской), 362-й пехотной дивизии, 26-й танковой и 29-й танко-гренадерской дивизий, части 155-й парашютно-десантной и 42-й егерской дивизий, подразделения военно-морских и воздушных сил. Известие о перемирии, которое должно вступить в силу в 14 часов, воспринимается с недоверием и по большей части

¹ 29 апреля 1945 г. подписан договор о капитуляции всех войск на территории Италии. Формально договор вступил в силу 2 мая. (Примеч. пер.)

абсолютно равнодушно. Медленно, очень медленно доходит до сознания, что война с оружием в руках кончена, а взамен наступает плен. Зато быстро распространяется удручение таким концом и уныние от неизвестности всего происходящего на родине.

Ожидание резко прерывается грохотом танковых пушек, который раскатывается по долине многократным эхом. С быстротой молнии распространяется невероятная весть: американские танки стреляют по мирному лагерю! Всё ринулось вверх по долине, образуя жуткую пробку. Капитан Мёкле из штаба дивизии убит прямым попаданием.

Выброшены белые флаги, с ними направляются навстречу танкам. Полковник Швирец пытается дать понять, что с 14 часов наступает перемирие, однако американцам, похоже, ничего не известно. Новые переговоры с участием генерал-лейтенанта Хопле и подполковника барона фон Рекума в качестве переводчика тоже не приносят успеха, более того, от них потребовали немедленно сложить оружие. Но именно это и невозможно, чтобы не оказаться потом беззащитными перед лицом мстительных, до зубов вооруженных бандитов. После долгих обсуждений между штабами 85-й американской дивизии и II американским корпусом, около 18 часов 30 минут, напряжение снимается с прибытием начальника штаба генерала Уиллемса. Условия перемирия поступили и доведены до сведения 85-й американской дивизии.

Некоторые подразделения дивизии 11 мая отрезаны англичанами, наступающими на Понте-нелле-Альпи, от основных сил и исчезают в боковых долинах Альп. Узнав о перемирии, части пытаются перейти через высокогорную местность на родину. На той стороне их встречают американцы, так что и они совершили переход в плен. А вот небольшой отряд с двумя-тремя самоходными установками и зенитными пушками, шестью—восемью грузовиками истребителей танков 8 мая на самом деле попадают в Бадгаштейн через тауэрнский туннель.

Война вооруженных сил — с немецкой стороны уже «безоружных» сил — окончена. Повсюду, где бы ни обнаруживались немецкие войска, они сохраняют достоинство и дисциплину. Еще в последние дни перед концом войны генерал-лейтенанту Рейнхардту в признательность за его заслуги предложили возглавить армейский корпус, но он предпочел остаться со своей дивизией. От начала и до конца он разделит с ней общую судьбу.

Сколько 98-я пехотная дивизия потеряла в боевых действиях в Италии убитыми и ранеными, нельзя передать. Главное: она не потеряла свою честь.

Заключение

98-й пехотной дивизии больше нет.

Основание говорить о ней дает ее судьба — аналогичная или схожая с судьбами множества дивизий Восточного фронта. В ней, как в зеркале, отразилась страшная участь всего сухопутного войска, всех немцев, и их судетских братьев в том числе.

После громких побед и успехов, полной самоотдачи душой и телом, рассчитывая лишь на свои силы при исполнении строго предписанных обязанностей, перегруженные все возрастающими и едва ли выполнимыми требованиями, не ожидая улучшения безнадежного положения, теряя боевых товарищей, немецкий солдат на Восточном фронте выдержал все испытания. Он черпал силы в решимости, пока бьется сердце, защищать свою родину от нашествия большевистских полчищ целого континента.

Настанет день, когда исключительные достижения родины и фронта будут оценены немецким народом по достоинству, окончательно и справедливо. Тогда, в ясном осознании солидарной ответственности за чудовищные преступления обманутых и порочных, будет признано, что большая часть войск просто действовала по законам военного времени и перед Богом чиста.

В среде любого другого свободного народа земли накатывающий вал большевизма и его непомерные требования безоговорочной капитуляции вызвали бы точно такую же реакцию: держаться до самого конца. Именно это и сделал немецкий народ и с ним 12 миллионов годных к военной службе и на редкость единомышленных в своем порыве мужчин. Миллионы из них живы до сих пор и составляют костяк нации. Мы, принадлежащие к их числу, готовы не только нести ответственность за злодеяния вермахта, но и поднять на щит героизм наших вооруженных сил.

Тот, кто с 1939 по 1945 год носил военную форму и потому несет определенную ответственность за действия немецких солдат и офицеров, пусть бросит камень, если сам не без греха.

Немецкие сухопутные войска, исполняя свой долг, понесли колоссальные потери. Праведно и беззаветно они служили родине и, не допуская колебаний и сомнений, до конца стояли на страже ее интересов.

В этих войсках 98-я дивизия была лишь одним из многих пехотных соединений. И она достойна высших слов признательности: «Она исполняла свой долг, верная солдатской клятве».

Помимо более 4 тысяч пропавших без вести, число павших не может в полной мере отразить число жертв дивизии. Но память о них жива! Они отдали ценнейшее, что у них было: жизнь! Мы не вправе и никогда о них не забудем!

Блистательных мужей могилой будет
вся она, земля.
И не одними, лишь вбитыми на стелах именами,
даст знак признанья родина.
В чужих краях останутся они жить вечно,
не в память о победах лишь бы,
но сполна в намерениях большей высоты,
чем прегрешений¹.

Мартин Гарайс

¹ Речь Перикла в защиту плененных. (*Примеч. авт.*)

Послесловие

Очерк истории 98-й франконско-судетской немецкой пехотной дивизии основывается на многочисленных, устных и письменных, свидетельствах выживших и павших членов дивизии, сражавшихся в ее рядах, а также на дневниковых записях автора 1-й части, не прерывавшихся с начала войны до 7 февраля 1944 года.

Научному военно-историческому исследованию препятствуют многочисленные пробелы в документах, которые пока недоступны. К тому же число выживших в этой войне все уменьшается.

Многих следовало бы назвать поименно. Но приходится приводить лишь немногие примеры из общей судьбы соединения, бойцы которого плечом к плечу сражались, жили и умирали, названные рядом с неизвестными.

Не могу не выразить мою глубочайшую признательность за весомый вклад барону фон Рекуму, взявшему на себя труд составления 2-й части книги (после эвакуации из Крыма); далее — полковникам Фаульхаберу, Гёттигу, Бирману; полковнику медицинской службы доктору Баурхенну, майорам Хеллеру, Зайту, Мецу, Пфитцеру, Вегенеру и Шерцлеру; капитанам Фокентанцу, Маршингу и обер-лейтенантам Юсту, Фирлингу и Влцеку.

Оба составителя благодарят всех, кто, несмотря на повседневную и профессиональную занятость, не пожалел своего времени, а также предоставил заметки, записки, дневники, письма, распоряжения, карты и другие автографы военного времени.

Корректировка приветствуется, дополнения желательны. Просим направлять их:

барону фон Рекуму по адресу: Dillingen a. d. Donau, Kardinal-von-Waldburg-Straße 53;

и мне, Мартину Гарайсу, по адресу: Tegernsee, Perronstr. 11.

Карты составлены последними руководителями топографического отделения дивизии Андреасом Хомайером и его сотрудником Георгом Яннером, Нюрнберг.

Мы очень надеемся, что история дивизии даст нашим читателям новый импульс в прояснении судьбы до сих пор числящихся без вести пропавшими 4 тысяч наших товарищей.

Мартин Гарайс

Источники

Раздел «Франция»

Журналы боевых действий: 98-й пехотной дивизии с 19.09.1939 по 7.08.1940; 282-го пехотного полка с 21.09.1939 по 9.05.1940 и с 10.05.1940 по 2.08.1941; 2-го батальона 282-го пехотного полка с 10.05 по 7.08.1940; 9-й и 10-й рот 290-го пехотного полка от сентября 1939 до августа 1940 г.; 10-й батареи 198-го артиллерийского полка с 22.09.1939 по 28.06.1940; 1-го батальона 198-го артиллерийского полка с 3.11.1939 по 16.07.1940; 198-й ветеринарной роты с 10.05 по 1.11.1940.

Сводка обобщенного опыта боевых действий подполковника Троннира, командира 2-го батальона 289-го пехотного полка, «Боевые действия во Франции с 5 по 25.06.1940»; обер-лейтенанта доктора Эммерта: «Между Эной и Шером, июнь 1940».

Отчет о ведении боевых действий 289-го пехотного полка с 5 по 11.06.1940 генерал-лейтенанта Кесселя; *отчет* о ведении боевых действий 198-го полка связи во Франции доктора инженера Нольте.

Представления к наградам с 10.05 по 13.07.1940; сведения предоставлены доктором Х. Симанком.

Личные записи: полковника профессора доктора Клотца, полковника Найдерта, майора Пфитцера, майора Штюрмера, майора Меца, капитана доктора Мауля, капитана Маршинга.

Приказы по дивизии, полкам и санитарным подразделениям: по особому распоряжению доктора Баурхенна.

Дневниковые записи командира 282-го пехотного полка.

Раздел «Россия»

Журналы боевых действий: 3-го батальона 198-го артиллерийского полка с 1.07.1941 по 29.03.1942; 198-го батальона связи с 1.11.1939 по 31.07.1940 и с 2.07.1941 по 2.04.1942; 290-го пехотного полка с 9.09.1943 по 6.11.1943 и с 9.04 по 14.04.1944; 198-го инженерно-саперного батальона с 23.08.1942 по 10.06.1943; 3-го батальона 282-го пехотного полка с 30.07 по 25.08.1941.

Приказы по части: командующего 17-й армией с 9.10.1943 с утренней сводкой 1-го адъютанта от 9.10.1943; 98-й пехотной дивизии от 5.11, 12.12.1943 и 20.09.1942; *дивизионный бюллетень* от 22.07.1943; *отчет дивизии:* «Арьергардные бои 98-й пехотной дивизии с 31.12.1941 по 5.03.1942»; *сводки Верховного командования вермахта* от 16.11.1943 и от 11, 13 и 14.05.1944.

Частные отчеты полковника Фаульхабера: Бои на Воре 24—26.08.1942; Танковое сражение под Лазинками 18—21.03.1943; Бои на Кубанском плацдарме 10.06—5.10.1943; Сражение за Керчь 5.10—20.11.1943; Бои за гору Митридат 6—11.12.1943; Бои за Севастополь 18.04—9.05.1944.

Полковника Гёттига: Дислокация 289-го пехотного полка март 1943 г.; На керченском фронте с февраля по 9.04.1944; Отступление от Керчи на Севастополь 10—16.04.1944; Севастополь 16.04—12.05.1944; 12 мая 1944 г. под Севастополем.

Полковника Бирмана: 123-й пехотный полк под Керчью 11.11.1943—21.04.1944.

Майора Зайта: 198-й артиллерийский полк: от Керчи до Севастополя 10.04—12.05.1944.

Майора Шерлера: Изложения: От 3.07.1941 до 10.09.1941 и от 8.01.1942 до марта 1942; От Керчи до Севастополя от 10.04. до 12.05.1944.

Майора Хеллера: Боевые действия 289-го пехотного полка под Детчином с 13 по 18.10.1941 и Боевые действия 3-го батальона 282-го пехотного полка в районе Лазинки—Дьюки с 16 по 20.03.1943.

Капитана Фокентанца: Отчет о боях 1-го батальона 282-го пехотного полка на косе Тузла от 10.10.1943; Отчет о боях 1-го батальона 282-го пехотного полка под Эльтигеном; Отчет о боях 1-го батальона 282-го пехотного полка под Лазинками; Отступление от Керчи до Севастополя; Последние дни в Крыму с 10 по 12.05.1944.

Личные записи: полковника профессора доктора Клотца; генерал-майора Брюля; майора Штюрмера; майора Герхарда; майора Кидери; майора профессора доктора Отто Шмидта и майора Кинлина; майора Вегенера; доктора Баурхенна; капитана Маршинга; капитана Сейлера; капитана доктора Юста; капитана Бецольда; майора Пфитцера; обер-казначая Фойхта и обер-казначая Трунка; капитана Шалленберга; капитана Шёрнера; капитана Делнера; капитана Зарембы; унтер-офицера Вернера; унтер-офицера Штенцеля; обер-ефрейтора Ульзенхаймера; обер-ефрейтора Хубера; полковника Райценштайна; полковника фон Бёзе; обер-лейтенанта Гётца; лейтенанта Нэгеля; лейтенанта Георга; обер-лейтенанта Влчека; обер-капельмейстера Цалера; обер-лейтенанта Венинга; обер-лейтенанта Тиля; обер-лейтенанта Фирлинга; доктора Шелленбергера; обер-лейтенанта Бомхарда; обер-лейтенанта Шелер-Пробста; обер-лейтенанта Зандова.

Дневниковые заметки: капитана доктора Мауля с 15.10.1940 по 24.04.1944; обер-лейтенанта Хайма с 1939 по 1943 г.; доктора Симанка с июня 1940 по декабрь 1941 г.; генерала пехоты Гарайса с 31.07.1941 по 7.02.1944.

Литература: P. Bamm. «Die unsichtbare Flagge» (П. Бамм. «Невидимый флаг»); Fr. Hossbach: «Infanterie im Ostfeldzug» (Фр. Хоссбах. «Пехота в Восточной кампании»); Frhr. v. Weitershausen. «Die Verteidigung und Räumung

von Sewastopol» (Барон фон Вайтерхаузен. «Оборона и оставление Севастополя»); v. Manstein. «Verlorene Siege» (Э. фон Манштейн. «Утерянные победы»).

Раздел «Италия»

The War Office, London, при посредстве «Records Centre»; The Department of National Defence, Historical Section, Canada; The Department of Internal Affairs, War History Branch, New Zealand. Эти три учреждения любезно оказали особо ценную помощь.

Содержание

От издательства	5
Предисловие	7
Формирование дивизии	8
Графенвёр	9
Боевое крещение на Западном валу	10
Боевая подготовка в районе Шпейера	17
Марш на Францию	19
Боевые действия во Франции	21
Переправа через Эну	29
Переправа через Марну	42
Переправа через Сену	47
Переправа через Луару	52
В Судеты!	57
В Судетах	60
Военная подготовка во Франции	61
Марш на Восток	64
Малин и Коростень	68
Переправа через Днепр	85
Марш на Москву	100
Детчино	107
На Нару!	113
Оборона на Наре	121
Зимнее отступление от Нары до Угры с 24 декабря 1941 года до 5 марта 1942 года	137
Позиционная война под Юхновом на Угре	166
Оборона на Воре	181
1943	199
Операция «Буйвол»	204
Танковое сражение под Лазинками и Дьюками	207
На Кубанском плацдарме перед Крымской	229
Оставление Кубанского плацдарма	235
Оборона Керченского полуострова	239

Оборона Крыма	244
1944	266
Между Керчью и Севастополем	280
Севастополь с 18 апреля по 9 мая 1944 года	293
Возрожденная 98-я пехотная дивизия 11 мая 1944 года — 5 мая 1945 года	311
Сражение за Римини с 28 августа по 15 сентября 1944 года	314
Оборонительные бои под Болоньей в Этрусских Апеннинах	321
Битва за Баньякавалло с 12 по 28 декабря 1944 года	327
Последние бои	330
Заключение	343
Послесловие	345
Источники	347

Гарайс Мартин
98-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ
1939—1945

Ответственный редактор *А.В. Безугольный*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректоры *А.В. Максименко, О.Б. Бубликова*

Подписано в печать 24.12.2012.
Формат 60×90¹⁶/₁₆. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 20,69.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 850.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В ваших руках книга, открывающая новую серию «Издательства Центрполиграф» «Дивизии вермахта на Восточном фронте». Эта серия призвана не только и не столько познакомить читателя с историей соединений вермахта периода Второй мировой войны, хотя сама по себе она очень интересна. Главная задача, которую ставит перед собой издатель, — внести новое слово в историографию Великой Отечественной войны. Не секрет, что в этой области до сих пор остается немало пробелов.

98-я пехотная дивизия — типичное пехотное соединение вермахта, прошедшее долгий и нелегкий боевой путь, начиная с довольно простой кампании во Франции и заканчивая трагическими страницами разгрома в Крыму весной 1944 г., а затем пленением союзными войсками в Италии. Пешим маршем дивизия отмеряла тысячи километров чужой земли, обильно полив ее немецкой кровью. Автор книги бывший командир дивизии генерал Мартин Гарайс тем не менее не задается вопросом, что же делал немецкий солдат в далеких землях, где ему были совсем не рады.

Привыкший за последние десятилетия к некоторой романтизации вермахта, читатель немало удивится, узнав о том, что с самых первых дней войны с Советским Союзом немцы уяснили, что легкая прогулка закончилась, что уже в августе 1941 г. немецкая пехота несла тяжелейшие потери, что 98-я дивизия (как и многие другие пехотные дивизии вермахта) сменила из-за потерь несколько составов и только без вести пропавшими в ее списках числилось более 4 тысяч человек. Советский солдат, которого М. Гарайс называет обобщающе «большевиком» и понимает как безликую серую массу, тем не менее не раз вызывает если не восхищение, то удивление автора своей стойкостью, упорством и самопожертвованием.

ISBN 978-5-227-04216-3

ЦЕНТРОЛИГРАФ®